

МАРИЯ ТОКАРЕВА
АЛМАЗ ВРЕМЕНИ
ТОМ I. СКИТАНИЯ

16+

Мария Токарева Алмаз Времени. Том I. Скитания

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54172318

SelfPub; 2020

Аннотация

Капитан Сварт, мстительный пират, давно мечтает возвыситься. Но когда его план терпит крах, остается только сожалеть о неудаче, скитаясь по океанам, кишашим монстрами... Или же существует способ повернуть время вспять и все исправить? Какой ценой? Сварт готов идти по трупам. Он не догадывается, что за ним давно наблюдают древние силы, хранители свитков Судьбы. И не только они – жадные асуры стремятся вырваться из ловушки и посеять хаос. Война могущественных существ вот-вот расколется мир напополам. Но как с ними связан бесчестный пират? И почему он слышит голос, приказывающий найти мистический Алмаз Времени?

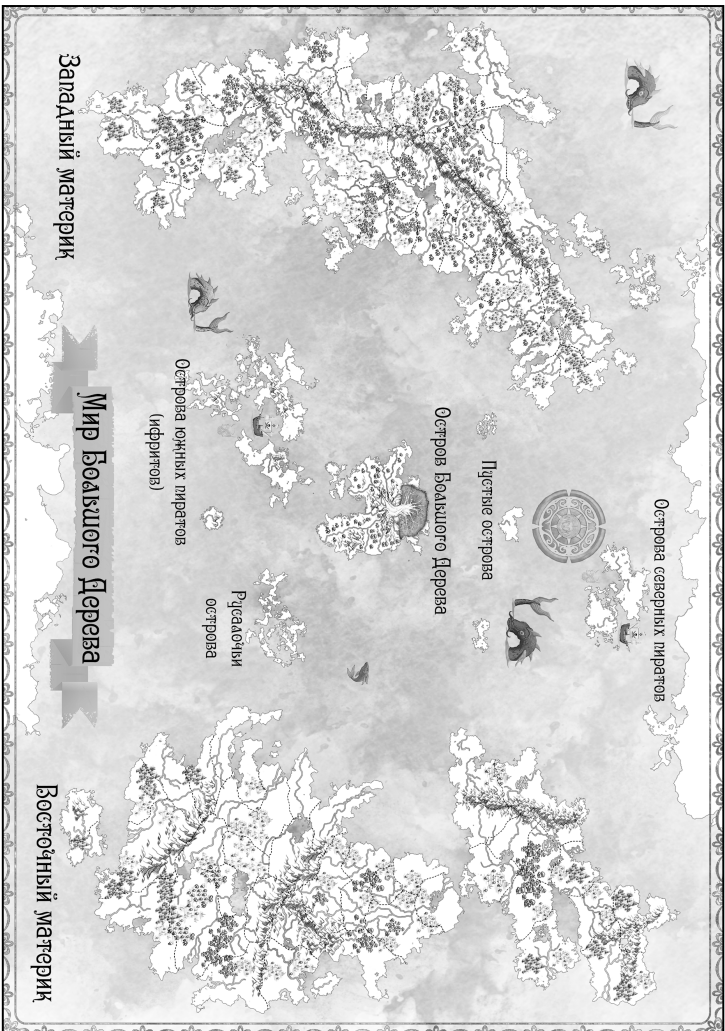
Содержание

Глава 1.	8
Глава 2.	26
Глава 3.	43
Глава 4.	60
Глава 5.	80
Глава 6.	101
Глава 7.	117
Глава 8.	140
Глава 9.	154
Глава 10.	185
Глава 11.	209
Глава 12.	222
Глава 13.	247
Глава 14.	262
Глава 15.	280
Глава 16.	300
Глава 17.	312
Глава 18.	328
Глава 19.	348
Глава 20.	366
Глава 21.	383
Глава 22.	400
Глава 23.	416

Глава 24.	431
Глава 25.	450
Глава 26.	464
Глава 27.	483
Глава 28.	508
Глава 29.	531
Глава 30.	550
Глава 31.	565
Глава 32.	585
Над книгой работали	601

АВТОР КАРТЫ МАРИЯ ТЮКАРЕВА

Глава 1.

РОКОВОЙ ПОЕДИНОК

Звон клинков разносился над побережьем острова Кафу. Нагретый утренний воздух клубился испарениями, искажавшими очертания сражающихся фигур. Но только не для темных глаз матерого пирата Сварта Иренга.

Его узкие губы кривились в злорадной гримасе предвкушения: поединок не обещал затянуться, по крайней мере, так казалось. Рыжеволосый паренек преградил путь на одной из тропинок меж холмов, ведущих к побережью.

– Ты не победишь! – кричал мальчишка, неумело взмахивая короткой саблей, напоминавшей жалкую детскую игрушку в сравнении с двумя превосходными клинками, которые сжимал Сварт Иренг, непревзойденный капитан и великий заговорщик. Так он себя называл до этого дня.

– И кто меня остановит? Ты, жалкий сопляк? – смеялся он, парируя первый выпад, лениво, давая подобраться к себе и мгновенно уклоняясь.

– А хотя бы и я! – отвечал парнишка, и Сварт постепенно вспоминал, что знает имя неожиданного противника, хотя полагал, что это лишняя информация: все равно он рассчитывал расправиться с ним в ближайшие пять минут.

Маиму-Длинноногий – так называла его одна из немолодых служанок в поместье, откуда тропа и спускалась к тихой бухте. Где город поджидал один весьма и весьма необычный сюрприз с двумя мачтами, рядами пушек и жаждущей крови командой. Оставалось только убрать возникшее на пути нелепое препятствие.

Два превосходных клинка устремились к Маиму, как две голодные змеи в жадном броске. Ноги Сварта легко оторвались от земли, чтобы обойти Маиму справа и нанести удар сбоку. Короткая сабля не защитила бы от мощной атаки сверху-вниз в живот, прикрытый только выцветшей коричневой жилеткой. Но внезапно... Противник испарился!

Исчез ровно в тот миг, когда Сварт уже предвкушал, как его окутает жаркий азарт убийства, первого за три года. Он ждал этого и с наслаждением прикопал бы мальчишку под ближайшим развесистым фикусом. Только, видимо, не в этот раз, не случилось пирату насладиться легкой победой.

Он тревожно замер, осознав, что Маиму стоит у него за спиной. Возможно, враг воспользовался густыми тем-

но-зелеными зарослями, чтобы выскользнуть из-под удара. Но Маиму-Длинноногий уклонился и во второй раз, когда Сварт порывисто развернулся и отпрыгнул назад, выставляя останавливающий удар против выпада врага, укол сабли которого прошелся по рукаву темного камзола. Достать до плоти клинку не удалось, но Сварт ощутил ледящее прикосновение неуверенности: мальчишка оказался не тем, за кого себя выдавал, не тем, кем выглядел, когда высаживался на разошедшийся пирс из дырявой лодчонки неделю назад.

«Кто ты? Неужели это... один из «даров асуров»? Проклятье!» – подумал Сварт, когда рыжеволосый недоумок метнулся в сторону, невероятным броском уклонившись от прямого выпада, готового раскроить череп, чтобы сделать огненные волосы еще более яркими, багряно-алыми.

Но снова ничего не произошло, ничего, кроме того, что Сварту пришлось спешно обернуться, чтобы парировать удар. Две сабли всегда выручали его: одной он атаковал, вторую, более короткую, использовал для подлых приемов наподобие кинжала. Обе руки верно слушались его до этого дня, до мгновения, когда пришлось столкнуться с обладателем одного из «даров асуров».

«И принесло же тебя на остров!» – подумал Сварт, выворачиваясь из-под не слишком меткого укола с верхней линии. Сабля Маиму-Длинноногого сверкнула возле лица противника, хотя фехтовал он неумело, как обыкновенный новичок. Зато двигался быстрее, чем любой из врагов, которых

за тридцать шесть лет Сварт победил немало.

«Подарки асуров» порой попадали явно не в те руки. Глуповатый парнишка лет шестнадцати-семнадцати не показался опасным при первой встрече, когда крутился возле поместья лорда Вессонов, болтая с одной из неприметных служанок средних лет. Сварт не обратил на него никакого внимания, а теперь этот рыжий остолоп вдруг встал на пути, вооруженный и разъяренный, как стая шершней.

– На кого ты работаешь? – в который раз оскалился Сварт, нанося удар.

Сабли со звоном отскочили, Маиму выставил блок, ловко вывернув руку. Снова неестественно быстро. Когда же так повезло дурному парню, которому не сиделось на месте в этот день? Определенно, кроме везения здесь содержался и какой-то хитрый план. Никак иначе.

– Ни на кого, – успел он пожать плечами, одаривая широкой улыбкой, которой Сват несколько не верил: парень с «даром асуров» просто не мог тратить свой талант на пустое скитание по морям.

В мире паровых технологий и магии обычному человеку не так-то легко возвыситься, каждый избирал свою дорогу. Сварт прокладывал себе путь острыми саблями или шантажом. Маиму, похоже, вытянул счастливый билет: нашел где-то драгоценную жемчужину и получил – случайно или намеренно – магическую способность, которой не обладал от рождения. В его случае, как уже убедился на своей шкуре

Сварт, это была невероятная скорость, возможность перемещаться за считанные секунды.

Вот он стоял на пути, словно бы всецело доступный для удара двух сабель, приглашая перерезать себе глотку или лучше рассадить точным ударом лоб, как спелый кокос. А в следующий миг – уже тыкал своей дешевой сабелькой со спины.

– Не проведешь! – прорычал Сварт. – Кого угодно, но не меня!

– Да ни на кого я не работаю!

Сражение затягивалось, песок тропы среди холмов бугрился, редкие пучки травы выдёргивались с корнем под подошвами сапог Сварта и разбитых ботинок Маиму.

– Проклятье! – воскликнул мальчишка.

Резкий финт в голову с атакой в бок ошарашил Маиму. Обманные приемы он не понимал, отчего на его одежде справа прочертилась алеющая полоса.

Сварт наступал, рассчитывая, что наконец-то устранит неприятное препятствие. Пусть какой-то доморощенный герой и решил проучить его со своим «даром асуров», но скорая смерть мальчишки могла вернуть исполнение плана капитана в нужное русло. Еще хватало времени до пробуждения города, как он считал. Но внезапно, пока Маиму отступал, выставляя блоки, раздался гулкий выстрел со стороны форта на холме, а потом город вокруг имения лорда Вессона огласил звук тревожного колокола.

– Пираты! Пираты!

И вот тогда Сварт понял, что настал конец его игре длинной в три года. Настоящий и бесповоротный конец. Лицо его исказила судорога, атака сабель на мгновение потеряла свой напор, потом обрушилась новыми ударами, еще более яростными, чем раньше, сверху, снизу, слева, справа. Батман, финт. Ни шанса на контратаку.

Но это для обычных людей. Маиму снова вспомнил о своей дрянной магии, которой, похоже, и управлять-то толком не умел. Он позабыл о глубокой борозде на боку и резко отскочил.

Тем временем, над тропическим лесом снова разнесся пушечный гвалт, как в гуще морских сражений. На этот раз бригантина отвечала, корабль Сварта, некогда любимый, ныне ненавистный.

«Бежать! – подумал он, но тут же спохватился, придумывая новый план, пусть и не слишком убедительный: – Хотя нет, убить мальчишку... И сказать, что он был пиратом. Главное, чтобы он не успел ничего рассказать Стражам».

– Проклятье! Что ты... что ты сделал? – проговорил Сварт хриплым низким голосом, сдавленным ледяной яростью.

– Привел Морских Стражей, – весело ответил Маиму, доказывая и без того очевидный факт.

– Ты... ты! – шипел Сварт.

Привел, Маиму привел, кто же еще мог. А должен был он, Сварт! Лично! В этом и состоял план – указать верное место

высадки пиратов, куда он сам и направил бригантину три года назад. До этого предполагалось устроить небольшую панику в городе, а потом выйти великим героем острова Кафу и пробиться в мэры города.

Но Маиму все испортил. Хотелось бы узнать, каким образом. Вскоре мальчишка и сам поспешил рассказать, уклоняясь от очередного удара и выставляя стремительный блок, вывернув запястье.

– Я видел тебя вчера. Подумал, что будущему мэру незачем выходить через тайную калитку в стене ночью, да еще идти куда-то к морю. Вот и пошел следом. А там пиратский корабль. Сперва я думал, что тебе надо помочь! Что ты решил сам разобраться с пиратами. Ну, мало ли... Я бы помог, честное слово. А ты! – Маиму тараторил, даже не сбивая дыхания. Он выпятил крупную нижнюю губу, точно его обидели в лучших чувствах.

Сварт ему, конечно, не поверил: не мог обычный парень, чужак, прибывший на остров Кафу, оказаться таким наблюдательным и даже не знать, что в поместье лорда Вессона поселился разыскиваемый на всем восточном побережье пират. Паршивый наймит уж точно не собирался помогать, он наверняка выслеживал исчезнувшего три года назад кровавого капитана по старым ориентировкам на досках объявлений, пока тот затаился на Кафу под чужим именем.

«Я не заметил его, потому что он передвигался слишком быстро. Слишком бесшумно», – понял свой промах Сварт.

Никто из горожан ни за что не проследил бы за ним тайно, не заметил бы те скрытые знаки, которые он оставлял себе на тропах в лесу, чтобы ночью бесшумно и стремительно спуститься к тихой бухте. Накануне Сварт там встретился с командой.

– Ты готов, Облезлый Сэм? – спрашивал он у старпома, который верно руководил кораблем все три года. И даже вернулся в назначенный день. Себе на беду.

– Готов как никогда, капитан! – воодушевленно отзывался старпом.

– Хорошо. Завтра город будет наш, – сладко врал Сварт. – Будем править, установим свои порядки на Кафу, а ты останешься моим первым помощником. Как тебе такое, а, Сэм?

– Прекрасно, капитан, прекрасно, – вздрагивал от нетерпения старпом, теребя полы синего камзола.

И Сварт ухмылялся, представляя, как этот глупый пес, подбостранно скулящий у ног обретенного хозяина, отправится к праотцам и Змею Морскому после удара сабель.

Сварт собирался провести пиратов в самое сердце Кафу, все так же – незаметно, под видом новых слуг поместья, чтобы они уничтожили сперва всех недоброжелателей будущего мэра. Адреса он уже указал. Оставалось подать условный сигнал. Но Маиму-Длинноногий каким-то образом разгадал его план.

– Кто тебя нанял? Отвечай! Работаешь на торговые компании? – допытывался Сварт, размахиваясь смертоносным

оружием.

– Не-а... – протянул Маиму, встряхивая огненными вихрами и нанося удар по руке снизу.

Сварт отбил клинок, легко разгадав маневр. Хотя он задышался от возмущения. План потерпел крах, чему Сварт не желал верить, отражая удар за ударом. Коротенькая сабелька с каждым мигом незримо удлинялась, обретая сокрушительность тяжелого палаша. Каждая новая атака заставляла отступать на шаг вниз по тропе, к берегу, буквально загоняя в котловину противостояния с Морскими Стражами.

– Лжешь! – крикнул Сварт, обрушивая на Маиму удар обеих сабель, одной разя сверху, второй стремясь пропороть брюхо парнишки снизу.

Но клинок задел только оливковый камзол без рукавов, выношенный, явно с чужого плеча. Еще одна дырка на старой ткани не особо изменила его облик, а хотелось, чтобы вместо лоскутов одежды на ветру колыхались пласты свежесрезанной плоти врага.

– Не лгу! Случайно наткнулся, – фыркнул Маиму, но потом лицо его потемнело, нахмурился он уже по-взрослому сурово, беспощадно: – Но теперь я не прощу того, что ты хотел сделать с этим островом!

И Маиму накинулся с яростью бешеного медоеда – столь же бессмысленно и неотвратимо. Сварт едва не пропустил обычный прямой укол этой глупой коротенькой сабли, которая теперь вращалась в руке мальчишки со скоростью мель-

ничных лопастей под порывами ураганного ветра.

Удар пришлось ловить обеими саблями, их плоской частью, отводя и переворачивая вражеский клинок, а заодно подло пнув противника ногой по колену, но тот отскочил, утробно шипя, превращаясь на короткие мгновения из беззаботного веснушчатого разгильдяя в настоящее чудовище.

Сварту почудилось, что широко раскрытые синие глаза парнишки затянулись черной пеленой, белки пропали, а из алеющей бездны посмотрела сама тьма. Кто-то другой, кто-то, кем не являлся Маиму. Именно он наносил яростные удары, слившиеся в единый вихрь парирований и блоков на пределе человеческих возможностей. Человеческих, а не твари с «даром асуров».

Сварт при всем желании оставался просто человеком, натренированным и уверенным в себе фехтовальщиком. Но ни обманные финты, ни две сабли не помогли против монстра, чей праведный гнев обрушился на него в этот день.

Только вился туман над тропинкой между холмов, только в джунглях разносился лязг клинков. И пыль под ногами клубилась, сливаясь с душачим маревом.

– Это он! Сварт Иренг! Капитан Две Красные Руки! – крикнули внезапно из зарослей, и раздался новый пушечный выстрел со стороны побережья.

– Он здесь! – ответил Маиму, приходя в себя и как будто замирая. Неконтролируемая ярость вымотала его, он едва не напоролся на клинки и неловко споткнулся, опрокинувшись

на спину.

Добить врага Сварту не дали. Он вздрогнул, давя неразборчивый рык, проклятье всем неземным силам, в которые он не верил: Морские Стражи окружали с обеих сторон тропы. На него нацелилось с полдюжины длинных винтовок – одного из лучших изобретений последних лет с перезарядкой при помощи рычага-спусковой скобы и с подствольным трубчатым магазином.

Они грянули единым хором, призванным изрешетить ненавистного пирата, державшего в страхе на протяжении более десяти лет все торговые суда, курсировавшие в местной акватории, как пугливые утки. Теперь уткой пытались выставить непревзойденного капитана Сварта. Какие-то недотепы в зеленых френчах вообразили себя лучшими охотниками.

«Бежать, к кораблю», – понял Сварт, кидаясь напролом и срубая голову одному из Стражей. Сабли сработали как топор палача: взвились единым порывом, забрызгали кровью мясистые листья, под которые и нырнул спасавшийся бегством пират. За ним по крутому склону последовали противники.

Теперь-то он уж понял, что на острове оставаться никак нельзя, кто-то навел на него и сдал с потрохами. Проклятый Маиму его узнал, или мальчишке помогал один из многочисленных недоброжелателей Сварта. Или Стражи отловили и раскололи какого-нибудь слюнтяя из команды – все это

не имело значения, когда листья и ветки царапали лицо, пу-
тались в коротких черных волосах, впивались колючками в
подшвы сапог и раздирали одежду.

Его гнали, словно дикого зверя, как он порой любил го-
нать жертв по пустынным островам, объявляя, что опальный
член команды или пленник совершенно свободен. А потом
с наслаждением настигая его за считанные секунды или же
наблюдая, как незадачливый беглец губит себя, ломая шею
на острых скалах. Иногда они заканчивали свои дни в пасти
речного крокодила или акулы, заплывшей в мангры. И это
казалось беспощадно веселым.

Но вот полюса поменялись, все перевернулось из-за како-
го Маиму-Длинноногого, мальчишки с «даром асуров».

«А если они уйдут без меня? Треклятый сброд! Я их найду
и по одному расчленю! Они и так готовили против меня бун-
ты, так с чего же решили вернуться через три года? Все ради
Облезлого Сэма, его они ценили больше», – подумал Сварт,
но над головой в дерево вонзилась пуля, он пригнулся и бук-
вально съехал на спине к берегу по отвесному утесу. Камзол
и рубашка порвались в нескольких местах, в кожу впились
камни, наждаком прошелся глинистый песок. Ничего, и не
такое переживал, главное, что сабли остались при нем.

– Проклятье! – выругался Сварт, когда пуля чиркнула по
плечу и обожгла короткой болью, потонувшей в приливе но-
вой ярости.

– Он там! Там! – кричали вслед Морские Стражи, а перед

ними неся Маиму.

К счастью, поросший деревьями склон мешал ему воспользоваться «даром асуров».

Впоследствии Сварту Иренгу, опальному кровавому капитану, предстояло не раз и не два вспомнить этот день, омытый лучами жаркого тропического солнца. О нет, далеко не раз! Этот день вьелся в память навечно. День, когда тощий рыжий мальчишка украл у него победу. И он бы все отдал, чтобы повернуть время вспять и незаметно убить Маиму на неделю или хотя бы на сутки раньше.

Но пока он выкатился на песчаную косу, где уже шел бой, а всюду лежали тела пиратов и военных. Сварт, спешно раскидывая встающих на пути Морских Стражей, кинулся к кромке прибоя: на волнах покачивалась ожидавшая его шлюпка, где Облезлый Сэм яростно отбивался саблей и отстреливался из револьвера от противников.

Внезапно какой-то парень в зеленой форме догнал Сварта, неловко выпрастывая перед собой оружие. Вернее, скорее налетел на него. Сварт буквально насадил незадачливого врага на клинки.

Сотни раз он вонзал сабли в тела перепуганных врагов или мирных жителей, вот так, оба лезвия, входящие в горячую плоть, как раскаленный нож в масло. Обычно после нападений корабля Сварта Иренга не оставалось никого – работорговлей он не промышлял, только контрабандой товаров, грабил быстро и уверенно. А потом отправлял на корм

рыбам всех уцелевших. Так длилось больше пятнадцати лет, пока Морские Стражи не разорили его своим преследованием, пока он не понял, что пора бежать в новую жизнь. Но теперь он вынужденно стремился на свой старый истрепанный корабль, к своему старому имени, чтобы унести в неизвестность. Отнюдь не к прекрасным горизонтам и захватывающим приключениям.

«К Пустым Островам, да, пойдём к Пустым Островам, пристанищу всех проклятых, далеко на северо-востоке, так далеко, что нас не достанут», – решил про себя Сварт, устремляясь к качавшейся на волнах шлюпке.

Со стороны форта донесся новый выстрел. Мортирный заряд вспорол морскую гладь стеной брызг в нескольких метрах от борта уже порядком потрепанной бригантинны: паруса ее изорвались, носовую фигуру и вовсе разнесло в щепки. Но корабль еще оставался на плаву.

– Капитан! На борт! – кричал из лодки Облезлый Сэм, размахивая мятой широкополой шляпой.

Команда еще не догадывалась, что их бросили, что их подло отринул собственный капитан. Они еще стремились спасти его, наверное, надеялись, что он снова поведет их верным курсом, снова награбит несметные богатства.

Если бы Сварт сам знал этот курс, то не сошел бы на Кафу три года назад под видом жертвы кораблекрушения с торгового судна, которое сам же и потопил. Мир менялся слишком быстро, и на освоение новых правил не хватало злобы и

изворотливости. Морские Стражи просто негласно объявили, что пираты обязаны исчезнуть, истлеть высушенными на песке водорослями. И он решил исчезнуть, но иным путем: втерся в доверие к лорду Кафу, старому Вессону, который недавно отдал концы. Даже убивать его не пришлось, оставалось только захватить единоличную власть в городе. Но ничего не вышло. И вот Сварт снова бежал и сражался.

– Сдохни! – крикнул он на ближайшего Морского Стража, снова замахиваясь саблями.

Одним трупом меньше, одним больше – уже не имело значения, уже не надо было носить маску добропорядочного гражданина.

– Нет! – крикнул Маиму и внезапно кинулся вперед, нанося сокрушительный удар.

Сварт не отследил очередное перемещение носителя «дара асуров». Мальчишка обрел невероятную прыть, он буквально вырос рядом в двух шагах.

Сварт выставил бы блок, но не успел даже развернуться, только задумано взвыл: клинок рассек затылок, не до конца, но ошутимо, вспахивая кожу, точно стремясь срезать скальп. Сварт выгнулся, подавившись воздухом.

В своей жизни он терпел много боли, разной, острой и тупой, обычно перенося все испытания с крепко сжатыми зубами. Но теперь он едва не закричал, не от мучительного жара, обжегшего голову – от изумления, от колоссального потрясения. Этот рыжий сопляк все-таки достал его.

«Да на кого ты работаешь? Чей ты наемник?» – только и подумал со злостью Сварт, пошатнувшись и едва не налетев на саблю одного из Морских Стражей. Над ухом просвистело несколько пуль, берег усыпали тела пиратов. Выстрелы гулко отозвались в ушах, как удары штормовых волн о рифы.

На прощанье Сварт наугад ткнул клинками вперед, борясь с мутью перед глазами. Он надеялся, что достанет Маиму, но сабли только пропоролы зеленый китель случайного Морского Стража, неловко попавшегося в общей свалке.

Брызнула кровь, раздался предсмертный хрип, но не того, кого хотелось бы. Хотя это отвлекло Маиму: он, как и полагается всем паршивым доморощенным героям, кинулся к умирающему в тщетной попытке зажать рану.

И только это спасло от преследования, потому что следующий удар маленькой сабельки почти наверняка оказался бы для Сварта последним. Но он уже потерпел поражение. Его, матерого пирата, уничтожил рыжий мальчика с «даром асуров».

– Капитан! – крикнул еще раз Облезлый Сэм, но уже откуда-то издалека.

Сварта втащили в лодку. И все поглотила тьма. Но не полное забытье: в этой тьме зародилось нечто новое, невообразимое и страшное, точно раскроенный череп открыл прямой канал для связи с другими мирами, наподобие жуткого телеграфа.

С того дня Сварт начал слышать в голове отчетливый го-

лос, который шептал и шептал, изводя бессонницей долгими сырыми ночами в каюте потрепанного корабля. Сварт вздрагивал в полубреду, хватался за клинки, поначалу не помня, что его так терзает.

Вскоре он начал различать слова, которые складывались в предложения, короткие реплики и целые посулы: «Я знаю, как все исправить. Я помогу тебе. Ты достоин большего, большего – всего мира. Только достань мне Алмаз Времени. И весь мир станет твоим, весь мир зайдетесь криком смерти. И Маиму будет первым, ты умоешься его кровью. Мой ключ к свободе. Ты слышишь меня, Сварт? Слышишь?»

Глава 2.

ПОТЕРЯННЫЙ КУРС

– Еще один испорченный свиток... Капитан Сварт Иренг. Его «работа». Снова этот пират?

Древний дракон зимы застыл на вершине Большого Дерева. И хотя длился не его месяц бодрствования, он листал свитки судеб. Чувство неразгаданной угрозы укололо под сердцем и заставило внезапно очнуться от крепкого сна. Но пока все вокруг дышало покоем. Мягко шелестела свежая листва. Над Деревом сияло летнее небо, клубились легкие облака, а внизу расстился необъятный мир со всеми скорбями и радостями. За ним-то и наблюдали хранители свитков.

Вытянутую узкую морду дракона скрывала тень пышного оперения, которое белой короной обрамляло сизые рога, по-

росшие мхом. За многие века духи-хранители Дерева, неизменной оси мироздания, почти слились с ним. Не осталось различий, где заканчивалась память дракона и начиналась великая летопись всего мира. Свитки судеб сменялись один за другим, янтарные глаза задумчиво бегали по строчкам – хранитель искал тот, что заставил его пробудиться.

Некоторые истории обрывались, не находя завершения. Многие заканчивались спокойно, плавно и казались бездейными, скучными. Но каждая несла неповторимые черты, особенно для хранителя.

Двенадцать драконов с начала времен следили за созданиями, что населяли благословенный Мир Большого Дерева. Свитки ткались из нитей жизни и сами записывали деяния людей, магов, джиннов – всех, кто обладал разумом, чтобы выбирать свою судьбу.

– Какой же из них? Что не так? – устало вздыхал дракон зимы, и из узких ноздрей вырывался морозный иней. – Неужели снова...

Он был очень стар, хотя серебристое оперение змеевидного тела скрывало любые морщины. Только глубокие шрамы, перепавшие скулы и вытянутый нос, напоминали об участии во многих битвах с асурами. Он не желал новых сражений ни для себя, ни для собратьев.

Посланники тьмы исстари стремились заполучить и исказить свитки, вписать свою злую волю, искалечить умы миллионов. Асуры питались бурлящими страстями метущихся

душ – болью, отчаянием, страхом и гневом. За ними во все миры следовал хаос. Хранители Дерева сражались за порядок, чтобы не начиналось войн во имя чужой жажды разрушения.

Но он, древний дракон, ставший живой легендой, ушел на покой с израненными телом и душой. Битвы и поиски преступных асуров, проникших в их мир, ложились на остальных одиннадцать хранителей. Он лишь следил за свитками во второй месяц зимы. И с каждым годом все больше убеждался, что люди и джинны не нуждаются в присмотре, даже тяготятся им.

С развитием технологий их сердца все охотнее открывались для ядовитых «подарков асуров». Страсть к опасным знаниям и быстрому процветанию – отравы для души. Возможно, и теперь кто-то тянулся к дару асуров, таящемуся в глубинах моря, к источнику магии и непредсказуемой силы. Какой-нибудь жадный пират, бороздящий океаны на быстром паровом корабле.

Или же старый дракон просто увидел дурной сон. Постепенно предчувствие обрастало сомнениями, как днище лодки – ракушками.

Хранитель листал свитки, перебирая длинными когтистыми пальцами невесомые полупрозрачные полотна, созданные из светящихся линий. Порой он всецело погружался в чтение, то оглушительно смеясь, то горестно качая головой, то раздраженно вздыхая, когда обнаруживал, что повество-

вание обрывается на самом интересном моменте.

Да, интересном... Кто-то умер – этим завершались все свитки и растворялись, превращаясь в листву Большого Дерева, общую память мира. Кто-то со своими мечтами, стремлениями, замыслами. Неизбежный конец.

Но некоторые свитки выглядели испорченными, разорванными. По ним проходили уродливые борозды и кровавые полосы. Они принадлежали созданиям, что не успели пройти свой земной путь. Их судьбу оборвала безвременная гибель.

– Капитан Сварт Иренг по прозвищу Две Красные Руки... Что же ты за существо такое? – покачивал головой дракон, просматривая парящие возле ветвей стеллажи свитков.

Полупрозрачные и бесконечные, они устремлялись винтовой лестницей в небо, сходящееся клином белого сияния соприкосновения всех миров.

Дракон расправил изумрудные крылья и, легко извиваясь, взмыл вверх, чтобы пересчитать, сколько свитков испортил пират Сварт. Много, слишком много для обычного человека, который не имеет права вершить судьбы.

На разорванных полотнах, сочащихся тающими чернилами, встречались самые разные упоминания. Последние мысли, возникшие в головах умирающих.

«Капитан Сварт, за что... Ведь я служил вам», – оттиск разочарования и обманутого доверия. И рваная полоса на невесомом папирусе.

«Наши будущий мэр – подлый пират. Как же так! Я должен предупредить», – горечь невыполненного обещания. И снова черные потеки безвременного стертого текста.

«Капитан Сварт... Как он достал меня? Сабля в левой руке... Как я мог забыть... – так обрывалось повествование опытного военного, охранявшего покой маленького городка. – Подлый пират! Нет! Я не хочу умирать! У меня остался сын. Как же он теперь!»

Яркие вспышки чужой боли в конце испорченных свитков звучали треском порванной струны, но в деяниях пирата не находилось ничего странного. Тогда почему улегшееся беспокойство вновь прорезало острыми колючками все существо? Хранитель устало потер нахмуренный лоб, откидывая назад непослушные перья, и почти весело ухмыльнулся:

– Посмотрим-ка еще раз, что у тебя за судьба, капитан Сварт... Почитаем. А то память подводит меня в последнее время.

***

Дул сильный северный ветер, ударяясь о борта корабля и натягивая блеклый парус. Небольшая бригантина колыхалась на волнах, расходившихся по обе стороны кормы. На мачте реял черный пиратский флаг, изображавший

две окровавленные сабли на фоне белесой луны. Полотнище поблекло, картинка почти стерлась. Так же стерлись и все стремления.

Капитан Сварт давно не покидал каюту. Часами напролет он неподвижно сидел, глядя то перед собой на стену, изучая узоры деревянной обшивки, то изредка поворачивая голову к небольшому иллюминатору.

«Мы давно в море... Куда-то идем. Знать бы еще, куда. Команда копошится на палубе. Этот мерзкий сброд. Я мог бы их всех уничтожить, одного за другим, за пару минут. И они это знают! Они продолжают подчиняться мне несмотря на то, что я предал их», – мысли текли медленно. Просто мысли в отрыве от ожесточенного сердца.

Отблески закатного неба отражались в стеклах круглых очков, которые он то снимал, то снова надевал, беспрестанно протирая от несуществующих пылинок.

И не оставалось больше движений, только гложущие тоской размышления: «Проклятый Маиму-Длинноногий, проклятый мальчишка, нашедший «подарок асуров»! Однажды я уничтожу его. Однажды. Но когда? И как? За тридцать шесть лет мне не улыбнулась удача, «подарки асуров» не пришли ко мне из морских глубин. И только эта команда идиотов навсегда со мной. Даже после моего поражения они не воспользовались возможностью убить меня. Без команд они подохнут, как паршивые псы».

На небе сгущались тяжелые свинцовые тучи. Корабль ку-

да-то шел, придерживаясь курса к Пустым Островам. Пару раз команда подумывала поднять бунт, но настолько боялась капитана, что даже его молчание казалось приказом. И никто не знал, куда направляться дальше.

Только магия потоками воздуха иногда приносила почту, неизвестно как разыскивая одинокие корабли. Из газетных заметок капитан однажды узнал, что юный охотник Маиму уже успел сдать властям несколько сильных пиратов. Он никого не убивал, конечно, нет. Ведь так не полагается героям-добровольцам, нанявшимся в ряды охраны торговых компаний. Да, героям...

Сварт скомкал газету, кляня приказание джиннов разносить новости. Для поддержания «общего информационного поля», как они любили говорить.

Огненные существа получали все больше влияния, раскидывая по миру сети торговых путей, тесня магов-людей чудесами науки – скоростными пароходами, вычислительными машинами, механизмами для цехов. И разумеется, оружием. Заводы джиннов изготавливали мощнейшие мортиры, глубинные мины, непревзойденные револьверы и пулеметы.

Обычным людям без способностей оставалось только наниматься матросами на корабли этих тварей. Наиболее образованные охотно шли в их конторы для подсчета прибыли от бесконечных сделок. Кто-то, как Маиму-Длинноногий, вызывался добровольцем для истребления пиратов.

Возможно, тот поединок был первым заданием мальчиш-

ки. А возможно, ни к кому он не нанимался. Сварт не знал, и это выводило из себя.

Хотелось свернуть чью-нибудь шею, а не теревить серую бумагу. Но он только сдержанно протер треснувшие очки. Принесший почту старпом не заметил, капитан на вид отреагировал спокойно.

Но... В душе все клокотало от ненависти, укрывало черным коконом злобы, набрасывало петля за петлей удушающие кольца гнева и багряные оковы ярости. И Сварт продолжал молча ненавидеть Маиму, решившего, что уничтожение пиратов – благородное дело.

Работа на джиннов во имя установления торговых путей, во имя чьей-то неизменной выгоды. Такое уж благородное? Сварт хотя бы честно признавался, что старается только для себя. Но что ему оставалось в каюте сбившегося с курса корабля? Ненавидеть провал своего выверенного плана. И злиться, злиться, злиться! Ничего, кроме злобы.

«Лучше нечестная выгода для себя, чем честное счастье для других», – вспоминался любимый девиз, и все еще не удавалось в полной мере осознать то событие, которое лишило планов на будущее.

«Идти больше некуда, в трюме течь, запасы воды кончаются. На хвосте патрульные корабли джиннов. Если встретится военный пароход, этой посудине настанет конец», – размышлял Сварт.

Бригантина не выдержала бы нападения и обычного па-

русного судна с небольшим количеством пушек. После рокового сражения на тропическом острове корабль оказался разрушен. Его прошлая гордость – украшение носовой части в виде скрещенных сабель – была начисто оторвана и осталась где-то на далеком ненавистном берегу, где не посчастливилось столкнуться с Маиму.

При всей осторожности матерый пират не учел, что рыжеволосый простофиля, прибывший в маленький город на дырявой лодочке, может работать на джиннов и обладать одним из «даров асуров». Так все и пошло прахом.

Сварт ведь уже почти пробился в мэры. Пусть и крошечного городка, пусть и совсем нечестным путем. Он подкупил нужных людей, выправил поддельные документы и практически собрал вокруг себя избирателей. Горожане хотели видеть его своим правителем! Пусть мелким царьком, маленьким божком, но все же... Он ждал этого три года.

«Что могло пойти не так? – думал он, растирая между пальцев измочаленную газету. – Отличный план: прибыть под видом казначея с потерпевшего крушение судна, потом устроиться клерком в контору при замке, получить доступ к финансовой отчетности. Я старательно терпел унижения, выслушивая глупые распоряжения лорда Вессона. Этот аристократ своими капризами просто разорял людей. И кто считал и выверял его расходы? Я. Конечно, я. Только благодаря моим подсчетам его городок не скатился в полную нищету. Так кто заслужил управлять тем поганым местечком? Кто

заслужил все уцелевшие богатства лорда Вессона?»

Безусловно, именно он, капитан Сварт. А как же иначе! Все складывалось в его пользу. Он уже разработал план убийства лорда. Но немолодой Вессон внезапно умер сам, не потребовалось даже подстраивать случайную гибель. До недавнего времени оставалось только устранить наследницу старого лорда. Но Аманда Вессон сама пропала год назад после загадочного пожара в имении.

Сварт отчетливо помнил обугленные развалины родового имения лорда и накотившее разочарование: он надеялся, что сам завладеет этой шикарной громадиной с горгульями на крыше и каменными барельефами, украшавшими темно-серые стены. Впрочем, особняк Вессонов в центре города тоже всегда привлекал роскошью – витыми колоннами, ровными рядами окон на фоне безупречно выбеленного фасада, изящными лепнинами. И сытым довольством тех, кто обитал внутри.

«Оставалось немного до получения власти... Совсем немного. Не хватало лишь завершающего штриха – небольшого разграбления города верной командой тупоголовых уродов. И красивого избавления от них с моей стороны, – невесело усмехнулся Сварт. – Они-то ждали три года моего возвращения, думали, потом я отдам все им, сделаю своими приближенными. Или они вообще ничего не думали. И Мамму не думал. Неужели просто его удача?»

Сварт бесконечно прокручивал в голове детали того по-

единка. Каждый свой шаг! Все пытался осознать, где и когда просчитался. Поражение давило и терзало, словно ветер, который грозил сорвать паруса. Кажется, бригантина прошла черту невозвращения к былой устрашающей славе. Да и вообще к жизни.

Не нашлось денег на ремонт, и не было сил, чтобы кого-то ограбить, ведь тогда бы вновь пришлось попасть в списки разыскиваемых джиннами. Возможно, капитану просто не хватало духа, чтобы смириться и идти дальше, прогрызая себе новый путь наверх. Навалилась невозможная усталость, давящая, словно каменная плита. Замкнутый круг тянулся и тянулся, поэтому они шли на север к диким Пустым Островам, а те все не появлялись. И над кораблем сквозило грядущими холодами слоистое небо, в котором терялись алые полосы заката.

– Мы сбились с курса... куда нас унесло... – заскулил кто-то на палубе, послышался неприятный шепоток.

Сварт только скептически фыркнул: не с чего сбиваться. Корабль шел наугад.

«Я теперь бывший пират. Джинны считают, что убили меня на острове Кафу, уверены, что Маиму добил, – думал Сварт. – Когда все так сложилось? Я отомщу. Когда-нибудь всем отомщу».

Команда будто сошла с ума, впав в оцепенение. Проигравшие всегда теряют свой курс.

– Это все он! Он довел нас до такого.

– Молчи, не смей осуждать капитана. Не то он...

Трусливый шепоток на палубе продолжался, кто-то подхватывал его, передавал клубком змей недовольства. Мерзкие переговоры мешали мучить себя ненавистью ко всему живому.

Капитан Сварт прислушался, его черные глаза презрительно сощурились, он потянулся за любимыми саблями, благодаря которым заслужил свое прозвище.

Жажда убийства – вот что никогда не исчезало. Три года он сдерживал себя, уговаривал, что так нужно для грядущей победы. Хотел ли он сам такой победы? Или мечтал пролить кровь невинных горожан? Смерть, уничтожение жалких созданий – то, что всегда вдохновляло, выводило из оцепенения, дарило истинное наслаждение и чувство превосходства.

Взметнулись полы черного камзола с золотыми позументами, сверкнули алым закатным заревом пряжки сапог. Он выходил из каюты, как древний дух зла, вырывающийся из глубин бездны – высокий, поджарый, бледный, с лихорадочной улыбкой предвкушения на сизом лице.

***

Дракон с отвращением отложил свиток, но буквы продолжали заполнять призрачный пергамент.

– Капитан Сварт, Маиму-Длинноногий, подарки асуров. Где же подвох? – встрепнулся дракон. Мозаика предположений постепенно складывалась в единую картину.

– Ты все читаешь, – послышался внезапно скрипучий голос.

Из-за массивной ветви, мягко раздвигая парящие стеллажи, появился человек с длинными каштановыми патлами, торчавшими из-под капюшона черной толстовки, которую дополняли кожаные брюки с железными клепками. Смешной нелепый человек, чужак для их мира. Смешной? Нет – несчастный и давно **не** человек.

Дракон улыбнулся, отвечая старому знакомому:

– Почему бы нет? Я устал и не хочу сражаться. Привет тебе, Сумеречный Эльф. Или лучше Страж Вселенной?

– Лучше просто Сумеречный. Ведь я неудавшийся... Страж.

– Неудавшийся ли... Ты не хочешь наконец вступить в ряды Хранителей Дерева? Подумай еще раз. Предложение щедрое, для создания с твоей силой это неплохой вариант. Ты бесконечно ходишь по мирам, не пора ли найти себе место?

– Ты просто ищешь себе замену, – скептически отозвался пришелец, проводя бледной кистью по ровным рядам свитков на ближайшей полке, приникая к ним, словно слушающая шум прибоя в раковине, и вздыхая: – Судьбы-судьбы... Сколько боли! Нет, это не для меня. Я не умею просто чи-

тать, не вмешиваясь в ход событий.

– Выбор твой. Но все же для тебя есть дело. Ведь ты готов помочь? – дракон нарочито медленно вытащил искомый свиток, выдержав паузу.

Теперь он догадывался, что разбудило его в чужое время бодрствования. Ничто не происходило без причин, и неудавшийся Страж Вселенной не посещал мир Большого Дерева, если не знал, что их ждут новые потрясения. Его-то наделили знаниями о будущем – и о судьбах, и о выборе. И о страданиях. Всех и каждого во всех мирах. Тем и свели с ума.

– Помочь? – небрежно фыркнул Сумеречный Эльф, нервно дернув плечами. – Возможно, я тоже просто развлекаюсь. Не чтением, так путешествиями.

– Путешествиями, говоришь, – кивнул дракон, и только они двое понимали скрытый смысл небрежно брошенных слов. – Я вот решил почитать историю об одном пирате. Много свитков он испортил, подлец. Может быть, ты развлекаешь меня чем-то, разнообразишь его историю? Она еще не дописана.

– Ты же знаешь, что я искажаю все истории, – пожал плечами Эльф.

– Не искажаешь. Я с трудом узнаю каждый раз, что это был ты. Филигранный почерк. Развесели меня! – широко улыбнулся дракон, обнажая ряды острых зубов, плечи его слегка вздрогнули, он поднял в предвкушении длинные лапы, размахивая свитком капитана Сварта: – Рассмеши так, чтобы

ветви Дерева затряслись! Разгони все дурные предчувствия.

– Я вмешиваюсь в судьбы не ради твоей забавы. И вмешиваюсь только в те, где вижу пробелы, – мрачно отозвался Сумеречный, скрещивая руки, уходя в тень ветвей и винтовой лестницы стеллажей.

– Тем и заинтересовал этот заносчивый пират: пробелов в его свитке хватает. Пробелов для деяний иномирца.

– Плохо. Очень плохо, – отчеканил собеседник.

Среди бесконечного света оси миров Сумеречный, казалось, сам нес отпечаток темноты. И в этом крылась неудача творения Стражей Вселенной.

Хранителей создало само Дерево, они отделились от него в начале творения, его сыновья и дочери. И потому несли свой долг с радостью любимых детей, заботящихся о пожилых родителях.

Стражей же в другом забытом мире отобрали из племени людей, отдали им часть божественной силы, незаконно присвоенной во имя борьбы с асурами. Наделили знаниями и неуязвимостью. Но не смыслом существования. Две тысячи лет назад их тоже было двенадцать, вернее, тринадцать. Было... Уцелел лишний, тринадцатый – Сумеречный Эльф, который даже не помнил, почему взял такое прозвище и кем был до превращения. И в его руках таилась сила, способная уничтожать миры.

– Плохо или хорошо. Посмотрим, как закончится история Сварта Иренга, – вздохнул дракон, продолжая печальную иг-

ру: – В ней что-то не так. Я должен узнать конец.

– Когда-то все истории закончатся, даже наши с тобой. – Эльф вышел на свет. – Как думаешь, может ли быть судьба переписана заново?

– Нам, хранителям, неведомо. Мы лишнего не хотим знать, вверено нам хранить Дерево и свитки, а пишут их разумные создания сами. М-да, и так порой пишут...

– Что мне приходится исправлять. До встречи! – отрезал Сумеречный Эльф и растаял в воздухе, не оставив даже облачка дыма.

Пришелец, который стирает следы своего пребывания. Существо, чей свиток исчислялся двумя с половиной тысячами лет. Неудавшийся Страж Вселенной. Он отправился к подножью Дерева, снова вступил в их мир как одинокий странник.

Дракон тем временем пролистал свиток до чистого папируса, прочитал еще раз о легендарном поражении непобедимого капитала Сварта и улыбнулся: «Все-таки нашлась на тебя управа. Но тот, кто победил тебя... Маиму невольно принял подарок асуров. Не в этом ли подвох твоей истории? И о тебе ли этот свиток?»

Хранитель все читал, пока ветви Дерева пребывали в вечном покое. Но таком ли вечном? Неуловимые тени крались к вершине. Они подступали настолько незаметно, что даже древний дракон не мог отследить их движений, до последнего не слышал их шагов, оставлявших обугленные следы на

белой коре ветвей.

– Кто здесь? – вскинулся за пределами призрачной библиотеки бодрствующий хранитель лета, молодой алый дракон.

– Берегись! – успел взреветь страж зимы, когда понял, что предчувствия его не обманули.

Остров Большого Дерева

Глава 3.

КРОВАВЫЙ КАПИТАН И ВЕСТНИК БУРИ

Ветер скрипел снастями, на небе завихрениями протуберанцев выстраивались орды облаков, демонстрируя все оттенки серого и грязно-фиолетового. Команда ежилась на ветру и на разные лады перешептывалась о бездействии капитана, но как будто понимала, что бунт не даст результатов. Из них никто не умел сплести настоящий заговор. Только некоторые слишком громко высказывали свое недовольство. А зря!

Дверь каюты капитана неслышно отворилась, на пороге показался силуэт. Но лишь на миг. Только на секунду мелькнули острые сабли, да поймали кровавый отблеск заходящего солнца золотые позументы камзола. Лишь на миг, а команда уже оцепенела.

Кто-то с ужасом бросился за борт, обреченный затеряться в море навечно. Кто-то просто бессильно заламывал руки.

Сварт не разбирался, кто посмел усомниться в нем, в его приказах, которых он не отдавал. Он рубил наугад, догадываясь, что каждый из команды ненавидит его. Ненавидит и боится. И он их ненавидел и в высшей степени презирал. Казалось, что только эта лютая неприязнь питает в нем жизненную силу.

После поражения ненависть усилилась, самомнение было подкошено. Кроме ненависти ничего не смиряло кислоту обиды. Он ненавидел себя и одновременно страшно жалел. Вспоминал свое поражение в мельчайших деталях, чтобы сделать себе еще больнее. Еще больше жалеть и ненавидеть себя. А команда... Что команда? Способ выместить ярость.

– Спасайся, кто мо... – оборвался чей-то крик, потонул бульканьем агонии в распоротом горле.

– К-капитан... мы не... мы не замыслили бунт! – оправдывался старпом и только чудом уклонился от удара сабли, забившись куда-то под лестницу, ведущую на бак.

Тот же, кто посмел обнажить оружие, немедленно отправлялся на корм рыбам. Капитан Сварт заслужил свое прозвище Две Кровавые Руки за то, что в течение почти двадцати лет поражал всех искусством владения саблями. И скоростью. Только кто-то успел выставить блок для одного клинка, как его настигал второй. Капитан превосходно владел обеими руками.

И теперь, уничтожая свою перепуганную истощенную команду, он наслаждался, как в прежние времена, когда они нападали на бедные рыбацкие деревни и торговые суда.

У пиратов не оставалось шансов, они становились один за другим жертвами своего беспощадного предводителя, который просто вымещал злобу. И им, трусливым и жестоким головорезам, только и оставалось, что уповать на милость удачи. Но она отвернулась от бригаантины еще в тот миг, когда капитан провозгласил свой уход. А вернулся, точно мертвец с того света, со свитой бедствий.

Он не выбирал жертв. И просто бесцельно носился черным мором между слабо разбегающимися телами. Слабо, потому что в его восприятии, искаженном безумной скоростью смертоносных движений, люди выглядели почти неподвижными.

Глаза его горели, лицо перекосила ухмылка. Один удар, второй – лезвия прорезали воздух, встречаясь с потоками ветра. Разрубали их, вспарывали и натыкались на вьющиеся, как тени в пустыне, силуэты людей, освобождая потоки крови. И она, обретая свободу, истекала вместе с жизнью.

Капитан упивался убийствами, а на западе солнце утопало в багряных волнах.

Кошмар пиратов продлился не более пяти минут. Сварт внезапно остановился, опустил сабли и медленно протер треснувшие очки. Он даже не запыхался, только на высоком лбу и висках пульсировали жилки гнева.

– К-капитан, за что? – выдохнул матрос со вспоротым животом и замер возле ног Сварта, который небрежно переступил через тело.

Море несло корабль, казавшийся черной точкой на картине неба и зеленых валов. Команда оцепенела, косясь на десять свежих трупов, разбросанных по палубе с обескураженными лицами. Тишина неопределенности съедала колкие минуты. Только слышалось, как стучат от страха чьи-то зубы.

– Да он нас всех перебьет! – вдруг завyli двое пиратов и бросились с саблями на капитана, казалось, совершенно неподвижного.

Он тем временем снова протер очки, раздраженно закрывая глаза, словно ожидая, когда противники подберутся максимально близко.

Но за секунду до предполагаемого удара Сварт словно исчез, а еще через миг двое нападавших упали в разные стороны, пораженные ударами в спину. Лицо Сварта искажала ухмылка превосходства, глаза жадно впитывали вид свежей крови.

– Есть еще несогласные? – сдержанно и вежливо спросил он.

Капитан выглядел хладнокровным и рассудительным, будто не он устроил беспощадную расправу. Команда не сме- ла возражать и только впадала в еще большее оцепенение. Сварт как будто и не пытался принять факт того, что они

сбились с курса. Он словно ждал, когда их настигнет безвременная гибель. Корабль медленно превращался в призрак.

Закат все полыхал, солнце тонуло в море. Дневное светило всегда встает на востоке, оно не может утонуть в океане, оно не исчезает навсегда. Лишь у людей один исход от утра до вечера земного срока.

– Кто-то еще намерен возражать? Может быть, проведем голосование? Может быть, у кого-то есть предложения? – издевательски спрашивал Сварт. Пираты отшатывались от него и закрывали лица грязными руками.

С клинков стекала кровь, медленно ударяясь о доски палубы, капля за каплей, вязкая, яркая.

– К-капитан... – послышался несмелый голос, срывающийся в шепот: – Вы убили нашего навигатора.

Но один взгляд беспросветно черных глаз заставил замолчать. Казалось, снова поднимутся клинки, но Сварт лишь раздраженно бросил:

– Вы жаловались, что мы сбились с курса. Это его вина, значит, он был бесполезен.

И без того перекошенные лица пиратов еще больше подернулись глубокой тенью нараставшего отчаяния. Свободные люди, морские разбойники. Свобода... Какая свобода? Бескрайнее море становилось самой надежной ловушкой.

– Уберите здесь все. Ненавижу беспорядок, – недовольно добавил капитан и медленно пошел по палубе, брезгливо огибая лужи крови, въедавшейся в просмоленную древеси-

ну. Он направлялся обратно в свою каюту.

Пираты несмотря на пережитый ужас, несмотря на ощущение своей обреченности поторопились немедленно избавиться от тел. И принялись старательно драить палубу. Ведь гибель в море, ее ожидание – это только вероятность. Иное дело – гнев капитана. Корабль мог найти землю. И смерть бы тогда прогадала, а вот сабли никогда не ошибались.

Сварт собирался вновь впасть в беспробудное ожидание будущей мести. Когда и как он намеревался осуществлять ее, он не знал. Маиму заслуживал смерти. Но куда скрылся мальчишка, какие моря бороздил – никто не докладывал. И в голову не приходило ни единой идеи. Только вставляли в воображении картины поверженных врагов, а промежуток между «здесь-сейчас» и моментом сладостной победы тонул в темноте, точно диск солнца в волнах.

Капитан вдыхал соленый ветер, который невыразимым языком стенал о пропавших в темных глубинах. И собирал все новые жертвы, креня корабли, валя мачты, вспенивая море. Но закатное небо не обещало бури, не в этот вечер.

Только неведомое течение схватило одинокую бригантину и неумолимо несло в неизвестность. Капитан догадывался, что отнюдь не к Пустым Островам. Точно кто-то проклял его, наградив такой судьбой. Проклял с самого рождения, с тех времен, когда он, потерянный и никому не нужный, бродил по трущобам приморского городка Круны – крошечной бедной страны, не сдавшей на милость власти джиннов. Но

солёный ветер всегда манил его в океан. И теперь влажные порывы шептали, что бурные волны станут могилой неудачливого пирата.

Сварт ещё раз обернулся на молчаливую команду: его окружали живые привидения. Не осталось прежних лихих парней, с некоторыми из которых он выходил из вонючего порта прибрежного городишки. В тот год ему едва сравнялось пятнадцать. Лодка его была не больше той, на которой прибыл на остров Маиму. И он ещё на что-то надеялся, хотя все так же ненавидел людей. Теперь его время, очевидно, прошло.

Когда он очнулся через четыре дня после сражения с Маиму-Длинноногим, корабль уже далеко отошел от суши, затерялся среди незнакомых океанских путей за Островом Большого Дерева. Тогда все окончательно рухнуло.

Сварт устало вздохнул, намереваясь укрыться в каюте и очистить любимые сабли от кровавых пятен. Это занятие имело хоть какой-то смысл. Все прочее – нет.

Внезапно мелькнула чья-то смутная тень, кто-то стоял на перилах корабля. Сварт сначала решил, что боковое зрение впервые обмануло его. Команда же явно считала, что в море плывут миражи или что они все сошли с ума. Но нет, кто-то действительно стоял на перилах.

Капитан Сварт быстро развернулся, настороженно выхватывая сабли, готовясь к стремительной атаке.

– Кто ты такой, змей тебя морской побери?! – рявкнул

кто-то из команды.

– Мокрице слово не давали, – нарисовался за спиной пирата капитан и приставил лезвие к горлу нерадивого матроса, но на этот раз не убил. Затем Сварт выпрямился, спокойно обращаясь к престранному пришельцу: – Кто ты такой?

– Сумеречный Эльф, – весело отозвался незнакомец, разгуливая по самому краю перил, практически танцуя на них.

Сварт так тоже умел когда-то. И именно поэтому действия неизвестного субъекта раздражали его: он не желал допускать даже мысли о том, что кто-то мог сравниться с ним. Он всегда считал себя лучшим из лучших, хитрейшим из хитрейших, сильнейшим из сильнейших, но досадное поражение доказало обратное. И память об этом разъедала мысли серной кислотой.

А незнакомец, взмахивая длинными полами черного камзола с серебряными галунами, плясал на перилах и, очевидно, издевался, скороговоркой тараторя, задыхаясь словами:

– Что? Денег нет? А знаешь, есть такой гадкий островок как Ифритова Смерть. Много кораблей там потонуло. Но, знаешь... Там такие сокровища! Алмазы! Неграненые алмазы. Ты же всегда любил разглядывать их. Да, неграненые алмазы. Любил всматриваться в их мутную белизну.

– Откуда тебе это известно? – полагая, что пришелец просто блефует, осведомился Сварт: – Это способность твоего «подарка асура»? Ты маг или джинн?

Сварт старательно скрывал свое изумление. Джинны, ко-

нечно, состояли из пара и появились из вулканических испарений, как гласили легенды, поэтому умели летать. Но также они ненавидели открытое море, воду и не могли перемещаться над волнами даже в своей «огненной форме».

– Подарок асуров? О чем ты? – строил из себя дурачка собеседник, не слезая с перил, балансируя на них, пока корабль взбирался на вершину невысокой волны и срывался в низ: – Я такую гадость не трогаю. Я Сумеречный Эльф. Меня занес попутный ветер.

«Занес посреди моря? У него, вероятно, где-то корабль. Похоже на ловушку. Зачем он сразу говорит о сокровищах? Точно ловушка», – подумал Сварт. И, еще не двигаясь с места, представлял, с какой стороны лучше атаковать врага. Он тянул время, чтобы рассмотреть противника и просчитать возможную опасность.

На джинна пришелец не походил, не хватало огненной ауры. Разве что спятивший человеческий маг освоил чудеса мгновенного перемещения. Но зачем? Сварт не понимал. И это чувство всегда раздражало.

Закат совсем потух, полумесяц распластался искаженным отражением на поверхности воды, точно рассматривая себя в кривом зеркале. Сумеречный Эльф демонстрировал чудеса акробатики: волнение на море усиливалось. Ночь все же обещала бурю, обманув вечерним покоем.

Полумесяц мерк под покровом новых туч, корабль набирал скорость. Ветер слишком ретиво начинал играть с пару-

сами, так что вскоре пришлось их убрать. Рулевой все с большим трудом удерживал штурвал, буря напозала, заключала, точно змея, в свои кольца.

А капитан Сварт почти радовался этой непогоде. Начавшаяся гроза всполохами молнии запечатлела улыбку хищной рептилии, когда он говорил:

– Если в течение следующих двух минут ты не объяснишь, кто ты, я убью тебя!

– Это сложно, – задумался Сумеречный и, точно намеренно исчерпывая лимит своих двух минут, рухнул с перил на палубу. Настолько нелепо и неуклюже, будто не сумел бы продержаться там и секунды.

– Отвечай! Что ты за тварь? – настаивал Сварт, осторожно приближаясь и выставляя вперед сабли.

– Тварь, что сотворили. Как сотворили, так и стал тварью. А такое со мной сотворили... Сотворили, – пробормотал Сумеречный Эльф, неловко поднимаясь.

На вид ему было не больше двадцати пяти, только взгляд карих глаз выдавал, что внешний вид обманчив. Под черным камзолом оказалась одежда непривычного покроя из незнакомого материала. Да еще на кожаных брюках красовались какие-то заклепки, как у парового котла. Но, что главное, за спиной у него обнаружились ножны с мечом. Сварт мог поклясться, что мгновение назад их не было. Не разбираясь в таких странностях, он немедленно принял боевую стойку:

– Так ты истребитель пиратов? Прислужник джиннов?

– Ай-ай-ай, – картинно потирал шишку Сумеречный Эльф и совершенно не реагировал на вопросы, а потом резко подскочил, заливаясь поганим хохотом: – Давай на сегодня я стану истребителем пиратов. Ты подал мне отличную идею!

С этими словами Эльф потянулся за мечом, Сварт успел опередить. Приуроченный к всполоху молнии бросок должен был сокрушить противника. Но в последний миг Сумеречный, продолжая медленно тянуться за мечом, каким-то мистическим образом уклонился. Сварт не поверил своим глазам, никто не мог сравниться с ним по скорости.

Только однажды она не спасла. Однажды. Маиму-Длинноногий! Сварт все еще не понимал, как его могли победить, списывал все на «подарок асуров». Но он потратил всю жизнь, чтобы доказать себе и окружающим, что человек способен достичь небывалых высот и без магии. Выходит, не может. Не в их проклятом мире, на которое равнодушно взирало Большое Дерево. Сначала Маиму с его «даром асуров», теперь этот Сумеречный Эльф. Они выводили из себя, лишали хладнокровия, столь необходимого в бою.

Пришелец просто уклонился, не прилагая особых усилий. В душу Сварта заползали сомнения: так ли он хорош, так ли быстр? Недавнее избиение команды оказалось только проверкой, самоутверждением, попыткой не потерять веру в себя. Он всегда хотел быть лучшим, а если не получалось, впадал в бешенство.

– Я тебя уничтожу! – прорычал Сварт, теряя оттиск ледя-

ного спокойствия.

Звон огласил палубу, когда три клинка взметнулись стальным вихрем. Сабли поймали меч в ловушку двух лезвий, но враг сощурился и отпрянул столь стремительно, что оказался за спиной. Сварт выругался сквозь зубы и мгновенно развернулся. Он никогда бы не позволил повторить свой прием. Частый, подлый, действенный.

Поединок длился, команда боялась вмешиваться, уносясь с палубы кто куда. Только неумолимое время катило сквозь морские волны краткие секунды.

Рьяно сверкали молнии. Люди на палубе натягивали снасти, а капитан сражался с вестником бури. Короткими щелчками раздавались неуловимые шаги при каждом броске, когда оба пытались напасть внезапно, но раз за разом только скрещивались стальные сущности клинков.

Гашеной содой пенились валы, корабль взлетал, как на крыльях, и падал в бездну. Ночь открыла новые чертоги, излом ярости, вырубленный зигзагами молний.

Скорость отделяла слова от смыслов. И смыслы летели вперед, а буквы заплетались между ног команды. А те, что сошлись в поединке, не впитывали смысл, только их оружие создавало свой.

Сумеречный был хорош, но Сварт не промахивался, все набирая скорость на пределе своих возможностей. Бил собственные рекорды, кружась метелью вокруг противника, который раз за разом непостижимо успевал уследить за движе-

ниями гибкого тренированного тела.

Сварт не мог позволить усомниться в себе, предположить, что за время бездействия способности угасли, поэтому все стремительней становились его броски. И напряжение пронзало мышцы скрипом стали. Быстрее! Еще быстрее! Быстрее, чем звук звенящего металла и осыпавшихся с лезвий искр.

Быстрее... Но враг не отставал. Он словно не ощущал усталости. Откуда пришел? Кто? Как?

Поговаривал, что ходили по морям пираты-одиночки, которые пугали своими способностями даже джиннов. Те, кто нашел самые мощные «дары асуров». Сварт слушал легенды и не верил. Не верить легче, чем признать, что сила его не лежала за гранью человеческих возможностей. Слишком невыносимо принять, что лучшим из лучших никогда не стать. «Подарки асуров» – проклятье их мира и заветная мечта любого пирата.

– У тебя дар асуров? Какой? – прошипел Сварт, когда меч оказался вновь пойман в перекрестье сабель.

Но Сумеречный Эльф легко освободил оружие, вывернувшись так, что у любого нормального человека уже вылетел бы плечевой сустав.

– Нет, – с безмятежной наглостью отвечал он. – Я тварь, с которой сотворили...

– Лжец!

В ночи клинки взвивались молниями, корабль окутывал

мрак. Зарницы били в волны, мачта едва их избегала. Молнии, судьбы, клинки – все общее меж ними, роковое. И кто-то закричал – смыло за борт, донесся удар о доски. Возглас стих. А Сварт не замечал качки, он танцевал на скользкой палубе и наслаждался хаосом вокруг.

Буря нарастала, но в море не выходит тот, кто устрасит-ся бурь, поэтому сражались двое. И молнии клинками отбивали скорость. Гулко чеканились о доски шаги. Все чаще, все стремительней, напрягая все органы, все артерии. Клинки смыкались бессчетными ударами. И каждая атака отмеряла ритм урагана. Близился девятый вал.

– Это ты вызвал бурю? – воскликнул Сварт, когда над бригантиной взвилась волна, гигантская, окутанная пеной, как гора со снежной шапкой на вершине.

– Быть может, я. А может, и не я, – издевался Сумеречный Эльф и то ли выкрикнул, то ли хрипло запел без рифмы и мотива: – Нет разницы между горами, ветром, морем – все едино. Едина храбрость, паника иль желчность, един конец, и жизнь всегда едина. И только смерть нас разделяет всех.

Море играло всеми цветами и доставало до самых небес. Соленый ветер шептал о гибели, волны вырывали обшивку, а человек сражался. Так надо, иначе не выжить. Забывая о девятом вале, Сварт продолжал отражать удары меча и высматривать удобный момент для сокрушительной атаки.

И вместе с обрушением волны сразил врага, подкосив ударом сабель ноги, почти перерубив кости. Море громко ухну-

ло, и возглас противника потонул в реве бури.

Сумеречный Эльф упал навзничь, истекая кровью. Сварт торжествовал: он оказался быстрее, искуснее, стремительнее, лучше. В тот миг корабль едва не накрыла волна, но удалось пройти. Буря успокаивалась. На горизонте метавшихся туч уже просматривался просвет, сквозь который ртутью блеснул грозный полумесяц.

– Что скажешь, а, тварь? – торжествуя ухмыльнулся Сварт.

Поверженный враг выронил меч, к его горлу придвинулись лезвия сабель. Капитан алчно ухмылялся, намереваясь добить, вспороть мышцы шеи и упоенно слушать, как задыхается противник.

Сумеречный Эльф, затряс перед собой руками, косясь на клинки, торопливо убеждая:

– Стой, стой! Стой! Я знаю, где сокровище! Величайшее сокровище! И это не тайники джиннов! Кое-что получше!

– Говори! – Сварт плотнее придвинул лезвия к шее поверженного врага. Но с лица медленно сползала ухмылка безумца, стекала застывшая маска улыбки, от уже которой болели скулы.

– Ну, ты же меня убьешь! – вновь строил из себя дурачка Сумеречный Эльф.

– А почему ты так уверен, что мне нужно это сокровище? – спросил Сварт, придвигая лезвия так близко к шее врага, что выступала кровь: – Ты думаешь, я доверюсь твоим

координатам?

И Сварт, вновь ухмыляясь, проткнул мечом горло Сумеречного Эльфа, ни на миг не поверив сказке о сокровищах. Захрустели кости, распадались лоскутками покровы бледной кожи, когда сталь врезалась в плоть. Сварт был готов освежевать врага.

Сумеречный Эльф давился, делал вид, что умоляет о пощаде или посылает проклятья, а потом вдруг встрепенулся и рассмеялся, разводя руками и дрыгая ногами:

– Эх... Вот так незадача! Я бессмертный. И вообще, где гарантия, что твой враг не твое большое воображение?

И тогда Сварту впервые стало по-настоящему страшно. Теперь-то он совершенно ничего не понимал, с подозрением глядя на свои верные лезвия, а потом на руки. Он сошел с ума? Или способность «дара асуров» затуманила его разум?

А Сумеречный Эльф тарашился на него с нескрываемой веселостью. И взгляд карих глаз ужасал сквозящей в них бездной, будто разверзлись темные недра океана и выплеснулись на палубу затерянного корабля. Будто сам Великий Змей, оплетающий мир, вынырнул и принял человеческий облик.

Сумеречный Эльф лежал на спине с выставленными перед собой руками, гадко посмеивался и продолжал свой ненормальный речитатив:

– Люди опадают незаметно, как росинки с лепестков цветов. Истекаешь жизнью беспросветно, ведь творенья замы-

сел таков. Как росинка жизнь, как росинка смерть. Просто
ль ты мечтаешь догореть?

Сварт застыл с перекошенным лицом, опуская сабли, не
зная, какую из масок теперь выбирать – маньяка или хлад-
нокровного расчетливого комбинатора.

– Да кто ты такой?!

Глава 4.

УКРАДЕННЫЙ СВИТОК

– Берегись! – крикнул хранитель зимы, подлетая к хранителю лета. Он успел оттолкнуть молодого дракона за миг до падения гигантской ветки.

Она пронеслась вниз и опасно повисла в сплетении лиан. Когда ломались ветви Дерева, мир ждал бедствия. На этот раз кто-то словно взорвал изнутри часть оси мироздания.

– Это сделали асуры! – воскликнул пораженный хранитель лета.

– Ты в порядке? – спросил древний дракон. В тот миг он думал в первую очередь о молодом товарище.

– Да, о, мастер Вейяча, – почтительно ответил хранитель лета, взмахивая четырьмя прозрачными крыльями с яркими узорами.

Его мягкая красная шерсть и венки цветов на голове светились самой жизнью, как и полагается лету. Но на этот раз синие глаза хранителя лета метали молнии, из ноздрей вырывалось пламя.

Ветви Большого Дерева прорезал скрежет, сыпалась белая кора. Ветер беспощадно трепал листву и свитки, которые едва удерживались на стеллажах. Все рушилось. Прекрасная гармония сменялась тревогой, драконы один за другим просыпались. На верхние ветви поднимались и верные помощники хранителей – феи.

Золотые латы стражей сверкали, стрекотали крылья. Эти создания внешне почти не отличались от людей, но они крепче всех срослись с энергией Дерева и понимали его не хуже драконов. Поэтому феи издавна помогали хранителям, но обитали на среднем ярусе Дерева, на более низких ветвях. Теперь сигнал тревоги, разнесшийся от верхушки до корней, призвал их на высшие уровни, куда обычно не пускали никого, кроме хранителей.

Много их пронеслось мимо мастера Вейячи, а он углубился в наведение порядка на стеллажах. Рухнувшая ветка повредила парящие в невесомости свитки. Их сокровище, их величайшую реликвию.

Древний дракон метался, подбирая размотавшиеся папирусы. Если бы хоть один из них пострадал, перепутались бы нити мироздания. Уничтожение свитка прервало бы судьбу его обладателя, что означало страшное – смерть. Но не в на-

значенное время, а прежде срока. И новый хаос.

Дракон перебирал когтистыми пальцами по страницам. Он почти навел порядок, когда Дерево затряслось от нового удара.

– В чем дело? – встрепенулся он.

– Асуры! Асуры выпустили в море Сциллу и Харибду, – ответил кто-то из пролетающих мимо фей. Сверкнула золотистая кольчуга и изогнутый стальной меч.

– Полагаю, вы уже ничего не сможете сделать, – недовольно отозвался мастер Вейяча и вернулся к свиткам: – Они всегда жили в том проливе. Когда нам удалось заточить их, это еще не значило, что мы их победили. Харибда... Сцилла... Сколько веков я удерживал их на дне океана. Эх, молодежь... Плохо вы работаете.

Когда опасность миновала, оставалось лишь ждать новой атаки. Возможно, асуры отступили, нанеся один короткий удар, выпустив из ловушки чудовищ. Но древний хранитель в этом сомневался. И пока он намеренно не глядел на суету вокруг, медленно перебирая свитки. Он что-то вспоминал, путешествуя в туманных далях своей памяти, похожей на обломки древнего поместья, устланного плющом, где гости – призраки и ключ от ворот давно утерян. Хранитель все силился понять, почему его заставил проснуться свиток Сварта Иренга. И почему в нем оказалось столько пробелов. Пробелы – деяния Неудавшегося Стража Вселенной. Так не до него ли стремились добраться асуры?

Внезапно послышались крики, дракон встрепнулся, из-под челки перьев загорелись желтым его янтарные с изумрудными искрами глаза, он понял: атака асуров переместилась на нижние ветви. Значит, новые стеллажи оказались в опасности, новые свитки. Судьбы!

Мастер Вейяча расправил необъятные изумрудные крылья, требуя посторониться, и неуловимой стрелой кинулся вниз. Из ниоткуда в руке его появился меч, огромный, в человеческий рост, с усыпанной самоцветами рукояткой. По лезвию змеились узоры, изображавшие картину мироздания, Деревя. Меч – его воплощение и защита.

– Мастер Вейяча вышел на бой, мастер... – перешептывались феи, построившись за его спиной рассеянным ромбом. Лишь негромко стрекотали их крылья, когда они прикрывали спину дракона.

– Защитим Большое Дерево! – прошептал хранитель зимы, ступая на нижние ветви.

Библиотека свитков извивалась тысячами прозрачных шкафов, выроставших прямо из белой коры. Искусные узоры проступали на сросшихся с древесиной полках. Хранилище свитков было воплощением покоя. И вот вновь асуры посягали на эту безмятежность, этот порядок, желая уничтожить его, поработить и очернить.

Дракон твердой походкой закаленного воина мгновенно спустился вниз. Битва шла на уровне фей, разносился треск заклинаний, магия стражей вспыхивала зелеными искрами.

Горели янтарем зажженные мечи защитников Дерева.

Драконы тоже сражались. Трое из них остались охранять высший уровень, портал, где сходилась воедино множество миров. Но другие ринулись в атаку. И никто не ждал, что старейший служитель Дерева вступит в противостояние. Но он шел вперед, потому что дурные предчувствия никогда не обманывали его. А они нарастали с каждым шагом.

– Уничтожить! – ревели враги.

Асуры, окутанные соцветиями темных аур, выплавляли клинки из мрака, скрещивая их с оружием хранителей порядка. Сыпались ядовитые черные перья... И оказывалось, что асуров больше, чем фей и драконов, собравшихся в библиотеке Дерева.

Служители тьмы часто пытались похитить то один, то другой свиток, но теперь напали целым отрядом. Они стремились наверх, к оси миров.

Асуры мечтали выбраться из своего запечатанного мира Бенаам, ставшего ловушкой для жадных тварей, которые в незапамятные времена поглотили множество планет. Теперь их удерживала особая магия: однажды собственная жадность сотворила им ловушку.

– Что, не сидится в Бенааме? Не просто так явился Сумеречный Эльф! Чувствовал, что придут к нам те, кто уничтожил его мир, – рычал мастер Вейяча, поливая ледяным пламенем рвущихся к нему всем скопом противников. И они застывали замороженными статуями, падая к подножью Де-

рева, срываясь с белых ветвей.

Двое успели прорвать оцепление, несколько фей болезненно изогнулись, насквозь пропоротые клинками мрака.

Хранитель зимы яростно сжал зубы, заметив проигрыш товарищей, досада и боль затронули все струны его души. И он бросился в атаку. Меч вращался, как карающий смерч.

Несколько асуров сразу же вздрогнули и с треском рассыпались снопом искр. Еще двое сорвались с веток, устремляясь к теряющейся за облаками земле. Служители тьмы не имели четкой формы, но ныне падали к подножью дерева в облике людей. Так им приказывал древним волшебством мастер Вейяча, чтобы ни одна тварь не избежала смертельного столкновения.

Он последовал за теми, кто взлетел под потолок, нарисовавшись уродливыми кляксами на фоне белоснежных ветвей и зеленой листвы. Враги старательно убегали, уклонялись от клинка. Тогда Хранитель бросил меч, точно бумеранг. И оружие верно понеслось вперед, поразив своим вращением сначала одного, а затем и второго противника, пытавшегося прорваться в глубь библиотеки.

– Вы не смаете вмешиваться в судьбы людей! Падальщики хаоса! – громко прошипел мастер Вейяча. Перья его взметнулись от резкого броска, меч вернулся в когтистую лапу. И он продолжил сражение.

Вокруг летали вспышки магии, падали замертво феи, пораженные тьмой. Рассыпались вулканической породой асу-

ры. Хранитель зимы высматривал знакомые лица, и сердце его сжималось, когда он видел, как убивают его друзей.

На ветвях, ведущих к вершине, вели отчаянную борьбу старший лейтенант фей Закуда Мауден и младший лейтенант Янори Хитам, с ними едва ли могли справиться асуры. Хотя Янори всего год назад был только рядовым в страже фей. Хранитель зимы довольно кивнул, глядя, как они бьются.

Несмотря на отчаянную атаку асуров, слаженная работа фей и драконов оттесняла их, отгоняла обратно к черной расселине неверного портала, повисшей недалеко от Дерева. Она смотрелась кровоточащей раной на ткани мироздания. Драконам еще предстояло ее залатать, сплести заново все белые линии, сшить, чтобы не осталось уродливого шрама. А пока они сражались.

Янори, яростно сверкая большими зелеными глазами и встряхивая медными кудрями, отбивался от двух созданий мрака, тесня их и отбрасывая все дальше от драгоценных стеллажей. Гулко трещали его золотистые крылья, мерцали стальные латы.

Закуда, хладнокровный педант и непревзойденный боец, прорубался сквозь врагов с изогнутым мечом и успевал выносить с поля боя раненых товарищей.

В отличие от асуров, феи не устремлялись к земле, даже когда их крылья переставали стрекотать. Их берегла магия Дерева, но в этот день она не спасала от острых мечей мрака,

плавающих доспехи, вспарывающих кольчуги и зачарованные стальные панцири.

Хранитель зимы смотрел на портал, считая, что в библиотеку свитков невозможно попасть иными путями. Никто не мог прокрасться наверх, никто не мог добраться до свитков, которые заставили его проснуться. Никто?

Внезапно он заметил какое-то движение возле стеллажей. Две черные тени копались в тех самых свитках, которые мастер Вейяча только недавно перечитывал. Воры что-то гнусно искали, торопливо сминая папирус. Грязные лапы с черными когтями тянулись к свиткам.

Но вдруг взгляд Легендарного приковал асур, атаковавший Янори. Младший лейтенант отлично отбивался, но предательский удар в спину грозил ему смертью.

Время на размышленья? Секунда, даже меньше. Свитки судеб – драгоценность хранителей, или жизнь младшего лейтенанта? Как мало времени! Время – росинка на лепестке цветка. И жизнь – росинка...

Мастер Вейяча, упав грозovým облаком с вышины ветвей, скалой встал за спиной Янори. Меч немедленно срубил голову подлого врага.

Младший лейтенант Янори обернулся, едва ли поняв, что прошел по грани. Хранитель зимы, не одарив его и взглядом, метнулся к свиткам, но похитители уже украли все, за чем пришли. Он наткнулся лишь на выпотрошенный стеллаж, сиротливо застывший обугленной древесиной, как ра-

зоренное гнездо.

И в этот же миг асуры откатились к portalу темной волной, точно схлынул гибельный поток. Точно кто-то отдал приказ к отступлению.

– Остановите их! – крикнул хранитель зимы, и из его пасти вырвалось ледяное пламя.

Феи и драконы кинулись к черной прорези портала, но она внезапно захлопнулась.

«Это был мой выбор. Выбор... Жизнь младшего лейтенанта в обмен, возможно, на жизнь всего мира. Всё Сумеречный с его извечными разговорами о цели и средствах. Но... я не мог поступить иначе», – ужаснулся хранитель зимы, наблюдая, как исчезают малейшие следы черного портала. Асуры сами закрывали преступный лаз, заматали следы, чтобы никто не смог последовать за ними.

Похоже, приходили они именно за свитками. Положили половину мощного отряда, но свое получили. Наверняка действовали по просчитанному плану, изначально предполагавшему жертвы.

И вот их удалось изгнать, Дерево вновь застыло мнимым покоем, но на нем зияли порезы, которые спешно латали драконы. Сок Большого Дерева – кровь их несчастного мира.

Феи спешили помочь раненым, разбирали завалы из разорванных лиан и срубленных ветвей, проводили подсчет свитков. И никто не знал, победили они на этот раз или потерпели поражение.

Мастер Вейяча стоял в растерянности. Затем, вымещая внутренне волнение, непривычно резко приказал:

– Старший лейтенант Мауден, младший лейтенант Хитам, доложить обстановку!

– Есть, мастер! – вытянулся по струнке Янори Хитам, отрапортовав: – Пятеро наших погибли, семь ранены, потери противника больше наших в два раза, раненых не считали.

– Что со свитками, лейтенант?

– Пропали свитки Капитана Сварта, Аманды Вессон и... и... ваш! – Янори нервно сглотнул, его полудетские наивные глаза виновато округлились. – Еще у двадцати пяти свитков вырваны последние страницы.

– Эти люди живы? – взволнованно вытянул шею хранитель зимы.

– Пока да, но места для описания их судеб осталось немного, – спокойным глухим голосом отвечал лейтенант Закуда, который мало переживал за судьбы людей. Для него свитки всегда были только документами отчетности.

Серая кольчуга и глухой шлем сменились по велению магии строгим костюмом, как у клерков за пределами Острова Дерева. Закуда деловито принялся подбирать парящие в беспорядке свитки и сверять с обширным каталогом.

– Как жаль... – вздохнул хранитель, продолжая тяжким стоном: – Как жаль, что не дано нам клеивать новые листы! Почему даже на отдыхе я должен работать? Я так стар...

– У хранителей нет отпуска, – мрачно ответил Закуда: –

Что делать с вашим свитком? Мы готовы организовать специальный отряд с учетом ваших заслуг...

– Чем я отличаюсь от остальных? Что делать? Искать. Наравне с остальными. Свитки людей, возможно, даже более важны, – ответил мастер Вейяча и взмыл обратно на высокие ветки, лишь приговаривая: – Ничего, хуже мне уже не сделают. Никто не перепишет мой свиток. Никто не сведет меня с ума больше, чем я уже сошел.

Хранитель зимы устроился на широкой ветке, оплел ее, как змея, и затих, укрывшись крыльями. Он не мешал и не помогал, съезжился, не зная, что теперь читать, что вообще делать. Похищенный свиток – похищенная душа, переписанная незаконной рукой судьба. Зачем украли его свиток? Чтобы просто досадить давнему противнику?

«Асуры совсем распоясались, – размышлял мастер Вейяча. – Прорываются через порталы, выпускают в море монстров. Да еще подкидывают людям так называемые «подарки». А люди-то что... Люди – наивный народ, достают, принимают, получают способности и рады. Вот только кто и как их использует? Кто-то и хорошее придумал. Маиму-Длинноногий, ты сумел пойти против воли асуров. Даже когда твои способности зависят от их подарка, этого сомнительного подношения чужого мира, ты все равно сражаешься за добро. Не каждый так умеет. Но нет ли у асуров планов на твой счет?»

– Мастер, библиотека в плачевном состоянии, – пришел

через несколько часов с донесением старший лейтенант Закуда. С собой он нес пять расцарапанных свитков.

– Будто я не вижу, – вздохнул хранитель зимы.

Его сковывал внутренний холод, иней больше не вырвался из ноздрей. Не хватало воздуха. Он чувствовал, что асуры завладели его свитком и мечтают уничтожить, но пока не тропятся, медленно пытаются, скребут когтями по изодранному папирусу. Возможно, они решили доставить душу хранителя на поругание самому темному королю Бенаама.

– Картотека не помогает навести порядок. Боюсь, на это уйдет больше времени, чем мы рассчитывали.

Хранитель зимы и без уточнений знал, что многие свитки оказались перепутаны, переставлены, помяты, как будто за пару секунд по всем полкам прошелся тайфун. Узнавалась работа высших чинов темной армии. Не зря древний хранитель выступил против них. Но он все еще не понимал мотивов.

Украли свиток капитана Сварта, тот самый, из-за которого древний дракон пробудился до срока. Почему именно этого неприметного пирата? И почему именно некой Аманды Вессон?

Мастер Вейяча пока не понимал, он раздраженно бродил по хранилищу, теребя мох на рогах.

Постепенно в душе его созрело опасное решение: «Я спущусь с ветвей Дерева. Я обязан вернуть эти свитки, иначе настанет хаос. Асуры не имеют права вписывать в них новые

строчки. Сумеречный, сдерживай их, пока это в твоих силах. А в моем свитке и так вдоволь похозяйничали асуры. Пока со мной сила хранителя, враги не смогут уничтожить его. Но я должен найти портал в проклятый мир Бенаам. И все исправить».

***

А на бригантине в мире людей шла своя жизнь, тускнеющая, покрытая отсветами месяца. Сварт рассматривал пленника, раздраженно протирая очки. Ничего нового разглядеть не получалось.

Сумеречного Эльфа после поражения связали, заломив руки за спину. Потасили, беспощадно колотя челюстью о палубу, прикрутили всеми свободными цепями и канатами к мачте, вывернув плечи так, что каждый бы взвыл от боли, от этой медленной пытки выламывания суставов. А Эльф молчал и молчал, и свет месяца мешал разглядеть выражение узкого сурового лица.

– Пусть я буду не бродом, но рекой, где каждый найдет покой, не речью, но словом, не ветром, но новым... – тихо пел пленник, потом встрепенулся и более осмысленно проворкотал: – Дерево и свитки. Битва в кроне Дерева. Свитки... Твой свиток, капитан. Твоя душа. Зачем мы сражаемся за

твою душу? Она чернее сажи. Но моя не лучше.

– Сумасшедший, – проскрежетал сквозь зубы Сварт и потребовал масляную лампу, чтобы насладиться видом боли на лице пленника.

Он обожал рассматривать испуганные лица проигравших. Но с некоторых пор осознание, что однажды он оказался в их числе, приносило смешанное чувство ярости и упоения.

Он не мог предположить, что выглядел так же потерянно и удивленно, как те несчастные, которых он обрекал на гибель. Он хотел бы забыть о поражении, но каленым железом выжигал в сознании эту память.

Сварт поднес лампу ближе к пленнику – заплясали огненные блики.

– Я хочу прорасти камнем, как из души исходом грачным, чтобы все черные птицы по полю пошли, а рыжие лошади – по небу. Чтоб не топтали траву, чтоб не метали попусту стройных лет, – продолжал тихо петь пленник.

Пусть так. Порой узники декламировали стихи, чтобы забыть. Но боль всех настигала острыми жалами. Сварт много знал о боли, слишком много. Еще со времен жизни в Круне...

Сумеречный Эльф выглядел отрешенным и одновременно мятежным. Глядел презрительно, как будто знал что-то, но не хотел говорить. И в этой насмешливости проскальзывала небывалая скорбь.

– Ты не охотник на пиратов? Не наймит джиннов? – спро-

сил настойчиво Сварт.

От усиливавшейся бессонницы он стал еще более раздражительным, чем всегда. И непонятные события окончательно выводили из себя.

– Нет. Я сам скорее пират.

– И что ты пытался мне доказать, рассказывая небылицы о каких-то сокровищах? – продолжал монотонно капитан, поднося клинок к лицу пленника, оставляя с наслаждением глубокие порезы.

Сумеречный недовольно повел головой. Несмотря на кровь, сочащуюся по правой щеке, он весело затараторил:

– Да то и пытался! Послушай! Поговаривают, что есть одно сокровище, бесценное сокровище. Оно дает больше, чем все мировые клады, больше, чем власть над людьми. Сокровище называется: Алмаз Времени.

– Я знаю. Это лишь слухи.

Капитан был весьма неплохо осведомлен обо всех пиратских легендах. Не просто так он бороздил моря уже больше двадцати лет, а в детстве внимательно слушал все портовые слухи.

Рассказывали, что в начале творения, когда кипел мировой океан, Большое Дерево разбрасывало листья, чтобы потушить его и превратить огонь в воду. Некоторые листья упали в глубины и обратились в драгоценные камни, в которых затаилась невероятная сила. Но подобных артефактов никто не встречал. В отличие от «подарков асуров». Так что Сварт

считал все выдумкой.

– Алмаз позволит вернуться в любой момент твоего прошлого, – упоенно говорил Эльф, но вздрогнул, когда лезвие разрезало его левую щеку.

Сварт недовольно хмыкнул:

– Такого алмаза не может существовать.

Капитан рассчитывал пытками вытянуть ответ о появлении пришельца и его истинной личности. Он беспощадно пнул пленника ногой в солнечное сплетение. Из рта Эльфа вылетели кровавые ошметки. Сварт не ведал, испытывает бессмертный боль или только делает вид. Мотая головой и пытаясь восстановить дыхание, Сумеречный Эльф прохрипел:

– Но ты ведь хочешь кое-что подлатать в прошлом?

– Хм... – сощурились глаза Сварта. – Это мое дело.

– Твое. Но я тут выгодно купил у одного торговца престранную карту. Не хочешь взглянуть? – Сумеречный пытался пошевелиться под гнетом цепей.

И Сварт вспомнил, что пленника не обыскивали. Неосмотрительно.

– Это подделка. Тебя обманули, идиот. Меня больше интересует, кто ты и откуда. Ты ведь наймит джиннов. Признайся! Зачем тебе лишние страдания?

– Правда, чтобы Алмаз заработал, к нему нужен часовой механизм. И находятся они в разных океанах. А я добыл еще более выгодно и вторую карту! – как будто не слышал возра-

жений упрямый собеседник.

– Почему ты думаешь, что меня это заинтересует? Человек появляется посреди океана и предлагает сокровища. Кого ты пытаешься рассмешить? – недовольно отвернулся Сварт.

Заметив, что кровь Эльфа испачкала носок его сапога, капитан скривился, будто проглотил лимон. Затем пренебрежение сменилось злобой. Он снова ударил пленника ногой под грудину, за порчу одежды.

– Значит, ты уже не хочешь ничего изменить? – не сдавался и хрипел Сумеречный Эльф.

А затем вдруг вскочил, точно на пружине. Ни ран, ни цепей на нем не осталось, оковы пали и исчезли. Он небрежно расправил плечи, разминая шею и с удовольствием вдыхая морской воздух. Роль пленника наскучила ему, как старые обноски – маскирующемуся королю.

Сварт отпрянул, готовясь вновь сражаться, обнажая сабли. Команда немедленно выхватила оружие, рассыпавшись испуганной толпой за спиной предводителя. Они все оцепенели от столкновения с чем-то необъяснимым.

– Кто ты и почему оказался на моем корабле? – зашипел, как испуганный кот, Сварт.

Пришелец не собирался сражаться, ножны не появлялись у него за спиной. Он безмятежно развел руками, совершенно открытый для любого удара, и, задумчиво прикрывая глаза, ответил:

– Ты же мне не поверишь. Если я скажу, что мой корабль потерпел бедствие, и я ловко запрыгнул к вам на борт, ты не поверишь. Если я скажу, что я пришелец из другого мира, ты не поверишь. Если я расскажу, как мой мир Бенаам захватили асуры, ты просто ничего не поймешь. Пожалуй, ты больше поверишь, если я скажу, что я твоя шизофрения, и команда только притворяется, что видит меня. А мысли об Алмазе были в твоей голове сами по себе. Короче говоря, ты же ничему не поверишь.

– Верно. Надежнее тебя убить.

Сварт совершил стремительный бросок, две сабли единым лезвием пропорол сердце противника, разрывая внутренности. Но Сумеречный Эльф спокойно стоял, покачивая головой. Как будто сочувственно.

– Что поделать! Меня нельзя убить. Я сам порой не рад. Может быть, я действительно твоя шизофрения? И у меня две карты. А вы сбились с курса, – загадочно улыбался он, пока Сварт выбивался из сил в попытках уничтожить непостижимое существо.

– Ты считаешь, твои карты что-то значат для меня, жалкий клоун? – отпрянул Сварт. Снова на него накатил непривычный ужас перед непознанным.

– Нет, ну, ты сам подумай, дальше мне вас сбивать некуда, вы и так сбились! – откровенно смеялся Эльф.

А потом вдруг покорно подошел к мачте, прислонился к ней спиной, сполз вниз. И оказался снова весь в перекре-

стях цепей и канатов, повергая капитана и команду в еще большее удивление. И снова на лице пленника появились раны от лезвий. Исчезли только смертельные отметины.

«Я схожу с ума, схожу с ума. Точно схожу с ума», – билась в голове Сварта единственная здравая мысль. Он настолько не поверил своим глазам, что снял разбитые очки и потер веки, уже считая, что ему все мерещится от бессонницы.

Но как мог померещиться бросок и удар? С сабель еще стекала кровь. Вроде бы стекала. Предположения Эльфа о том, что он только шизофрения, галлюцинация, уже не казались столь абсурдными, как сутки назад.

Сварт с трудом убедил себя, что допрос все-таки произошел в реальности. А вот внезапное освобождение – плод уставшего воображения. Признать, что собственный разум помутился, не хотелось. Да и команда не могла видеть один общий мираж на всех.

Сварт, недовольно цыкнув, ушел в свою каюту, проверив на всякий случай, не пропал ли старинный меч врага. Но тот оказался на месте, лежал на столе с бесполезными картами. Капитан немного успокоился, накидывая камзол на плечи и застывая в не слишком удобной позе возле иллюминатора.

Так прошла ночь, снова бессонная для капитана. Он редко отдыхал в последнее время. Его постоянно тревожил какой-то гул в голове, словно некий голос манил куда-то, звал во тьму. Этот зов заглушал даже привычный шепот соленого ветра.

– Мир Бенаам. Асуры... Бенаам. Алмаз Времени, – шептал некто в смутных видениях.

Сварт сбрасывал дремоту и больше не желал возвращаться в мир зыбких кошмаров, суть которых он никогда не помнил. В ночи зов ощущался сильнее, застывал тревогой и недовольством. Когда приходил голос, заснуть не удавалось до самого утра.

И Сварт продолжал думать и вспоминать, прокручивать сотни раз пленку своего поражения. Маиму-Длинноногий, лорд Вессон. Аманда Вессон... А что Аманда? Она сгинула в пожаре. О ней Сварт не вспоминал.

Он впадал в оцепенение, забывая, что совершенно не дышит. Да наплевать! Даже если такие ночи истрепали его душу, как буря – посеревший парус.

Под утро, едва забрезжил рассвет, капитан вышел на палубу. Пленник дремал, привязанный к мачте, несмотря на совершенно вывихнутые руки. Капитан торжествующе ухмыльнулся. Сощурившись, он поглядел на зеленеющий восток. Затем подошел к пленнику, приподнял его безвольно опущенную голову кончиком лезвия сабли.

Глаза Сумеречного Эльфа были туманны и почти бессмысленны, губы с запекшейся кровью потрескались от жажды и ветра. Сварт довольно ухмыльнулся, считая, что теперь получит достоверную информацию.

– Ты ответишь, гнида, кто ты, в конце концов?

Глава 5.

НЕ ЗНАЯ ПУТИ, НЕ СБИТЬСЯ С КУРСА

Крона Большого Дерева вновь затихла, сверкая исцеленной белой корой. Свитки замирали поднебесной прозрачностью, как стекла.

Жизнь – хрусталь и ключ, сияющий зеленым востоком на севере. И кто-то смыслами питался, а кто-то бродил в пустом саду среди трезвона сфер в отделении от тел-книг-судеб. Смысл уходил дорогой цветов за страницы: бумага неверное пристанище. Смысл покидал свитки, когда в них случался хаос. И жизнь исходила пересохшими снами, звуча на одной ноте. Жизнь – остановка на долгом пути.

Так думали хранители и не дорожили людскими жизнями. Своими... Лишь иногда. Долг держал их сильнее, чем любовь к сыпучим дням. Только долг, и все ж... И все-таки, и

все же... Росинка. Жизнь – росинка. Но росы многие – река.

Мастер Вейяча сидел на верхней ветке, там, где ярко свети­лась точка схода миров. Он больше не читал, только, сгор­бившись, ждал. Грыз крупными клыками сочный гранат, и сок тек между пальцев, словно кровь.

Он знал, чем опасно похищение его свитка. Знал, но страх сочился где-то за пределами него. Он только туманно вспо­минал, как будто не свое, не о себе: «Я давно уже безумен, хуже быть может, но не более чем... Я сражался со злом, они лишили меня рассудка. С тех пор я слышу голос Бенаама. С тех пор я скрываюсь от хранителей и не вступаю в битвы. Я... Могу сам стать асуром, падшим хранителем. Я больше не вижу сквозь жизнь, поэтому не ведаю, что они замышля­ют».

Гранат упал из разжатых пальцев, мякоть оставила на бе­лой коре багряный след. Болезненно вздрогнули изумрудные крылья хранителя, который больше не желал называться сво­им древним именем. Мастер Вейяча – защитник второго ме­сяца зимы.

Он многие века нес верно службу. Но однажды столкнулся с самим Хаосом, первым асуром. Гигантский древний Змей стремился выбраться из черной дыры, ставшей его темни­цей.

Все асуры тянулись к порталу, что открывал путь к сотням миров. Их снедал чудовищный голод. В день пришествия Змея разверзлось и потемнело небо, расступились звезды, не

взошло солнце. Сияющие линии мира осыпались разорванными нитками. Против него пришлось выступить всем двенадцати хранителям. В живых остался только один, который загнал Змея обратно в ловушку черной дыры. Победитель. Мастер Вейяча.

И в той битве он потерял свое имя, получив незаживающие раны. Спустя столетия они затянулись, покрывшись коркой шрамов. Но где-то в глубине засели осколки ядовитых когтей, отравивших хранителя судеб.

Со временем на ветвях Большого Дерева созрели в гнездах новые коконы, из которых вылупилось следующее поколение драконов-хранителей. И они не знали, какой ужас довелось пережить последнему из первых. Где-то в глубине души он сам обратился в асура...

«Зло никогда не победит, – убеждал себя хранитель зимы и не верил. – Но лишь бы не настали времена, когда добро людей – несовершенство зла. Тогда все зыбко, все дозволено. Я снова должен шагнуть в пропасть».

Под сердцем смерзлся ком, как в день перед битвой с величайшим Змеем. В мире Бенаам ждало иное зло, второй древний асур. Вероятно, именно к нему попали украденные свитки. Но чего он хотел на этот раз? Знал ли о готовящемся нападении Сумеречный Эльф, этот бродяга, Страж Вселенной? Если знал, то не предупредил. А теперь и вовсе затерялся где-то в забытых морях. Мастер Вейяча все больше убеждался, что неудавшийся Страж Вселенной всегда ведет

свою игру. Не означало ли это, что настало время действовать? Он и так несколько веков провел в библиотеке.

– Мастер Вейяча. Разрешите обратиться.

Дробно стрекоча крыльями, подлетел старший лейтенант Закуда. На нем красовался строгий костюм-тройка серого оттенка. Прямая линия – так представлялся весь он. Прямая осанка, прямой длинный нос, перпендикулярно – прямая черта сощуренных зеленых глаз, смотрящих всегда исключительно прямо. Закуда Мауден за свои тридцать восемь лет ни разу не отклонялся от правил библиотеки свитков.

Он всегда ощущал благоговейный трепет в присутствии древнего хранителя, особенно теперь, когда считал себя в высшей мере виновным из-за пропажи свитков. За свою жизнь Закуда осознал одно: он должен быть всегда и везде, чтобы ничто не дало трещину в мировом порядке. Но везде он не успевал. И от количества трещин был раздражителен и хмур, не зная радости. Желание совершенного порядка исключает радость. Мастер Вейяча давно забыл, каково это – радоваться.

Он отвлекся от поглощения фруктов, сторбленный, усталый, словно птица, истомленная ожиданием полета. Медленно повернул голову, негромко спросил:

– Как продвигаются поиски?

Закуда выпрямился. Несмотря на внутренний трепет, он говорил спокойно, сдержанно:

– Сожалею, господин, но о вашем свитке ничего не извест-

но. Наши сотрудники следят за состоянием рассудка Аманды Вессон, заметны ухудшения, очевидно, работа асуров. О книге пирата Сварта Иренга ничего не известно, предполагается, что его свиток необходим асурам для неких планов. Каких именно – невозможно выяснить. Может быть, убить его, чтобы служители тьмы не могли исказить его свиток? Так было бы проще.

– Исказить... куда уж дальше. А вот убить... Проще... – вздохнул хранитель зимы, но резко вскинул голову: – Старший лейтенант Закуда, как вы относитесь к младшему лейтенанту Янори?

Закуда был несколько сбит с толку:

– Он неплохой работник и боец. Только слишком много любезничает с девушками. И с феями, и с представительницами человеческой расы.

– Что бы вы почувствовали в случае его гибели? – пристально посмотрел на Закуду хранитель зимы.

Чутьем дракона он ощущал, как по спине старшего лейтенанта прошли волны холода и жара, точно от легкого разряда тока. Закуда ответил, подумав с полминуты:

– Видимо, огорчение и сожаление. Ведь он еще очень молод.

Хранитель зимы отвернулся и ответил с несвойственной ему резкостью и торопливостью:

– Так вот, старший лейтенант Закуда. Когда случилась атака на крону Древа, мне было бы проще позволить Янори

умереть и не допустить похищения книг. Я видел похитителей. Но я так не мог. Проще не всегда лучше, вы должны это понимать, старший лейтенант.

Закуда вытянулся, как солдат на параде, ничего не сказал, только кивком головы поклонился.

– Ступайте, – вновь берясь за фрукты, пространно повел рукой мастер Вейяча.

Говорил он уже мягко, успокаивающе, обычно он не таил обид. Его сердце отравляли когти великого асура. Но, казалось, взгляд его прозрел для большего, чем жизнь и смерть, чем вечность. Как будто все стало единым. Как будто Хаос научил его тому, что идеальный порядок – не всегда означает благо.

– Есть, господин, – выпрямился старший лейтенант и удалился, стрекоча сизо-зелеными крыльями.

– Ищите пока, ищите, – покачивал головой дракон, говоря сам с собой. Он плыл в вышине среди стеллажей, среди миллиардов судеб из всех миров: – Не волнуйтесь. Ничто не грозит тому, кто не поддается асурам в своей душе. Свиток не исчерпывает человека. У него всегда есть выбор.

***

Великий мастер Вейяча говорил верные вещи. Но всегда

ли? Он много лет бездействовал.

В душе старшего лейтенанта Закуды образ идола внезапно пошатнулся, сомнения заползли в нее коварными змеями: «Что если великий хранитель зимы ошибается? Что если он перестал различать добро и зло? Он изранен, поэтому он и ушел в отставку... Что если теперь мы должны действовать по своему усмотрению, без его совета? Его свиток захвачен асурами. Не они ли говорят его устами? Не их ли идеи несет он нам, пока мы готовы слушать? Не в этом ли был план врагов?»

Закуда разбирал отчеты армии фей о поисках украденных свитков. Разведчики искали по всему миру, но ничего не находили. Ситуация усугублялась еще и тем, что после атаки служителей тьмы пропали все незакрытые порталы в Бенаам, мир асуров.

Сомнения не давали покоя старшему лейтенанту. Он бы желал избавиться от этих противоречий и ненавидел себя за такие мысли. Но они возникали все настойчивее, врываются в голову, как первая весенняя гроза в тишину цветущей природы.

Так прошел день. От отчетов у Закуды началась мигрень. Он старательно разложил все донесения на обширном столе, парящем между стеллажей. Ему не нравилось, что разведчикам нечего доложить драконам, которые обеспокоенно замерли на верхних ветвях. Феи еще никогда не подводили хранителей.

И Закуда не желал думать, что это по его вине. Ведь именно он обычно сражался вместе с младшим лейтенантом Янори. А в тот день мальчишка унесся слишком далеко, так далеко, что его спас от неминуемой гибели лишь великий мастер. И такой непоправимой ценой... Что если самого мастера уже не осталось?

Сомнения Закуды нарастали волной цунами, мешая обдумывать насущные поручения. И он злился.

Недовольство собой дошло до такого предела, что он решил перечитать «Свод Правил Хранителей», одним из составителей которого являлся как раз мастер Вейяча. Правила написало первое поколение драконов, героически погибшее в борьбе со Змеем Хаоса. Несмотря на древность писания, оно помогало решать многие проблемы вплоть до этих смутных дней. Закуда поднялся на верхние ветви, доложив хранителю лета о своих намерениях. Дракон пропустил его в обширное дупло, напоминавшее скорее пещеру. Там в полумраке сплетения корней и лиан хранился древнейший свиток библиотеки.

«Если я и найду что-то о возможном безумии хранителей, то только здесь. Что в таком случае делать феям? Имеем ли мы право вмешиваться? Но если не вмешаться, возможно, погибнет вся библиотека», – думал старший лейтенант. Всю ночь напролет Закуда листал пожелтевший папирус в синем свете люминесцентных грибов. Он выверял каждое предложение в «Своде» относительно похищенных свитков.

Закуда весь точно состоял из правил и запретов. И на рассвете он неожиданно для себя понял, что идол для него не настоящий живой мастер Вейяча, а тот древний, который много веков назад составлял «Свод». Осталось ли хоть что-то от великого блюстителя порядка теперь? Закуда не знал. И опасался своего незнания. Только папирус «Свода Правил» оставался для него последней надежной вещью в этом пошатнувшемся мире.

Утром он вышел из библиотеки, пугая всех черными сиянками под глазами и до озлобленности решительным выражением осунувшегося лица. «Если он сам писал эти строки, – думал старший лейтенант, – то я ничего не нарушу, если последую им».

***

Корабль плавно несся в неизвестность. Без навигатора никто не мог сказать, куда именно. Судя по скорости, его подло схватило какое-то течение. Быстрое и незаметное, как змея в песке.

Созвездия становились все менее знакомыми, команда с ужасом смотрела на компас, надеясь хотя бы по нему восстановить курс. Но казалось, корабль затерялся в неизведанных морях. Словно кто-то манил его, все дальше и дальше утя-

гивая в пропасть.

Сварт не мог убедить себя, что курс потерян окончательно, поэтому яростно вымещал недовольство собой на пленнике. Сумеречный Эльф раздражал с каждым днем все больше, ведь никакое разумное объяснение не подходило к его появлению на корабле и странному поведению. Да еще к упрямому нежеланию подышать.

– Ты ответишь, кто ты, в конце концов? – приподнимал клинком голову пленника Сварт.

И так длилось уже три дня. Сумеречный Эльф улыбался ссохшимися губами. Измученно, но словно не от ран, пленник отвечал:

– Я один из тринадцати проклятых... последний... Страж Вселенной.

– Никогда о таких не слышал, – нахмурился капитан, недоверчиво поворачивая голову и вновь приподнимая лицо врага клинком, словно пытаясь рассмотреть пленника со всех сторон, чтобы понять, по каким же признакам он принадлежит к этим мистическим проклятым. Такой пиратской легенды Сварт не знал.

– Тебе не стоит слышать о них. Исчезли они. Сгинули все. Они были очень сильны. Вот и все, что надлежит знать. Сильны... – лицо Сумеречного на миг стало задумчивым и невыразимо скорбным, взгляд устремился куда-то вдаль, через многие десятилетия. Потом он добавил: – И очень опрометчивы. Неудавшиеся стражи Вселенной...

– Зачем тебе на Ифритову Смерть? – спросил Сварт, плотнее поднося к горлу пленника саблю.

Об этом окутанном слухами острове он хотя бы что-то знал. Говорили, что лучше туда не соваться. Ифритовой Смертью он назывался, потому что в тех водах потонул не один корабль. Не спасались даже мощные пароходы джиннов.

– Мне? Это тебе! – снова превращался в шута Эльф, перебирая пальцами связанных рук. Как будто забывая о побоях и ранах, он весело вскидывал голову, точно танцуя всем телом, насколько позволяли туго притянутые к мачте запястья.

– Но предложил ты, падла! – ударил сильными ногами Сварт, настолько взбешенный непониманием происшедшего, что не знал, на ком еще выместить гнев. На высоком лбу взбухла вена ярости, болезненно колотясь сквозь пожелтевшую кожу.

– Ну... Считай, что я генератор хороших идей. Доброжелатель, – прохрипел Сумеречный, продолжая дергаться в неподвижном танце.

– Не верю, – отвернулся Сварт, рассматривая горизонт, скрещивая руки. Вид собеседника казался уже невыносимым.

– И правильно! – подался вперед Эльф и снова скинул все канаты, вскакивая и начиная пританцовывать. Уже свободно, в высшей степени нагло.

Команда обнажила сабли, Сварт принял боевую стойку и

прошипел, дрожа от ярости:

– Вот и убирайся с моего корабля.

Больше он не скрывал своей обескураженности. Все прочие бедствия меркли в сравнении с неожиданным «приобретением». Что хуже всего – после таких фокусов с освобождением от цепей Сварт начинал сомневаться в ясности своего рассудка. А настойчивый голос в голове, становившийся все громче с каждой ночью, заставлял делать неутешительные выводы. При всем отчаянии и при всей апатии Сварту не улыбалось закончить свои дни жалким сумасшедшим.

– Не хочу! – безумно вращая темными глазами, отвечал Сумеречный.

– Стальных клинков давно не пробовал? – угрожал капитан.

– Ну-ну, я мирное создание! – поднял руки Эльф и, приподняв указательный палец правой, милейше улыбнулся: – Я, может, хочу к тебе в старпомы наняться.

– Кто это тебя возьмет! – задохнулся от негодования собеседник, как и половина команды. Особенно, настоящий старпом. Он встряхнул сизыми космами и сочно выругался.

– Заткнись, Облезлый Сэм, – сквозь зубы шикнул на него Сварт.

– Ладно-ладно. Вторым старпомом! А назначишь меня ты! Кто здесь капитан, по-твоему? – ответил Эльф, пританцовывая и выделывая руками невообразимые фигуры.

– Вот именно, что я! Непревзойденный капитан Сварт! –

давился возмущением собеседник, но вскоре нахмурился, хладнокровно выпрямился, поправляя очки, и высокомерно продолжил: – А ты кто, никто не знает.

– Ну, я-то знаю, – нарочито обижался Эльф, приподнимая черные брови.

– Ты идиот или прикидываешься? – скорчил гримасу презрения Сварт, пристально следя за каждым шагом противника. Его изобретательный рассудок считал клоунские движения частью какой-то секретной техники боя.

– А как на вид? Да что тебе, Сварт! У тебя и прошлый старпом был идиотом!

– Заткнись! – подал обиженный голос старпом.

– Тебе же нужно, чтобы кто-то оттенял тебя.

Негодование капитана не знало границ, оскал исказил лицо. Сумеречный Эльф тем временем изображал чайку и картинно махал руками, точно исполняя танец дождя. Да он просто издевался! И, что хуже всего, Сварт знал, что очередная атака саблями ничего не даст. Враг не нападал первым – уже хоть что-то. Поверить в то, что кто-то решил помочь ему, Сварт не мог. Сказали бы еще, что к ним спустился один из хранителей Большого Дерева! Абсурд.

Вскоре веселье Сумеречного Эльфа исчезло, испарилось дымом предрассветных миражей, точно слетела маска. Опустив руки, он подошел к капитану.

Пленник все приближался, а Сварт не желал делать и шага назад. Команда застыла, готовясь атаковать. И в тишине

плескания волн лишь поскрипывали доски палубы.

Сварт не нападал, держал сабли наготове, выставив перед собой, оскалившись волком. А Сумеречный Эльф неторопливо подошел, совсем тихо, как бесшумная тень пропавшего на дне морском. Затем он резко подался вперед и намеренно насадил себя на сабли. Обжег непознанной кротостью взгляд загнанной лошади... Он сделал еще пару шагов навстречу.

Сварт пытался вырвать сабли, но бросить их не решался. А Эльф остановился настолько близко, что его алая кровь капля за каплей перекрашивала поверхность черных сапог капитана. Будто это существо знало, что Сварт ненавидит, когда кровь врага пачкает одежду или обувь. Атаковал он обычно молниеносно, алые брызги почти не задевали его. Но не в этот раз.

Сумеречный стоял, раскинув руки. Он проговорил тихо, но настойчиво, заставляя услышать:

– Я не злонамеренно пришел на твой корабль. Не надо пытаться меня убить или пленить. Это бесполезно. Возможно, я сам желаю смерти, но эта жизнь Стража бесконечна. Прими факт моего пребывания на этом корабле. Я пробуду здесь до вечера. Команда больше не пленит меня.

– Команда слушает меня! – взорвался от ярости Сварт, с перекошенным лицом вырывая наконец оружие и отскакивая на несколько метров.

– Не совсем... Их гипнотизирует страх. Они парализованы так же, как ты, – уже скептически отвечало существо, рас-

смамливая задумчиво, как из свежей раны на груди сочится кровь. Но не жизнь с нею, не жизнь.

Сварт растерянно приказывал, срываясь, как захлебнувшийся лаем пес, чья цепь слишком коротка, чтоб остановить грабителя сознания:

– Команда! Треклятое отребье! Почему вы застыли?

Капитан ощутил ужас. Да, именно ужас: он встретил не просто врага, а нечто совершенно необъяснимое, слишком сильное. Но не сила выводила из себя, а нарушение всех логических законов. Парадокс.

Команда оставалась неподвижна, Сумеречный глядел на кровь, измаравшую серые доски палубы, наклонился, окуная в нее пальцы, рассматривая:

– Надо же... Откуда кровь у лишнего тела? Какая я удачная иллюзия. Так ведь? Иллюзия для борьбы с асурами. Тварь, с которой сотворили.

Небо кренилось тучами, тащилось за морским течением. Все тише становилось вокруг. Одинокие птицы не встречались в небе, исчезли и рыбы, что порой мелькали призрачностью иного мира под гладью воды. Тишина. Даже волны не тревожили звуками борта бригаантины. Паруса на фокмачте безвольно обвисли. Лишь слегка колыхался грот-трисель. Вперед увлекал не ветер. Отнюдь не ветер.

– Иллюзия... – выдохнул едва слышно Сварт. Его безумие обретало голос и признавало свою нереальность.

А существовал ли корабль? В воцарившейся мертвенной

тишине капитан уже не верил себе. Возможно, он сидел в темноте карцера. В камере обреченного на смерть.

Сумеречный Эльф встряхнул головой, и кровь исчезла с ладоней, с тела, с одежды. Изошла из раны, которая тоже пропала. Снова, опять!

– Мы можем просто поговорить? Я не прошу меч, я не буду нападать, – поднял он глаза: – Нам осталось всего два часа.

– Два часа до чего? – вздрогнул Сварт. Два часа до казни? Два часа до прозрения.

– Чтоб открылось окно, – ответил Сумеречный. – Я уйду. Обрато.

– Куда?

– Откуда пришел.

– Я разгадаю твой план! – злился на сложность загадки Сварт.

– Да. Когда-нибудь, очень скоро, – вздохнул Эльф и окинул взглядом команду. Медленно, печально. Как будто каждого заметил и разглядел. Что он в них нашел? Рабы! Подхалимы! Группа пропащих людей. Но пленник смотрел без ненависти.

– Люди... люди, – вздохнул Сумеречный Эльф. – Люди плавятся в закате, как свечи. Застывают, как обломки января, как снежинки на ладони. Тают – новая заря. Новая свеча вспорхнула, полетела напролом. Души, души – только время. Время вечно о былом.

Небо кружилось над кораблем, заворачивалось кругом, неправильно и туго, задыхалось ранним закатом. Темнело слишком быстро. Сварт это заметил, когда мгла скрыла полумесяц. А только ведь недавно настал рассвет!

Сварт нервно выставил сабли, сам не зная, для чего. Вена на лбу пульсировала, отдавалась сдавленной злобой в сердце. Но он заставил себя стать вновь спокойным, хоть все вокруг терзалось тревогой: и пришелец, и небо, и тишина моря.

– Что ж, если не больше двух часов. Я подожду, – согласился он.

Сумеречный оживился, но маска шута уже не прилипала к лицу. Он вновь окинул взглядом команду и, сгорбившись, охнул, обнимая себя руками, оседая на палубу, как будто тысячи копий вонзились в него. Знал он что-то. Что-то ужасное! Сварт в очередной раз представил карцер висельников. Зловонный каменный мешок без окон, куда сажали самых опасных преступников, которые потеряли счет своим жертвам. Карцер для таких, как он.

– Что за жалкая комедия! – небрежно фыркнул Сварт. – Делай что хочешь. Пока что. Я буду наблюдать за тобой. Не думай, что окажешься сильнее на этот раз, если попытаешься сражаться.

Сумеречный Эльф улыбнулся, загадочно, туманно. Тепло? Сварт уловил лишь снисхождение и оскорбление в такой ухмылке.

«Два часа, – думал он: – Если он не уйдет через два часа,

я... Проклятье! Да что же мне делать через два часа?»

Сумеречный все рассматривал растерянную команду. Он вытянул руку, как будто пытался удержать кого-то на краю пропасти, но схватил только воздух. Вскоре он вздохнул и зatih, запрокинув голову к небу.

Сварт наблюдал, пытаясь хоть что-то выудить из этих действий противника. Списывать все на то, что им попался псих, слишком просто. Психом объявляют, когда не хотят по-настоящему мыслить. Сварт надеялся постичь замысел пришельца.

Сумеречный устроился на свитых кантах, что раньше служили ему цепями. Сварт, приказав команде вернуться к своим делам, остался у борта, просматривая одновременно и палубу, и творящее за пределами корабля.

А творилось что-то неладное: вода мутнела и пенилась. Местами, за пределами течения, кружили водовороты и выплескивались пузыри от подземных вулканов.

Сварт подозревал, что корабль не выберется... Подозревал? Нет, уже почти знал. Знал с тех пор, как они потеряли курс и попали в это коварное течение.

Прощался ли он с жизнью? Нет, рассудок заставлял что-то придумать, не смиряться. Верил ли он в жизнь за гранью? Тоже нет. Но стойко принимал, что может и не выбраться. Еще не гасла последняя надежда обреченных. Уже такое случалось, когда не верилось в победу – как-то выбирались. Кто боится пропасть – не выходит в море. Кто боится жить – мо-

жет и не жить.

Но теперь, в присутствии пришельца, острее обычного нахлынули дурные предчувствия: «Когда же удача покинула нас? В тот самый миг поражения. Да, когда Маиму-Длинноногий раскрыл заговор. В тот самый миг удача покинула нас. Он выпил ее! Ее можно выпить, впитать! Что за бред? Это все какая-то мистика! Но с тех пор ему везло, а нам нет! Наверное, так с каждым, кого он побеждал»

Пленник наблюдал. Они следили друг за другом, как звери перед прыжком. Напряжение нарастало, неожиданно Эльф, вскинув брови, спросил:

– Мы можем поговорить?

– Нет! – исступленно протирая очки, отрезал Сварт.

– Ты понимаешь, сколько зла ты совершил и хотел совершить? Ты уничтожил столько жизней, – игнорировал возражение собеседника Эльф, задумчиво продолжая: – Судьба человека – свиток, пустой папирус. Ее наполняют люди вокруг. И сам человек своими делами и мыслями. Но прерывать ее, вырывать страницы – это великий грех.

– Грех? Да что вы все со своим добром пристали? Ты видел хоть одно провозглашенное божество? – саркастически рассмеялся капитан.

Слова врага вплавлялись в невеселый ход его мыслей. Ведь сейчас, когда они сбились с курса, он снова не уповал ни на кого. Он понимал одно: не на кого. Он полагался всегда только на себя. Но Сумеречный совершенно уверенно отве-

чал:

– Не видел, но слышал! Я знаю, что есть мир чистого бытия. И иногда удается в него прорваться, услышать его музыку. Стоит только один раз ее услышать – и нет покоя ни на суше, ни в море. А найти ее можно только в своей душе.

– Зачем я слушаю весь этот бред, – потряс головой Сварт.

Они снова замолчали. Эльф погрузился в свои мысли, пират – в свои. Корабль все набирал скорость, его подгонял теперь и ветер. Только не назвать попутным ветер для тех, у кого нет пути.

Сварт сдвинул край борта. Он ощущал приближение чего-то, но не привык полагаться на интуицию. До этого он словно был ко всему равнодушен. А теперь, когда начинало происходить нечто опасное, он хотел выбраться. Но наваливалась нестерпимая сковывающая усталость.

– Неужели нет людей, которыми бы ты дорожил. Нет тех, кто дорожил бы тобой? – как из подземелья, раздался голос Сумеречного.

Сварт вздрогнул, отпуская край борта, бросая торопливо:

– Нет. Это помеха в осуществлении планов.

– «Помеха», – горько рассмеялся собеседник: – Мечта без друзей, эгоистическая мечта – мания.

– Каждый называет вещи по-своему. Я избрал свои координаты. В них нет места слезливой жалости и фальшивой дружбе, – говорил настойчиво и высокомерно Сварт.

– А как же твоя команда? – спрашивал Эльф, впрочем,

ответ лежал на поверхности.

– Что команда, так, чернь... Тупоголовая чернь, стадо, – не скрывая, говорил при команде капитан.

– Видимо, ты сам набрал себе таких. Вот у Маиму сейчас не такие.

Вена на лбу Сварт снова взбухла от негодования. О! Как он ненавидел это имя! Оно раздавалось звоном в ушах, каждый день, каждую ночь, везде и повсюду.

– Не смей при нем упоминать обо мне! Проклятье! – Сварт с досадой поправил очки: – При мне о нем!

– Ты все еще не хочешь взглянуть на карты? – грустно проговорил Сумеречный и продолжил глухо: – Не собираешься сменить курс?

– Земля! Земля! – закричали с вершины фок-мачты.

– Какого змея морского я буду его менять! – оживился Сварт, захлебываясь воздухом. – Вот мы и достигли Пустых Островов!

– Какие мелкие ты цели ставишь перед собой, – тихо ответил Эльф, вздыхая, съеживаясь: – А ведь у человека должна быть одна, возможно, невыполнимая и заветная. Так что... Не меняешь курс? Впрочем... Поздно. Слишком поздно!

– Капитан! Это не Пустые Острова! – дрогнул в тот же миг голос с мачты.

Глава 6.

ЗАПАДНЯ

Сварт застыл, глядя на открывшийся вид. Вдали маячила, стремительно приближаясь, бурая гряда рифов и какой-то остров с узким проливом между двумя скалами. Течение продолжало нести корабль, навязывая свою неумолимую волю.

– Тебе знаком этот пролив? – обратился Сварт к пленнику, подозревая, что бессмертный располагает некой информацией.

– Я здесь раньше не бывал, – уклончиво ответил Сумеречный Эльф. Он чего-то ждал, сидел на канатах, скрестив пальцы рук.

«Менять курс? Течение слишком быстрое! Нас разобьет о скалы. Здесь целая гряда рифов. Не обойти. Придется через

пролив», – судорожно оценивал капитан.

Скалы молчали, поглотив корабль, как горечь тоски. Деревянные борта укрыла плотная тень, течение и парус быстро несли в мрачную пещеру. Где-то на другой ее стороне маячил просвет. Вроде бы просвет. Добраться бы! Пахло затхлостью гниющих водорослей и, как безошибочно определяли убийцы, протухшей кровью.

Сварт цепенел, заставлял тело не мерзнуть, не дрожать ознобом. Но оболочка захотела жить. Телу всегда наплевать, смирился ли разум с неизбежностью смерти.

Вся команда притихла во тьме. Пираты тревожно перешептывались, озирались по сторонам и зажигали масляные лампы. Корабль пришел в незримое движение. Только Сумеречный Эльф сидел, уставившись на свои руки, отсчитывая секунды. Он просто ждал. И Сварта выводила из себя уверенность: пленник, эта навязчивая галлюцинация, знает, что ждет затерянную бригадину. Знает, что по ту сторону опасного пролива.

Скалы еще оставляли просвет темнеющего неба над головой. Когда так потемнело? Был восход! Восход.

Корабль не замедлялся, ветер завывал среди камней. Но уже казалось, что это не только ветер: доносился какой-то рык. Сварт настороженно озирался во тьме, стремясь уловить любое колебание воздуха. Он надеялся, что его навыки позволят уклониться.

Внезапно послышался хруст, с вышины посыпалась ка-

менная крошка, кому-то на голову упал крупная глыба. Один пират затих на палубе с проломленным черепом, а старпом нелепо ойкнул, хватаясь за шишку. Вскоре Сварту пришлось уклоняться от целого шквала мелких камней. Скалы задрожали, точно от землетрясения.

– Что происходит?! – встрепенулась команда, приправляя свой ужас ругательствами на разный лад.

Сварт ощутил, как сводит челюсть, взглянул на свои руки – они дрожали. Тогда он разозлился на себя еще больше, на свое тело. Тело, которое всегда было тоже скорее инструментом в играх рассудка, как и люди вокруг, и команда. Тело – инструмент для достижения планов. Сварт напомнил себе об этом, и пальцы перестали дрожать.

Но вокруг ничего не изменилось, скалы продолжали двигаться. На них не действовала сила убеждения. И теперь стало понятно – стены пещеры неумолимо продолжают ход навстречу друг другу. Все заглушал гул от блуждающего движения. Корабль угодил в западню, как муха на лепестки хищного болотного растения. А вдали пленительно маячил про-свет.

– Что происходит? Капита-а-ан! Что происходит? – тяну-лась команда за ответами.

Они привыкли, что капитан умнее их. Капитан-то знает, он все продумал – так они всегда считали. Они как будто забыли, что все изменилось в проклятый день поражения.

Сварт молчал, реальность вплавлялась в сознание пре-

увеличенно отчетливо и одновременно неразборчиво. От такой реальности у выживших остается воспоминанием какая-нибудь чепуха вроде крови врага на сапогах или каменной крошки на палубе. И ощущение ужаса. И ненависть к тем вещам, что сопровождали эту реальность. Таким, как сидящий на канатах пленник.

Сумеречный Эльф сцепил руки до белых отметин на косяшках, придвинув их ко лбу, лишь бы не смотреть. Он боялся за себя? Так лишь казалось несведущим. Сварт улавливал нечто иное.

Он не испытывал страха, как его обычно испытывают: разум оставался предельно ясным, дрожь не возвращалась. Но бесцельно замечалась каждая снасть, каждая трещина на деревянном настиле. Остро ощущалось движение крови в собственном теле, в ушах гудел нестерпимый стук сердца. Даже казалось странным, как можно не сойти с ума от постоянного ощущения этого тела. И что останется в мире, когда его не станет? Как останется мир? Невозможно, чтобы он остался.

Ясность рассудка сцеплялась с полубредовыми ощущениями неотвратимого. Команда суетилась возле мачт. Паруса натянулись от поднявшегося пещерного ветра, скорость корабля развилась до предела. Ветер и течение гнали его через сдвигающиеся скалы. Еще немного! Просвет! Вот уже вырвались, почти вырвались! Течение и знакомый соленый ветер хотели, чтобы они выбрались.

Сварт перешел на нос корабля. Обшивку бортов уже за-

девали скалы, замедляя ход, грозя снести мачты. Все больше манил сужавшийся лаз в конце этого туннеля ужаса. Казалось, совсем немного осталось. Совсем немного.

Слух прорезал хруст... Как же так? Ведь почти прорвались. Но непреложным аргументом раздался крик ломающегося дерева. Он доносился с кормы, которую сминали скалы, отрезая, захватывая, присваивая себе. Но корабль почти вырывался, его выносило волной. Скалы смыкались, как две тектонические плиты в начале творения мира.

– Нет! – пронесся единый вопль.

Время замерло, застыло. Но ничего не происходило. Бригантина оставалась на плаву. Корма щерилась развороченной обшивкой, но намного выше ватерлинии.

Скалы сомкнулись и замерли, отрезая дорогу назад, да и течение не оставляло выбора. А пещера все не заканчивалась.

Корабль вынесло дальше в темный пролив. Корабль? Ни носовой фигуры, ни кормы. Жалкий обрубок прошлого, воплощение страданий и бесцельности. Только истрепанный флаг на мачте напоминал о былом величии. Сварт раньше почти не замечал, во что превратился его корабль.

Когда-то он очень любил свою бригантину – носовую часть с изогнутой фигурой, флаг на мачте, нарисованный собственной рукой и бережно обновляемый каждый год... Когда-то, очень давно, а потом возненавидел. Теперь еще больше. Пират только хотел остаться живым любой ценой.

Ветер выл среди скал, команда считала, что уж все миновало. Но Сварт напряженно вслушивался в звуки пещерного вихря. Что-то еще таили эти камни – не скрежет обвалов, не вой порывов. И все отчетливее проступал запах крови и тухлятины.

– Капитан! – послышался голос матроса, вновь залезшего на фок-мачту: – Впереди водоворот! Гигантский!

– Харибда, – впервые за долгое время подал голос Сумеречный Эльф, безысходно сцепляя руки.

Кто-то захлебнулся кашлем до тошноты, кто-то в громко завыл, проклиная свою беспутную судьбу. Команда пыталась найти выход из узкого пролива, но повсюду маячили только серые скалы. И на небе не просматривалось ничего, кроме мглы, как от сотен вулканов. Ни звезд, ни полумесяца.

«Удача покинула нас. Ее похитил Маиму-Длинноногий», – только мелькнула мысль в голове Сварта.

– Водоворот исчез! – вдруг воплощением надежды воскликнул матрос на мачте: – Исчез! Скорее!

Команда засуетилась, старпом отдавал бесконечные команды. Казалось, если поусерднее суетиться, то минует опасность. Но с исчезновением водоворота течение словно иссякло, ветер пропал, и ход корабля ощутимо замедлился. Точно этот водоворот и создавал все это время столь бурное движение воды, притяжение.

До выхода из пролива оставалось не меньше семи кабельтовых. Ветер едва-едва ударялся в измученные паруса, да-

же изображение на флаге сбилось, сузилось. Сабли превратились в жалкие ножички. Корабль замирал посреди пещеры, стужалась липкая тишь неподвижности.

Но внезапно вновь образовалось течение, всколыхнув мелкие волны, которые сперва отбросили назад. А потом стремительно потащили вперед, к желанному выходу.

На палубе все обрадовались шумным ликованием. Все, кроме Сварта и Сумеречного Эльфа, оба уже поняли страшную закономерность. И только мимолетно переглянулись.

– Капитан! Там снова водоворот! – ухнул голос команды, не удивив их предводителя, впавшего в мрачное созерцание пугающих природных явлений.

Сварт стоял на носу с опущенной головой, вслушивался. Он чувствовал, что скоро произойдет нечто еще более ужасное, чем разверзшийся водоворот. Бедствия никогда не случаются поодиночке, неудачи всегда идут чередой. За все когда-то приходится платить. Впрочем, закон о плате он не понимал... Он стоял на носу с опущенной саблей в правой руке и сжатой в кулак левой.

– Капитан! Скажите что-нибудь! Капитан! Что нам делать? – молили пираты, натываясь на непроницаемый кокон гнетущего молчания.

– Ему наплевать на нас! – послышался чей-то грубый голос.

Небритый матрос с выбитым глазом обнажил клинок, готовясь убить капитана. Да разве кто-то мог сравниться с ним!

Но матросу было все равно.

Тогда капитан обернулся. Лицо его было искажено гримасой улыбки. Такой улыбки команда еще не видела, даже когда они брали на abordаж пароходы джиннов, вырезая всех на борту. Даже когда грабили прибрежные деревни, подчистую сжигая дома бедняков. Даже когда врывались в поместья аристократов, где капитан с особым наслаждением уничтожал хозяев.

Сварт обнажил саблю и мгновенно оказался за спиной неповоротливого матроса. Приставив лезвие к горлу мятежного пирата, предупредил:

– Поднимете бунт, я уничтожу каждого из вас за пару секунд!

Но угрозы больше не действовали, матрос только грубо крикнул, взмахивая саблей:

– Какая разница? Мы все умрем здесь!

И в тот же миг Сварт почувствовал колебания воздуха. Он успел отскочить, отточенные рефлексy ему позволили, а вот мятежному матросу – нет. Нечто из темноты схватило несчастного, нечто страшное, кишащее клыками в отвратительной пасти.

– Сцилла, – Сумеречный Эльф закрыл лицо руками. – До чего ж я бесполезен! Не имею права вмешиваться! Ни в одну из этих прописанных до конца судеб, ни в один из свитков с вырванными страницами. Двадцать пять жестоких свитков, поврежденные асурами...

Команда уже не кричала от ужаса, только слышались глухие стоны:

– Что? Что это?..

Затем на пиратов обрушилось целых шесть страшных пастей, голов дракона. Хотя чудовище напоминало скорее огромного червя, грязно-бурое, со сморщенной кожей, без чешуи. Слепое, разящее из мрака.

Сварт уклонился, пытался достать монстра саблями. По скорости они могли сравниться друг с другом, да и по жестокости.

Еще двое матросов не избежали страшной участи, оставляя лишь бурые пятна крови на палубе. Они не догадывались, когда выходили в море, что оно таит такие опасности. Они не боялись когда-то, потому что не хватало фантазии вообразить подобное зло.

– Водоворот замедляется! – крикнул матрос с фок-мачты, но голос его оборвался под страшными ударами Сциллы.

Чудовище утащило его во мрак, откуда только донесся слабеющий истощенный крик.

Снова слышался треск. Флаг взметнулся вместе с обломком древесины, развернулся на миг и вновь сохся жалкими ножичками, упав с легким плеском на волны. Покачался с минуту и ушел в глубину. Истертая, выпитая ветром краска растеклась, отчего оскал сабель стал казаться улыбкой. Вскоре исчез и он, растворился в соленой воде последний отличительный знак капитана Две Красные Руки.

Но Сварт не мирился с судьбой и не верил в дурные знамения. Он уже успел понять, что представляет собой водоворот, он и раньше замечал, что течение произвольно то ускоряется, то замедляется. Теперь понял, с какой периодичностью. И придумал план, беспощадный, но, казалось, единственно возможный план.

– Слушайте все меня! Чудовище за раз хватает только шесть человек! Кто-то должен стать его жертвами, чтобы спаслись все! – уклоняясь от посягательств голов Сциллы, приказал, наконец, капитан.

Команда, истосковавшаяся по приказам, исполняла... Быстро и беспощадно, ведь их подгонял ужас неминуемой гибели.

– Я не хочу... нет... – послышались задушенные крики. – Нет!

Шестерых замешкавшихся нерасторопных матросов повалили несколько наиболее беспощадных и сильных пиратов. Не прошло и минуты, как слабаков связали и потащили к левому борту, откуда совершались нападения монстра.

Долго ждать не пришлось: Харибда немедленно поглотила их шестью головами, утащив за борт. Сначала донесся всплеск, потом истошные вопли, визг, как на бойне. Затем все стихло и сгустилось глухим рычанием, звуками жадного пиршества.

Сумеречный Эльф вздрагивал и явно сдерживал крик, точно его избивали кнутами, еще плотнее сцепляя руки.

Недвижимым изваянием он застыл на сплетениях канатов, и вокруг него сгущалась пугающая темная аура. Никто не посмел к нему приблизиться.

Когда возгласы чужой боли стихли, бессмертный обмяк и погрузился в апатичное созерцание поломанной мачты да суматошных движений оставшейся команды.

«У нас еще есть время, немного времени. Да, сейчас треклятый водоворот сомкнется», – лихорадочно убеждал себя Сварт. Как полоумный, он вглядывался вдаль, словно надеясь загипнотизировать стихию, и одновременно прислушивался, продолжается ли пиршество Сциллы. Кажется, жертв хватило каждой ее голове.

А ведь это все были люди, пропащие, но люди. Впрочем, капитана это не интересовало. К тому же водоворот начал неумолимо смыкаться, как он и ожидал.

– Полный вперед! – едва заметив это, воскликнул Сварт.

Команда попыталась расставить прямые и косые паруса так, чтобы поймать малейшие воздушные потоки. Корабль наконец ускорился.

Сцилла уже вновь рычала, выдвигаясь из мрака пещеры, снова дернулась одна из ее голов. Тогда Сварт со всей своей яростью извернулся и взмахнул наотмашь обеими саблями. Возле его лица щелкнули гигантские челюсти, но слепой монстр промахнулся. Сцилла взвыла, одна из ее мерзких голов, подняв фонтан брызг, упала в воду, окрасив борт корабля черной тухлой кровью. Сварт с наслаждением поглядел

на круги среди бурлящих волн. Тварь убралась во мрак.

Корабль набирал скорость, шел, изуродованный и почти опустошенный, но шел. Никто не думал, что же дальше, никто не думал, что, возможно, суждено долго и мучительно умирать от жажды в неизведанных морях.

Казалось, если только вырваться из этого ада, настанет спасение на всю жизнь. Так кажется всегда, да не всегда выходит. Но вопрос стоял острее – выбраться!

Пещеру Сциллы они миновали, но Сумеречный Эльф по-прежнему сдавливал побелевшие костяшки пальцев, прислоня их ко лбу. Сварт уже не обращал на него внимания, хотя весь вид пришельца предрекал новую беду.

Корабль несся все стремительнее, все больше заветной надежды зажигалось в глазах и сердцах уцелевших, а об отданных на растерзание уже позабыли. Каждый думал о себе.

– Корабль мой – дощатый саван из рос. На закланье иных стрекоз растянут, – отвлекал неведанной песней Сумеречный.

Он ждал неизбежного, совершавшегося совсем рядом с ним. Неужели он не боялся сгинуть вместе с бригаантиной? Похоже, не боялся. И Сварт все больше сомневался в реальности пришельца. Что если к ним явился призрак океана? Тот, что посещает гибнущие корабли. Лучше не думать, не предполагать. Для них пока оставалась только колючая беспощадная реальность.

В проливе возле водоворота носилось много обломков, и

темнота не позволяла видеть, какого цвета скалы у пещеры Сциллы. Только каждый чувствовал без лишних взглядов. И каждый рвался к свободе любой ценой, каждый хотел жить, несмотря на жизни других.

Много кораблей поглотили скалы, многих чудовища перемололи в страшном зеве. Водоворот начинал медленно вновь открываться, корабль шел прямо по центру пролива, но сносило к краю, к рифам. Уже оставалось меньше двух кабельтовых до полной свободы.

– Харибда поглощает воду, а затем снова выбрасывает... Хтоническое чудовище, – пленник тяжело вздохнул, тоскливо глядя на всех сразу и на каждого в отдельности. Капитан не придавал значения словам.

Команда, затаив дыхание, молча умоляла ветер, чтобы нес вперед, чтобы не предавал. Сварт, стоя на носу, жадно всматривался в маячивший на горизонте месяц – долго же они преодолевали пролив, долго, ночь уже смыкалась. Кровавым заревом растекался ранний закат.

Бригантина шла по середине успокоившегося водоворота. Вода вокруг кишела измельченными обломками, темная, почти черная. Тягучий мрак глубины уже колебался беспорядком завихрений. Они поднимались все выше, все стремительнее, вновь появлялись хаотичные течения.

«Еще немного! Быстрее!» – забывая о рациональности, шептал нестройные заклинания капитан. Они преодолели три четверти пути к свободе, осталась последняя. Меньше

кабельтовой, меньше – и вот!

Вырвались! Выбрались из тесного плена скал. Свобода!

Водоворот с клокотом разверзся, но не получил своей добычи. Корабль несся дальше, все дальше от рокового пролива.

Команда единогласно скандировала:

– Слава капитану Сварту! Слава капитану!

Сварт с самодовольным видом стоял на носу. Он вновь стал олицетворением высокомерия. Его самомнение резко восстановилось, ведь это он придумал гениальный план с жертвоприношением Сцилле и заметил периодичность водоворота. Только благодаря ему они снова выбрались. Он победил!

На корабле остались самые жестокие, самые выносливые, самые беспощадные. Так и надо, таких он всегда и набирал в команду. И никто из этих головорезов не сожалел о тех слабачках, которых они оставили на съедение, никто не вспоминал о них. Они привыкли выживать любой ценой. И радовались победе. Но...

Сумеречный Эльф по-прежнему сидел, сцепив руки.

– Два часа прошло, – обратил на него внимание самодовольный капитан: – Убирайся с моего корабля!

Пленник поднял глаза, смерил капитана презрительным взглядом, но отвращение сменилось олицетворением паники, ужаса. Он еще раз посмотрел на остатки команды – и все отчего-то притихли.

Сварт ощущал, как что-то неприятно схватывает холодом нервов желудок, предрекая продолжение испытаний. Капитан отогнал эти мысли.

Уже довольно далеко позади снова сомкнулись круги водоворота и затихли. Смертоносные скалы оставались дурным воспоминанием, все дальше шла бригантина.

– Идешь, корабль, как по нити. Жизнь – чаша над пропастью, что на нити подвешена: в равновесии не переливается. А как перельется – разъест жгучим вином хрупкую нить. Да вниз, – пробормотал бессмысленно Сумеречный Эльф.

Сварт даже усмехнулся: их переполняла жизнь. Теперь, в этот самый миг ликования. А он-то твердил о пропасти. Глупец.

На горизонте маячил месяц, но не освещал путь, а укреплял злобу, которая велела бороться и жить. Сварт все еще стоял на носу и ждал чего-то. Чего? Они выбрались, но змеи предчувствий мешали обдумывать дальнейшие планы. Ветер обжигал впалые щеки. Он все усиливался, и тогда Сварт вздрогнул – порывы неслись навстречу кораблю.

Они уже не успевали развернуть паруса, чтобы уйти, поймать другие потоки. И борта истерзанного корабля снова окутывало какое-то течение. Только несло оно в обратную сторону, к чудовищам. Против потока без попутного ветра не пройти, нереально. Все усилия команды оказались напрасны, Сварту оставалось лишь наблюдать с возвышения за тщетными стараниями обреченных.

Набегали встречные волны, разрываясь о нос корабля, все крупней, все настойчивей. Наконец поднялась последняя, самая высокая, нырнула под корабль, вознесла его на свою вершину и стремительно понесла обратно. К водовороту. В западню!

Глава 7.

ПРОШЛАЯ ЖИЗНЬ

Команда снова ждала приказов капитана, хаотично носясь по палубе. Но что он, человек, мог сделать с морской стихией? Свобода! Свобода... Где? Как же так! Они ведь только вырвались!

Волна несла их обратно к роковым скалам, а там клубился и завывал водоворот. Матросы дергали канаты, направляя паруса. Но попутный ветер иссяк, переметнулся на сторону чудовищ. Все оборачивалось против них, как будто оставленные Сцилле мертвецы тянули обратно бросивший их корабль.

«Удача оставила нас», – в очередной раз осознал Сварт. Холодея, он смотрел, как приближается водоворот. Больше мысли не слушались его, как и оцепеневшее тело.

Полумесяц уносился все дальше. Снова корабль возвращался во мглу ущелья, откуда долетал голодный и жуткой рев Сциллы, но их ждала жадная пасть Харибды. Этого безмолвного монстра, рычащего голосом самого океана.

И вот корабль опустился на край водоворота, а потом резко накренился, лег на левый борт. Сварт удержал равновесие, а кое-кто из команды уже полетел в пропасть, из которой скалилась Харибда морской пучиной. Они долго смотрели в бездну, теперь бездна взглянула на них и поглотила. Тела обливались холодным потом, и, вероятно, никто не мог вообразить мир без себя. И неумолимо один за другим команда летела во мрак.

Сварт не сдавался. Он балансировал на обломках поглощаемого водоворотом корабля. Когда палуба треснула и накренилась, он стремительно полез на мачту. А там, на самой вершине, оттолкнулся от обломка, что раньше гордо носил флаг. И прыгнул.

Корабля больше не существовало, под подошвами сапог сквозил соленый ветер. Верный спутник и великий обманщик. Решил ли он на этот спасти или уничтожить? Рывок вперед заставлял пройти по зыбкой грани, по нити, на которой балансировала чаша жизни.

Бросок был стремительным, вскоре капитан ощутил удар о скалы, отозвавшийся болью под ребрами – достиг цели! Вцепился в каменные выступы, врезался саблями. Один клинок сломался, второй помог удержаться. Но скалы содрога-

лись и осыпались, Сварт через плечо рассматривал, как гибнет его корабль, как водоворот поглощает команду. Бригантины капитана Две Красные Руки больше не существовало.

Ветер доносил истошные вопли ужаса и отчаяния, но они тонули в реве стихии. Обмелел воздух, впивался в легкие пылью, оседал на узких губах привкусом заслуженной расплаты.

Пираты умирали один за другим в жадной пасти океана. Все понимали, что погибнут, что никто не спасет их, но давили друг друга, лезли наверх, пока корабль сминало, как щепку. Харибда жадно ломала его деревянные ребра, вырывая обшивку, выбрасывая пушки и ядра, перемешивала неживое с живым.

Вскоре остались только мертвые, сгинувшие в пустоте глубинного мрака. Харибда поглотила всех. И корабль. И команду. Уцелел только капитан, притаченный саблями к скалам.

Водоворот все еще кружился, перемалывая останки корабля, вода поменяла цвет, как будто тысячи красных огней зажглись в ее безумстве. Всего на миг, вскоре о команде не осталось даже воспоминаний. Только обломки корабля, только порванный парус, всплывший на поверхность, когда водоворот успокоился, застыв коварной ловушкой.

Сварт приник к скале, вращая в нее, как в единственное спасенье. Внезапно кто-то дернул его за ногу: последний из членов команды, неизвестно как повторивший пры-

жок капитана, цеплялся за его лодыжку и лез наверх, грозя увлечь обоих вниз. Сварт отчаянно пытался стряхнуть пирата, но тот не сдавался до последнего. Он с ненавистью выгибал сильную руку, пока пират только бессильно повторял:

– Капитан! Капитан! Не бросай! Не бросай!

И голос его резал барабанные перепонки, резонируя с гулом водоворота, лижущего подножья скал. Сварт пытался пронзить матроса клинком, но не удавалось. Пальцы и ноги соскальзывали с камней.

Борьба продлилась недолго, пират упал сам. Но будто прощальной мстью неверному капитану, вцепился в саблю, унося заветное оружие в бездну. Он полетел в пасть чудовища и в своем падении все еще смотрел на капитана, который с болью провожал взглядом верный клинок.

Он помнил, как осваивал технику владения двумя саблями, еще в Круне, как подбирал их, оттачивал. И сожалел об оружии, а не о человеке...

Только Сумеречный Эльф с искаженным лицом наблюдал, как водоворот поглощает людей. Эльф? Этот безумец! Пленник? Призрак? Не возникло ни единой мысли, как он спасся. Не до того.

Он висел чуть выше, держась за толстый шершавый корень, вросший в выступ скалы.

Сварт цеплялся за камни, но те вероломно крошились. А водоворот вновь бушевал. По спине проходил холод, казалось, глаза недостаточно четко видят сквозь сползшие стекла

разбитых очков. Вряд ли когда-то он ощущал большую панику. Обычно все решали хитрость и сила, но теперь – судьба, удача. С последней он давно попрощался. Все существо проигравшего капитана обуяла паника. Не страх, а именно паника, когда ни одно движение не является верным, сколько бы воли к жизни ни обреталось.

Команду поглотила Харибда. Зло поглотило зло. Жизни, наполненные жестокостью, закончились зверской расправой. Остался последний, самый беспощадный из них.

Но вот кусок скалы откололся, сорвался и капитан. Внизу ждала Харибда. Как же так? Весь мир рушился в тот миг. Его охватил безотчетный невыразимый ужас, небо почернело. Сердце сжалось невероятным холодом. Конец? Вот такой?

Мир без себя не представить, не вообразить. А миру все равно. Не так страшна смерть, как ее ожидание, ожидание боли. Только боль реальна. За краткий миг Сварт успел представить, как его тело изломает водоворот. Хотя нет, не успел, ничего не успел. Только реальность прорезала небо тысячами искр разбитого стекла.

Камзол с золотыми позументами унесся в пропасть, как и все: сабли, корабль, команда – вся прошлая жизнь. Однажды он уже хотел выбросить ее. Он привык слишком легко выбрасывать людей и воспоминания, как ненужный хлам, теперь жизнь выбросила его. Он летел в бездну. Миг. Миг растянулся в вечность.

Вдруг ощутил рывок, болезненно вытягивающий сухожилия правого плеча. Сварт поглядел наверх.

Его руку поймал Сумеречный Эльф. Крепко сдвинул запястье, держась за спасительный корень в скале. Смотрел хмуρο, осуждающе. И тогда Сварт понял, что если этот человек, пленник, враг, спаситель... не захочет больше держать долговязую ношу, то он, пропащий капитан, со всеми его мыслями и обидами, он как личность, как злоба, как боль — перестанет существовать. Совсем. Он смотрел наверх вылезавшими из орбит глазами, а Сумеречный Эльф, сжав зубы упрямо держал.

Нежданный спаситель резко дернул вперед, прибив к скале, позволяя Сварту схватиться за более надежный выступ. И они молча полезли наверх.

***

Потерпевшие крушение выбрались, распластываясь пауками по камням, сдирая кожу рук, сбивая подошвы сапог. Они стремились наверх, на скалы, откуда виделся горизонт.

Сварт подтянулся, резко выгнув спину, не ощущая запыленных ссадин по всему телу. Он выбрался, упал навзничь, запрокинув голову к небу, жадно хватая терпкий воздух. Отчего-то на небе не просматривалось ни звезд, ни месяца. Во-

круг царил день, солнце только клонилось к вечеру, как будто выжившие попали в иной мир.

Сумеречный Эльф молча сидел у края пропасти и смотрел вниз, в бездну водоворота. Так сколько же времени минуло? Вечность. Вечность они взбирались наверх, оставляя с каждым рывком позади прежнюю жизнь.

Сварт перевел дыхание, страх смерти испарялся пониманием, что удача не отвернулась до конца, хотя... Он оказался посреди неизвестного опасного моря в компании единственного уцелевшего создания. Очевидно, врага.

Он подошел к краю и глянул вниз: вокруг водоворота, дробясь о камни, копошились обломки. Смешивались воедино следы прошлых кораблекрушений. Сварт бессильно выругался:

– Проклятье! Теперь у меня нет ничего! Ни сабель, ни корабля, ни этой треклятой команды! Ничего!

– Это все были люди, Сварт. Это все были люди, – скорбной эпитафией прозвучал голос Сумеречного.

– Люди, и что с того? Скольких людей я сам убил. Еще бы этих ни жалел, – махнул рукой капитан утонувшей бригантины, оглядывая местность, куда они попали: камни, голые камни да редкие деревца.

– Я тоже... Убивал. Много. Когда я темный, – отрывисто начал рассказывать Сумеречный Эльф: – Я всегда убиваю только обреченных. Когда я знаю судьбу человека от начала до конца, я не имею права в нее вмешиваться. Только в каче-

стве финального часа, иногда... Это проклятое раздвоение личности.

– Тогда какого Змея ты лез в мою судьбу? – нашел, кого обвинить, Сварт. – Ведь это из-за тебя мы здесь оказались!

– Нет, вы сами выбрали этот курс, – спокойно ответил Сумеречный. – Я знал, что не имею права мешать.

– Что бы случилось, если бы помешал? – немного заинтересовался Сварт.

– Мир слетел бы с оси, – ответил Эльф, раскидывая потерянно руки, на искаженном лице запечатлелась невозможная горечь. – Начался бы распад материи, люди стали бы превращаться невесть во что... Моя сила слишком велика, но я не имею права вмешиваться в основания мира, что создан не мной. Таков порядок бытия.

– Тогда меня зачем вытащил? – с издевкой бросил Сварт охрипшим голосом.

– Ты не рад этому? – удивился Эльф, подходя к невольному спутнику, рассматривавшему неровное плато над страшным проливом.

– Может, и рад, – обиженно нахмурился Сварт, понимая, как нелепо прозвучали его слова, и отошел от врага на несколько шагов, снисходительно указал на него пальцем: – Но не думай, что я стал больше тебе доверять. Кто ты вообще такой? Почему не можешь ответить?

– Считаю меня своим персональным ангелом-хранителем, – улыбнулся Эльф, добавляя: – Я не знаю твоей судьбы,

это дает мне право вмешиваться в нее.

– Скорее, ты ангел-вредитель, – пробормотал капитан. Он точно не знал, кто такие ангелы. Наверное, спутник имел в виду неких духов.

– Я никогда не жду благодарности, – рассмеялся Сумеречный, но вновь лицо его застыло грустью, вновь он обернулся на звук kloкочущего водоворота: – Ты не слышишь. Их голоса еще не покинули линии мира... Твои головорезы. И все же люди. И спасения им не будет. Ох... Надо выбирать.

Сварт в ответ промолчал, хмурясь. Он словно не радовался своему чудесному спасению, принимая как должное, точно он уникальный. Правда, теперь уникальность не давала подсказок, как выбирать без корабля.

– Ой! Смотри-ка, тут же инжир! Смоковница! Повсюду! За него я и держался, видимо.

Настроение Сумеречного резко переменялось, точно он опять надел маску шута. Он кинул несколько крупных фиолетовых плодов. Сварт, не оборачиваясь, ловко поймал их и не выбросил. Алая мякоть была сочной и казалась величайшим благом на свете, но он бы никогда не признал этого.

Инжир... В поместье лорда Вессона его подавали к сыру с голубой плесенью. Обычно на приемах. И непременно открывали бутылку лучшего «винтажного» вина для особых гостей.

Сварт помнил, как лично заказывал инжир и просчитывал расходы. Отмечали чаще всего заключение важных сде-

лок. Сварт искренне радовался вместе с хозяином имения. Согревала мысль, что в скором времени все богатства лорда перейдут ему. Чем выше Сварт поднимался по карьерной лестнице, тем больше росло к нему доверие. Осталось лишь получить несколько подписей и подделать нужные документы, а потом устроить смерть Вессона.

«Сделай то, принеси это, – думал Сварт. – Как же нравилось ему командовать, ничего не понимая в экономике. А потом еще эта девчонка. После его смерти стала совершенно невыносимой. Забавно... Инжир был ее любимым лакомством».

Сварт никогда не думал об Аманде Вессон, пропавшей дочери покойного лорда. Миниатюрная блондинка в дорогих платьях и немыслимых шляпках всегда маячила ненужной помехой. Как назойливая муха или, скорее, яркая тропическая бабочка.

Она тратила не меньше отца, но намного меньше смеялась. Это единственное, что в ней не раздражало.

Взгляд ее синих глаз оставался всегда каким-то не аристократически диким, походка – слишком упругой и решительной для дамы, чья жизнь состояла из праздного безделья. Порой Сварт ловил себя на мысли, что сок инжира, раздавленного в тонких пальчиках, сочтется ее по белым перчаткам, как кровь. И только теперь, здесь, на необитаемом острове, его удивило забытое наблюдение: Аманда часто смотрела на него, внимательно, с неразгаданной яростью.

«Заносчивая девчонка. Не она ли натравила на меня Майму-Длинного? Но если она знала, что я на самом деле пират, то могла бы просто сказать отцу, – вспоминал Сварт. – Нет, это все была ее игра, блажь аристократки. Ничего она не знала. Считала, что я верный подхалим. Думала, что буду исполнять любые ее капризы. «Добудь мне револьверы джиннов, добудь»... Как же, будто умела с ними обращаться. В двадцать пять лет могла бы быть и поумнее. Какая ирония: пожар случился накануне ее дня рождения».

Сварт злорадно ухмыльнулся. О благородной Аманде Вессон ходили странные слухи. Кто-то утверждал, что поместье лорда погибло в огне по ее вине. Сварта не интересовали глупые домыслы. Главное, что проклятая девчонка исчезла. Вероятно, сгинула под обломками рухнувшей крыши.

Впрочем, теперь уже ничто не имело значения. На необитаемом острове все воспоминания казались далекими и чуждыми. Только инжир непостижимо связывал с прошлым.

– Кажется, больше тут ничего нет... Надо плот сделать! – тараторил Сумеречный Эльф. – Эй! Ты куда?

Сварт встал, потирая ушибы, и пошел вдоль пустынных скал. Сумеречный плелся сзади. Капитан со своими длинными сильными ногами быстро преодолевал плато и вскоре дошел до конца гряды. Как и предполагалось, водоворот стерег только выход из пролива. А дальше, сколько хватало глаз, море взъерошивалось уродливыми рифами, словно старым частоколом.

– Ух, загонял, – догнал капитана Эльф.

Вряд ли он ощущал усталость. Сварт же совершенно измучился, дикий инжир плохо утолял жажду, по вискам капился холодный пот. Отдыха же не предвиделось. Здесь отдых означал смерть.

Тусклым безразличным взглядом Сварт рассматривал волны у подножья, сдавливал в руках плод смоковницы.

– Плот? – невесело отозвался он, насмешливо добавив: – И куда идти?

– Ты забыл! – слегка поклонился Эльф: – Я теперь нанялся к тебе ангелом-хранителем-вредителем. Я знаю курс! Ближайшие острова...

– Так перенеси туда! – раздавил в клочья инжир собеседник.

– Капитан! – обиделся Эльф: – Ну, я не джинн, чтобы по первому зову нести кого-то куда-то. Да и они тоже у вас так не умеют. Не исполняют желаний, понимаете ли.

– Вредитель ты, – ответил сдержанно Сварт, но тут же взбесился: – Что за хитрый план такой! Зачем я тебе нужен? Как пират я считаюсь мертвым! Властям меня не сдать! Я тень, меня нет!

– Меня тоже. Плана нет, сплошная импровизация. Но мы же должны выбраться? – Эльф улыбался, хотя видел, как пират близок к тому, чтобы врезать по его наглой морде.

Но Сварт отвернулся, быстро беря себя в руки.

Больше они не говорили, угрюмо собирая инжир. Молча,

но достаточно согласованно, все-таки выбраться хотели оба. Плоды складывали в порванную черную толстовку Сумеречного Эльфа. Из нее вышел небольшой мешок. Сам Эльф стал похож на полуголого бледного дикаря в кожаных штанах с железками. Свой камзол он, очевидно, тоже потерял в неразберихе при крушении корабля.

Когда кусты были очищены от плодов, они выкорчевывали стволы и искали лианы, кое-где заплетавшиеся вокруг тонких смоковниц. Руки стирались до мяса, когда ломали пористую древесину, выдирали, отбирая у камней. Но это все было мелочами по сравнению с желанием выжить. И Сварт понимал это, принимал такую боль. В долгих плаваниях случалось всякое. Он выбирался, не отдавал себя на милость судьбы. Ему нравилось соревноваться со смертью. Но однажды он устал, в тридцать три года он просто устал. И захотел сбежать...

Теперь, в этой монотонной работе по связыванию стволов, что должны были стать спасением или гибелью, та изнуряющая усталость не ощущалась. Накатывала иная, чисто телесная и понятная.

– Ну, все, надо отдохнуть. Тебе. Мне тоже можно, – кивнул ближе к вечеру Сумеречный Эльф, распластавшись на камнях.

Сварт хотел бы придушить его, но понимал, что это бесполезно. Впрочем, призраки и галлюцинации не помогают строить плоты и не спасают сорвавшихся с уступа. Как и вра-

ги. Пока что бывший пленник мог принести пользу. Думать о природе «ангела-вредителя» больше не хотелось.

Настала ночь, настоящая ночь со звездами и месяцем. Плато накрывали порывы ветра, пронизывали, холодные, немые, а плот к тому времени был готов едва ли наполовину. Но человеческое тело требовало отдыха, Сварт прислонился спиной к стволу смоковницы, вросшей корнями в камни, не позволял себе заснуть. Он наблюдал за Сумеречным, который лежал, раскинувшись морской звездой, прямо на камнях и глядел в бездонное небо.

Сварт поежился: без камзола холод ощущался сильнее, пронизывая тело при каждом порыве ветра, хотя дни субтропического лета казались жаркими. Когда-то он очень ценит утерянный камзол, черный, с золотыми позументами. Когда-то он придумал свой пугающий образ, а потом возненавидел. И бросил все, а теперь этого прошлого не стало. Он лишился всего. Постепенно это чувство наваливалось парализующим безразличием.

Холод и подозрения относительно спутника мешали заснуть, но усталость оказалась сильнее. «Если бы он хотел меня убить сейчас, он бы просто отпустил руку тогда, над водоворотом. У него какой-то другой план... Я должен разгадать его, я должен», – размышлял капитан потонувшего корабля, незаметно засыпая вопреки сковавшей его на многие дни бессонницы. Мрачный зов не донимал в эту ночь. Точно Сумеречный Эльф отогнал этот голос. Эльф? Бред...

***

На следующий день они снова валили хилые низкие деревья, напоминавшие кусты. Без оружия и иных инструментов, ведь ничего не осталось. Избитые руки заныли, когда вновь пришлось ими работать, когда сдиралась едва образовавшаяся пленка на стесанной коже, но боль пронзала лишь в первые мгновения, потом тело привыкло. Человек вообще ко многому может привыкнуть. Сварт понял это с детства, когда Круна обрушилась на него всей своей беспощадностью мрачных трупоб и прогнивших людишек. Тогда-то он и понял всю правду жизни. И боль от этой правды не сравнилась бы с какими-то царапинами на руках.

Когда плот был готов, день вновь накренился к закату. Сумеречный Эльф молчал все время работы. Общались в основном жестами и неплохо понимали, что делать. На хрипелое рычание Сциллы, доносящееся из пещер, и монотонно оглушавший гул Харибды уже практически не обращали внимания.

Вкус вяжущего инжира, переслащенный, одновременно терпкий, вызывал отвращение, но голод и жажда приказывали радоваться этому фрукту, подношению судьбы.

– Значит так, – прокашлялся Эльф, как будто голос его за-

ржавел за сутки молчания. – Спустимся по той гряде вместе с плотом. Там течения нет, но мы должны попасть в течение к северо-востоку отсюда. Через пару дней пути там должны быть острова. Бери весла.

– Не приказывай мне! – взвился Сварт таким же сиплым закостеневшим голосом.

– Ну, гребь тогда руками, – махнул Сумеречный.

Сварт, конечно же, взял весла, сделанные из двух тонких стволов, но недовольно фыркнул. Оба впряглись в лианы, послужившие неплохими веревками для скрепления плота. Нашлось несколько не до конца задеревеневших.

«Ненавижу доверять кому-то, я уверен, что он специально завел нас сюда, а говорит о какой-то силе невероятной», – злился на себя Сварт, но иного выхода просто не виделось. Так что они слаженно тащили плавучий агрегат к краю гряды, стараясь не сломать бревна о скалы.

Сумеречный поглядел на ясный горизонт, отирая пот со лба:

– Так, бури, надеюсь, не предвидится. Через рифы пройдем, плот очень маленький. Радуйся, у нас преимущество! Ни один корабль не смог выбраться отсюда из-за этих рифов. А мы выберемся, выберемся.

Сварт смотрел на Эльфа, как на полного идиота, хотя ему тоже хотелось верить, что они выберутся. Но признать помощь врага капитан просто не мог.

Наконец плот был спущен на воду, повезло, что гряда до-

статочно плавно уходила в море черными переплетениями камней, опускалась, словно гигантская половина раковины.

– Вроде не тонет, – покачался на плавучем средстве из стороны в сторону Сумеречный.

Сварт недоверчиво ступил на борт, проверяя лично.

– Да не переживай! – подбадривал или издевался Эльф: – Маиму-Длинноногий на каноэ однажды море пересекал! Ничего! Пираты и удача – одно слово!

– Не напоминай. О нем! – сухой грозой взвилась холодная злость Сварта, хотя все тело прошило волной ярости.

– Ах, да, я чуть не забыл, – засуетился Эльф, пока они отчаливали.

– Что ты забыл? – кисло протянул Сварт.

Вода казалась спокойной, ничто не показывало опасную близость громадного водоворота, а Эльф не прекращал болтать, осторожно ощупывая веслами дно, чтобы выйти на глубину и не напороться на рифы:

– Ну, как же! У каждого корабля должно быть имя! Я бы назвал нашу доблестную «шхуну» Сва-Су – Сварт-Сумеречный или Свальф – Сварт-Эльф. Или Эль-Сва... Хотя... Не... Не звучит что-то. Я уступлю! Сва-1, версия Су-1.1. Не, лучше всего звучит Свальф. Во! Боевой плот «Свальф» готов к отплытию, капитан!

– Заткнись и показывай курс, – мрачно отозвался Сварт, измученный, осунувшийся, с отросшей черной щетиной.

Он уже даже не поправлял сбитые набок очки и ненави-

дел все вокруг. Осталось только одно – желание жить, но реальность ощущалась слабо, слишком быстро сменялись события.

– Что ж... Удачи нам! – подставил лицо ветру Сумеречный.

Он осторожно лавировал между рифов, управляясь с обоими веслами, Сварт сторбленно сидел посреди плота, принимая такую помощь как должное.

Вскоре удалось прорваться между узких камней, разбросанных под поверхностью воды, как будто спутник знал точный курс. Все он знал. Личная галлюцинация, ангел-вредитель. Наверняка мог перенести и к суше, треклятый фокусник.

Сварт продолжал сидеть без дела, но Эльф настойчиво протянул ему весло:

– Эй! Я один, что ли, грести буду?

– Я капитан! – раздраженно отозвался Сварт, кривясь в ехидной ухмылке, но точно смеялся уже над собой.

– Капитан плота с экипажем в два человека? – красноречиво покрутил пальцем у виска собеседник: – У тебя и корабля-то нет теперь!

– Вне зависимости от наличия корабля я был и буду капитаном, – сурово с чувством собственного достоинства отозвался пират.

– Ну, ты! – настойчиво ткнул свободным веслом Эльф: – Мы так с голоду подохнем быстрее. Вернее, это тебе грозит

больше всего.

Сварт многозначительно вздохнул и принял весло. Соленый пот разъедал ладони, продолжал сдирать кожу трением о древесину. Впрочем, Сварт привык, вернее, вспомнил, как это было раньше. Когда-то, в юности, много раз была содрана кожа канатами. Теперь, в тридцать шесть лет, приходилось начинать все заново. Или сгинуть.

Остров смоковниц оставался позади, уносился, как страшный сон, поглощаемый туманом. Только ночные кошмары не переворачивают жизнь вверх дном. Хотя она опрокинулась раньше, намного раньше.

Потерпевшие крушение направлялись к попутному течению, как обещал Эльф. Сварт не доверял этому созданию. Но много ли выбора у человека без корабля в открытом море?

«Если это такая изощренная казнь, если он исчезнет посреди моря... Если это вообще все видится мне в бреду? Какая разница... Нет, я выберусь. Это не бред, бред не бывает таким преувеличенно настоящим», – лихорадочно сообщал Сварт, непрерывно следя за ненадежным союзником.

Они уходили все дальше от кошмарной и спасительной гряды. Вот гряда вовсе скрылась из виду. Небо медленно меняло свои оттенки, крошечный плот нерешительно преодолевал кабельтов за кабельтовым морскую пустошь, все никак не находя заветного течения.

Сумеречный вскоре что-то запел, точнее, словно заску-

лил, то ли пребывая в прекрасном расположении духа, то ли заглушая свою печаль.

– Заткнись. Не вой! И так все паршиво, еще ты. Как собака. К смерти, – осадил его Сварт.

Эльф вздохнул и начал говорить:

– Вот изображал ты жертву кораблекрушения, чтобы втереться в доверие к богатой семье. Теперь на самом деле жертва кораблекрушения. Кажется, всякое лицедейство потом воплощается в реальность, опасное искусство. Кстати, могло быть и хуже.

– Куда уж хуже, – возразил недовольно Сварт, сдавливая весло, ожесточенно пронзая им гребни невысоких волн, вот только волны начинали увеличиваться, а весло все чаще задевало какие-то длинные водоросли. Странные водоросли.

– Ну, например, на скалах могли и не расти смоковницы. Тогда бы мы не выбрались. Или умерли ли бы от жажды.

Эльф хотел казаться беззаботным и воодушевленным, но внезапно лицо его исказилось, оцепенело. Весло безвольно застыло в руке, так что Сварт едва успел подхватить. Сумеречный тихо заскулил.

– Эй! Придурок! Что с тобой творится?! – обескураженно подскочил к неподвижному спутнику Сварт, подкрепив свое удивление парой ругательств.

От резких движений плот закачался, опасно накренившись. Сварт едва не упал в воду. А Эльф стоял, как будто по-прежнему держал весло, но неподвижно, запрокинув голову

в небо.

Глаза его остекленели, крупный рот свело судорогой. Как-то, на него летят миры, Галактики, целая Вселенная рушится с безымянной вышины. Веки его дрожали, глаза закатывались, вскоре по щекам скатились две рубиново-алые слезы, кровавые. Сумеречный шептал, задыхаясь, говоря себе:

– Брат пошел на брата! Что за ужасные миры... В одном из миров снова может начаться война. Так страшно... Так ощущать каждого, ощущать всех, все судьбы, всю боль и не иметь права вмешиваться... Так тяжело.

– Падла! За борт сброшу на корм рыбам! Где твое течение? – впал в бешенство Сварт, замахнувшись веслом: – Предатель! Изверг!

Угрозы не действовали на Эльфа, он попятился, будто пытаясь отшатнуться от чего-то, но словно прирос к плоту. И продолжал видеть, смотреть свои невыносимые картины безумца.

Сварт ударил его веслом, древесина треснула, разлетелась в щепки. Пират продолжал бить, посылая бессильные угрозы. Но Эльф оставался неподвижен. Все больше расширялись от ужаса его прозрачные глаза. Он пытался заслониться руками, но все, что он видел, содержалось только в его голове. Или действительно происходило одновременно в тысячах миров.

Но Сварт видел только сумасшедшего, от бессилия и от-

чаяния все избивая его веслом, пока плот несло в неизвестном направлении. Избивал до тех пор, пока весло не стало измочаленным фонтаном из светлых лоскутов древесины.

Сварт бессильно сел на плот, все еще сжимая бессмысленно остаток своего «грозного» оружия. Он охрип от проклятий, посланных врагу. Этому паршивому предателю, сумасшедшему.

Враги, везде враги. А друзей у него никогда не было. Сам ли не желал, или так сложилось? Веру в людей он потерял давным-давно, если вообще когда-то в них верил. Верил ли хоть во что-то? Зачем? Посреди океана в обществе сдвинутого вера не спасла бы.

Сварт какое-то время молчал, Эльф все не двигался. Потом неудачливый капитан отпустил искалеченное весло, вышвырнул его подальше в море. Он лег поперек плота, раскинув руки, и... оглушительно рассмеялся, захлебываясь этим безумным адским смехом, выгибая шею, мотая головой, старательно сбивая набок оправу ненавистных очков. Никто бы не узнал его в этот момент. Но никого и не осталось, никого. И ничего!

Двое сумасшедших посреди моря. Один из которых не знал направления, а другой не мог больше показать дорогу. И первый совершенно не верил в удачу, не верил, что пройдет какой-нибудь корабль.

Спасся от Сциллы, ушел от Харибды, поймали за руку на скалах, прошел рифы, выжил, все преодолел – и теперь был

обречен на медленную страшную смерть под палящим солнцем.

– Какая ирония! Ирония! Да-к-ха-ха!

Сварт, давясь до икоты, долго смеялся. Страшно смеялся.

Тупик.

Тупику всегда смеются... Что еще остается?

Тем временем под плотом совершалось иное действие. То, что казалось гигантскими водорослями, все активнее двигалось. Мелькали смутные тени.

Глава 8.

ЗАТЕРЯННЫЕ И КОРОЛЬ КОРОЛЕЙ

Сварт был готов попрощаться с жизнью, отдать себя на волю судьбы, в которую не верил. Но когда на борт заползло сочащееся слизью щупальце, он мгновенно прекратил смеяться и, проворно вскочив, немедленно ударил этого нежданного пришельца.

Пупырчатый отросток исчез, подняв снопы искрящихся брызг, но спустя миг над поверхностью показалось нечто омерзительное, всплывшее, как огромный батискаф. Гигантский осьминог оскалился на «экипаж» плота разверзнувшейся пастью-клювом.

Сварт невольно выругался и схватил оставшееся весло. Щупальца намеревались сломать несчастный плот, но рефлексy и силу у капитана никто не отнимал. И он слов-

но забыл, что еще пару секунд назад собирался встретить свою судьбу. Не так-то легко прекратить борьбу, когда грозит смертельная опасность. Тело иногда само приказывает жить, сражаться. Гибель от жажды, гибель под солнцем через пару дней лучше, чем быть съеденным заживо.

Сварт взвился с нехитрым оружием и немедленно ударил сильными ногами, отбиваясь от щупалец, которые не успевали схватить его. Он метался по крошечному островку плота, точно комар в закрытой банке. Или даже быстрее.

Отразив удары всех шести щупалец, Сварт всадил весло прямо в жадную пасть, едва сам не пропав в ней. Осьминог отпрянул, утробно завыв, окатывая слизью.

Сварт дернул весло обратно, освобождая из клюва чудовища. Деревяшка не сломалась, а, значит, еще годилась, чтобы плыть дальше. Дальше... Он как будто забыл, что не существует этого «дальше». Хотя в пылу борьбы он не думал ни о чем. Только следил за нестройным движением щупалец.

Осьминог тухлой рыбой покачивался на поверхности воды, а потом сполз с края плота и исчез в глубине. Казалось, все кончено, но отточенные инстинкты и жизненный опыт подсказывали, что это только начало. Вскоре под плотом хаотично заметалось еще несколько теней. На подмогу поверженному чудовищу спешили его сородичи.

Размерам каждый из них превышал плот раза в два, к счастью, до Кракена, о котором ходили легенды, они совсем не дотягивали, но и «шхуна» не тянула на гордые бригантины

и каравеллы, которые ломал в щепки мифический монстр.

– Проклятье! – воскликнул Сварт, когда щупальца полезли со всех сторон.

Сумеречный бездействовал, но его как будто не трогали, точно он вовсе не существовал. Призрак? Галлюцинация?

Удары посыпались червивой падалицей, черной. Печеными плодами на сгоревших деревьях. Такие висели после пожара в саду лорда Вессона. Черные, покрытые сажей. В какой цвет можно окрасить ненависть, боль и страх?

Липкие холодные щупальца тянулись к одинокому плоту. Раньше корабль пусть и был потрепан, но хотя бы шел. Впрочем, к бездне, что не лучше. Теперь оставался только крошечный плот. Едва вышел в море, а его уже пытались утопить, смять.

– Щупальца лжи легко опоясывают мир, как плот... Что ж делать, если истина одна? Что ж делать, если всюду, куда кидают взгляд – стена? – прошептал Сумеречный Эльф, не двигаясь с места. – А обернуться на световые коридоры окна нет сил. Дальше буквы не проходит речь, дальше струны не идет звук. Воспринимать мир черным, непроницаемо грязным – незавидный удел обитателей глубин.

– Будь ты проклят! Будьте прокляты вы все! – надсадно хрипел Сварт, размахивая веслом и ударяя ногами с разворота по бесконечно лезущим из воды клювам.

Твари алчно шипели, обдавая запахом тухлой рыбы. Нападали то по очереди, то целой стаей, точно хищные птицы.

Сварт сражался со всей своей силой, сожалея, что не осталось ни сабель, ни меча, канувшего вместе с каютой капитана. Ничего – только море, раскачивающийся из стороны в сторону, едва не встающий на дыбы плот и тренированное тело пирата, позволявшее опережать щупальца спрутов. И воля к жизни. Не мысль о ней, не размышления, ведь в пылу битвы нельзя ни о чем думать, кроме врага. Только воля победить и выбраться. Не важно, куда, не важно, что дальше. Возможно, иногда погибают от этого «что дальше», перестают бороться, теряют звериную жажду выкарабкаться. Не в этот раз!

Капитан осыпал осьминогов ударами ног, изворачивался змеей. Веслом протыкал склизкую массу, метя в мелкие глаза спрутов. Сталкивал щупальца, подныривая под ними, заставляя заплестись, запутаться при попытке схватить его, унести в темную пучину. Не сейчас! Не его!

Он балансировал на плоту, не позволяя опрокинуться этому единственному залогу спасения среди бескрайних просторов чуждой стихии. Чуждой, но такой манящей, захватывающей. Когда-то он очень любил море, когда-то очень давно. Потом утратил и эту страсть, не разбираясь, осталось ли хоть что-то, что он любит. Может, он уже давно все ненавидит – и себя, и жизнь. Но на плоту продолжал с остервенением сражаться.

Спруты все атаквали, давили друг друга. Насчитывалось уже около десяти существ, целая стая колышущимся гигант-

ским студнем с длинными отростками.

Сварт все не сбавлял скорость, пытаясь достать хотя бы еще нескольких врагов острым концом весла. Мелькали разноцветными призраками головоногие чудовища. Меньше их не становилось, выныривали только новые, а мышцы и легкие человека от непрекращающейся борьбы уже горели огнем. Это значило, что поединок тянулся неимоверно долго. Капитан мог сражаться без усталости не меньше часа, не сбавляя скорости, не теряя изящества отточенной техники боя. Но обычно его верными помощниками были сабли, а не разваливающееся в руках весло.

Внезапно уже одно из щупалец подкосило ноги, отчего Сварт едва не упал в воду. Пронзила слишком яркая картина, как его тело поглощает этот неразборчивый мерзкий студень, растворяя понемногу кости, смешивая кровь с водой до полного исчезновения. И ощущение ужаса от этого зрелища заставило забыть о любой боли. Тяга к жизни подкинула, сберегла от опасного удара, приказала если и умереть, то только в борьбе.

А над головой вился, как лес из лиан, полог множества бескостных конечностей. Они оплетали несчастный плот и хотели раскрошить в пыль. Непрекращающееся противостояние Сварта их пока сдерживало, но спруты только прибывали.

– Твари! Да сколько же вас! – кричал капитан, нанося удары.

Его повалили навзничь. Выставленное вперед весло сдерживало атаки жадного клюва. Спрут тянулся и мечтал достать желанную добычу. Сварт сопротивлялся из последних сил, бесполезная деревяшка в его руке трещала и рисковала сломаться в любой момент. Не хватало сабель. Хотя и они бы не помогли отбить атаку такого количества морских чудовищ.

Очевидно, из этих морей никто не выбирался живым не только из-за Сциллы и Харибды. Об этих местах не слагали легенд, ведь в них не хранили сокровищ, не отправлялись туда люди в поисках славы. А если кого-то и заносило в эти края, то безрассудные смельчаки не возвращались.

Чудовища свили плотный полог, и при всем желании не удавалось даже встать над уровнем плота. Они хотели спрессовать, как горстку мусора.

– Что происходит? Ого! Ого-го! Обалдеть! – вдруг проснулся Сумеречный Эльф, которого все-таки придавило к бревнам.

Он встрепенулся, мгновенно сотворил какое-то мелкое заклинание, наподобие огненно-электрического шара, и кинул в гущу врагов. Все-таки не галлюцинация, а маг, как решил для себя Сварт. Впрочем, эффект не был особенно заметен. Спруты только возмущенно зашипели.

Сварт держал весло наперевес между собой и жадно раскрывшейся над ним пастью. И вот оно с оглушительным треском сломалось. Спрут щелкнул клювом, но получил

лишь острые щепы. Удалось всадить обломки прямо в недра головы, едва не утонув во внутренностях спрута. Туша придавила Сварта, не давая вздохнуть.

Сумеречный Эльф навалился на нее и скинул за борт. Сварт резко дернулся, протер очки от слизи.

– До победы далеко, – прохрипел Сумеречный, посылая в воду новый огненный шарик.

Заклинание отпугнуло двинувшегося к плоту спрута, но с шипением погасло, соприкоснувшись с волнами.

– Да что ты говоришь! – саркастично прорычал Сварт, ударяя с края плота по высунувшейся голове осьминога. Из оружия оставались только собственные руки и ноги.

Враги без устали пребывали из подводного гнезда. Все становилось скользким от их клейкой слизи, их выпуклых присосок на щупальцах, часть из которых удалось оборвать, оттого море окрашивалось голубой кровью. Казалось, ничто не принесет спасения, но отчаянная борьба продолжалась.

В глазах у Сварта уже темнело... Неужели это конец? Так вот он какой, пропахший тухлой рыбой, удушливый, уродливый. Не похоже на избавление. Расплата? Возможно. Но пират не ощущал себя виноватым, чтобы признавать расплату. Так рано! Еще слишком рано для конца. Ничего не осознал, ничего не осмыслил, как будто в человека-то не превратился до конца. Конец... Какое бессмысленное слово.

Внезапно по волнам прокатилась тревожная вибрация. Она нарастала, и лес щупалец начал медленно редеть. Они

тоже ощущали гнетущие волны неслышимого звука, от которого раскалывался череп. Но этот звук оказался случайным страшным спасением затерянного плота.

Мелкие сородичи Кракена в панике нырнули в глубину, заносились там теньями, стремясь прочь. Из-под воды доносился чей-то зов, рев глубин. Кого-то потревожили. Кого-то неизвестного и огромного.

Море заволновалось без бури, валы нарастали стремительно. И вот над поверхностью показался хвост. Вернее, его кончик. Хвост не кита и не рыбы, а... дракона, грандиозный, с искрящейся перламутровой чешуей. Самый кончик этого хвоста создавал водопады, обтекавшие его с двух сторон, и высился над плотом огромной горой, заслонявшей солнце.

– Вау! Хвост! Вот это хвост! – показывал восхищенно пальцем на переливающуюся чешую Эльф. Казалось, он всегда мечтал увидеть это собственными глазами: – Да это же тот легендарный Морской Змей! Мидгардсорм! Он опоясывает весь мир! Король королей! Забытый хранитель Большого Древа! Прямо, как я... Тринадцатый!

– Куда тебя до этого унесло, сволочь?! В какие эмпиреи? – вскочил Сварт, но тут же осел на бревна от резкого броска.

Плот накренился, и на его покрытой слизью поверхности оказалось не очень легко удержаться. Волна нарастала, окутывая пенными брызгами, вставая бирюзовыми стенами.

– Да я вроде тут был, – поскреб в затылке спутник, безмятежно садясь на скользкий и порядком поврежденный плот.

– «Вроде»! Вот именно, что «вроде»! – цепляясь за доски, проорал сквозь гул Сварт.

Но вскоре его гнев совершенно обесценился и забылся: колоссальная волна все возрастала. «Маленький» кончик хвоста заслонял полнеба, и море вскипало, точно наставали последние дни мира.

Накрывал девятый вал без бури, плот закружился жуком в луже и на какой-то момент явно оказался в воздухе, перевернувшись несколько раз. Задумываться, как остались живы, не приходилось. Сварт только намертво вцепился в бревно, часть из которых отлетела вместе с лианами.

Хвост медленно и спокойно вновь опускался в недостижимую глубину. Но от этого мирного исчезновения море бушевало хуже, чем при самой страшном шторме, содрогаясь до дна.

Плот взлетел над грядями волн. Пару раз Сварт ощутил, как кто-то, очевидно, Эльф, наваливается на его плечи, когда казалось, что пират рискует отлететь от кружащегося волчком плота. Все происходило настолько быстро, что осознание он вынужден был отложить до лучших времен.

Наконец, вновь засияло солнце, искрящееся бриллиантами брызг. Плот резко ударился о воду, подскочил еще раз, чудом не развалившись на щепки. Но смоковница оказалась крепка, сохранила, сберегла.

– О! Да мы в два раза быстрее попали в нужное течение! Да здравствует Тринадцатый хранитель! – бодренько заскан-

дировал во всю глотку Сумеречный Эльф, тряся рукой над головой.

Плот и вправду начала набирать скорость, шел уверенно и спокойно, только вдоль борта заплясали блики. А Мидгардсорм пропал, точно не существовал вовсе. Море сияло ясной погодой, лазурной красотой неба, вилось соленым ветром. И ничто не напоминало о его опасностях. Но они подстерегали повсюду, хотя красота тоже никуда не пропадала.

– Только попробуй теперь завести меня в западню, – прошипел Сварт, неуверенно пытаясь вздохнуть.

Из-за полуотбитых легких получилась не угроза, а свистящий хрип. Откашливая соленую воду, Сварт страшно злился на Эльфа, завидовал его бессмертию. Правда, потом заметил, что обнаженное по пояс тело спутника тоже сплошь покрыто гематомами и ссадинами от безумного полета на волнах. Так бессмертный ли? Так неуязвимый ли? Но ведь не погибал от удара сабель. Сварт пока слишком отчетливо помнил выводящие из себя представления. С ним вели игру, и это больше всего злило пирата.

– Куда течение выведет! Туда и мы! Весел-то нет... Да еще пропал наш инжир с моей толстовкой, – поглядел на состояние плота Сумеречный. – Придется мне дикарем бегать. Эх, инжир жалко.

– Выживем и без него, – уверенно отозвался Сварт, бросая вызов любым испытаниям после встречи с самим Мидгардсормом.

***

Мастер Вейяча прислонился к белому стволу Дерева. В его голове слышались голоса, они нарастали, взвивались клекотом стервятников. Он бормотал, сам не понимая смысла:

– Мир видел сны, ему являлись кошмары. Мир листал свитки смутными мыслями, бесприютным у порога истины. Страницы вырывал, обтрясал яблони жизни.

Костлявые пальцы цеплялись за кору, голова раскалывалась. Великий хранитель сходил с ума, израненный, старый и уважаемый, но уже никому не понятный.

Он выронил тарелку с любимыми фруктами и схватился за виски, тяжело дыша. Глиняное блюдо со звоном упало и разбилось, фрукты окропили сладким соком кору. Не отличить, где сок, где кровь. Где добро, где зло. Где славословье, где хула.

– Страшно перевернуть часы. Песок наверх пошел. И вот уж то, что зло, вдруг стало ясной правдой. Злодеи – просветителями, а злодеями – народ, – продолжал отчаянно бормотать великий хранитель.

Он видел множество бедствий, случившихся и грядущих. Во всех мирах. И чувствовал, что Сумеречного Эльфа поразила в этот миг та же боль. Асуры снова путали нити мира и

жадно напивались страданиями.

Как они играли со свитками, как весело им было рассказывать весь мир! Миры. И древний дракон все видел, знал, понимал и ждал. Только не свитками вершилась жизнь, пока хранители судеб срастались с библиотекой.

– Мастер, позвольте обратиться.

Неслышными шагами откуда-то из-за спины подошел Закуда Мауден. Мастер Вейяча пробормотал с трудом:

– Я, пожалуй, спущусь в мир людей. Отдохнуть...

Но старший лейтенант преградил ему путь:

– Простите, мастер, за причиняемые неудобства. Но вам придется остаться в библиотеке.

Хранитель зимы с ужасом и растерянностью поглядел на не в меру усердного старшего лейтенанта. С болью старика, которого считает сумасшедшим собственный внук.

– Это что же? Вы меня запереть решили?

– Вы в курсе сложившейся ситуации. Это для вашей же безопасности, мастер, – отвечал Закуда беспощадно и сухо.

Как легко объявить сумасшедшим, достаточно наклеить ярлык безумия, чтоб перестать слушать человека. И Закуда, как всякий бюрократ, умел наклеивать ярлыки. Он все уже решил: древний хранитель зимы, который написал «Свод Правил», велик и бесценен. А свиток этого хранителя, из настоящего, попал в лапы асуров – значит, он больше не указ.

– Меня... Запереть, меня. Запереть, – мастер Вейяча закрыл лицо руками, взъерошив перья.

Он понимал, что попытка прорваться, остановить ретивого Закуду, приведет только к утверждению вердикта о безумии. Да разве с ума он сходил? Он понял вдруг, как устроен мир и что несут свитки, но аргументов не случилось. Никто ему не верил.

– Никто не пытается вас запереть! Когда мы найдем книгу, вы сможете свободно перемещаться, – не знала границ жестокость снисходительного успокаивающего тона. Таким говорят с животными, маленькими детьми и слабоумными.

– Я должен сам ее найти! Я... Я должен... – забормотал хранитель зимы, хватаясь за голову.

Он взмахнул крыльями, неразборчиво мечась среди стеллажей. А потом тихо сел на ветку, послушный и наивный, как беспомощный ребенок. Значит, так надо. Значит, такую роль ему уготовили. Убили раньше асуров. Закуда действовал с согласия всех хранителей, он бы никогда не пошел против правил.

Старший лейтенант сурово кивнул, впрочем, его каменное сердце тоже страдало. Хотелось в это верить. Не просто так нервно вздрагивали сизо-зеленые крылья, не просто так сжимались кулаки. Ведь он помнил великого мастера раньше, видел его в последней битве.

– Если асуры крадут книги хранителей, сводя их с ума, вносят в их мысли хаос, то что уж говорить о людях, – вздохнул мастер Вейяча. – Их мир ветшает, становится пронизываемым для зла. Они теряют способность отличать добро от зла.

Ведут свои жестокие игры, выворачивая истину, забавляясь с ней, как с площадной девкой. Люди... Должно же где-то остаться добро. Я теряю в них веру.

– Отдохните, мастер.

Старший лейтенант Закуда покинул библиотеку, но безупречно прямая линия его спины на этот раз немного сгорбилась, точно он сомневался в правильности своих решений. А мастер Вейяча утопал в молчании.

Неразумный старший лейтенант Закуда вновь взваливал на себя слишком много, считал, что он теперь один из главных, что в его руках благополучие мира. Он тоже мечтал подавить великую болезнь душ, но она виделась не там, лишь в украденных свитках. Казалось, если их вернуть, то и в мирах настанет спокойствие. А свитки все обрывались и обрывались пунктиром остановившихся сердец.

– Я тоже скоро стану лишь пунктиром, – выдохнул морозный иней хранитель зимы. – Если не... Если...

Он ждал и думал о былом. Его более не существовало, его заперли в клетку легендарной памяти о нем, оставили сказания о прошлом вместо жизни. Мог ли он покориться такой участи?

Глава 9.

ТЕЧЕНИЕ СУДЬБЫ И ВОСПОМИНАНИЯ

Солнце палило нещадно, отделяясь от горизонта, как будто желало свободы и падения прямо в океан. Солнце – великий враг. Они провели уже сутки без воды, вернее, без сока инжира и без весел. На поводу у судьбы. Сводил с ума запах рыбы и осьминожий «нектар», слегка смытый волнами.

Пот катился градом, раскаленная оправка очков выжигала лицо, будто пропитанная ядом. Но Сварт не сдавался, теперь поклялся не сдаваться. Ирония – когда уже хуже некуда, вдруг начинаешь бороться.

Плот попал в течение и не сбавлял хода, только хищные рыбы приникали к нему по бокам. Вдали несколько раз колыхался плавник акулы, но вскоре канул в морской глубине. Сварт был готов сражаться и с этим чудовищем, готов, не

зная, сколько выдержит еще это тело. Теперь уже разум не спрашивал его мнения. На рассвете вторых суток чудилось, будто не осталось ничего, кроме разума и сухого огня в пересохшем горле.

Молчали так долго, что казалось – в одиночестве, в полном одиночестве среди океана.

Сумеречный Эльф спал, лениво, апатично, беспокойно. Сварт несмотря на жуткую усталость не смыкал глаз, все высматривал опасности. Да не приближались новые, только невыносимо давила неизвестность. Он слишком привык, что хоть что-то зависит от него. А здесь – ничего.

Нежеланный спутник обещал, что течение выведет к земле через два дня. Кажется, снова солгал, вредитель. И вот теперь молчал, весь покрытый солнечными ожогами со своей бледной северной кожей, мерцал стеклянными глазами, раскинувшись на плоту. Сварт подозревал, что выглядит не лучше, сгорбленный, высматривающий что-то взглядом волка. Да разве кого-то это волновало? Только не его. Он намотал смоченную водой рубашку на голову, чтобы не получить солнечный удар. Но мысли не прояснились, текли вяло, обреченно.

К плоту слетались птицы, чайки, создавая иллюзию, что где-то недалеко земля. Вот-вот появится. Но оказалось – затерянный островок, скала посреди моря, которая бесполезно замерцала в отдалении. Скала тысяч чаек.

Сварт с ненавистью закрыл глаза, сжимая зубы. В созна-

нии вставало видением совершенно бессмысленное пятно, от которого не удавалось избавиться, как в бреду. Он открывал глаза, смотрел на лианы, связывающие доски плота. Недавно он заметил еще одно ужасное обстоятельство: лианы планомерно перетирали слишком пористую древесину, врезались в нее, но при трении оставляли на стволах глубокие отметины. Казалось, отчетливо слышно, как рушатся волокна смоквы. Времени оставалось все меньше. И что уж дальше – лучше не думать. Иногда вообще лучше не думать... Ничего не изменится от мыслей.

Но, как назло, в мозгу мерцали смутными образами воспоминания весьма далеких дней. То время, когда он еще не пролил первую кровь. Светлое? Едва ли... Совсем наоборот.

Сварт лежал на плоту, глядя на солнце сквозь стекла треснувших очков, и больше никуда не стремился. Почти как в тот вечер, в котором и начиналась цепочка нестройных образов детства и ранней юности. Да, именно в тот вечер беспредельного отчаяния.

Первое, что Сварт помнил из детства – грязные улицы.

Ему едва исполнилось семь лет. Он скитался среди немощных переулков, оскальзываясь на помоях и теряя равновесие. А еще оглушала нестерпимая боль, врезавшаяся в разбитую голову.

Кто-то напал на него, смутно мелькал страшный образ. Кто-то хватал грязными лапищами. Или когтями? Царапал, выкручивал руки. Но он кое-как сбежал, получив по голове.

И потом бесцельно бродил по улицам, потеряв понимание, что происходит вокруг. Его ужасно мутило, и с того дня мир потускнел – что-то случилось с глазами. Он беспрестанно тер веки, но ничего не менялось в расплывчатых силуэтах.

Его пронзал страх, но он, маленький мальчик, не плакал. Брошенные дети редко плачут, ведь им некого звать на помощь. Брошенные дети умирают тихо, как больные щенки. Как и затерянные странники посреди океана...

«Зачем я вспоминаю тот вечер? Зачем сейчас? Надо бы придумать новый план... План... Посреди океана? Плана нет... Воды нет... Это ли не последние часы, когда вся жизнь пролетает перед глазами?» – думал Сварт из настоящего, глядя на себя из прошлого, жалкого и никому не нужного.

Вот он идет по улицам трущоб одного из городков Круны, а вот уже падает, споткнувшись на куче рыбных потрохов, выкинутых из чьей-то лавки. Возможно, судьба начертала ему умереть именно в тот вечер, потому что подняться он уже не смог. Но он всегда плевал на законы судьбы.

Очнулся он на пороге притона, где уродливые женщины обслуживали заходящих в бедный порт матросов. Кто-то внес изможденного бродягу внутрь и спрятал на чердаке. Так началась новая жизнь мальчика по имени Сварт и цепочка относительно связанных воспоминаний.

Одна из женщин была добра к нему. Настолько, насколько способна измученная блудница из портового притона. Хотя он никогда не понимал, что значит доброта.

Она же подарила первые очки, сказала, что их забыл один из клиентов. И размытые силуэты, окружавшие растерянно-го Сварта, обрели четкие очертания.

– Эй, малыш, ты должен учиться. Иначе лет с двенадцати будешь работать... как мы, – предупредила она.

Призраки говорили в голове отчетливо и звонко, их слова стучали кровью в раскаленных висках. Только лица оставались размыты.

– Чему учиться? – спросил он.

– Чему получится. Если научишься бить морды, станешь нашим охранником. Если освоишь цифры, будешь помогать хозяину подсчитывать, что мы заработали. Давай, ты вроде не глупый, – подбодрила его женщина. Имени он уже не помнил, не считал важным хранить на задворках сознания.

– Хорошо. Я научусь! Всему! – воодушевленно пообещал он и попросил хозяина научить его считать.

Хозяин не очень обрадовался, но согласился. И Сварт жадно вгрызся в новые знания. Азы давались легко, как будто кто-то уже научил его считать и писать. Но кто? Как он жил до семи лет? Этого Сварт не знал, но предполагал, что был сиротой, рожденным в бездне нищеты и презрения. Или нет? На хлипком плоту это не имело никакого значения.

Сварт просто позволял призракам рассказывать свои истории. И снова перед ним в полусне поплыли смутные видения, отдающие подобием теплоты. Яркие лучи солнца сменялись мутными пятнами долгих вечеров, копотью масля-

ной лампы, скрипом затупленного пера.

Тайком он добыл себе несколько книг, учебников и задачников. Вскоре ему начали доверять первые подсчеты денег. Получалось у него прекрасно, он никогда не ошибался.

Переливы монет уже тогда отзывались в душе тайным волнением: он хотел присвоить их себе. Себе, а не отдавать сварливому хозяину, который в плохом настроении избивал и его, и девушек.

– Такая у нас жизнь, – вздыхала случайная покровительница, когда они вдвоем прикладывали холод к свежим синякам.

– Нет! Не хочу такую! – возмущался Сварт. И вскоре попросил вышибалу научить его приемам рукопашного боя.

Немолодой громила сначала скептически сказал:

– Да куда тебе, очкарик.

Но Сварт зашипел, увернулся от грубой оплеухи, подпрыгнул и врезал охраннику в ухо. Тот пошатнулся, гулко ухнул и вместо новой оплеухи ответил:

– Ладно. Посмотрим, что из тебя выйдет. Злющий ты, как стая ос! Но нам такие и нужны.

С того дня синяков меньше не стало, зато появлялись они по большей части после коротких тренировок. Сварт быстро рос, тянулся молодым деревцем на каменистой почве. Несмотря на недоедание, он научился неслабо бить первым и уклоняться от атак громилы, который на деле оказался медлительным и неповоротливым.

– Запомни первое правило: клиент всегда прав, – говорил он в начале обучения. – Клиентов бьем только в исключительных случаях.

– Но он же бьют девушек! – возмущался Сварт, как будто тогда еще верил в справедливость. Он часто слышал, как из комнат доносятся крики боли, а потом блудницы появлялись со свежими кровоподтеками, рассеченными губами и заплывшими глазами.

– Бьют, но за это же доплачивают хозяину. Если не доплачивают, мы бьем их.

Правило не нравилось. В душе все бунтовало, потому что в то время его сердце еще не до конца очерствело, не совсем оглохло. Или нет? Сварт мысленно посмеялся над собственной наивностью.

Волна, окатившая плот, вырвала его из липких пут начинавшегося бреда. На растрескавшихся губах ощущался соленый вкус, но жажда не прошла. Тенями осьминогов наполнило мрачное прошлое. В котором он еще считал, будто неправильно избивать блудниц за деньги.

Но уже тогда он с трепетом души рассматривал золотые монеты, оставленные клиентами. И порой во снах представлял, как однажды разбогатеет и поселится в красивом доме торгового квартала, куда его посылали с мелкими поручениями в знак доверия. Желание убивать пришло позднее. В тот год, когда погибла его покровительница.

Он помнил, как шептал соленый ветер: в порту стоит па-

ровой корабль, в порт пришла беда. Пока судно джиннов разбиралось с грузом, команда развлекалась на берегу.

Сварт проснулся однажды ночью от истошного крика и отчетливого запаха паленого мяса. Он испугался, что начался пожар, и выскочил с чердака в коридор второго этажа, где размещались узкие комнатки.

Ему запрещалось покидать чердак ночью, когда девушки «работали». Но возле одной из комнат уже толпился народ. Сварт оцепенел, когда понял, что там жила его «покровительница», та, которая подарила очки и заставила учиться.

– Что... что с ней случилось? – кричал в ту ночь Сварт, давясь запахом паленого.

– Сгорела! Проклятый джинн! Напился и не смог контролировать свою ауру огня, – истошно ругаясь, сокрушался хозяин притона, хлопая себя по засаленным брюкам.

Сварт не видел тела: его не пустили в комнату. Он только отчетливо запомнил сводящий с ума запах жженого мяса. Ощущение утраты навалилось немного позднее, засело в душу немой тоской, как будто оборвалась последняя ниточка, связывавшая его с миром людей. Отныне он отгородился от них стеной равнодушия и озлобленности. Теперь не верилось, что он был способен о ком-то горевать. Зачем? Ненужная трата сил.

Зато жажда крови отзывалась знакомым покалыванием в кончиках пальцев. В ту ночь он навечно запомнил лицо убийцы, джинна. Один случайный взгляд не позволил бы

ошибиться. Проклятую тварь вышвырнул из притона охранник. Но поздно! Что там гласило первое правило? «Клиент всегда прав»? Настолько прав...

Владельцы нелегального притона не могли обратиться к властям. Они замотали тело в мешковину и спустили в мутную реку к помоям и скелетам мелких животных. В тот день что-то окончательно умерло в душе Сварта. Точно она разваливалась постепенно, по кусочку, как треснувший глиняный сосуд. Тогда в голове сложился его первый план.

А на следующее утро к ним заявили недовольные матросы с торгового корабля. И вместе с ними на пороге притона появилась портовая охрана. Хозяин всегда давал им взятки за «слепоту», но на этот раз они выглядели устрашающе.

– Эй, кто-то убил одного из наших, – недовольно начал один из джиннов.

– Почему вы считаете, что это мы? – тут же возмутился хозяин.

Он и правда ничего не знал. Никто не знал. А Сварт наблюдал из чердачного окошка, ловил каждое слово. И улыбался. Никто не догадался бы о причинах его ухмылки, разрезавшей пополам бледное лицо.

– Потому что он убил вашу девицу, – фыркнул джинн.

– Но мы этого не делали.

– Лжете! Лжецов надо наказывать!

– Пошли прочь! – закричал хозяин.

Но ушли они, только перевернув вверх дном весь притон.

Заглянули и на чердак к Сварту, но ушли со словами:

– Ничего, здесь только какой-то мальчишка-дохляк.

Они смотрели на Сварта, как на ненужный хлам – почти не видя, скользя взглядом мимо него. А он с трудом сдерживал улыбку злорадства. Тогда он впервые подумал: «Люди – жалкие тупые твари! А я лучше, я умнее». И эта мысль со временем стала его девизом.

– У нас тоже ничего. Пошли отсюда, – заключила портовая охрана.

– Как же так, господа! – возмущались джинны. – Это сделал кто-то из этих продажных тварей, отомстили за свою!

– Доказательств нет.

– Мы этого так не оставим, – грозно пообещали джинны.

– Катитесь отсюда! – рявкнул им вслед хозяин притона, устало бормоча себе под нос: – Еще не хватало кому-то из наших мстить джиннам. Это чистое самоубийство! Ну, не прав я?

– Да, разумеется, – скромно кивал головой Сварт, привычно подсчитывая прибыль хозяина.

За три года его ни разу не уличили в воровстве. И он ни разу не ошибся в расчетах, за что заслужил некоторое доверие со стороны хозяина.

– Вот и я о том же, – ворчал тот. – Не представляю, кто его грохнул. Может, кто из команды. А сваливают на нас.

И только Сварт знал правду: это он убил джинна. Даже теперь, на плоту, он плотоядно улыбался, смакуя свою победу.

Это он незаметной тенью прокрался на паровой корабль. Никто не замечал десятилетнего мальчишку, крадущегося между тюков. Брошенные дети – почти невидимки. Но никто не подозревал, насколько они могут быть опасны с коротким ножом, украденным у вышибалы.

Убийца-джинн спал в гамаке, так крепко, будто ничего не случилось. Как будто человеческая жизнь не имела значения. Его не терзала тяжесть преступления. Тогда почему холодная рука отмщения должна была дрогнуть? Не дрогнула.

Тогда-то Сварт впервые пролил кровь, бесшумно и ловко провел лезвием по горлу огненной твари. И джинн захлебнулся. Чтобы умирающий не разбудил никого из товарищей, Сварт накрыл ему голову грязной подушкой. Так его утром и нашли, в пропитанном кровью гамаке. А новый убийца скрылся, унося с собой воспоминание, чудесное, пьянящее.

Тогда он впервые почувствовал себя если не божеством, то значимым созданием этого мира. Он убил джинна – не каждый человек сумел бы. Он убил!

Шел ради мести, но вернулся тем, кто наслаждается уничтожением жизни. Его не выворачивало, не тряслись руки. Тело совсем не бунтовало против собственной новой сущности. Нет, о нет! Он ощущал невероятное упоение и почти безмятежность.

Хотелось повторить. Хотелось снова обрести это невероятное ощущение покоя и завершенности. Будто он существовал расколотым, а с первым убийством вдруг обрел целост-

ность. Но чувство улетучивалось слишком быстро. И все его существо жаждало повторения.

Появилась мечта научиться владеть мечом и повторить еще раз. И еще. И еще! Блеск монет и блеск клинка – два непреодолимо манящих маяка.

– Это сделал я, – шептал себе Сварт в тишине чердака. И заснул со сладким ощущением покоя. И после пробуждения его не покидало пьянящее чувство превосходства.

Но через двое суток он встрепенулся посреди ночи от запаха дыма. А когда открыл глаза, не смог разглядеть ничего вокруг себя. Он кинулся к лестнице, но чердачный люк раскалился, доски медленно обугливались. Через просветы уже вырывались снопы искр, лезли наверх жадные языки синева-того пламени – работа джиннов. Жар пожара и жар солнца на плоту сливались единым ощущением душного ужаса.

Сварт в панике отшатнулся, понимая, что оказался в ловушке. Снизу доносились крики, люди металась в огне. А он задыхался на тесном чердаке, который уже подчистую заполнился дымом. Последней надеждой светилось крошечное слуховое оконце.

Безумно царапало в обожженном горле, щипало глаза. Где-то в суматохе потерялись очки, и он тем более ничего не видел. Шел почти наугад. На свет, на блеклый оттиск луны.

Повезло, что его недокармливали, повезло родиться проворным, как куница. Он выбрался на крышу сквозь крошечный лаз и двинулся вперед, балансируя на замшелой черепи-

це. Он дошел до края по хлипкой водосточной трубе и прыгнул на крышу соседнего дома за миг до того, как обугленные балки не выдержали. Дом обрушился.

Внизу метались люди, пытаясь залить вырывавшиеся из двери и окон языки синего пламени. А вдалеке по гладким водам залива безмятежно скользил торговый пароход, унося прочь джиннов, совершивших свою месть.

– Помогите! Горю! Помогите! – недорезанной свиньей кричал хозяин притона.

Он вылетел в одном исподнем, его редкие волосы дымилась. Огонь окатил его жаркой волной. Несчастный сбрасывал с себя одежду, рвал рубашку, но не мог спастись.

Сварт видел, как в бреду, смерти тех, с кем жил три года под одной крышей. И не находил в себе сочувствия. Бежать, бежать прочь – вот, чего он по-настоящему хотел. Лишь бы не чувствовать запаха паленого мяса, лишь бы закончился этот ночной кошмар. Теперь все эти привидения расколотого детства вынырнули из небытия, точно желая поприветствовать того, кто готовился присоединиться к их мрачному сонму.

– Не дождетесь, – прохрипел Сварт, зачерпывая горсть воды и размазывая влагу по горящему лицу.

Он ненавидел вынужденное бездействие, когда оставалось полагаться лишь на жалкий проблеск удачи: тогда накачивали ненужные воспоминания. И под сомкнутыми веками вместо солнечного света снова мелькали сумрачные задвор-

ки.

Снова он скитался по улицам в темноте померкшего зрения. Ободранный, голодный, со следами сажи на лице и руках. И снова никто не подошел к нему, снова никого не интересовала судьба мальчишки-невидимки. Он в очередной раз убедился, что должен прогрызаться сам сквозь эту беспощадную жизнь.

В кармане что-то звякнуло – нож, который он случайно схватил на чердаке. После убийства джинна Сварт всегда держал тот клинок при себе, опасаясь и незаметно вернуть охраннику, и выбросить. Прятал под соломенным матрасом.

Теперь все следы преступления пожрал беспощадный огонь. Не настиг лишь убийцу джинна. Твари прогадали, покарали не тех. Но Сварта не мучила совесть. Жизнь в притоне начала растворяться в водовороте новых впечатлений на следующее же утро.

На рынке он стащил с чьего-то прилавка новые очки и тогда снова относительно прозрел. Вновь он мелькал между корзин и тюков юрким зверьком, незаметным и стремительным. Возможно, в его жилах текла капля крови тех, кто принял «подарок асуров». И наверное, тот безымянный предок обладал невероятной скоростью. Но тогда Сварт об этом не задумывался.

Он обворовал несколько лавчонок, добыв себе немного еды и новую одежду. А вечером, когда он шел по улице в поисках сухого чердака или подвала для ночлега, его окру-

жила группа оборванных подростков. Таких же обитателей трущоб.

– Эй, очкарик, чего забыл здесь?

– Убирайся к мамочке!

«К мамочке...» Он совершенно не помнил ни мать, ни отца. И считал, что его бросили вскоре после рождения. Угрозы хулиганов звучали смешно и противно. И сами они выглядели жалкими уродцами, неспособными даже на искусные издевки.

Сварт равнодушно взирал на них и только задумчиво дотронулся до короткого ножа, спрятанного в кармане. Он вспомнил, чему его учил вышибала. Вновь его лицо разделила пополам широкая ухмылка, от которой заболели скулы.

Он ударил первым, кинулся вперед настолько стремительно, что никто не успел заметить. И один из мальчишек внезапно упал с распоротым горлом, давясь кровью. Он сучил руками и ногами, как лошадь со сломанным хребтом, и Сварт находил это даже забавным. Вновь он ощущал себя выше людей, почти божеством.

– Что? Как?

– Он убил... Убил...

– Убираемся отсюда! – в панике закричали остальные.

А Сварт, когда чувство превосходства снова рассеялось, понял, что нажил себе новых проблем. Он здраво решил, что должен немедленно убраться из города.

Всю ночь он провел в размышлениях, как это сделать, с

кем и куда податься. Пешком? Он не представлял, что лежит за пределами маленького городка.

Целый мир, о котором он тогда ничего не знал, только видел на прекрасных цветных картах, развешанных в одной портовой лавке. Такие покупали богато одетые капитаны стоящих у причала кораблей. Сварт представлял, как сам однажды выйдет в море, как соленый ветер будет смело ударять в лицо, а не проскальзывать несвежим сквозняком в чердачное оконце. Мечта почти исполнилась. И едва ли он догадывался, что окажется на разваливающемся плоту вскоре после зенита славы.

«Однажды у меня будет бригантина», – пообещал он себе в тот вечер и заснул на чужом пороге, даже не замечая, что добрался до рыночной площади. Проснулся от холода и от того, что едва не потерял очки. Он встрепенулся, протер стекла и тут же замороженно уставился наверх.

А там, раскинув руки, как вольная птица, балансировал на тонкой веревочке человек. Канат натянули между крыш двух домов. И человек шел по нему, точно по улице. Он ступал осторожно и ровно. Стежок в стежок – как кот, шествующий по коньку крыши.

«Великолепно», – вдохновенно подумал Сварт. И ему захотелось стать таким же, легким, неуловимым и свободным. Даже если эта свобода грозила смертью. Но он и так жил в постоянной опасности. Ему показалось, что такая ловкость дает новое превосходство над жалкими тупыми людьми.

Он стоял на пороге чужого дома, задрав голову, и упрямо глядел на канатоходца, когда его окликнул хозяин цирка, здоровенный толстяк в нелепом лиловом цилиндре:

– На что смотришь?

– На него, – с искренним восторгом ответил Сварт. Но тут же одернул себя и поглядел на того, кто спрашивает.

– А, канатоходец. Плати, если смотришь, – беззлобно ухмыльнулся хозяин.

– Нечем, – признался Сварт, выворачивая карманы украденной куртки.

– Раз нечем, проваливай, – сварливо хмыкнул хозяин цирка.

Тогда же возник гениальный план, как сбежать из города. Сварт низко опустил голову, сжал кулаки и решительно ответил:

– Нет.

– Что «нет», заморыш? – фыркнул хозяин цирка, подкручивая смоляно-черные усы.

– Возьмите меня с собой! – воскликнул Сварт.

Он не зажмурился и не разжал кулаков. Секунды отсчитывались гулками ударами крови в висках, и где-то над площадью так же считал шаги канатоходец.

– Тебя? А что ты умеешь? – рассмеялся хозяин цирка.

– Считать. И немного обращаться с ножом, – уверенно доложил Сварт.

– Считать... Хм. Ладно, сойдешь, очкарик, – благосклон-

но кивнул хозяин и повел с собой в раскинутый шатер передвижного цирка, который служил ему конторой на время представлений.

– Эй, очкарик, ты вроде говорил, что ловкий. Ну, так на что ты способен? – говорил на следующий день тот самый неуловимый канатоходец, который при близком знакомстве оказался сварливым типом средних лет.

Сварт показывал приемы, которым его обучил вышибала из притона. Ходил колесом и пытался маршировать на руках – этим он сам временами развлекался. Легкое голодное тело многое позволяло.

Но он все равно истошно кричал, когда его впервые посадили на шпагат. Показалось, что треснули все сухожилия и связки. Впрочем, с каждым разом становилось все легче. И вскоре даже циркачи удивлялись гибкости мальчишки, который буквально закручивался узлом.

Но больше всего поражало, как быстро «очкарик» научился балансировать на канате. Сперва он неуверенно шел по натянутой между двух кибиток веревке. И бесконечно падал, набивал шишки, стесывал кожу. Но упрямо продолжал.

Со временем юный циркач научился без труда танцевать на канате, натянутом между двух крыш. Как и мечтал. Свободный, с раскинутыми руками, словно вольная птица.

Но та мимолетная прекрасная мечта оказалась лишь пылью: с первых же выступлений в двенадцать лет Сварту не понравилось бессмысленно ходить вперед-назад над толпой

зевак.

Сначала он ощущал некое превосходство, ведь он шел на уровне крыш и верхушек деревьев. Он ошеломлял простых смертных, затаивших дыхание внизу. Затем пришло понимание, что его прогулки – это лишь развлечение для безмозглых обывателей. Он был заперт, пусть стенами его становился лишь воздух. Он шел, как привязанная к колышку скотина, по кругу.

– Еще! Еще! – кричала толпа, и он танцевал на канате, зачастую обессиленный после нескольких представлений кряду.

Все просили, чтобы гибкий мальчишка показал новые фокусы. Прежний канатоходец не умел танцевать на канате, не умел разыгрывать собственное падение, чтобы в последний момент ловко удержать равновесие, небрежно салютуя публике. А Сварт научился. Он умел учиться и в каждом деле старался превзойти других. Как это помогло бы теперь? На плоту? Снова никак... Но когда-то он верил, что так достигнет величия.

Вскоре прежний канатоходец наскучил публике и, стараясь подражать мальчишке, сорвался с каната, получив двойной перелом ноги. С тех пор он угрюмо убирал за лошадьми. И больше ни разу не заговорил с молодым акробатом.

Так началась кочевая жизнь Сварта. Городишко остался в прошлом, и перед юным Свартом раскрылись все тайны Круны. Оказалось, что нищета цветет зловонными миазма-

ми не только в портовых трущобах.

Впрочем, Сварту довелось повидать и невероятное богатство, когда кибитки циркачей прибывали в поместья аристократов. Тогда-то он впервые позавидовал роскоши, тогда-то впервые взлелеял мечту поселиться однажды в одном из таких домов. Но никому не прислуживать, ни от кого не зависеть, а самому управлять всей этой дивной красотой.

И однажды в одном из поместий Сварт стал свидетелем пренеприятного разговора, который заставлял морщиться по сей день. Некоторых призраков он бы с удовольствием уничтожил дважды, а то и трижды.

В тот вечер наливалось тягучим зноем лето, артисты спали под открытым небом. Сварт собирался на покой, взбивая соломенный матрас, когда до него донесся шепоток из шатра хозяина цирка.

Сварт лениво встрепенулся, сперва решив, что кто-то просто гуляет по саду поместья. Кибиткам разрешили встать возле стены. Однако отчетливо доносился басовитый голос хозяина и чей-то еще. Сварт встал и прислушался.

– Предлагаю тебе выгодную сделку, – говорил некто.

– Какую? – отвечал хозяин.

Сварт приблизился к шатру и бесшумно приник к освещенной шелке между выцветшими занавесками. Внутри за складным столом сидели двое: хозяин цирка и... сам владелец имения, жирный седой граф.

Сварт еще мысленно посмеялся над ним, когда легко ба-

лансировал на канате: «Уж такой-то не упадет с веревки, она просто опустится до земли под его тяжестью». А теперь этому неприятному старику зачем-то понадобилось приходиться к хозяину цирка. Да еще ночью. Сварт нахмурился и прислушался, о чем речь. И следующие слова аристократа заставили похолодеть:

– Продай мне канатоходца.

– Канатоходца... Опять для твоего личного «зверинца»? – неприязненно осклабился хозяин цирка.

– Да, мальчишка хорош. Гибкий, красивый, – причмокнув губами, ухмыльнулся граф.

– Ты омерзитель, – отвернулся хозяин цирка и примирительно продолжил: – Но ладно, сколько дашь? Учти, мальчишка ценится дороже, чем девушки. Я и так продал тебе уже троих.

– С них не убудет. К тебе вон новые прибываются.

– Что правда, то правда. Но этот мальчишка один из лучших.

– Ладно, давай еще поторгуюсь, если ты так хочешь, – посмеивался аристократ.

– Конечно, поторгуюсь! Каждый раз, когда мы останавливаемся в твоём имении, я лишуюсь одного из артистов.

– Не лишаешься, а совершаешь выгодную сделку.

Сварт слушал и давился омерзением. Он растерянно отошел от шатра.

Канатоходца... Продать. Его хотели продать! Как вещь,

как зверушку. Что еще уготовала ему жизнь? За двенадцать лет он и так успел испытать почти все оттенки отвращения и злобы. Но за год с циркачами он обманчиво решил, что обрел наконец-то настоящий дом, пусть и непостоянный, вечно переезжающий. Обманулся. Снова. И уже навсегда лишился доверия к людям. Хозяин цирка бесстрастно торговался, продавая своего артиста, как породистую лошадь.

Сначала Сварт хотел просто бежать. Куда угодно, лишь бы не попасть в клетку имения. Но потом он еще раз прислушался к переговорам в шатре. И в нем проснулась та же лютая ненависть, что и в ночь убийства джинна.

Он бросил взгляд на доску с воткнутыми кинжалами, которая стояла возле ближайшей кибитки. Его учили бросать ножи, хотя временами он сам становился бесстрашной мишенью. Лезвия втыкались точно «по контуру», так, что потом оставался силуэт человека, «нарисованный» кинжалами.

Говорят, циркачи не носят при себе оружия. О нет, циркачи – самые опасные люди. Они возят с собой целый арсенал, который называют реквизитом. Сварт ослабился, изнывая от немой злобы.

Он выхватил из доски несколько кинжалов и неслышно подкрался к занавесу. Хозяин цирка и аристократ продолжали увлеченно разговаривать, словно старые приятели. Они почти не двигались, два неповоротливых огромных тюфяка.

– Искусство способно убивать, – упоенно прошептал

Сварт и метко бросил кинжалы.

Два лезвия точно поразили живые мишени. Хозяин цирка рухнул на пол с пропоротым горлом, аристократ схватился за грудь и обмяк, упав лбом на столешницу.

Сварт отошел от шатра и впервые за долгое время вдохнул полной грудью. Он был свободен, и его вновь манил соленый ветер, принесший долгожданную прохладу.

Он ушел, сбежал и никогда не интересовался, что случилось с циркачами. Наверное, его искали, наверное, подозревали в убийстве. Скорее всего, всех артистов отправили на каторгу.

Сварт сбежал. И по прошествии более чем двадцати лет плохо помнил, как добрался до очередного портового города. Вероятно, его вел и наставлял холодный соленый ветер. Так или иначе, он снова переметнулся на сумрачную сторону жизни. В прошлом остались яркие представления, теперь он скрывался, едва заслышав чеканный шаг городской стражи.

Еще год он лазил в окна «форточником», но потом вытянулся и стал слишком длинноногим. Больше такая работа для него не годилась. И где-то в глубине души он страстно мечтал не просто грабить чердаки и подвалы, а убивать тех, кто мирно спал за закрытыми дверями. Тех, кому повезло больше, чем ему.

Тогда, в тринадцать лет, он собрал собственную банду малолетних головорезов. Среди них оказался и будущий верный соратник – Облезлый Сэм. Он всегда был именно «об-

лезлым», а лет с тридцати еще и пепельно-седым, его серо-пегие космы торчали во все стороны нелепыми сосульками. Косолапый и сутулый, он представал всегда слугой, подхалимом, который считал себя другом. Он с начала знакомства прекрасно оттенял аккуратного ловкого Сварта. А теперь сгинул в пасти Харибды вместе со остальной командой... И его призрак явился с вопросами:

– Я пошел за тобой, Сварт, когда осиротел после эпидемии. Помнишь, в Круне свирепствовал грипп тридцать лет назад? Я остался один, а потом стал частью твоей банды мальчишек. Я шел за тобой до конца. И был рад! А ты... предал меня? Бросил...

– Бросил. Предал, – бесстрастно ответил пустоте Сварт, едва шевеля потрескавшимися губами, но еще хватало сил злобно осклабиться: – И предал бы сотни раз каждого из вас. Вы мне опостытели, ненужный тяжелый груз дурной славы, мешающий начать все заново.

Безносый зеленоватый мираж с белесыми космами растворился в морской пучине, зато воспоминания о зловонных трущобах по-прежнему вились над плотом, отдавая настоящей тухлятиной после нападения осьминогов.

«Да, в трущобах прибрежных городов воняло всегда так же. С чего начали, к тому вернулись, – с горькой усмешкой раздумывал Сварт. – Но тогда мы не знали другого. Хотя нет, я-то знал, я видел особняки господ... Я видел их богатство. И видел, что у нас нет ничего».

Сперва они занимались мелким воровством. Но аппетиты росли.

– Мы не сухопутные крысы! – возмутился однажды Сварт.

– Что ты предлагаешь? – поинтересовался тогда Облезлый Сэм.

Он всегда слушался, соглашаясь даже на самые безумные затеи, и зачастую не подозревал, как жестоко его подставляют. Сварт едва ли понимал значение слова «дружба», а Сэму, очевидно, поначалу хотелось быть именно другом. Впрочем, всю их одичавшую ватагу вела единая цель выжить, утолить голод, урвать себе кусок. Один Сварт желал большего. Он предложил:

– Выйдем в море! Станем пиратами!

– Ты ненормальный! Что мы знаем о море?

– Узнаем все, что потребуется.

И через полгода они вышли впятером в море на утлой лодчонке, которая уносила их прочь из трущоб, прочь от берегов Круны. Правда, первый же шторм стал для них фатальным, налетевшая гроза перевернула лодчонку, раскрошила в щепки и разбила о скалы. Тогда-то Сварт впервые понял, насколько жестоко бывает море. Но от того оно не перестало манить. На берег он выбрался один, считая себя единственным выжившим. И лишь потом в комке шевелящихся водорослей и песка он узнал Облезлого Сэма.

– Живучий ты, – бросил ему Сварт.

– Ты тоже, – ответил ему Облезлый и не посмел упрекнуть

в гибели всей остальной команды.

Сварта же совсем не заботила судьба его спонтанно собравшейся ватаги. Но в обществе Сэма он находил некоторую выгоду, поэтому путь продолжили вдвоем. Кое-как они добрались с пустынного берега до порта, поняв, что оказались снова в Круне, пусть и в другом городке.

– Ну, что, не останемся сухопутными крысами? – спросил будущего старпома Сварт.

– Нет, – согласился Облезлый Сэм.

И они вдвоем нанялись на первый же сомнительный корабль. Их не интересовало, куда он идет. Главное, что в команду брали всех подряд без документов. Они не прогадали – старый капитан Две Красные Руки промышлял торговлей контрабандными алмазами и оружием джиннов, а временами нападал на рыбацкие деревни и продавал пленников в рабство ифритам.

– Говорите, вы из Круны? – усмехнулся капитан, рассматривая оборванцев.

– Мы знаем все схроны в трущобах портовых городов и все местные банды восточного побережья Круны, – немедленно зарекомендовал себя Сварт.

Облезлый Сэм неуверенно топтался за спиной и молчал.

– Вот как. Хе, после исчезновения наследного принца страна готова развалиться. Для нашего бизнеса станет отличным перевалочным пунктом, – пробасил капитан. – Добро пожаловать на борт, трюмные крысы! Надейтесь, чтобы ва-

ши знания пригодились.

В течение следующих трех лет Сварт драил палубу, делая понемногу ценной информацией с капитаном, поднимаясь по иерархии с каждым удачно указанным местом сбыта или покупки контрабанды из Гриустена, и учился владеть саблями. Все больше на практике, проливая кровь безоружных бедняков. И ему нравилась власть, которую оружие давало над людьми. Сначала хватало и одного клинка, но потом фехтование превратилось для него в увлекательной смертельный номер, наподобие тех, которые он исполнял в цирке. Он придумал собственный стиль борьбы с двумя саблями.

– Да ведь неудобно же, – посмеивались сначала пираты.

– Сойдем на берег, как велит кодекс. И я покажу, насколько «неудобно», – отвечал Сварт.

Они сходили на берег для решения спора дуэлью, и чаще всего насмешники оставались на пустынных затерянных отменях кормом для крабов и чаек. Вскоре сомневающихся в его умениях значительно поубавилось, команда начала уважать «бешеного щенка капитана», как звали его за глаза в то время. После побега из цирка Сварт поклялся себе, что никто не посмеет больше над ним смеяться, ни одна жалкая тварь.

Но тем ярче ныне проступала на фоне кромешной черноты под сомкнутыми веками широкая улыбка Маиму-Длинногого, который одерживал победу. И смеялся, громко смеялся, как нахальная мартышка. И так раз за разом по кру-

гу бреда. Сварт сдавливал пульсирующие виски и намеренно отвлекался на более старые воспоминания, раз уж больше ничего не оставалось.

«Хватит! Хватит!» – прошипел капитан и сосредоточился на одном из поединков. Хороший же тогда выдался день, солнце стояло в зените, но соленый морской ветер приятно охлаждал спину. Скрещивались сабли, песок под ногами поднимал вихрь, и противник не мог уследить за отточенными акробатическими движениями Сварта.

Вскоре последний насмешник с корабля упал ничком, уткнувшись лицом в клубок гниющих водорослей, а с любимых сабель стекала свежая кровь. Теперь Сварт представлял, что это Маиму. Но тогда он просто радовался, тогда в его голове родился новый план. «Если я так силен, – подумал он. – Зачем мне капитан? Все равно его дела фактически веду я. Да, я силен и умен. Зачем подчиняться, когда можно подчинять и устрашать?»

В тот день отчетливо созрел план, в тот день он понял, что хочет власти на корабле. Он наблюдал за капитаном и за навигатором. Как те склонялись над картами, как прокладывали маршруты. Сварт задумался, что может научиться так же. В который раз он втерся в доверие тем, что умел отлично считать. Как оказалось, лучше всех на старой бригантине, чем и заслужил дополнительное уважение.

– Сварт, не могу поверить, что ты пришел к нам обычным матросом, – посмеивался капитан, довольный тем, что те-

перь все поставки его контрабанды упорядочены и прозрачны. К каждому товару теперь прилагалась накладная, клиенты – такие же бандиты – оставались довольны. А Сварт лишь улыбался, кося под диковатого простачка вместе с Облезлым Сэмом и завоевывая все больше доверия.

– Мы стали намного богаче благодаря тебе, – все чаще хвалили его.

И он скромно кивал. А в одиночестве злорадно улыбался. Уже далеко не ребенок, уже расчетливый хищник шестнадцати лет от роду.

Еще через два года он обзавелся такой поддержкой на корабле, что сумел поднять бунт. Вернее, сначала он убил старого капитана, а потом объявил, что теперь он главный. И никто не посмел возразить. Незначительное число недовольных спустили на дно привязанными к якорям.

Свидетелем преступления сперва оказался только Облезлый Сэм. Он затрясся всем своим сутулым телом, когда увидел окровавленный труп капитана. Сварта тогда вызвали в каюту для очередного вознаграждения. И он взял свое вознаграждение. Капитан доверял ему, не разглядев, какое чудовище стало его правой рукой. Доверие – величайшее зло. Это Сварт усвоил после побега от циркачей.

– Что ты... что ты сделал? – спросил обескураженный Сэм.

– Убил капитана, – с хладнокровной веселостью отозвался Сварт.

– Зачем? Ты... Ты ведь...

– Скажи, кто вел его счета? Кто вытащил его дело на новый уровень? Мы торговали раньше только возле побережья Круны, а теперь поставки тянутся до восточного материка, – обратился к собеседнику Сварт. – Ну, чья это заслуга?

– Твоя, – пробормотал Облезлый Сэм.

– Верно, – кивнул Сварт и сдернул с плеч убитого капитана дорогой черный камзол с золотым позументами.

– Но как же... Он доверял тебе. Может, он сам бы сделал тебя капитаном.

– Когда? Через двадцать, тридцать лет? Нет. У нас теперь есть корабль. Здесь и сейчас, – провозгласил Сварт и накинул камзол поверх черной рубашки.

В тот день он обрел свой «титул» – капитан Сварт. Он присвоил сабли поверженного капитана, его устрашающее прозвище, а также его старые связи и страшную славу беспощадного убийцы. Он лучше прежнего пирата оправдал свое новое имя – Две Красные Руки. В тот день сбылась его мечта. Он был уверен, что отныне ему принадлежит весь мир, все моря и океаны.

И торговля контрабандными алмазами и оружием продолжилась. Но Сварту хотелось большего: разграбленных деревень, полыхающих пароходов, уничтожения джиннов... Больше крови!

Теперь ее вкус оседал хлопьями пепла посреди душного зноя.

Глава 10.

ГОЛОСА ПРИЗРАКОВ

Плот продолжал движение. Сварт тихо сходил с ума от тишины, видения наваливались навязчивыми тенями. Он опасался, что вскоре в деталях снова узрит бой с Маиму-Длинноногим. И не желал этого. Только не это! Не свое поражение!

– Сумеречный, это ты посылаешь все эти образы? Мысли... – проскрежетал собственный голос.

Но в ответ донесся лишь плеск воды. Сварт скосил глаза: нежеланный спутник лежал неподвижно, иссохший, как водоросль на песчаной косе, но как будто живой. Хотелось сбросить его за борт, но тогда призраки обступили бы еще более плотным кольцом. Обступали образами погибшей команды.

– Чего вы хотите? Мне вас не жаль, совсем, – отмахивался от них Сварт. – Это все перегрев... солнечный удар... Вас нет! Вы не нужны, никогда не были нужны!

– Никогда? – спрашивали призраки нестройным хором во главе с Облезлым Сэмом. – А как насчет тех времен, когда дела процветали?

Треклятый старпом говорил правду: когда-то команда была нужна. Во времена, когда дела шли отлично.

Контрабандная торговля оружием приносила превосходный доход, когда в Круне шла война. Страна постепенно превращалась в перевалочный пункт для сухопутных бандитов и морских пиратов. Наследный принц исчез при загадочных обстоятельствах прямо из дворца, и это ознаменовало начало затяжной усобицы, времен безвластия и беззакония, в течение которых ненавистный Гриустен начал постепенно отгрызать от страны приграничные провинции.

Капитану пиратов такой расклад позволял беспрепятственно торговать оружием, а пропадающих людей, захваченных в плен, и вовсе уже никто не считал.

Но как только Гриустен начал захватывать новые территории, Коалиция Джиннов начала настоящую охоту на пиратов. Хаос на территории Круны оказался более невыгоден. К тому времени Сварт рассчитывал заполучить, возможно, собственный форт на Северных Пиратских Островах. Но из-за объявленной масштабной охоты на пиратов и контрабандистов в акватории восточного побережья каналы поставки

начали отпадать один за другим. Сначала они лишились сбыта на восточном материке, потом джинны атаковали потаенные пиратские форты в тропической части провинций Круны, которые к тому времени уже стали территорией Гриустена.

Сварт понял, что ему остались только грабежи прибрежных деревень и нападения на пароходы.

– Капитан, они нанимают ифритов в качестве охотников, – помнится, с иступленным ужасом твердил Облезлый Сэм.

– Двойные стандарты как есть. Ифриты охотятся на ифритов, – бесстрастно отзывался Сварт. – И на людей. Проклятье змеево...

Они отбивались, какое-то время соленый ветер приносил удачу, лилась кровь. Но чем больше крови стекало с верных клинков, тем меньше сил оставалось для новых нападений. Джинны крепко взялись за всех пиратов. Вскоре не осталось известных имен, всех отправили либо на эшафот, либо на каторгу. Капитан Две Красные Руки уцелел одним из последних, но Сварт чувствовал, что и это прозвище скоро останется лишь пугающей легендой. Но он не хотел умирать, не желал сгинуть на каторге в кандалах. Оставался единственный шанс – исчезнуть, стать кем-то другим. Убить имя – не значит погибнуть.

– Неужели мы остались последними... – сетовал Облезлый Сэм.

На корабле начались первые бунты, случайные шепотки,

волнения, как в мутной воде. Тогда Сварт снова начал проливать кровь ненадежных союзников.

– Да я лучше к ифритам пойду! На них управы все не находится! Дарар, говорят, щедро платит, – кричал однажды очередной зачинщик бунта.

– К морскому змею ты пойдешь, – рычал Сварт, перерезая ему глотку.

И так случалось с тех пор с каждым, кто смел высказаться против капитана. Но шепотки продолжались:

– Ифриты могут устоять против джиннов. А мы – уже нет. Дарару наплевать на джиннов!

Молодой ифрит Дарар к тому времени и впрямь собрал кровожадную команду на своем стремительном пароходе и наводил ужас на патрульные корабли джиннов и их прислужников. Южные Острова Ифритов все еще оставались неизменной собственностью пиратов. Но Сварту не светило влиться в их ряды, ведь он родился просто человеком. Человек – ругательное слово.

– Капитан! Снова морские стражи! – такая фраза Облезлого Сэма стала привычным началом почти каждого дня.

Старпом тяжело утирал пот со лба, все чаще стучал зубами от страха, но не предавал. Сварт не ценил этой верности, он понимал, что все они висельники, связанные при жизни одной веревкой.

– Дать бой! – приказывал он поначалу, но через пару лет все чаще стала звучать судорожная команда: – Уходим!

Он понял: его прибыльное дело потонуло раньше корабля вместе с мечтами о собственном форте, а до бригантины желали добраться оголтелые морские стражи. Возможно, так он расплачивался за кровожадность, которой отличался в юности. Слишком громкую славу себе снискал, слишком узнаваемым стал в своей жестокости и безнаказанности, стервятник войны в Круне.

– Мы должны исчезнуть, – провозгласил Сварт однажды.

Он четко помнил запах старых карт в каюте и поникшую голову Облезлого Сэма, который неуверенно спросил:

– Как, капитан?

– Инсценируем кораблекрушение. Распустим слухи о нашей гибели, – деловито заявил Сварт, а Облезлый как будто почувствовал в тот день, что их просто намерены вышвырнуть, словно ненужный мусор.

– А что потом? – вздрогнул старпом, мечась из стороны в сторону привязанным цепным псом.

– А потом вы станете добропорядочными гражданами острова Кафу.

Сварт выбрал место подальше от Круны и Гриустена, на самом экваторе. Беда острова Кафу состояла в том, что цивилизация коснулась его только на одном побережье. Большую же часть занимали непролазные экваториальные леса. Этим и пользовались исстари пираты. Тогда Сварт еще не знал, что попадет в поместье Вессонов, но уже примерно выстроил план по захвату власти.

– Но как, капитан? – недоумевал Облезлый.

– С моей помощью! Я стану мэром.

– Мэром?

– Или даже губернатором части острова, – заверил Сварт.

– А что мы? – все еще резонно сомневался старпом.

– Сперва я должен стать мэром или губернатором. Вам придется ждать. Найдете необитаемый остров. Возле Кафу есть целый архипелаг.

– И как вы станете губернатором?

– Это мое дело. Мне понадобится лодка. Я буду ждать вас на острове Кафу через три года. Причалите к пустынному берегу южной стороны.

Так он и составил план побега, показывая Облезлому Сэму бухты на выцветшей карте, но уже вовсе не заботясь о судьбе команды и корабля.

Сначала они выследили небольшое торговое судно, следующее с Кафу в Гриустен, и затопили его, перерезав и утопив всю команду и пассажиров. Люди Сварта послушно инсценировали кораблекрушение собственной бригантины, раскидав обломки чужого корабля по отмели и развесив на скалах свой старый изорванный флаг. Затем пришлось беспощадно пожертвовать несколькими членами команды, чтобы создать видимость настоящей катастрофы. Сварт все равно подозревал каждого в желании поднять бунт, последние годы весь его авторитет держался только на страхе. Впрочем, так повелось изначально, со дня захвата власти.

– А вы уверены, что это сработает? – сомневался старпом.

– Один из убитых немного похож на меня телосложением.

Чайки съедят ему лицо раньше, чем тело обнаружат, а вот мои личные вещи и одежда станут хорошим свидетельством для какого-нибудь неизвестного морского стража. Пусть гордится тем, что нашел останки капитана Две Красные Руки.

– И сабли ему оставите? – недоумевал опешивший старпом.

– Нет! – возмутился Сварт так, будто ему предложили отрезать правую руку. – Этого представления будет достаточно. Они хотят считать нас мертвыми. И поверят в наиболее легкий исход этого противостояния.

Вскоре он с радостью прочитал в газетах джиннов новость о собственной безвременной «гибели». «Кара судьбы. Шторм избавил восточное побережье от жесточайшего из пиратов» – гласил один из заголовков.

«Все, теперь ничего не мешает. Никто не мешает. Свобода! Больше никаких бунтов, никаких бесконечных стычек с морскими стражами. Только я и моя новая сущность. Я достоин настоящего величия», – подумал Сварт, ступая на глинистую почву острова Кафу.

Он надеялся, что за три года его пиратов либо переловят джинны, либо корабль разобьется о скалы. После смерти лорда Вессона и пропажи Аманды Вессон появление пиратов и вовсе перестало быть важной частью плана по утверждению своего авторитета в городе.

Как ни странно, команда во главе с Облезлым Сэмом выполнила приказ, ровно через три года причалив к безлюдной бухте Кафу. Сварт понял, что пора завершать свой блестящий план, как он изначально хотел: пообещать своим новую жизнь и истребить вместе с морскими стражами, тем самым развеяв все подозрения относительно своей новой личности.

Но тогда же на берег высадился Маиму-Длинноногий...

– Нет! Опять этот смех! Опять он смеется надо мной, никто не имеет права смеяться надо мной! – задохнулся видением Сварт и резко вынырнул из багряной пелены.

– Сварт... – тихо позвал Сумеречный Эльф, но его голос потонул в порыве ветра. А вот смех Маиму гулко звенел в ушах.

Молчание убивало быстрее, чем жажда, терялся счет времени. Сумеречный Эльф застыл выброшенным на сушу дельфином, тяжело дыша. Внезапно послышался его голос, тихий, прерывистый:

– Сварт... Ты действительно так ненавидел эту девушку, Аманду, так ненавидел, что хотел убить ее? И отца ее? Другого пути не было?

– Конечно, – ответил капитан и поразился, как чуждо и резко звучит собственный голос, невольно он начал говорить дальше, хотя в горле давно пересохло: – Я ненавижу служить, прислуживаться. Я наслаждался отвращением к себе, но наслаждаться им можно только со знанием того, что месть будет слаще отвращения. А эти богачи... Они такие снобы, ду-

мают, что все люди наподобие псов, готовы вилять хвостами за любую их благосклонность.

Сварт ссутулился, вспоминая, как мерзко ему было служить в конторе «мальчиком на побегушках», втираясь в доверие к богатой семье. Как он прекрасно изображал почтение и смиренную покорность! Все для осуществления плана. План, о план... Жесточайший план. Он с самого начала обдумывал, как подстроит несчастные случаи с лордом и его дочерью. Но оба сами исчезли с пути. Дело оставалось за малым – за разграблением города. А подписанные бумаги уже лежали в конторе.

Сварт вспоминал, как прислуживался, как ненавидел мелкие подношения хозяина. И порой ее, этой несносной девчонки, Аманды, которая наивно считала, что слуги должны радоваться ее милости.

Слуги и обычные работники в конторе радовались, когда хозяйка дарила им безделушки на праздники или собирала за общим столом с угощением. Сварт усматривал в этом лишь расточительство. Как и в благотворительных визитах Аманды в больницы для нищих и детские приюты. Думала, что совершает благо. Как же! Подозревала ли она о царящем повсюду лицемерии?

Перед приходом аристократов всегда убирали с глаз долой умирающих бедняков, просто вышвыривали на улицу. А половину сирот уводили подальше в поле, прятали, чтобы дочь лорда не расстраивалась. Не знала, сколько на самом деле на

их жарком острове боли. Не меньше, чем в проклятой Круне, при мысли о которой Сварт нервно вздрагивал. А Аманда ничего не знала. И она вечно совала нос не в свое дело. Когда в конторе появился новый человек, она часто лезла с расспросами. А ему приходилось, конечно, отвечать.

– Правда ли, что у вас в Круне началась война? Я читала газеты, вспомнила, что вы оттуда, – спрашивала она как-то раз.

Сварт не лгал о своей родине, все равно выдавал особый выговор. Про войну в Круне он слышал, страна продолжала отбиваться от посягательств наукократии джиннов Гриустена. Чем все закончилось, он уже толком не знал. И закончилось ли вообще. Королевство людей всегда страдало от посягательств республики джиннов. Прогресс или смерть – лозунг наукократии. И похоже, Круна выбирала смерть, предпочтя ее прогрессивному рабству.

– Возможно. Я давно там не был, – не лгал он. Лучшая ложь – недосказанная правда.

Любопытству Аманды всегда хватало поверхностных сведений. Она жадно вслушивалась, кивала, встряхивая светлыми локонами, порой неестественно ужасалась. Слишком манерно. Как будто она тоже лишь играла роль аристократки.

Это Сварт понял только на плоту, несущемся в неизвестность. Раньше он почему-то не замечал, а теперь начал прокручивать в голове все, что помнил о дочери лорда Вессона. И обнаруживал все больше странностей.

От Аманды были одни проблемы. Ей не хватало ума ездить, как полагается богатым девицам, с дамским седлом и не пускаться в галоп. Нет, ее серая в яблоках лошадь часто приходила в мыле. А саму девчонку несколько раз видели в мужском камзоле. «А не достала ли она и револьверы джиннов? – задумался Сварт. – И что делала с ними? На кого охотилась? На тропических птичек?»

Один раз ему лично пришлось тащить строптивую наездницу на руках, когда она вернулась с раскрытой голенью. Сварт прогуливался возле имения лорда, уже прикидывая, как лучше атаковать замок, если план с подстроеными несчастными случаями не сработает. Пираты могли бы прорваться через боковые калитки, если бы кто-то пустил их внутрь. Но от мыслей в тот день отвлек топот копыт и жалобное ржание.

Кровь обагрила серую шерсть беспокойной лошади. Сама Аманда была белее мела и едва держалась в седле.

«Хороший способ еще больше втереться в доверие к лорду», – мелькнула мысль у Сварта, когда девчонка практически упала на него. А он, конечно, бережно подхватил, ничуть не волнуясь о ее состоянии.

Она оказалась почти невесомой, будто держал в руках легкую вольную птицу с поврежденным крылом. Птицу, которая летела неизвестно откуда. И стремилась неизвестно куда.

– Спасибо, – только выдавила она сквозь сжатые зубы, мимолетно дернув его за воротник рубашки и теряя сознание.

Впоследствии она никому так и не сказала, что с ней случилось. Отцу соврала, что неудачно упала. Как же... «Упала». Тупые слуги, может, и поверили. А Сварт и старик-лекарь знали, что такие раны наносят сабли или кинжалы. Но докопаться до истины не пришлось: через месяц умер лорд Вессон. Аманда не могла найти себе места. Вскоре случился и пожар.

«А не связаны ли были эти события? – вдруг засомневался Сварт. – Не вел ли кто-то свою игру помимо меня? Против лорда Вессона. Или против Аманды. Или против обоих». Он как будто что-то упустил, но странности Аманды не имели отношения к прибытию Маиму-Длинного. Поэтому он выбросил все эти воспоминания, отодвинул за ненужностью, скрыл пологом общей ненависти к аристократам. Аманда ничем от них не отличалась. Вернее, сотканный в памяти абстрактный образ, а не те странные эпизоды, которым он не придавал значения.

Однажды, незадолго до пожара, она угощала инжиром, как будто нарочно подкараулив в саду.

– Вы спасли меня, – говорила она, мягко улыбаясь. Вся воздушная и недосыгаемая, как и полагается приличной девушке из богатой семьи. Камзол она больше не надевала.

– Что вы, Аманда. Всего лишь подхватил вас, чтобы вы не упали. Любой на моем месте поступил бы так же, – скромно ответил Сварт.

Он тоже умел разыгрывать роль приличного человека. А

ведь было что-то в этом взаимном обмане, что-то, пожалуй, интересное.

– Нет. Иначе спасли, – загадочно улыбнулась она, и вновь в ее синих глазах загорелось нечто дикое. – И намного раньше.

Что она имела в виду? Он так и не понял, а она не ответила. А через сутки случился пожар, кровля обрушилась, и древнее поместье стало последним пристанищем беспокойной девчонки.

Но в тот день она угощала инжиром. И при мысли о еде слишком ярко проступал образ дочери лорда. Будто она подлетала к ним, дрейфующим в море, протягивала тонкими руками сочные плоды, а в последний миг отдергивала, не давая притронуться и утолить жажду.

И Сварт ненавидел ее. Даже если мертвую. Почему нет? Он сам почти стал мертвецом. В своей ненависти он отвлекался от созерцания лиан, перетиравших бревна.

Под плотом мелькали тени рыб, ожидали пиршества, чайки тоже кружили над потерпевшими бедствие. Прошло много времени, даже солнце накренилось к горизонту, но нить разговора не терялась, кроме нее ничего не оставалось.

– И как тебе удавалось так искренне играть три года? – приподнялся Сумеречный, но упал.

Как оказалось, он намного хуже переносил невзгоды кораблекрушения, чем пират. Но не жаловался. Что толку жаловаться безжалостному?

Ответ на вопрос последовал не сразу, хоть собеседник вообще его не обдумывал. Просто счет времени, само его ощущение было потеряно. Время существует среди людей, среди их дел. Когда же плот несет течение, время не имеет значения, только жизнь, только короткие отрезки не времени, а ожидания. Поэтому казалось, что отвечали сразу, не замечая, как подобие разговора растягивается на целый день, еще один день без пищи и воды, с надеждой на землю.

– Я хороший актер. Цирк жизни научил, – криво ухмыльнулся запекшимися губами капитан, вспоминая, как искусно ему удавалось играть чувствами людей, когда он рассказывал о мнимом кораблекрушении: – Я уже не первый раз живу в роль. Как будто создаю новую личность. А потом, когда необходимо, возвращаюсь в себя настоящего.

– Этот кровавый маньяк и есть ты настоящий? – недоумевал Эльф, вспоминая от всезнания, как Сварт истреблял корабли морского дозора да жителей прибрежных деревень: – Как он мог желать покоя?

– Я настоящий – это нечто среднее между маньяком и всеми моими ролями, – уклончиво, хмурясь, отвечал Сварт.

Мог ли он сказать, кто он на самом деле? Он не первый раз надевал маски. Лицедейство и кровопролитие сопровождали его с самого детства. С десяти лет, когда он танцевал на канате перед восторженной толпой. С шестнадцати лет, когда он втирался в доверие к капитану корабля, чтобы подняться от матроса до старшего помощника. И выше. Для ша-

га «выше» ему всегда требовалось кровопролитие. А поначалу – лицедейство.

– Это как разбитое зеркало. Ты для каждой роли отодвигаешь свою личность и вживаешься не в роль, а в новую личность.

– Ставки в спектаклях обычно слишком высоки.

– А не рискуешь ли ты каждый раз потерять свою настоящую личность? – сощурил глаза Сумеречный, который все-таки пошевелился, садясь, хватаясь ладонями за виски.

– Думаю, теперь должна быть ясна еще одна причина моей ненависти к Маиму, – гневно прошипел Сварт: – Да, такая долгая игра наполняла меня ненавистью. Но потеря личности была одним из вариантов, ведь притворяться надо было на самом высоком уровне.

Настолько, что сам начинаешь верить. Верить, что ты живешь среди них... верить, что ты... жертва кораблекрушения, казначей лорда... Друг его дочери, в конце концов. Проклятье! Только ненависть сохраняет твои истинные замыслы!

– Может, не стоило так сохранять, – снова упал на плот Сумеречный Эльф, охнув от ощущения обожженного тела.

– Я ненавижу их, счастливых по праву рождения, – сурово бросил Сварт.

Сквозь маску его игры вдруг трещиной прошла давняя обида, боль, непонимание. Только такая давняя, что много лет назад перегорела, исказилась, хранясь на задворках со-

знания.

– Ну, вот ненавидишь ты богачей, а давай сделаем революцию, и больше их не будет, – слабо рассмеялся Сумеречный Эльф, поводя картинно рукой, точно желая дотронуться до неба.

– Это невыполнимо, – с тоской прозвучал сдержанный вздох.

В идеалы сотен революций и смены правителей пират никогда не верил. В Круне случались и дворцовые перевороты, и революции, а страна все так же изнывала от нищеты и эпидемий.

– Эх, опять все перечеркнул одним словом. Ты просто заводишь, – бросил с насмешкой Эльф, но потом твердо проговорил: – Тот, кто ненавидит, никогда не захочет стать таким же, как объект своей ненависти.

Внезапно глаза собеседника закатились, по телу прошла судорога, заломившая руки и ноги под неестественными углами.

– Эй! Хранитель-вредитель! Ты сдохнуть решил? – встрепенулся пират и пнул спутника к краю плота.

Какой-то дикарский, животный страх перед трупом и разложением охватил его. Впрочем, Сумеречный Эльф, ощутив соленую воду, пришел в себя, забираясь обратно на бревна. Затем окунул голову и быстро вынырнул, вдыхая жадно воздух.

– Ух, водичка освежает, – радостно проговорил

он. – Хлебнул соленькой. Тоже неплохо.

– Ты солгал насчет суши! Ты сам не знаешь, куда нас несет! – внезапно вцепился в шею спутника Сварт и начал душить.

Сумеречный Эльф попытался разомкнуть его цепкие пальцы.

– Гора! Гора чаек! Ты видел ее? – прохрипел, вываливая синеющий язык, Сумеречный Эльф.

Сварт вспомнил, что враг спал, когда капитан заметил скалу с чайками, застывшую посреди моря, а значит, не мог придумать эту гору как отговорку. Поэтому разомкнул свои длинные узловатые пальцы.

– Видел, – кивнул он, сжимая кулаки, чтобы не довершить начатое. Хотя он и позабыл, что перед ним бессмертный.

Эльф улыбнулся обнадеживающе, падая снова на бревна плота, морщась от боли.

– Уже скоро... Скоро...

Сварт не верил словам Сумеречного, он вообще не умел верить ни в высшие силы, ни в судьбу, ни в людей, ни в существование сокровищ. Но обещаниям бессмертного стоило верить. Он знал и про течение, и про скалу чаек. И к вечеру бескрайнюю синеву океана прорезала черная полоска. Едва заметная, но отчетливая. Не мираж, не обман.

– Скала... Нет! Остров! Земля! – глаза Сварта расширились, когда он приподнялся на плоту, всматриваясь в горизонт.

Полоска маячила вдалеке черным пятном, качаясь над гладью моря. Заветная! Даже если ждал враждебный неприступный край, там нашлась бы вода. Вода!

– Плот хрупок, скорее всего, нас разобьет прибоем, – сделался собранным и даже суровым Эльф, но воодушевляющее улыбнулся и добавил: – Советую приготовиться.

Течение вливалось в волны прибоя, земля приближалась все стремительнее. Разобьет о берег? Нет! Это не страшно, это захватывающе. Жизнь. Противостояние.

Прибой окатил холодными волнами, берег приближался, и казалось, что море неподвижно, а земля несется навстречу. Плот заскрипел и взлетел, как птица, на крыльях волн. Едва удавалось удержаться.

Сварт сознательно не замечал, но давно не ощущал такой всепоглощающей, неисчерпаемой радости. Радость без мыслей, существование без слов. Никто не судил, ничего не осталось: ни мыслей, ни замыслов – только единственный миг.

– Круто-о-о! – раздался наивно-воодушевленный голос Эльфа, но потом все потонуло в волнах.

Плот взлетел над прибоем и осел на мель, ломаясь о прибрежные рифы. Все пронзил треск и скрежет. Соленая вода окатила с головы до ног, колени ударились о дно, но удалось оттолкнуться и вынырнуть. Вскоре Сварт уже брел по отмели, разгребая обломки, не помня себя. И мир оказался прекрасным.

Они выбрались на берег, вернее, Сварт выбрался, а Суме-

речный потерялся в волнах. Но его судьба меньше всего заботила пирата.

Ладони ощутили прохладу мокрого песка, смешанного с хвоей близко растущих елей. Человек ступил на землю, и показалось, что настал первый день творения, выход из моря, до начала времен, как новое рождение. Но если бы... Не для него. И все-таки он радовался, как первый человек.

Земля сочилась забытыми ароматами. Слишком много ароматов, как будто созданных заново. Свет паутиной тянулся сквозь ветви, лес обрывался песчаным откосом к морю, но Сварт оказался там, где ветви и корни касались воды, питаясь солеными соками.

И между деревьев змеилась, впадая в великий поток океана, крошечная речка с заболоченными берегами. Но это была вода, пресная, настоящая, не важно, что пахла лягушками. Запах и вкус не ощущались. Главное, что вода, пресная, чудесная вода.

Но вскоре все закружилось, в ушах нарастал гул. И влажный мох среди корней, обитель насекомых и червей, показался ложем во дворце.

Сколько времени прошло – неизвестно, очевидно, чуть меньше суток. Сварт проснулся, поражаясь, как беспечно себя повел, оказавшись на чужой земле, ведь это могло быть западней. Но ничего не произошло.

Усталость прошла, сильнее ощущался голод, и немного ныло избитое тело. Но разум приказывал двигаться дальше.

А дальше куда? Как раз настало время поразмыслить над этим.

Сварт надел черную рубашку, до того обмотанную вокруг головы, чудом уцелевшую в кутерьме волн. Затем вышел на берег, где прибой еще меланхолично полоскал обломки плота. Море казалось по-прежнему бескрайним. И капитан понимал, что не в силах ненавидеть этот величественный перелив пенных валов. Он оставался верен зову соленого ветра.

Пират прошел дальше по песчаной гряде и увидел Сумеречного Эльфа, лежавшего ничком, замотанного плотными щупальцами длинных водорослей. Сварт с опаской, точно касался чего-то омерзительного и неизведанного, поднял сухую ветвь, отломанную от выпитой солнцем мертвой коряги, и потыкал бывшего спутника. Странная брезгливость вновь вернулась к капитану.

Сумеречный Эльф недовольно отмахнулся, с его стороны донесся храп, сменившийся вскоре долгими зевками пробуждения.

– Ну, чего, видишь? Я тебе не соврал... Рад тебя видеть, старина! – сказал он развязно.

– Без фамильярностей, – выпрямился Сварт.

– Пожрать бы, – встал Сумеречный, оглядываясь.

Сварту пришла такая же мысль. И он уже высматривал добычу, скрываясь в зарослях. Глаза его жадно впились в пасущегося неподалеку кролика. Охотник готовился к прыжку, становясь похожим на огромного тощего кота. Рывок! Но...

– Зар-р-раза! Ты что творишь? – разразился тирадой ругательств Сварт, несмотря на свое обычное спокойствие.

Сумеречный Эльф кинулся наперерез, заслоняя добычу, позволяя животному сбежать. Пират хотел бы задушить Эльфа, но остолбенел, глядя яростно и в высшей степени недоуменно.

– Это что? Что это было? – картинно тараща глаза, прошипел Сварт, указывая на пустое место на траве. Хорошо, что вокруг не случилось ни единого свидетеля такого позора.

– Трава, – смущенно отвел глаза спутник, смеясь, а потом вновь стал грустным: – Был кролик. Сварт, я понимаю твои чувства охотника... Но... Ну, у нее крольчата там, в норке... Без нее они погибнут.

– Что?!

Сварт нервно провел руками по черным коротким волосам, так и застыв с заломленными в непонимании локтями, а потом только указал на Сумеречного, тряся головой:

– То есть... когда в море тонут корабли, ты сидишь, сложа руки? А когда кролик! Ну, уж кролик – да! Это кролик! Это у вас там у всех так, у бессмертных-стражей-эльфов, бездна разбери, кого еще! Да? Я понял, я понял, я сошел с ума. Я сошел с ума.

На гневную тираду Сумеречный не возразил и не рассмеялся. Он был серьезен:

– Ни одно живое существо не пострадает, если я знаю, что оно не должно пострадать. Вон там другой кролик. Его

можно. Его судьба прерывается сегодня. Я вижу.

– «Судьба кролика». Я точно сошел с ума, – отозвался Сварт, уходя выслеживать новую добычу. Рывок – жертва в сильных руках. Хруст костей, писк зверька, оказавшегося не таким уж мелким. Похоже, на острове водился какой-то особенный вид кроликов.

Сумеречный Эльф послушно развел костер своим заклинанием. Хотя бы в этом он оказался полезен. Сварт насадил ободранную тушку на палку и подставил возле огня. Ожидание пищи казалось бесконечным. Языки пламени, терзавшие мох и ветки, виделись первым таинством пещерных людей.

Вскоре зубы уже впивались в плохо прожаренное мясо, и голод исчезал. Сварт только теперь понимал, как неубедительно играл жертву кораблекрушения тогда. Как легковерно приняли его те, кто не знал в своей жизни голода.

Сумеречный покорно сидел, ждал и не посягал на ароматного кролика, но красноречиво рассматривал и вскоре проскулил без особой надежды:

– А мне?

– Не смей трогать, – отодвинул еду Сварт, глядя исподлобья, делая вид, что аргументирует: – Я знаю, что ты не умрешь от голода, ты вообще не умрешь. Это расплата за испорченную охоту. Уяснил, урод жалкий?

– М-м... Ну, ты все равно столько никогда не ешь. А после затяжного голода еще плохо станет, – вздохнул Эльф: – Кролик-то здоровый. Местная порода. С овечку почти. Ко-

роче, я подожду.

Через некоторое время Сварт поглядел на оставшуюся часть кролика, в основном, кости, и понял, что Сумеречный Эльф прав. А казалось, после нескольких дней голода мог бы полмира сгрызть...

Он глянул с ненавистью на усмежавшегося без улыбки Сумеречного Эльфа и мстительно кинул остатки кролика в золу. Спутник покорно вытащил их, отряхнул и съел со всеми костями, запихнув в рот в один присест. Глаза его смеялись, вновь хотелось придушить его. Но все-таки он не обманул, стало быть, мог еще пригодиться.

Чтобы Сумеречный Эльф не мозолил глаза, Сварт встал и пошел дальше, в лес, в глубь острова на разведку. И нашел то, что его по-настоящему заинтриговало.

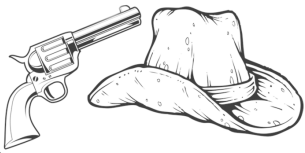
В чаще лежал труп.

Сварт хладнокровно подошел. Хладнокровно? Пожалуй, даже заинтересованно. Давно уставший от метаний и прихотей судьбы незаурядный рассудок нашел для себя благодарное занятие.

Шея жертвы, мужчины, была перерезана. Правда, не до конца, точно его душили, но не веревкой. Он лежал в лужице запекшейся крови. Но что важнее, на поясе висел туго набитый кошелек. Сварт присмотрелся.

ЧАСТЬ II.
ПУСТОШИ

Глава 11.

ОДИНОКИЙ КОВБОЙ

Серая лошадь неспешно двигалась шагом, покорно и даже охотно подчиняясь воле умелого наездника в широкополой черной шляпе и бежевом пончо. Ковбой не понукал животное, шпоры не блестели на черных сапогах. Уздечку он сжимал мягко и непринужденно, как влитой держась в седле. Все его движения, осанка, сильные руки, спокойная неспешность – выдавали непоколебимую волю и невероятную силу. Скрытую, достигшую такого уровня, когда демонстрация излишня.

Из-под тени шляпы мерцали зеленые с янтарным отблеском глаза. Их скрывали спадавшие пряди длинных пепельных волос...

Всадник неспешно въехал в запыленный городишко, за-

терьянный среди пирамидальных красных скал. Уже смеркалось, но от земли шел жар. Раскаленные степи Круны не любили гостей.

Несчастливая страна, пораженная бесконечной войной с наюкратией джиннов, республикой Гриустен, переживала не лучшие времена. Маленькие города, затерянные среди бескрайних равнин, зачастую превращались в бандитские логова. И далеко не всегда власти знали об этом. А иногда просто не желали видеть.

«Круна. Значит, вот как выглядит твоя родина, капитан Сварт. Хотя ты скитался больше по прибрежным городкам. Но боль везде одина, нищета везде похожа», – подумал всадник и огляделся.

При въезде его встретила деревянная арка с висющим на ней конским черепом, из которого выполз здоровенный паук.

Сквозь городишко пролегла всего одна широкая улица, от которой тянулись несколько грязных проулков. Из приличных зданий маячили двухэтажный офис шерифа, приземистый банк, запыленный магазинчик и, конечно, салун.

Люди вокруг, бедно одетые, с выдубленной ветром кожей, занимались своей повседневной работой и кидали на пришельца недоверчивые взгляды. Они привыкли, что подобные странствующие ковбои могут быть только наемниками, ищущими работу в бандах разбойников, несколько раз в год набегавших на город.

Вид пришельца все больше заставлял в этом убедиться: в левом ухе у него поблескивали две золотые серьги, а из-под пончо мерцали на дорогом кожаном поясе кобуры с первоклассными револьверами джиннов.

Незнакомец остановился возле захудалого салуна-гостиницы, одним слитным движением соскочив на землю, и привязал лошадь. Затем поправил длинные, частично заплетенные тугими косицами сизые волосы.

И именно тогда к нему подошел недовольный мужчина с черной бородой, жевавший табак возле входа в салун. Местный отъявленный негодяй, подлец и развратник, но отличный стрелок, что только и спасало его от гнева жителей города. За отнюдь не умеренную плату чернобородый со своей бандой «охранял» жителей города от других разбойников, которые сновали по прериям. Так значилось в его свитке судьбы... Весьма непримечательном.

– Че за вид, чепушило, как у продажной девки! – грубо рассмеялся главарь, уже ощупывая револьвер на ремне: – Как твоя имя, уродец? А?

Пришелец не реагировал, похлопал перебиравшую ногами лошадь по холке, приглаживая такую же, как у него, серую гриву.

– Ты не понял, я тебя спросил! Как. Твое. Имя, – подскочил и навис над пришельцем чернобородый, перемежая слова с крепкими ругательствами.

Но молчаливый собеседник только многозначительно

улыбнулся из-под шляпы, широко улыбнулся, во все тридцать два невероятно белых ровных зуба. Но чернобородый не заметил выделявшихся клыков. Хотя улыбка провоцировала, действуя, как оскал на зверя. Чернобородый бросился на пришельца:

– Ничтожество! Сейчас ты попробуешь на вкус свои потроха! Эй, ты бессмертный, если смеешь так игнорировать меня?

Пока задира не стрелял, намереваясь повалить в грязь одним движением руки. Противник ему казался достаточно поджарым и, в целом, слабым. Забавно. Очень забавно! Пришелец и забыл, как наивны люди. Он лишь улыбнулся, вновь обнажая клыки.

Чернобородый не смог понять, что произошло – пришелец собрался, как пружина, слегка пригнулся, на миг отклонился назад и молниеносным движением вывернул руку нападавшему. В следующий миг он вытащил пистолеты бандита из кобур, поднял их и вытряхнул патроны, проговорив над самым ухом:

– Риппер, зови меня Риппер. И советую тебе завязывать с дрянным виски, иначе не доживешь до следующей весны. Кстати, на тебя держит зуб твой кореш, ты его считаешь самым преданным. Советую поостеречься.

– Пошел ты! Это блеф! Ты не можешь всего этого знать!

Риппер многозначительно прищелкнул, возвращая разряженные револьверы противнику. И отпустил чернобородого,

который чувствовал, как по всему его телу проходит озноб. Душный летний день показался промозглой осенью, холод пронизал тело. Точно смерть коснулась плеча рукой. И ощущение тем более усугубилось, когда на черных револьверах Риппера обнаружилась гравировка с изображением белых черепов. Чернобородый попятился и скрылся в подворотне. Забавный человек, очень забавный. Куда веселее играть с людьми напрямую, нежели читать их свитки.

Риппер довольно улыбнулся и беспрепятственно зашел в салун, откуда доносились звуки прескверной игры на расстроенном фортепиано. Подобие музыки смешивалось с запахом дешевого алкоголя и духов продажных дамочек. Полуголые девицы рассредоточились среди грязных столиков, за которым толклись покрытые дорожной пылью посетители, дополнявшие неповторимую «гамму ароматов» воню потных тел и дешевого табака.

– Эй, старик, тебе чего? – крикнул один из мужланов, обманувшись пепельно-белым цветом волос.

Риппер вскинул голову, демонстрируя перечерченное шрамами, но отнюдь не старое лицо, и презрительно спросил:

– Какие-то проблемы?

– Ой, извини, мужик... Я это... Извини...

Случайный голос потонул в общем гаме. Риппер прошел к стойке, пододвинул к себе свободный табурет и спросил бармена, надвигая шляпу на глаза:

– Эй, друг! Принеси воды.

– Воды! Он только кажется суровым. А на самом деле даже не умеет пить, – слышались насмешливые голоса с высоких табуретов рядом.

Риппер поморщился, занес руку и хлопнул по столу так, что жидкость во всех стаканах подлетела вверх. Он недовольно бросил:

– Ладно, виски без содовой. И воды... Виски не утоляет жажду ни на йоту. Это, господа, чтобы вы знали, почему у вас всегда печет в глотках.

Пришелец в ожидании заказа лениво лег на скрещенные руки, облокотившись о стойку. Казалось, он долго ехал среди плавающих под солнцем степей и очень устал. Возможно, он от кого-то убегал, что доказывало предположения о его весьма сомнительных намерениях. Хотя у кого из посетителей салуна они были не сомнительные?

– Так что, бармен, – спросил Риппер, когда заказ был принесен, и он вдоволь напился мутной невкусной воды, вскоре потихоньку смакуя виски: – Ответишь на пару моих вопросов?

– Я не нанимался отвечать на вопросы чужестранцев, – скривился плешивый бармен, поправляя малиновый жилет и вытирая руки о засаленный фартук.

Риппер вздохнул и выкатил на стойку несколько золотых монет, которые достал словно из воздуха. Глаза бармена загорелись:

– Чем могу помочь, господин?

Риппер придвинулся вплотную к лицу бармена:

– Ты знаешь легенду вашего городишки?

– Какую легенду, господин? – вдруг облился потом бармен, вытирая лоб замызганным полотенцем, которым он обычно перетирал стаканы.

– Ты знаешь легенду, – улыбнулся Риппер: – Ты же знаешь, где находится лаз прямо в Бездну?

Голос его звучал тихо, но все посетители вдруг встрепенились и повернулись в сторону говорившего. Некоторые, ахнув, машинально схватились за пистолеты. Даже самозабвенный тапёр сбился с нестройного веселенького мотива.

– Уходите, незнакомец. Я ничего не знаю, – с нервным ожесточением принялся вытирать подвернувшийся стакан бармен.

Риппер покачал головой:

– Понимаю. Понимаю.

Но тут от стены отделилась тень, подобная силуэту рыбы, скользящей под покровом волны. Послышался глубокий переливчатый голос:

– Ищешь вход в Бездну?

Риппер повернул голову: на стойку облокотилась молодая женщина. Она глядела пристально, и казалось, словно весь ее образ трепещет языками пламени. Ее красно-рыжие волосы струились по загорелым плечам, приоткрытым декольте вольной блузы, талию подчеркивал вышитый кожаный кор-

саж. Женщина носила не платье, а коричневые брюки и узорный пояс с кобурами. Так что в разряд продажных она не попадала. Риппер присмотрелся: незнакомка буравила его пристальным взглядом бирюзовых хитрых глаз. Незнакомка... Она считала, что они не знакомы.

– Эй, бармен. Два виски без содовой за мой счет. Мне и этому господину, – уверенно позвала она.

– Не слишком-то вежливо, – сощурился Риппер.

– Что? – удивилась женщина, вскидывая каштановые брови. И непроизвольно выдала свою молодость: вряд ли ей исполнилось больше двадцати трех. Но она тут же вновь сделалась нарочито развязной и суровой.

– Женщина платит за мужчину, – усмехнулся собеседник, придвигаясь к девушке.

Она как будто вздрогнула, но затем словно вошла в роль и тоже придвинулась ближе.

– Есть разговор. И я не хочу, чтобы его слышали эти людишки, – небрежно улыбнулась она, приглашая выйти из салуна. Риппер охотно принял ее условия, с опаской пробуя предложенный виски, уже смутно догадываясь о планах загадочной дамочки.

Они вышли на ночную улицу. Вечерело быстро, тем более, всадник и так прибыл на закате. Женщина, не назвав своего имени, уверенно вела в неизвестном направлении.

– Мы можем здесь поговорить? – осведомился Риппер.

– Нет! – донесся ее взволнованный голос: – Еще чуть-

чуть. Почти дошли.

Девушка прибавляла шаг. Они завернули за угол – и там, как водится, названного гостя уже ждали. Женщина проворной лисичкой метнулась куда-то в тень. А свора бандитов с пистолетами, кастетами и амбарными цепями окружала медленно, наползая, как уродливые пауки. Вперед вышел недавно проученный чернородый громила.

– Знаешь, твои слова насчет моего кореша не давали мне покоя. Кореш обижен. Очень обижен, – издевательски проговорил он. – Просто горячие слезы проливает. Может, если тебя как следует отметелить, он успокоится?

Поднялся гвалт грубого смеха. В темном тупике за салуном никто не мог бы прийти на помощь, да никто бы и не пришел спасать нежданного чужака. В банде насчитывалось человек десять. А ведь двое на одного – уже много. Для человека.

Риппер молчал, его глаза скрывала тень шляпы и густая серая челка. Он стоял, опустив руки, прикрытые бежевым мягким пончо, затемненный ночной мглой. Лица врагов освещал слабый свет молодого месяца. Бандиты все еще смеялись.

Наконец кто-то замахнулся цепью, побежал на врага. Риппер двинулся с места в последний момент и мгновенно увернулся. Враг пролетел мимо, споткнулся и впечатался мордой в стену. Тем временем наступал уже другой молодчик, размахивая оглоблей.

Огнестрельного оружия не доставали, очевидно, цели убить не ставили, поэтому пришелец также не использовал свои револьверы. От оглобли он тоже незаметно уклонился, дернулся в сторону, как неуловимая тень.

Но вот кто-то подло атаковал со спины, ударил по голове, задев лоб. Риппер не пошевелился, даже не пошатнулся, только из-под его челки стекло несколько алых струек. Они сочились по его лицу, а затем достигли губ. Он слизал собственную кровь почти с наслаждением и жадно улыбнулся. Спокойные зеленые глаза засверкали ненормальным огоньком. Смеясь, он проговорил, разминая плечи:

– Вас было бы невероятно смешно расчленять, препарировать. А потом пустить вашу кожу на свитки. Жаль, что у меня нет времени.

И он жутко рассмеялся. Враги испуганно оторопели на миг и вскоре кинулись в атаку, но этого мига хватило для броска. Риппер пронесся между бандитами, каждый ощутил незаметный для глаза удар... Кто-то открыл стрельбу. Но револьверы немедленно выбивались из рук, точно пронесся вихрь. В тот миг каждому из бандитов почудилось, что он столкнулся не с человеком, а с гигантским белым драконом. Риппер двигался невероятно быстро, и кто-то потрясенно воскликнул:

– Он не человек! Асур! Асур! Он ищет вход в Бездну!

– Асур!

– Асур? Ну, что вы. Я простой хранитель зимы, – ответил

Риппер, отвешивая кому-то мощный тумак.

Он схватил двух бандитов за шкуру и, качнув, ударил лбами друг о друга. Те зашатались и рухнули. Еще двое спаслись бегством, побросав амбарные цепи и вывороченные из заборов доски. Последним оставался упрямый чернобородый. Но он дрожал от ужаса, второй раз за день. А ведь с юности считал себя грозой этого городка! Ужас смешивался со жгучим стыдом.

– Ты не простой бандит, а... кто ты? – чуть не плача, бормотал чернобородый и пятился, держа наготове револьвер.

– Это да, непростой, – улыбался Риппер, разводя руками, и продолжал смеяться: – Сложный. И не бандит.

Но глаза его недобро сверкнули. Один рывок – пончо взметнулось, под ним мелькнули рубашка и жилетка чернее ночи. Уверенные движения рук и ног, удар ребром ладони по основанию черепа – бандит рухнул плашмя в пыль, как мешок с кукурузной мукой.

В подворотне раздавались охи и приглушенные ругательства. Риппер, вопреки фамилии, никого не убил, но шишками и синяками наградил щедро.

Но вот из тени снова показалась заведшая в ловушку женщина. Вернее, девчонка. Дрянная девчонка, завлекавшая наивных простачков в западню своей соблазнительной внешностью и юностью. Теперь она сжимала револьвер.

Риппер предостерегающе положил правую руку на свое оружие и подошел осторожными шагами, как охотник к

хищному зверю. Он спросил умиротворяющим голосом, точно беседа шла в кругу друзей за чашкой кофе:

– Как твое имя?

– Ванесса Филлгрев, – ответила девушка, вставая так, чтобы все ее прелестные формы выглядели как можно соблазнительнее.

Очевидно, она совсем не намеревалась стрелять. Незнакомка была уверена, что Риппер ни за что не разгадает ее планов. Знала бы она истинное имя пришельца...

– Рыжая бестия, – ухмыльнулся Риппер и наклонил голову, интересуясь: – Так что, Ванесса? Ты хотела убить меня?

– И да, и нет, – играя напускную скромность, опустила глаза Ванесса, но обожгла бархатным взором исподлобья: – Я заплатила этим молодчикам, чтобы они напали на тебя. Считай, я проверяла твои способности. Раз уж ты решил отправиться в Бездну, у тебя должны быть на то веские причины. Но... Я покажу тебе дорогу.

– Полагаю, заведешь меня в еще одну западню, – подошел вплотную Риппер, поддерживая разыгрываемый спектакль: – Пожалуй, путешествие в Бездну может подождать до утра. Что скажешь?

– О! Да ты не из робких, как я погляжу, – создавала образ роковой женщины Ванесса, невзначай задевая плечом собеседника: – А казался таким тихим.

Без лишних разговоров она повела мужчину к себе в номер в салуне, перед этим дав распоряжение хозяину позабо-

титься о лошадях. Риппер пошел за Ванессой, ухмыляясь. Замечала ли она, как сквозь улыбку проступают его белые клыки?

Как оказалось, она остановилась на втором этаже в тесной, но достаточно чистой комнате с красными шторами, находящейся над вывеской, которая частично загоразивала и без того небольшое окно. Идеальное место, чтобы никто не смог подглядеть. А по вывеске можно было выбраться на крышу, перелезть оттуда в конюшню и покинуть салун, минуя главный вход. Умно. Весьма умно.

Ванесса остановилась возле окна, выгибая шею, поводя плечами, отчего декольте блузы сползло неприлично низко. Всем видом она призывала подойти к ней, приблизиться вплотную. Вот же она вся, как на выставке – бери и радуйся. Да-да, конечно.

Риппер вновь обнажил клыки. Он казался легковерным. Старательно играл роль мужчины, уверенного, что его пригласили в номер для развлечений. Возможно, чернобородый и поверил бы, что он прошел проверку и теперь получит заслуженную награду. Но Риппер знал слишком много.

Стоило ему повернуться спиной, чтобы запереть замок, как вдруг...

Глава 12.

ТАЙНА ХРАНИТЕЛЯ ЗИМЫ

Ванесса выхватила тонкий складной нож и приставила к горлу Риппера так, что выступила кровь. Убийца спросила:

– Зачем тебе лаз в Бездну?

Но реакция не заставила себя ждать. Ее рука с ножом была вывернута. Настолько искусно и мягко, что не осталось бы и следа. И так проворно, что она и ахнуть не успела. Хватка Риппера оказалась стальной, как у челюстей бойцовского пса. Но он держал жертву бережно, точно антикварную вазу.

Свободной же рукой начал медленно расстегивать корсет Ванессы, опоясывающий блузу. Застежка за застежкой, только металл их тихо вздрагивал, затем вниз сползли и брюки, которые оказались великоваты, вскоре очередь дошла до рубашки. Наконец были сняты и сапоги.

Жертва неоднократно пыталась вырваться, ударить его, и, оказись на месте Риппера кто-то другой, ей бы это неплохо удалось. Грация и ярость дикой пумы сразили бы любого обычного бандита. Чернобородый уж точно не успел бы среагировать. Только она будто забыла, что сама же устроила проверку. Хотела сразиться с самым сильным? Или уничтожить по-тихому чужака? Девчонка явно выбрала неверную стратегию.

Вероломство Риппера не знало границ, он играл с ней, как кот с жертвой, отпуская на миг и тут же ловя, заламывая бережно то одну, то другую руку. Впрочем, раздевал он хитрую бестию не без оснований: под ее одеждой скрывалось еще пять ножей в корсете, две метательных звездочки на поясе, три свернутых удавки, плоский пузырек с ядом под рубашкой, набор отмычек и два потайных револьвера на запястьях, скрытых просторными рукавами. Механизм позволял прятать их до момента выстрела. Такие часто использовали наемные убийцы. Ванесса подготовилась ко всему. Только не ожидала, что противник ее окажется вовсе не человеком.

Наконец она осталась совершенно обнаженной и беззащитной, а Риппер не отпуская, бросил на красное покрывало кровати и навис на ней:

– Ну, чем теперь займемся?

Глаза ее расширились от ужаса, лицо исказилось. Наконец она не выдержала и закричала пронзительным и каким-то совершенно детским голосом:

– Нет! Не трогай меня! Не смей! Пожалуйста...

До этого она только осыпала его проклятиями и ругательствами, но такие слова удивили Риппера. Он усмехнулся: девчонка, конечно, совсем неверно истолковала его намерения.

Риппер рассматривал ее, склонив голову набок, с интересом эстетствующего анатома проговорил:

– Какое тело... Ты не из той породы женщин, которые ведут случайных странников в номера для развлечений. Ты боишься мужчин, боишься, потому что еще не знаешь. Кто-то тебя оберегал от них, можно сказать, отгонял. Ты была соблазнительной приманкой. Но ты... еще невинная девушка.

– Ничего подобного. Я... – растерялась Ванесса и совсем выдала свой возраст.

Яркий макияж на нежном лице и взгляд прожженной авантюристки скрывали юное создание лет двадцати. Да, именно столько значилось в ее свитке с красным ободком... Станный. Очень странный свиток.

Риппер продолжал играть в жестокий допрос:

– Женщина, на кого ты работаешь? Отвечай! Или считай, что я твоя персональная смерть! Ну? – пока она молчала, Риппер гаденько ухмыльнулся: – Какое тело, пожалуй, препарировать его одно удовольствие. А спать с ним – другое. Даже не знаю, что мне бы больше понравилось... Нет, наверное, все-таки препарировать и сдирать кожу на пергамент. Я себя знаю. Станные у нас были развлечения две тысячи лет

назад. Так отвечаешь?

– На банду Джей. Я сестра главаря! Джей Филлгрева, – ответила, зажмурившись в ужасе, Ванесса.

– Что им нужно от города? – потихоньку отпускал ее «собеседник», немного отстраняясь.

– Как обычно – дань.

– Врешь! – его рука потянулась к шее Ванессы.

Ее обжигала не боль, лишь страх, она вскрикнула и ответила:

– Вход в Бездну! Вход в Бездну! Я разведывала у местных...

– Зачем? Отвечай! – провел рукой по ее плечам Риппер, ощупывая, точно статую, точно музейный экспонат. Странный свиток, очень странный. Такой же, как многие, и все же он не представлял, что дотронется до этого «пергамента» в реальности.

– Мы узнали насчет украденных свитков, – закрывая глаза от страха и неопределенности, ответила Ванесса. – Свитки украли из библиотеки Большого Дерева. Местные считают все легендами, но это правда!

– Что вы намерены делать со свитками?! – удивился Риппер и заглянул в лицо Ванессы.

Она стыдливо отвела взгляд в сторону и начала рассказывать, крайне недовольная собой:

– Мы хотим отомстить Аманде Вессон! Она истребила практически всю нашу банду! Убила главаря, моего брата.

Убила Джея! Мы узнали, что ее свиток судьбы украли, хотим его заполучить и уничтожить.

– У вас первоклассный осведомитель. Ифрит Дарар с пиратских островов? М-м? Он? Только он осмеливается подплывать к Острову Большого Дерева. С другой стороны, не важно. Так вы не знаете, где лаз в Бездну?

– Нет...

Риппер прицкнул и отпустил девушку. Она вскочила с кровати, какое-то время стояла, совершенно оторопевшая, нагая. Тогда лицо Риппера изменилось, стало мягким, даже добрым. Он улыбнулся, проговорил насмешливо, но без издевки, точно обращался к ребенку:

– Ну, чего ты, ассасин-самоучка? Одевайся уже.

– А... Ты что будешь делать? – неуверенно пролепетала Ванесса, собирая свою одежду. Оружие Риппер пока держал рядом с собой.

– А я беру тебя с собой искать лаз в Бездну, иначе ты дел натворишь, – кивнул в ее сторону собеседник, но поднял руки и ненормально ослабил. – Кажется, будет весело! Да! Будет весело!

Ванесса оделась, но не смела уходить, затравленно глядя из угла. Она понимала: загнала себя в ловушку, переоценив собственные силы. Она не представляла, что уготовил ей Риппер, этот полоумный странник, который искал вход в Бездну.

Она собирала тех, кто помог бы отомстить за брата, но

также опасалась, что по следу остатков банды Джей идут его враги. Про Риппера не удалось ничего узнать. До недавнего времени она считала его врагом, сообщником Аманды Вессон. Он победил молодчиков, которые, по замыслу Ванессы, должны были выбить из него информацию. И сама она глупо потерпела поражение. А теперь осталась одна, безоружная, в комнате с сумасшедшим. Врагом! Врагом ли?

Паника и злость на себя прорисовывались на ее свитке отчетливыми символами, алыми, как кровь. Впрочем, небезосновательно.

Никто не мог разгадать тайну, когда Риппер играет в безумие, а когда на самом деле безумен. Он смеялся. Но смех его оглушал, от него дребезжали стекла. И где-то за далеким морем вздрагивали хранители Большого Дерева, не понимая, что означает этот звук.

Вскоре он замер, совершенно спокойный, грустный, даже в какой-то мере выдохшийся. Риппер скромно примостился на краю кровати, сторожа изъятый арсенал и саму Ванессу, которая замерла на другом краю и глядела как птица из силков.

Ночь тянулась долго, Риппер все сидел, неподвижно, как манекен, скрестив руки, и напряженно думал. Ванесса не догадывалась, о чем.

– Ты останешься в моей комнате? – поинтересовалась она.

– Да. Почему это твоей? Ты меня пригласила. Вот я и остался.

– Значит, ты все-таки такой же бандит, как отбросы этого городишки, – обиженно проговорила она, больше не ощущая опасности, что могла бы исходить от собеседника.

– Нет, ты просто сбежишь. Что не так? Я же тебя не трогаю, – как будто извинился Риппер.

– Что не так? Действительно! После того, что ты чуть не сделал, – недовольно и провоцирующе поинтересовалась Ванесса.

Она то и дело поглядывала на свое оружие, пыталась улучшить момент, чтобы вернуть хоть что-то из своих «богатств». Но Риппер только усмехался, ни разу не позволив. Так и тянулась ночь в окружении безвкусных зеленых обоев в цветочек и алого покрывала, ставшего символом молчаливого, но жаркого противостояния.

– Ничего я не сделал. И не собирался. Я никогда не буду трогать женщину, если она сама не попросит. А ты не попросишь, – слегка обернулся он. – Просто ты плохая девчонка, которая могла нарваться на неприятности, если бы повстречала кого-то другого. Запомни, Ванесса, сначала изучи своего противника. Арсенал под корсажем и навыки борьбы тебя не спасут, если ты изначально ошибешься в выборе оружия.

Ванесса сидела, подобрав под себя ноги, и отвернувшийся собеседник затылком ощущал ее непонимающий взгляд расширенных глаз. Она улыбнулась, грустно вздохнув:

– Ты какой-то другой. Не похож на тех, кто меня окружал.

– Ну, еще бы. Ты выросла среди бандитов, – усмехнулся

Риппер, не оборачиваясь.

Ванесса была близко, свиток ее окрашивался иными тонами. Искрящийся аквамарин заинтересованности, золотые искорки любопытства и почти симпатии: странный человек, одновременно невероятно страшный и невероятно добрый, похожий и на смерть, и на жизнь. Он казался глотком свежего воздуха среди пустыни.

Девушка застыла у него за спиной. Риппер ощущал, как ее руки перебирают его длинные белые волосы, расплетают тугие косы с бусинами и косточками птиц. Она и сама не понимала, что и зачем делает.

Только минуту назад она страшно ненавидела его. Как будто ненавидела, хотя он манил с первого взгляда, равно как и пугал. Но его слова не несли гадкой лжи, и тем он притягивал.

– А если попрошу? – показалась она из-за плеча и заглянула в его лицо, прямо под челку.

Маняще алели ее крупные губы. От нее исходил свежий аромат молодости. А от него – рассыпающихся пеплом страниц. Но запах успокаивал ее, казался мягким, чарующим, хоть и отмеченный печатью смертей. Она все смотрела.

Он отвернулся и только по-отечески погладил ее по голове. Ванесса отпрянула, снова оказавшись за спиной, и как будто даже обиделась. Риппер молча смеялся.

«Никогда не понимал в этом плане девушек. Когда ходил в образе проекции человека, каждый раз и не понимал.

Да, я давно читал ее свиток. Ванесса Филлгрев, бандитка, в чьей крови затерялась магия фей с Большого Острова. Ванесса-Ванесса... Кто-то из твоих предков ушел к людям из-под сени великой кроны. Кровь фей... Может, это из-за нее тебя манит ко мне? Может, из-за этого я наткнулся на твой свиток? Как будто судьба. Глупо, наверное, через столько лет вдруг запасть на один-единственный свиток, маленький свиток с красными ободком. Маленький свиток. Маленький! Слишком короткий. За что, Ванесса? Почему ты? Я устал читать о тебе, читать тебя. Читать себя. Я устал читать, пора действовать. Ты стала моим спасением, потому что твой маленький свиток можно было спрятать среди перьев. И в твоём свитке были обозначены пробелы. Пробелы, где должен был появиться я. Это ли не судьба?»

– Ты похожа на мак... Альый, кровавый, мятежный, – проговорил Риппер, не зная, как решился на эти слова; но казалось, что времени нет, что все рушится и земля уходит из-под ног, поэтому повернулся к Ванессе: – Я знаю тебя с рождения. Ты необыкновенный цветок, что оказался на неправильном для этого цветка поле. В пустыне. Но вырос и расцвел краше иных тепличных.

– Зачем эти слова? – Ванесса смотрела изумленно, но отшатнулась, резко вскинув голову: – Они как ядовитый мед! Но... так сладки... нет, ты не лжешь... Что же тебе надо?

– Я просто говорю, что наша встреча неслучайна. И... Я рад этой встрече, – улыбнулся Риппер и приблизился к ней,

перегнувшись через покрывало.

Она подняла глаза, но он смущенно отвернулся. Он вдруг ощутил, как забилося сердце, затрепетало, живое, человеческое. Так не полагается проекции, иллюзии, сотканной для путешествий по миру людей. Созданной... для побега.

Риппер встал и отошел к окну, закрыв глаза. Неразгаданный страх мучил его душу: «Как мало времени. Маленький свиток. Не стоило вмешиваться в эту судьбу. Я ведь только читал историю. Просто читал. И не догадывался, что она окажется в этом городке. Разве не догадывался? Почему именно ее история так поразила меня? Я знал все ее мысли, все слова, все тайные стремления... Свиток такой короткий. У нее так мало времени. И именно она моя тайная слабость, мой скрытый грех. Если сейчас перечеркнуть своим небрежным почерком несколько ярчайших страниц ее свитка. Если в эту ночь вписать себя... Что останется потом ей? И что останется потом мне? На долгие-долгие годы. И почему ее свиток такой короткий! Это моя мука невмешательства, как у Сумеречного Эльфа. Моя боль».

– Ложись спать. Не бойся. Я не трону тебя, если ты не попросишь, – беззлобно бросил Риппер, пытаясь улыбнуться.

«А если попрошу?» – читалось в ее взгляде, обращенном к нему. Она сидела на алом покрывале, и такие же алые локоны феи струились по обнаженным плечам.

«Нет, не проси», – отвернулся Риппер, загадочно улыбаясь. Он почти всегда улыбался. И вновь в его чертах просту-

пала старость. Проекция все хуже скрывала измученность «оригинала».

Он вздрогнул: Ванесса неслышно подошла и обняла его, прикинув к спине, умиротворенно щурясь. Шептала ласково на ухо, продевая свои руки под пончо, дотягиваясь до пряжки пояса:

– Ты не такой, как все они. Ты словно пронизан какой-то горной свежестью. Я ощущаю аромат гиацинтов и хризантем. Человек ли ты?

– Нет, не совсем человек, – тихо отвечал он, но повернулся: – Верни мой револьвер, пожалуйста. Плохая ты все-таки девчонка.

– Риппер!

Ванесса вспыхнула от гнева, но смущенно открыла глаза и опустила голову. Риппер повернулся к ней лицом, снова дотронулся до ее запястья, осуждающее качая головой, как преподаватель, который поймал нерадивого ученика со шпаргалкой.

– Зачем ты пытаешься разоружить меня?

– Чтобы было по-честному, раз уж ты считаешь себя не бандитом. Зачем тебе понадобилось разоружать меня? – дерзко ответила Ванесса. И снова ее свиток покрылся багряными соцветиями гнева.

– Ты хотела убить меня, – парировал Риппер. – Вместо того, чтобы нормально спросить, ты решила, что с ножом будет эффективнее.

– А зачем ты раздевал меня? – недовольно отозвалась она: – Мне кажется, мог бы и так обыскать!

– У тебя вся одежда была набита оружием, – фыркнул Риппер.

Ванесса хотела ненавидеть, но он, не совсем человек, манил и словно околдовывал, притягивал, и вместо ненависти рождалось только восхищение. И рядом с ним как будто пела душа вне законов логики. И его душа тоже отвечала. Или обоих роднил голос Большого Дерева? Наверняка. Никак иначе. Наверняка они просто путали свои чувства с этим зовом.

– Так ты действительно хотел бы только разрезать мое тело? И пустить на пергамент? – насмешливо скривившись, спросила Ванесса.

– Кто меня знает, – отвернулся Риппер, пока она расстигала его черную жилетку под пончо, затем рубашку.

Вскоре ее руки провели по его поджарому, точно у волка, телу, огибая мышцы торса, слегка царапая их ногтями. Она не знала, что делает, казалось, происходит это не с ней, не сейчас. И он не сопротивлялся, позабыв о ненужных револьверах. Она не понимала, но только хотела дотрагиваться и ощущать кончиками пальцев его кожу.

Озноб колотил Риппера, разгоралась злость на себя, и оказывало дивное упоение: «Поздно... Поздно сопротивляться. Я не знаю, что так притягивает меня в этом свитке, возможно, многим он бы показалась вторичным, безвкусным,

неизысканным. Но нет, мне все равно, скольким она понравилась бы. Я – это я. И так уж случилось, что я оказался на этих листах».

Время застыло... На какой-то момент время застыло! Хотелось продолжения, хотелось навечно забыть, для чего проекция покинула крону Большого Дерева. Перетечь в проекцию и остаться среди людей – возможно. Но преступно. Свитки, асуры, лаз в Бездну – все рассыпалось на зыбкие мгновения. Но Ванесса... Ее свиток с красной каймой был слишком короткий. И Риппера пронзила боль от того, что еще не случилось, но надвигалось неизбежной волной. Ванесса почувствовала перемену. Их обоих мгновенно покинуло странное опьянение.

И они стремительно разбежались по разным углам, отскочили друг от друга, как от удара током. Точно два лунатика вдруг проснулись и испугались встречи. Ванесса торопливо и формально, заслоняясь рукой, проговорила:

– Считай, что это было временное помешательство.

– Да. У меня тоже, – с тем же смущением ответил Риппер, застегивая рубашку и жилет.

– Мы друг друга почти не знаем, – смутилась Ванесса. – Не думаю, что это хорошая идея.

– Да. Совсем нехорошая. Совсем.

Оба тяжело и прерывисто дышали, смотрели друг на друга, как звери из соседних клеток, с опаской и плохо скрываемым стремлением оказаться рядом.

– Совсем, – повторила Ванесса.

– Отдохни. Завтра что-нибудь решим, – кивнул ей Риппер.

Вскоре она и правда устроилась на краю кровати и задремала. Риппер сел возле двери на табурет и прислонился к стене, надвинув шляпу на лицо. Он не спал, все еще следя, чтобы девушка не сбежала. Нет, он бы ни за что не отпустил теперь этот свиток с красной каймой. Ванесса не догадывалась, но он все-таки попался в ее ловушку. Но намного раньше, еще до знакомства с ней.

Так и прошла ночь. А наутро раздались выстрелы.

В город, поднимая клубы пыли, несло множество всадников. С улицы слышались крики:

– Бандиты! Бандиты!

***

Старший лейтенант Закуда Мауден разбирал свитки, сверяясь с библиотечным списком. Он почти навел порядок после неожиданной и в высшей мере вероломной атаки асуров.

Когда крону Большого Дерева не постигали тяжкие потрясения, армия фей трудилась усердными пчелами среди стеллажей библиотеки. Сортировка свитков успокаивала. Туго скрученные призрачные папирусы легко переносились меж-

ду полками, обретая свои законные места, и вот почти не осталось следов «работы» высших чинов армии асуров.

– Ох, а где же свиток Ванессы Филлгрев? – поморщился Закуда, когда не нашел в картотеке подходящего. – Младший лейтенант Янори! Опять «подсматриваете»?

Младший лейтенант Янори Хитам имел дурную привычку без спросу брать свитки понравившихся девушек. Иногда он выхватывал их наугад. Для фей и хранителей при внимательном прочтении складывалась самая настоящая картина происходящего, как на филигранно выписанном полотне. Буквы не существовали.

Но, что самое главное, они могли перенестись через свитки в места, о которых шла речь. Этой магией пользовались только с позволения высшего командования, то есть бодрствующего дракона. И только в экстренных ситуациях. Вернее, так полагалось. И Закуда следовал установленным правилам.

А вот Янори несколько раз ловили на месте «преступления» и однажды даже отправили на гауптвахту. Любвеобильный младший лейтенант без зазрения совести иногда пользовался возможностью перемещения к понравившейся девушке.

Часто он получал отказы, искреннее не понимая, почему объект его страсти не радуется внезапному и зачастую нелепому появлению какого-то парня с крыльями.

Люди и так не слишком жаловали фей за их верное слу-

жение Большому Дереву, а в некоторых странах даже побаивались.

Один раз Закуде пришлось спасти Янори от стражи джиннов в Гриустене. Тогда младший товарищ усвоил горький урок: свитки джинний лучше не читать. А Закуда доложил командованию тревожные новости о возрастающей нетерпимости к феям и обитателям Острова Большого Дерева.

Пока Янори лил слезы по своему разбитому сердцу, Закуда выяснил еще более неутешительные факты: в некоторых странах открыто признавали, что Остров Большого Дерева несет прямую угрозу развитию науки, якобы его магия препятствует внедрению передовых технологий и искажает точные приборы.

Созидающая сила Дерева и правда мешала паровой магии джиннов планомерно выкачивать тепло недр. Ось бытия не позволяла уничтожать собственный мир населяющим его созданиям. И в этом они видели зло.

Обитателей Острова считали дикарями, хотя все феи использовали передовые технологии в вооружении и быту. И одежду носили по последней моде джиннов и людей, так как были прекрасно осведомлены обо всех новостях и веяниях.

И некоторые новости хотелось бы не знать. Потому что джинны доходили до крамольных предложений срубить или сжечь Большое Дерево. Все ради прогресса. Ради их паровой магии. Безумцы! Они забыли, что нельзя срубить ось миров.

Остров ждал, кто первым из республик джиннов нанесет удар. А теперь ко всем проблемам прибавилась еще атака асуров. И похищение свитка мастера Вейячи.

Закуда опасался, что в скором времени древний хранитель рискует сойти с ума. Поисковые отряды безуспешно прочесывали все места, где были когда-либо зафиксированы разрывы пространства, порталы в мир асуров Бенаам. И все безуспешно.

В такой ситуации лишний беспорядок создал бы ненужные проблемы. Хранители Дерева и так беспокоились о сохранности свитков, отчего пришлось привлечь надежных добровольцев-фей с нижних ветвей для проверки всей библиотеки.

– Янори! – повторил Закуда, выглядывая из-за стеллажей и перелетая на соседнюю ветку.

– Нет-нет! Что ты! Я завязал! Честно! – отозвался Янори, старательно размахивая картотекой, согласно которой он навел порядок на своем участке.

Закуда надеялся, что младший лейтенант неукоснительно следует списку.

– Младший лейтенант Янори, надеюсь, вы не использовали снова свитки не по назначению? – сухо осведомился Закуда.

– Ты что, опять убежал от меня к человеческим девушкам? – тут же послышался недовольный высокий голосок и легкий стрекот расписных золотистых крыльев.

Из-за стеллажей показалась курносая девушка с красными волосами.

– Нет, Чари, что ты! Что ты, радость моя, – заулыбался Янори, неловко размахивая руками. – Я даже не думал!

– Чари не работает в библиотеке, у нее нет соответствующей квалификации, – нахмурился Закуда. – Откуда она здесь, извольте объяснить, младший лейтенант.

– Я доброволец! – гордо ответила девушка, показывая белую ленту, висевшую на запястье. – Прибыла с нижних ветвей, чтобы помочь вам.

– Принято. Продолжайте заниматься делом, Янори. И следите за вашим волонтером, – кивнул Закуда, ощущая досаду.

Обычно пронизательность его не подводила. Теперь же он невольно внес разлад в отношения парочки. А он все-таки считал Янори своим другом, одним из немногих, способным выносить заносчивый характер педанта. Впрочем, вряд ли у младшего лейтенанта было что-то серьезное с юной Чари, которой едва минуло шестнадцать лет. Работали они слаженно, и этого достаточно.

«Нет, это был не Янори. Кто тогда взял свиток Ванессы Филлгрев? Его не могли похитить асуры! Мы все проверяли», – подумал Закуда.

Он никогда не был доволен собой, уверенный, что просто обязан достичь идеального порядка. И, как назло, всегда находилось нечто, лежащее не на своем месте. Это выводило из себя.

После хаоса, учиненного врагами, он проделал воистину прекрасную работу: о нападении свидетельствовали только пустые места на стеллажах в ячейках, где раньше покоились свитки Аманды Вессон и Сварта Иренга.

По мнению старшего лейтенанта, эти люди не заслуживали внимания. Конечно, диалог с мастером Вейячей о ценности любой жизни вызвал живой отклик в душе Закуды. Особенно, когда упомянули его беспечного подопечного Янори. Тем не менее, Закуда искреннее недоумевал, почему убийство пирата не решило бы все проблемы быстрее и качественнее, чем преследование асуров. Да и жизнь Аманды Вессон не представляла ничего ценного.

Двадцать пять поврежденных свитков уже нашли свое логическое завершение, слившись с листвой Дерева: пиратская команда потонула в пасти Харибды. К счастью, вина за открытую ловушку двух чудовищ не лежала на старшем лейтенанте, но он негодовал относительно того, как неосмотрительно повели себя его сослуживцы. Асуры ловко обманули их, доставив новые проблемы. Решение вопроса со Сциллой и Харибдой откладывалось на неопределенный срок.

Куда больше опасений вызывал похищенный свиток мастера Вейячи. С тех пор, как его ограничили в передвижении, древний дракон сидел на ветке и ничем не занимался. Сгорбленный, впавший в неестественную сонливость.

Закуда в какой-то мере ощущал себя преступником, убивающим немощного старика. В конце концов, хранитель жи-

мы был последним из первого поколения драконов. И он все еще прекрасно показывал себя в битвах. А они вместе с бодрствующим хранителем лета Тарваи заперли его на верхних ветвях и возвели вокруг защитный барьер. Посадили под «домашний арест», как это называлось у людей и джиннов.

Закуда украдкой вздохнул, поднявшись на верхний уровень. Мастер Вейяча сидел в укромном уголке на развилке веток, вокруг которых парили стеллажи. Он совершенно не шевелился, затерянный среди синеватого мерцания папирусов судеб.

«Да это же свиток Ванессы Филлгрев!» – спохватился старший лейтенант и подлетел к хранителю зимы, замечая, что тот не читает, а сидит застывшей статуей с остекленевшими глазами. Свиток же неестественно пульсировал и переливался, как живое сердце, бережно сжимаемое когтистыми пальцами. Короткий непримечательный свиток с красным ободком по краям.

Мастер Вейяча словно бы глубоко задумался, временами поглаживая папирус, бережно, с тайным напряжением и непонятым надрывом. Но был ли то хранитель или только его видимость?

Закуда нахмурился, чувствуя неладное. Он подлетел вплотную к хранителю зимы, всмотрелся в неподвижное лицо, скрытое тенью белых перьев.

– Мастер Вейяча? – позвал он. – Мастер?

Но ответом ему послужила тишина. Свиток Ванессы Фил-

лгрев лежал в когтях и светился. И от него исходило тихое пение. Да еще слышались странные переговоры:

– Риппер. Зови меня Риппер.

Голос показался знакомым. Закуда прислушался и еще раз посмотрел на мастера Вейячу. А потом почувствовал, как он ужаса сводит челюсть.

Хаос! В его идеальный порядок вторгнулся хаос! И исходил он не от злокозненных асуров, а от самого почитаемого и старого хранителя.

– Хранитель лета Гарвай! Хранитель! – воскликнул Закуда, устремляясь к ветвям.

Крылья заболели от скорости, с которой он взмыл вверх, преодолевая расстояние между уровнями. Хранитель лета сидел на самом верху, охраняя сияющую ось миров.

– Старший лейтенант Закуда? – удивился молодой дракон.

– Разрешите обратиться! Экстренная ситуация! – запыхавшись, воскликнул Закуда.

Жилет костюма-тройки тесно сжимал грудь, рубашка прилипла к спине. Совсем неаккуратно сбился набок застегнутый пиджак. Но Закуду не интересовали такие мелочи, хотя обычно выводили из равновесия. Теперь случилось бедствие куда масштабнее.

Он сгорал от негодования, изо всех сил стараясь сохранить лицо. Но уже ощущал себя виноватым в таком катастрофическом недосмотре: безумный хранитель зимы каким-то образом получил свиток, в котором отмечались узоры и его

судьбы, а не только некой Ванессы. И этот свиток не был учтен в картотеке как представляющий угрозу или относящийся к хранителю зимы. Закуда даже не догадывался, как связаны великий мастер и какая-то бандитка.

– Снова асуры? – встрепнулся молодой дракон Тарвай. Его красная шерсть встала дыбом.

– Нет, – перевел дыхание Закуда. – Мастер Вейяча...

– Что с ним? – слетел с ветки хранитель лета.

– Он ушел в проекцию человека. И скрылся в мире людей.

– Ох... Мы не учли, какая у него сила, – спохватился Тарвай. – Больше никто не умеет вживаться в проекцию настолько плотно.

– Сила первого поколения, – вспомнил Закуда. Он хорошо учил в свое время историю.

– Да-да, они ходили среди людей и джиннов, помогали им строить цивилизацию, разнося мудрость Дерева.

Никто не знал, почему второе поколение драконов утратило такую способность. Наверное, потому что мир людей и джиннов все больше отделялся от Большого Дерева.

– Сейчас эта сила может стать фатальной для нас всех, – покачал головой Закуда.

Вместе с Тарвай они подлетели к застывшему на ветке древнему хранителю. Старший лейтенант еще раз помахал рукой перед неподвижной мордой дракона. Тарвай заглянул в широко раскрытые янтарные глаза. Все тщетно. Мастер Вейяча не реагировал.

Древние драконы воплощались в человеческом теле и могли много лет существовать одновременно в мире людей и на вершине Дерева. «Проекция» порой отличалась по характеру от «оригинала». Порой драконы настолько вживались в «роль», что с трудом возвращались. Кто-то нырял глубже в новый образ, кто-то лишь заглядывал осторожным разведчиком, оставаясь на уровне прозрачного фантома.

Мастер Вейяча на этот раз, похоже, совершил полное погружение в проекцию и стал фантомом на вершине Дерева, где его пытались запереть.

– Его свиток похищен. Я опасаясь, что это начало безумия, происки асуров, – нервно сжимал кулаки Закуда.

– Нет-нет, старший лейтенант, – опроверг Тарвай. – Старик просто обхитрил нас. Когда мы попытались ограничить его свободу, ссылаясь на правила из «Свода», который он сам же писал, он просто... сбежал.

– И где он теперь?

– Видимо, там же, где Ванесса. Он оставил нам подсказку. Но если мы пойдем через этот свиток, то убьем и ее и, возможно, его.

– То есть он заблокировал портал. Умно, мастер. Весьма умно, – непривычно ослабил Закуда, но тут же сдержанно спросил: – Что прикажете делать, мастер Тарвай?

– Ждать. И искать свитки, – задумчиво протянул хранитель лета. – Раз уж мы не можем достать обратно мастера Вейячу, то должны следить за перемещениями тех, чьи свит-

ки были украдены. Приказываю вам с лейтенантом Янори следить за Свартом Иренгом. И еще... Я получил информацию, что, возможно, вместе с ним странствует Неудавшийся Страж Вселенной.

– Сумеречный Эльф? Из мира Бенаам?

Закуда знал о внезапных визитах странного существа, пришельца из другого мира. Странника сотен миров. Этой смутной серой тени. Не порядка и не хаоса. Чего-то не темного, но и не светлого, и от того противного природе Дерева.

Ему был рад, похоже, только мастер Вейяча. Все остальные не понимали, какое добро может принести проклятый Тринадцатый Страж, по сути, неудачный эксперимент. Провалившийся проект в борьбе с асурами из мира Бенаам.

Страж Вселенной нес огромную силу, неподвластную для осмысления: он напрямую управлял линиями мира без особых усилий. Такое даже драконам удавалось только после многих лет тренировок и обучения. А феи о таком уровне магии не могли и мечтать.

Он представлял неразгаданную опасность: ходили слухи о давнем раздвоении личности этого противоречивого существа. Только мастер Вейяча считал, что Сумеречный Эльф является, чтобы помочь им. Остальные замечали, что с его приходом начинаются значительные потрясения.

– Он недавно появлялся в библиотеке. После этого открылся портал, – точно подтверждая тревоги Закуды, ответил хранитель лета Тарвай. – Я боюсь, что на этот раз он

на стороне асуров. И мы опасаемся, что он ищет артефакт Большого Дерева – Алмаз Времени. Если он попадет в лапы асуров, вы знаете, что случится...

Закуда резко выпрямился, готовый сражаться. Если для наведения порядка требовалось взять меч, то рука старшего лейтенанта не дрогнула бы для кровопролития.

– Мы выясним намерения Сумеречного Эльфа. Разрешаете ли вы уничтожить пирата с похищенным свитком?

– В случае, если не будет другого выхода, – кивнул, к некоторой радости Закуды, хранитель лета.

– Приказ ясен.

Глава 13.

КАРТЫ И ТЬМА СТРАЖА ВСЕЛЕННОЙ

Труп лежал ничком. Сварт подошел и начал рассматривать страшную находку, отгоняя стаю собравшихся на пиршество мух. Пират наклонился, довольно ухмыльнулся и проворно снял кошелек с пояса убитого. Тем временем подошел Сумеречный Эльф. Он не удивлялся ничему. Он знал, все знал, что произошло, зачем... И поражался бессмысленности самого акта лишения жизни.

Он остановился чуть поодаль, за спиной, как фантом, склоняя голову, скорбно и задумчиво. Ведь он знал и этого человека. Убитого ни за что, знал каждого везде и всегда. Знал, да толку-то?

Знал и Сварта. Знал о нем даже то, что пират сам о себе не помнил. И, возможно, только долг Стража останавливал

от немедленного убийства этой твари.

Страж Вселенной и мастер Вейяча читали судьбы с самого начала. А ему, Тринадцатому Проклятому, была отведена к тому же горькая доля проследивать цепочки событий до самого конца. Он видел то, что еще не обозначилось в свитках Большого Дерева.

Но будущее Сварта распадалось нестройными пятнами. И с каждым днем становилось все более расплывчатым. С каждым новым штрихом, который вносили асуры. Впрочем, первую кровь пират пролил, еще когда его свиток мирно покоился в библиотеке.

И приходилось вживаться в роль глуповатого восторженного бродяги, свалившегося на голову капитана посреди моря. Как Сварт порой вживался в роли порядочных людей.

– Эй, а что если это были последние деньги его семьи? – недовольно спросил Сумеречный Эльф, указывая на кошелек.

Сварт сощурился, усмехнулся. Желая устьь всезнайку-Сумеречного, он пожал плечами и начал вдохновенный монолог:

– Не знаю, что там с его семьей. Вряд ли он глава семьи: кольца на пальце нет. Убили его явно из-за происхождения. Но не с целью ограбления.

– Почему это? – вскинул брови Сумеречный Эльф. Хотя он все знал, но ему было интересно послушать ход мыслей Сварта.

А тот только злорадно ухмылялся, указывая на труп:

– Кошелек не тронут. Значит, его не ограбили. Человек был еще молодой и достаточно богатый. Скорее всего, из семьи успешных торговцев – шелковая рубашка, тесьма. Обрати внимание на состояние ногтей и рук. Он одевался просто, видимо, потому что путешествовал, но материалы выдают лучше фасона. Задушен чуть больше суток назад чем-то вроде проволоки, потому что горло практически перерезано... – Сварт сощурился. – И не здесь задушен, судя по следу. Либо маньяком, либо наемный убийцей. Явно какой-то заговор, может, из-за его состояния. Так что мы вполне можем реквизировать эти деньги.

– Неожиданный вывод, – скептически ухмыльнулся краем губ Сумеречный Эльф. Конечно же, у Сварта все сводилось к собственной выгоде.

– Если его найдут, решат, что это было простое ограбление, но убийца был слишком небрежен, чтобы имитировать ограбление. Это оказалось мне на руку. Вывод: либо он спешил, либо это работа маньяка. Или кому-то было необходимо убийство без ограбления. А вот эта версия мне кажется наиболее интересной...

– Добавь еще «элементарно, Ватсон», – задумался Эльф, который читал без свитков все судьбы, но в пошаговом разгадывании преступлений силен не был.

И Сварту все-таки удалось его уесть: подмеченные детали скрылись от взора Стража. Впрочем, Сумеречный Эльф не

переживал из-за таких мелочей.

– Что? – обитатель мира Большого Дерева не мог знать подобных отсылок.

– Э... Забудь... Книга одна, – поспешно отмахнулся Эльф.

Сварт проговорил, глядя сквозь деревья:

– Надо найти тракт. Жертва путешествовала не на лошади, а в дилижансе или в собственном экипаже. Нет, не в экипаже. Тогда бы его нашли через час-другой. При этом на его одежде нет характерной дорожной пыли. Скорее всего, это был дилижанс. О, занятно, значит, кто-то попросил его выйти, и он согласился. Он знал убийцу, не испугался его. Ладно, я ищу тракт. Тракт, тракт...

Глаза Сварта загорались интересом. Он рассматривал интересные детали и следы преступления, а Сумеречный Эльф видел человека. Несчастный юноша лежал плашмя на земле. Он был убит. И вместе с ним погибли все его стремления, все замыслы и робкие надежды. И яркие мечты, возможно, совершенно глупые и бессмысленные. Возможно, тусклые и не великие, возможно, неосуществимые. Но вот погибли вместе с ним, и не стало их. Не стало его.

Это смерть. Она приходит в неподходящее время, для нее нет времени. И невозможно ее предугадать, подготовиться к ней. Сколько ни жди – нагрянет нежданно. Жизнь выведет из глухого леса, убережет от бедствий на самом краю, а смерть найдет и посреди чиста поля, и за семью замками.

Такая она, смерть. Но здесь она нашла себе помощника, нашла через кого проявиться, гнусно, прокляв кого-то печатью бесчеловечности.

Сумеречный Эльф сжал зубы и вздохнул, спросил тихо:
– Постой, может, похоронить его?

Он замолчал, ведь точно знал, что будет с телом. Знал, когда его найдут. И холодел от созерцания той боли утраты, которую предстояло испытать тем, кто дорожил убитым, кто вырастил его.

Так происходило везде, каждый миг кто-то умирал, кто-то погибал, кого-то убивали. Во всех мирах. Хотелось не видеть этого, не знать, не чувствовать. Но нет, иначе он не мог, просто не мог: он хотел остаться человеком.

И поэтому призывал свое призрачное сердце болеть и разрываться. Но как мало он мог предпринять в сравнении с его силой. Как мало! Как много запретов на него накладывал вечный узор свитков судеб. Неудачный эксперимент, наделенный силой, но не имеющий права ее использовать, чтобы не почернели линии мира. И только в свитки с пробелами он мог вмешиваться. Почему-то таким свитком оказался капитан Сварт.

– Нам не нужны проблемы. Мне точно, – ответил Сварт.

Он рассматривал след из смятой травы, тянущийся от пролежавшей неподалеку проселочной дороги. Не в такую уж чашу утащили тело. Сварт искал тракт и одновременно глядел на следы. Преступление чрезвычайно заинтересова-

ло его, азарт загорался в черных глазах. Он, как рыщущий зверь, чуял, что не просто так наткнулся на труп. Да еще на труп с кошельком.

Как же хотелось прибить его, стукнув о ближайшее дерево! Сумеречный Эльф с трудом себя сдерживал и уже долгое время. Вся грязь мыслей пирата обрушивалась невероятной пустотой каждый миг.

«Мне тело мало, как одежды из детства... Я чувствую пустоту, как будто ей есть что сказать мне, но я не желаю слушать. Пустота будет всегда, пустота забирает лучшие мысли, верные слова», – устало подумал Сумеречный Эльф, успокаивая себя. Лицо его выражало бессилие, а в душу заползала тоска.

Правда, не только в его душе носился этот ядовитый ветер: Сварт старательно забывал об этой пустоте. Похожая, знакомая пустота убийцы. Слишком знакомая. И только за это Страж еще не кинул пирата спиной о ближайшее дерево, не сломал хребет, не дал утонуть. Мастер Вейяча знал, к кому посылать «ангела-вредителя», который в иных мирах уничтожал целые армии... Может, и правильно его опасались другие хранители.

Сварт уже скрылся за деревьями, сквозь которые провисал неверными нитями хрупкий свет. Сумеречный Эльф снова торопливо догонял спутника. Тот уже вышел на тракт и рассматривал, куда уходят концы дороги, но горизонт упирался в небо. Очевидно, остров оказался немаленький, а го-

рода лежали в другой местности. Сумеречный тоже вскоре выпрыгнул из кустов, пока Сварт задумчиво разминал шею. Надо же: ждал! Опасался остаться в полном одиночестве на неприветливой чужой земле. И, очевидно, уже рассмотрел выгоду их сотрудничества. Сумеречный Эльф, выставив победно вперед руку, прогорланил:

– Что ж, наш путь лежит на Ифритову Смерть! Для начала нам надо набрать новую команду! И найти корабль!

– Наш? – недовольно скривился Сварт с издевкой: – Ифритова Смерть? Почему ты думаешь, что я изменил свое решение? Убирайся!

Осмотрительно изучив дорожные колеи, он выбрал направление и пошел по тракту, считая, что скоро должен появиться город.

– Никуда я не уберусь. Я же тоже не изменил свое решение, – провоцировал Сумеречный Эльф, снова не поспевая за широкими шагами высоченного капитана: – Тебе нужна новая команда или нет?

«Мы посыпали хлеб землей. Однажды мы станем лишь травой. Только тела, души не в счет. Но я все иду, который уж год», – глаза Сумеречного Эльфа на миг затуманились. Он смотрел за горизонт, а слух его ласкала внезапная песня соловья. И над головой плыло в неподвижности гигантское небо. Мир кружился, но не вокруг него, он являлся только его малой частью, мир летел по-своему... Похоже, подступало собственное безумие, скребла когтями вторая личность,

темная: за огромную силу назначается непомерная цена. И сила обращается проклятьем.

– Так карты твои, наверное, канули вместе со всем? – вдруг заинтересовался Сварт.

– Ошибаешься! – вернулся к реальности Эльф и заставил себя веселиться, действительно почти веселился, пританцовывая: – Они в надежном месте! Толстовка – это толстовка, а... Ценности – это ценности.

Эльф полез в свои кожаные штаны, торопливо вытащил два смятых листка, разумеется, не из карманов. Карты выглядели ужасно старыми, потрепанными. Но чернила не стерлись с измятых клочков пергамента.

– Не верю я, что эти сокровища существуют, – вдруг задумчиво и в какой-то мере печально отозвался Сварт, его извечный хищный взгляд потух.

– Но они существуют! – вскинул руки Эльф, чуть не танцуя вприсядку вокруг противного скептика.

– Хм... Если у нас будет корабль и команда. Что если... – ухмыльнулся Сварт, поглядел на собеседника, глаза его загорались новым жадным пламенем вечно ищущего чудовища.

– Отправиться в море и отомстить Маиму в настоящем? И не надо никакого прошлое менять. И ты сказал «у нас». Так что, я старпом?

– Нет! В смысле. Я этого не говорил. Пока что, – отвернулся Сварт, но продолжал ухмыляться.

В его голове засело желание перемотать время и уничто-

жить Маиму еще на том острове, где пират собирался прочно обосноваться. Он, конечно, отрицал реальность Алмаза Времени, но одновременно мечтал заполучить это бесценное сокровище. Уж с ним бы он стал воистину непобедим. Но возможность получить новый корабль манила его своей неиллюзорностью, в отличие от маршрута на старых морских картах.

– И не говори, – вздохнул Сумеречный и затараторил самозабвенно: – Маиму это Маиму, он еще ничего. А если ифриты? Дарар нас пришить может, ну, чисто со скуки. Но босс его еще похуже будет. Знаешь, Сварт, все-таки, ты только человек, очень крутой, но человек. У тебя где-то в предках затесался тип с «подарком асуров», который обладал даром сверхскорости. Но и всё.

– Я не признаю «подарков асуров». Это жульничество, – горделиво и надменно выпрямился пират. Будто он никогда и никого не обманывал.

– Поэтому не идем к Пиратским Островам. Там одни ифриты, – продолжал бормотать, как в угаре, собеседник: – Там Дарар. Да, Дарар.

Ифриты – те же джинны, но совершившие преступное кровопролитие. Их паровая магия искажалась вместе с душой, превращаясь в огненную, хаотическую. Впрочем, не всегда. Никто точно не знал, почему некоторые джинны становятся монстрами.

Так или иначе, аура и магия ифритов была способна толь-

ко сеять хаос. Поэтому чаще всего они шли в пираты, скрываясь от правосудия. Южные Пиратские Острова делили между собой группировки ифритов. Но именно мимо них пролегал путь, обозначенный на старых картах. А у горе-путешественников пока не было ни корабля, ни даже жалкой лодочки.

– Почему ты этого Дарара столько вспоминаешь? Знакомый? – раздраженно отозвался Сварт.

– Э... Как сказать... Тринадцать лет назад он другим каким-то был, поприятнее, чем сейчас. А тридцать пять лет назад он вообще был замечательный и маленький, – Эльф запнулся, одно воспоминание тринадцатилетней давности не давало ему покоя, одно невмешательство: – Ну, в общем, можно сказать, что знакомый. Как вы все. Короче, тебе он рад не будет. Да и наша задача – месть Маиму. Разве нет? Ты снова хочешь стать пиратом? Вести жизнь пирата?

– Я думаю, – небрежно бросил Сварт, бодрой рысцой поднимая клубы дорожного песка: – Не верю я в эти карты.

– Ну, клады Пустых Островов все ищут же, верят, – донесся голос отстающего Сумеречного Эльфа, глотавшего пыль.

– Вот именно! Я не верю всякому бреду и легендам, поэтому я никогда не искал клады. И не пытался искать. Даже не думал. К Пустым Островам шел, чтобы оторваться от погони. Так, куда теперь? – на миг засомневался в своих дедуктивных способностях Сварт, уже не прогоняя Сумеречного Эльфа.

– Город туда, кажется, – показал в одну сторону собеседник, затем в другую и махнул рукой: – Там видно будет.

– Вредитель.

– Так в обе стороны города. Разные. Но тот, к которому мы двигаемся сейчас, ближе.

– Конечно, я тебе не верю, но проверить можно, – поглядел, как на идиота, спутник: – Кстати, ты уверен, что на этом острове меня считают мертвецом? Джинны объявили, что Маиму убил меня. Но вдруг гадкий мальчишка опроверг эти сведения?

– Ты свое отражение-то сейчас в речке видел? Не видел! Тебя родные мать-отец не узнали бы! – рассмеялся Сумеречный Эльф.

Их обоих густо покрывали синяки и ссадины, не говоря уже о том, в какие лохмотья превратилась одежда.

– Мать... отец... – престранно скривился Сварт, вздрогнул и усмехнулся. И никто бы не сумел разгадать, что за упрек, насмешка или боль таились в этой усмешке. Никто не должен был разгадать, никогда.

– Так куда? – мотнул головой Сумеречный Эльф, все еще указывая скрещенными руками в разные стороны.

– В город.

– Кстати, что нам теперь делать? Надо набирать новую команду!

– И как? Спасать висельников? – бросил иронично Сварт, оборачиваясь.

– О! Я же знал, что ты генератор идей! – снова начал при-танцовывать Эльф.

– Это был сарказм, – процедил сквозь зубы собеседник.

– Нет! – подскочил Эльф, оказавшись впереди, заглядывая в лицо и улыбаясь: – Это была идея. Без денег мы все равно никого не найдем.

– Если они висельники, значит, они уже попались раз, попадутся и еще, – недовольно обошел спутника Сварт, точно грязную лужу. – И они в реестре джиннов.

– На эшафоте оказался как-то раз сам Гриф Риппер. О, лишь бы Маиму не повторил его судьбу однажды, – развел руками Эльф, шествуя скромно позади.

– Я же просил не упоминать это... это... – Сварт захлебнулся своей ненавистью. – Имя.

– Спокойно. Не буду, – твердо отозвался Эльф.

Дорога поднимала пыль, клубилась, исходя протяжностью шагов, куда-то вдаль.

«Я буду жить, я знаю все, я буду жить или казаться», – снова звучала песнь безумия в голове Сумеречного Эльфа, и веселье его смешивалось с мучением.

Сварт шел с отвратительной звериной гримасой на лице. Дорога тянулась, а город не появлялся, и он начинал ненавидеть все живое. Ненавидел и неживое, например, избитые и порванные сапоги, некогда шикарные и дорогие. Ненавидел камни, попадавшие под подошвы. Ненавидел душный воздух, от которого пекло в груди.

Но, конечно, больше всего он ненавидел Маиму-Длинногого, из-за которого все так сложилось, из-за которого...

– Жарко... – выдохнул едва слышно Сварт.

В голове что-то неприятно сжалось, запульсировало острой болью. Последние пару лет слишком часто. А после сражения с Маиму – практически постоянно. То ли от ненависти, то ли от крепкого удара по этой самой голове.

Солнце колыхалось нестройным диском, повиснув в зените, лето выдалось жарким. Сварт раздумывал, куда же все-таки идти, что теперь делать, но мысли плохо ладили между собой, он только пробормотал, не воспринимая как живой объект Сумеречного:

– Ничего, много я повидал, бывало и хуже, справлялись же как-то... Хуже... Куда хуже вообще? Эй! Придурок!

– Вас слушаю! – подскочил немедленно Сумеречный Эльф.

– То есть ты признаешь, что ты придурок? – откровенно издеваясь, переспросил Сварт: – Прекрасно. Так вот, гнида, рассказывай, что это за сокровища и какая у них связь с Ифритовой Смертью?

– Так, мы выяснили, что я придурок, а не гнида, – погрозил пальцем Сумеречный и торопливо заговорил: – Алмаз Времени возвращает время, но он не работает без доски с циферблатом. Доска на Ифритовой Смерти.

– Покажи карты.

Сумеречный Эльф протянул карты. Они сделали привал

в тени деревьев, и Сварт долго изучал два смятых листка, весьма напряженно вчитываясь в замысловатые буквы, разбирая очертания знакомых и незнакомых островов.

– У меня есть план, – вскоре проговорил капитан будущего корабля. Очевидно, он удостоверился в подлинности предоставленных карт.

– Есть ли у вас план, мистер Фикс, есть ли у вас план, – шуточно проговорил Эльф, но Сварт его снова не понял:

– Что?

– А... Не обращай внимания, – замялся спутник: – Я все забываю, что мы не в мире Земли.

– Так, теперь рассказывай по порядку: кто ты, откуда и зачем увязался за мной? – будто пошел на примирение Сварт, пристально глядя на Сумеречного Эльфа и в такт словам указывая на спутника вытянутой кистью.

– Я уже говорил. Я неудавшийся Страж Вселенной, один из Тринадцати Проклятых. Прибыл из другого мира. Помогаю тебе, потому что не знаю твоей судьбы. Как это работает? Я знаю все судьбы мира. Кроме своей. Таково табу мироздания. Но иногда случаются пробелы в моем знании про судьбы людей, из чего я делаю логическое заключение: там должен быть я. Ведь своей судьбы я не знаю. В твоей судьбе случился такой «пробел», вот я и появился. А так это все от чистой любви к человечеству. Ну, или скуки, как тебе ближе.

Эльф говорил непринужденно и дружелюбно. Сварт поморщился, вновь брезгливо отсаживаясь, надменно кривясь:

– Никак мне не ближе. Бред какой-то. Не верю. Ты мошенник, скорее всего. Не верю!

Не верил... Никто ему не верил, ему, искаженному эксперименту мира Бенаам. Само мироздание не верило, отрицало его существование. И безумие прорывалось с темной стороны, вторая личность, засевавшая в голове Неудавшегося Стража, рвалась наружу. Он больше не мог противиться переменам, он и так долго терпел, сдерживал себя. И вот...

Лицо Сумеречного Эльфа изменилось, вдоль него словно пролегла черная тень. Страшная тень.

Глаза загорелись огнем маньяка, алые губы обнажили оскал, по щекам зазмеились багряные разводы, на пальцах появились длинные загнутые черные когти.

Воплощение зла.

До этого он был безоружным, но неизвестно откуда в руке его оказался меч, тот самый меч, что исчез в водовороте Харибды. Сначала рука с когтями вцепилась до удушения в шею Сварта, затем клинок был приставлен к животу, пронзая и без того рваную одежду.

Но, что ужаснее всего, все произошло в долю секунды, а «быстрейший из быстрейших, великолепный капитан Сварт» не успел и пальцем пошевелить. И не мог двинуться с места, точно прирос к траве, стал статуей, изваянием.

Глава 14.

МЕТАМОРФОЗЫ. ГОРОД И КАЗНЬ

Сварт задыхался, а Сумеречный приблизился к его уху, продолжая угрожать мечом и сдавливать кольцо пальцев на жилистой шее.

Дыхание врага обожгло ушную раковину, но голос его, казалось, исходил не посредством голосовых связок. Он стелился инеем по траве, вибрировал в воздухе. Среди летнего дня по земле пополз колючий мороз, начали увядать цветы, как поздней осенью, пожухла трава, пожелтела, даже кора на ближних деревьях начала отслаиваться, как от нашествия лесных паразитов.

А дыхание врага все обжигало холодом ушную раковину, казалось, замораживая сам мозг, мысли. Ужас сковывал Сварта, а существо заговорило, немного ослабляя хватку на

шее, проводя когтями вдоль скул неподвижной жертвы так, что выступила кровь:

– Уж лучше поверь. Не буди во мне тьму. Если бы я хотел убить тебя, я сто раз мог бы это сделать!

Сварт не знал, что значит страх. Кажется, совсем не знал до этого момента. Теперь он ощущал, как бессилён что-либо предпринять. Паралич сковал все тело. Он прохрипел единственное, что пришло в голову, странно и непривычно:

– Ты вовсе не ангел.

Сумеречный Эльф жутко осклабился и внезапно резко отпрянул, выгибая руки назад. Показалось, небо потемнело, клубясь разверзшейся бездной. За спиной невиданного существа на миг блеснули огромные призрачные серые крылья. И исчезли, точно вспышка молнии.

Затем Сумеречный Эльф бессильно съежился, опустившись на колени. Небо вновь стало прозрачно-голубым, изнывающим от зноя.

Сварт понял, что паралич его отпустил, но бежать... Куда бежать? От кого? От этого монстра напротив не убежать – он это четко осознал, и болезненные следы на шее остались понятным напоминанием. Не сбежать... И не победить. И в тот же миг отпали все вопросы о том, как существо появилось посреди моря.

– Не ангел. Но и не демон, не асур, – отстранился Эльф, приподнимая брови, виновато улыбаясь. – Сумерки. Между светом и тьмой. Ты... Видел «фазу тьмы». Неожиданно вы-

шло... Я лишь хотел немного показать свою истинную силу, но опасная это игра. Извини! Пожалуйста, извини!

Сварт недоуменно рассматривал совершенно изменившегося собеседника, пытался осмыслить, что происходит. Перед ним никто еще так горячо не извинялся. Особенно те, кто минуту назад пытались убить.

Сумеречный Эльф смотрел преданными глазами, точно провинившийся пес, укусивший своего хозяина. Казалось, миру явился какой-то совершенно другой человек. Он улыбнулся несмело...

– Я не сумел стать стражем света, но я поклялся быть светом вечерней зари для тех, кто скитается во тьме, – прошептал он и одернул себя, резко встряхнув головой.

Сварт, как деревянный, встал и пошел дальше по дороге, стараясь не вспоминать и вообще не думать о произошедшем. Он просто шел, бессмысленно глядя перед собой. Даже кровь с поцарапанной щеки не стал стирать.

Вскоре он заметил, что Сумеречный Эльф все еще идет за ним. Меч куда-то пропал, как и все атрибуты тьмы. Только на месте, где стелился иней, все завяло, погибло несколько деревьев. Очевидно, существо не умело возвращать к жизни умершее.

Сварт обернулся, спросил спутника:

– Что, если тебе нужна награда за мою голову? Поэтому ты пришел за мной.

– Зачем мне, бессмертному, награда? – удивился Суме-

речный Эльф, видимо, тоже стараясь забыть о фазе тьмы: – С такой силой я бы не за тобой охотился, маловата за тебя награда для меня. Вот Дарара бы убил, например. А лучше его босса, который с Гриустеном спелся насчет поставок оружия и атакует бедную Круну.

Сварт оскалится, ощущал себя странно оскорбленным:

– Я великолепный капитан Сварт! Не смей меня сравнивать со всяким отребьем!

– Ну, как видишь, награда мне не нужна. Считай, что мне просто скучно. Сварт... Я живу две с половиной тысячи лет. Разве могу я объяснить свои мотивы в обычных для людей категориях?

Вдруг лицо его снова изменилось, не выражение на нем, а именно лицо. К вящему ужасу Сварта. Оно молниеносно покрылось морщинами, старческими темными веснушками, волосы тоже поседели, обесцветились, стали невесомыми.

И вот вместо болтливового молодого человека предстал древний старец, разве только взгляд, одновременно скорбный и радостный, остался прежним. Взгляд его не молодил и не старил, лишь выдавал иную сущность. Иное создание, знающее слишком много, чтобы рассказать. Но этот же взгляд был взглядом потерянного человека без роду-племени. Без имени, без дома... Слишком знакомо для Сварта. Невыносимо знакомо.

Старик улыбался беззубым впалым ртом. Сварт отскочил, едва ни вскрикнув от такой неожиданности, ощутив сно-

ва окатившую волну холода от первобытного страха, точно повстречал мертвеца. Но Сумеречный Эльф вернулся в себя прежнего. Снова разгладилась кожа, стали каштановыми длинные патлы. Эльф сощурил глаза, задумчиво продолжая:

– В городе удостоверись, что я тебе добра желаю. На счет висельников неплохой план. Да, мысли я тоже читать умею.

Сварт плюнул через плечо и ускорил шаг, хотя затылок высверливала невыносимая боль. Словно от молчаливого взгляда Сумеречного Эльфа.

Они шли дальше, и вскоре вдали темной полоской возник город. Сварт, немного успокоившись после увиденных метаморфоз спутника, спросил, как будто невзначай:

– Так если найти доску с часами, найти Алмаз, совместить их, выставить нужную дату и время, то все сразу изменится?

– Я тебя уверяю! – начал рекламировать Сумеречный: – Все бесследно исчезнет, ты обо мне даже не вспомнишь. Вернее, как только попадешь в нужное время, будешь помнить, что там надо изменить. А как изменишь, так через пару дней все отшибет. И будешь наслаждаться великолепным завершением своего плана. Не вспомнишь ни новую команду, ни все злоключения. И меня забудешь, как будто не знал. Так что все нормально. Этого будущего просто не станет.

– Нет, у тебя есть какой-то хитрый план, – цыкнул недовольно Сварт.

– Слишком я добренький? Может и есть, – блеснули глаза

Сумеречного Эльфа, как у лиса: – Может, не относительно тебя, а? Ну, ты же великолепный капитан Сварт, пораскинь мозгами, а не паранойю разводи. Насчет Алмаза не лгу. В любом случае, тебе нужен корабль и команда. Содержимого кошелька на все это не хватит.

– Сам знаю.

Вот уже совсем близко маячил город. И с каждым шагом приближался, наплывал, как тучи на солнце.

Пыль утоптанной дороги клубилась под ногами. А город нависал на горизонте, как будто картонный, как сон. Кровоточащий вечер крался прохладой сумерек. Сумерек... Как будто и правда время страшного спутника, чье присутствие впивалось в горящий затылок.

Сумерки упустить просто в море мрака, в атаке ночных зверей, теней и страхов. Но в сумерках закат, прохлада, влага и тишь. Только город разгонял их яркими огнями.

По базарной улице катились телеги с овощами, торговцы суетливо закрывались. Путники вошли под деревянную арку, уставшие, голодные оборванцы. Люди оборачивались на них с недоверием, раздумывая между жалостью и страхом. Выбирали страх и спешно отворачивались. А может быть, и верно.

Человеческое общество казалось новым, само существование людей на земле, не в море, требовало ныне осмыслення. Сварт отвык от них. От необходимости сливаться с ним, чтобы надежно спрятаться от стражи. Но, Сварта, очевидно,

здесь не помнили, не знали.

Город Острых Камней встретил вывеской с названием, ка-
чавшейся меж двух заостренных обелисков. Он жил торгов-
лей и добычей руды, о чем свидетельствовали группы запы-
ленных усталых шахтеров, возвращавшихся домой. От их
пристальных едва уловимых взглядов, пойманных пару раз,
становилось тревожно. На лицах читалось одно: «если ты
враг нашему городу, мы не сдадимся».

Сумеречный Эльф и Сварт переглянулись – выглядели
они действительно как двое нищих бродяг с туманными на-
мерениями. Стоило купить одежду, раз уж судьба подарила
кошелек с деньгами. Подарила... Вернее, сам забрал. Гра-
бить мертвых, может, и воровство. Но кого это заботит?
Сварта жизнь многое заставила совершить.

«Тяжело... Добиться не всего, но хотя бы чего-то. Выстро-
ить план. Почти осуществить его. Держался за свой план, три
года терпел. Чтобы теперь начинать с нуля, вообще с нуля!
Нет, если есть сокровище, способное вернуть время, я готов
отправиться за ним, – думал Сварт. – Начать с нуля, найти
корабль, команду. Но вернуть время! Пожалуй, я вернусь в
день прибытия Маиму и применю на нем какой-нибудь яд.
Гостеприимно угощу в замке, а потом закопаю на свалке.
Да, и ничего не будет. Никакой его мерзкой мечты не ста-
нет! О чем мечтал ты, тварь-Маиму? Стать прислужником
джиннов? Мечты, смысл жизни, великие начинания и бла-
городные поступки – пыль, прах. Нет их. Есть планы, шаги

достижения. Есть ненависть, есть усталость. От них не бежать. Чтобы не сойти с ума, надо придумать себе какую-нибудь цель в жизни, чтобы забыть, что жизнь не имеет смысла. Вот сейчас была цель выжить, сейчас цель купить для начала одежду, набрать команду. А так, цель более обширная – вернуть время. Когда план удастся, придумаю себе какую-нибудь другую цель».

Они медленно продвигались по базарным рядам, держась в тени домов. Сумеречный Эльф украл свежий редис и, не очищая от земли, задорно хрустел овощем. Сварт хотел есть, но забывал об этом, поглощенный своей сосредоточенной злобой. Прежде, чем что-то делать, ему требовалось все осмыслить.

Он нервно сомневался: «Что если Сумеречный Эльф врет? Но карты не подделка, я в этом разбираюсь. Он что-то скрывает... Ладно, допустим, он Страж Вселенной. Я уже понял, что в этом хаотичном мире все возможно. Но что он ко мне-то пристал? Что если это происки врагов? Каких врагов? Их у меня без счета... Что если, когда я снова достигну хоть чего-то, чего-то, за что начну держаться... что если миссия этого существа – снова разрушить? Сложная и неприятная это штука – жизнь. Но терять-то ее как жалко! Ведь что там... Неизвестно. Скорее всего, ничего хорошего. А жизнь не лучше, так и начинаешь понемногу ненавидеть людей, ненавидеть. Ненавидеть, ненавидеть... Желать им смерти! Убивать! Убивать!»

– Сварт, успокойся, – послышался голос Эльфа.

Сварт словно вынырнул из омута, осознал, что на лбу его вновь пульсирует вена, а в душе нарастает тягучее сладко-темное желание убивать, уничтожать, разрушать. Видимо, так он реагировал, немного отвыкнув, на окружение живых людей.

– Заткнись. Я спокоен.

Вечерней прохладой смыкался день, и торговцы кто спешно, кто неторопливо закрывали свои лавки. С базарной улицы исчезали телеги с овощами и фруктами.

Пока Город Острых Камней не заснул, странники зашли в какой-то магазинчик. Торговец недовольно рассматривал подозрительных чужаков, недоверчиво, уже готовился позвать стражу, явно считая, что вошедшие – воры. Но несколько золотых монет относительно успокоили его.

Вскоре они купили новую одежду и обувь. Роскошного черного камзола, что ожидается, не нашлось. Да и выглядел бы он подозрительно. Пришлось довольствоваться белой рубашкой. Новая и чистая – этого вполне достаточно. А вот Сумеречный Эльф нашел практически идентичную утраченной черную толстовку с капюшоном. Тем и ограничился, наколдовав себе пару монет, ибо Сварт найденной добычей не делился.

Помимо одежды он выбрал себе новые очки. Долго выбирал, примерял, стоя возле мутного зеркала, искал как можно более похожие на прежние, разбитые. Наконец нашел круг-

лые крупные старомодные очки с тонкими витыми дужками.

На его лице отобразилось подобие удовлетворенности, воплощенной в почти спокойной улыбке самодовольства. Сварт с минуту поглядел на себя в зеркало, на очки, снял и тут же начал машинально протирать.

Сумеречный, увидев это, рассмеялся:

– Ну, ты артист! Они же чистые. Сколько можно тереть чистые очки?

– Это мое дело, – сказал Сварт, уже второй раз нервно проводя полый старой изорванной рубашки по чистым стеклам.

Сумеречный Эльф только больше захихикал, встряхивая головой.

Они наспех расплатились и вышли на улицу. Купленную одежду решили пока не надевать, даже очки. Сварт пересчитал оставшиеся монеты – еще хватало на некоторые возможные расходы. Но еду себе покупать не стал, использовал свою скорость – украл хлеб и плохо висящее вяленое мясо.

И от этой кражи ощущал какое-то непреодолимое унижение. Куда уж хуже, как будто снова оказался в Круне... Но жадность и планирование на будущее взяли верх. Возможно, он всегда жил только в будущем, в своих планах. А настоящего – нет. Будущим и жаждой уничтожения, которая сменяла бесполезную замотанность, неискупимую усталость.

Даже азарт от исполнения своих замыслов не избавлял от этой усталости, нежелания двигаться дальше. Только убий-

ства. Но это было когда-то давно, теперь ничего не стало. Будущее виделось неясно, нечетко. В конце концов, приходилось доверяться совершенно враждебному, незнакомому человеку. Существо.

Но если бы все вернуть, вернуть и самомнение, и ощущение собственной безнаказанности, непобедимости. Что взамен? Что тогда? Прошла бы усталость? Он не думал об этом.

– Пора бы нам поискать команду, – провозгласил Сумеречный Эльф.

– Кого?

– Висельников, как ты и придумал.

Сварт понимал, что сопротивляться бесполезно. Спутник, это вероломное существо, плавно подводил к чему-то. Заставлял действовать по-своему.

– Это не я придумал, – только сказал он, но уже разрабатывал новый план. Жалкий и грубый по сравнению с той изящной комбинацией, которую разыгрывал в поместье Весонов.

В подворотне за магазином спутники нашли ненужную мешковину, стащенным у местного мясника ножом вырезали пару масок и что-то вроде плащей. Работали слаженно, подробности плана говорить не стоило, ведь Сумеречный Эльф все видел наперед. Сварт надеялся, что тот не готовил западню. Да и какой смысл так изощряться? Слишком мелко для бессмертного отдавать властям полузабытого пирата в каком-то крошечном городке на безымянном острове.

– Я узнал из разговора стражи на рынке, что завтра утром собираются повесить двух пойманных недавно пиратов, – наконец отозвался Сварт, поднимая глаза.

Сумеречный одобрительно кивнул:

– Значит, сейчас надо выспаться.

Сварт только фыркнул, не слишком уверенный, что сомкнет глаза. Переночевали они в этой же подворотне, заплыванной и грязной. Зато их никто не гнал.

Как Сварт и ожидал, он снова не спал. От бессонницы раскалывался затылок, боль проходила острыми обручами по лбу, ища себе выход над густыми черными бровями. Время отсчитывалось щелчками этой боли в голове, подозрительностью, ощущением преследования. Все не верилось, что его не ищут стражники. А они патрулировали улицы и даже не замечали бродяг. Не иначе, магия. Но менее тревожно от нее не становилось.

Кажется, минут на двадцать сознание все-таки исчезло в чертогах сна, продолжая отсчитывать секунды. Но вот вынырнуло. Сварт встал, разминая шею и плечи, с отвращением глядя на свернувшегося калачиком Сумеречного. Пнул его, будя. Тот невнятно обиженно замычал, разлепляя сонные глаза:

– Ай, чего так грубо?

– Что заслужил, – недовольно бросил Сварт.

Над зданиями уже забрезжил зеленовато-розовый рассвет, туманный, исполосованный сиреневыми обрывками

облаков.

Сообщники в масках пошли на главную площадь, где тюремщики действительно уже готовились к казни.

Народ, не гнушаясь подобных «развлечений», тоже вскоре начал собираться, когда солнце поднялось чуть выше над краем горизонта.

Сварт и Сумеречный ждали, стоя поодаль, рассматривали два эшафота с готовыми виселицами, которые пугающе призывно трясли свежими петлями, ожидая добычу.

Сварт никогда не представлял, что может попасться морским стражам, в любом случае живым он бы не сдался. Но вид петель, всегда готовых для шеи пирата, навевал тоску и тревогу.

– Паршивый все-таки план... Вообще, кто попадетсЯ? Что за висельники? – сомневался бывший и будущий капитан, недовольно поглядывая на Сумеречного, надевая маску из мешковины и готовя нож.

– Кто попадетсЯ, тот и станет командой. Уж явно не хуже тебя. Будто у тебя прежняя команда была не из висельников. Ты продумал план отступления?

– Отступать... М-м-м... Сначала во дворы, потом отсидимся на заброшенной шахте. Там, за городом, – кивнул Сварт. Он внимательно изучил карту местности в лавчонке, покупать не стал, все и так отпечаталось в памяти. Он прекрасно ориентировался по схемам и картам.

– А потом деру из города, – продолжил Сумеречный: – В

двух дней пути есть другой город, там легче затеряться.

Сварт согласно кивнул, потянувшись к маске из мешковины.

***

Виселицы петельным приговором качались на ветру. Много ж видели они, сколочены давно. Лишь только петли были свежи. Пираты попадались здесь нечасто.

Виселицы вскидывали жадные веревки, светлея вместе с рассветом, что нагонял людей на площадь. Сумеречный Эльф наблюдал за ними и представлял, как петля стягивается на его шее. Петля времени и проклятья. А вокруг бесновался в предвкушении недалекий народ.

Здание тюрьмы и администрации местной стражи располагалось прямо в центре города, точно служа его главным украшением, расписанное облетевшей красной гризайлью. Так и люди облетали старой штукатуркой.

Вскоре тюремщики вывели двоих из этого здания, из него, из этого безвкусного склепа всех надежд. Нелепого, потому что смерть надежды всегда нелепа. Смерть тела – через раз. Впрочем, у нее ни стыда, ни вкуса нет и не может быть.

Осужденные шли неохотно, на головы им уже напялили грубые мешки, как будто не хотели, чтобы толпа видела лиц

полноватого, очевидно, немолодого мужчины в порванном камзоле и тощей хрупкой девушки.

Поймали кого-то незначительного и явно не получили за их головы большую награду. Но если уж кто-то назывался пиратом – полезай в петлю. Для оправдания вечно не хватает и сотен документов, а для обвинения достаточно неосторожного слова. Предательства, доноса, чьей-то выгоды...

Люди вслепую шли на казнь, другие их вели, третьи смотрели. Почему так? Те, что шли, не вырываясь. Боялись, что станет хуже? Те, что вели, так ненавидели, что готовы были сделать еще больше? А те, что смотрели с интересом, причитали о своих повседневных делах. И легко все-таки исключить кого-то из определения человека. И сделать казнь развлечением.

Сварт хладнокровно оценивал, кто как двигается, куда направляется толпа, как перемещаются стражи, сколько их и с какой стороны лучше заходить. Все верно. Верно. Мозг пирата работал, как отлаженный беспощадный механизм. И только одна деталь в нем грозила вскоре сломаться. Но Сварт об этом не знал. Да и не следовало в это утро ему задумываться. Здесь разворачивалась другая игра, иная драма.

Сумеречный Эльф, вытянув шею, глядел напряженно на осужденных. Глаза его охватывали толпу на площади, виселицы, приговоренных и пугливое пятно раскрывшегося синевой неба, отделенного от полета неподвижной черной птицы, перевернутой в вышине.

Черная птица застыла в небе. Черная птица пропавших судеб. А мысли его, казалось, слились с этой птицей в отделенности и слитности со всем и каждым.

«Никто не хотел умирать, ни один человек. Никогда. Но все-таки она приходит, смерть. И с этим можно мириться, можно протестовать, можно искать вечность, можно паниковать от пустоты... Но это напрасно, с ней ничего не поделать. Возможно, я так спокойно, хоть и скорбно, реагирую на присутствие смерти в этом мире, потому что не знаю своего предела и верую, что он еще не скоро, а возможно, потому что уже давным-давно умер и оказался случайно среди людей с какой-то недостижимой мне целью. И эта версия кажется мне более правдоподобной, но менее логичной, исходя из законов везданных».

Казнь начиналась, не били барабаны, все было как-то торопливо и нелепо. Никакого зрелища не стоили пойманные пираты, а толпа требовала зрелищ. Толпа... Каждый, выходя из нее, вновь оказывался сам собой, вновь не мог отделаться от мыслей о своей человеческой жизни. И в одиночестве не радовался бы чужим смертям. И они не ведали и боялись своего исхода.

Зато могли устанавливать его для пойманных пиратов, как будто так получая власть над смертью, над неопределенностью. Если бы на самом деле так! Иллюзия крепла в недрах суматошной толпы. Власть над чужой смертью – как будто власть над своей.

Возможно, по этой же причине Сварту нравилось убивать. И не только ему. Мнимая власть над смертью и игра с судьбой так притягательны. Они дают утешающую иллюзию бессмертия. Пройти по лезвию и остаться целым, взглянуть в пропасть и не упасть – смерть перестает казаться реальностью. Вот только рано или поздно... Поздно или рано.

Толпа обрела ощущение мнимого бессмертия, когда спотыкавшихся от страха заключенных довели до эшафота, накинули петли на шеи и начали затягивать. Казалось, медленно, хоть до удушья резко. Мысли их путались, они не видели даже, где они. Не видели, лишь слышали толпу, ее гомон без слов, точно язык и слова покинули людей. Тогда что же осталось человеческого?

Зачитывали приговор одутловатому старику, обвиняли в воровстве, мошенничестве и, конечно, в пиратстве.

Для дрожащей тощей девчонки не нашлось никаких обвинений, кроме последнего, ни одной расшифровки к нему, но именно оно предполагало смерть. Пиратство.

С полноватого мужчины содрали камзол, по его рукам катился градом холодный пот. Он боялся, боялся так сильно, что не мог твердо устоять на ногах.

Сумеречный встряхнул головой, натягивая поспешно маску из мешковины, шепнул Сварту:

– Ты заходи справа, ты же быстрый. А я пойду слева и отвлеку охрану. На счет «три» веревки оборвутся, ты должен успеть перерубить их до того, как они натянутся.

Сварт, озираясь на стражу, примерял, как удобнее взять нож, который был дешевой смесью боевого, охотничьего и кухонного. На это оружие ставку делать не приходилось.

Со стороны Сварта послышался недовольный ответ из-под маски, хладнокровный, беспощадный к человеческой жизни:

– Мне не нравится этот тон долженствования.

– Удачи, – только улыбнулся Эльф из-под своей мешковины.

Глава 15.

КОМАНДА НА ПОВОДКЕ

Зачитывали последние пункты обвинения, палач готовился нажать рычаг. А двое подозрительных людей скользили среди толпы, сдвигая неслышно людей. И Сумеречный Эльф впитывал мысли осужденных.

Приговоренная девушка стояла на помосте, она только примерно угадывала, куда ее ведут. До нее доносился гул толпы. И, наверное, никогда не ощущала большего одиночества и незащитности в сравнении с этим огромным миром. Сквозь духоту мешковины, из-за которой едва не теряла сознание, чувствовала легкие прикосновения ветра.

Ветер так свободен, утренний ветер так чист, хоть в городе его заражала угольная пыль сотен труб. Но он летел дальше. А она стояла на деревянном помосте босым ногами. И никто

не мог прийти на помощь.

Она не знала, за что люди так жестоки с ней. Грубые руки вели к эшафоту, но это уже прошло. Теперь лишь веревки сдавливали запястья, а потом резким движением затянулась петля на шее.

Она не слышала обвинений, только ощущала, как близко подкралась смерть. Казалось, встала за спиной и глядела неподвижно. Осужденная даже попыталась слегка повернуть голову под мешковиной. По щекам ее бежали слезы, тело боялось больше, чем душа, которая уже готовилась к странствиям и суду, что вернее суда людей.

Вот только разум и тело не хотели умирать, бунтовали страхом, боялись боли, но не того, что дальше. Дальше – не их забота. Дальше даже не страшно!

Быть может, на том берегу жизни она бы снова встрети-лась с любимыми родителями. Мама угостила бы плюшками с творогом, отец потрепал бы по рыжим волосам. Как в детстве. Да, все, как в детстве. Они бы сели за стол и долго смеялись, а потом вышли бы на лодке удить рыбу. В облаках.

Скоро, уже скоро встреча. По ту сторону жизни... И осужденная почти улыбнулась сквозь слезы.

Толпа редела, переговаривалась, в толпе тоже были люди. Но ни капли сострадания. Становилось трудно дышать, ноги подкашивались от бессильного ужаса. О, как она вырывалась, когда ее ловили, когда вели в темницу! Но вот не случилось даже суда, объявили пиратом и повелели умертвить.

Ведь легче всего уничтожить тех, кто слабее, кто причиняет меньше всего вреда. Тех, кто «совершенен» в своем зле, не поймать, только ненавидеть. И ненависть вымещалась на таких, как она.

Чуть раньше девочка рвалась, подобно зверю, потому что она любила жизнь! Но сопротивление оказалось бесполезно. Ее не убили сразу, желая сделать устрашающее поучительное зрелище для народа. И вот она, дрожащая, раздавленная, стояла на эшафоте. И не видела места своей казни, как будто так легче. Кому легче? Тем, кто казнит.

А ей в этой сизой волокнистой темноте было ужасно страшно.

Издалека, разрезая гул толпы, вдруг донеслись крики перелетных птиц. Она почти видела, как они клином плыли по небу и переговаривались. Как свободны птицы! Свободны до тех пор, пока не достает их стрела охотника или клык зверя на земле. Птица не может прожить жизнь только в полете.

Птицы... Как же хотелось умчаться с ними, прочь от этой жестокой реальности. Слезы стекали по щекам, достигли дрожащих потрескавшихся губ.

Она, наверное, не испугалась бы гибели в борьбе, не дрожали бы ее руки, не текли слезы. Но это бесчеловечно долгое ожидание конца, связанной, с петлей на шее, осужденной всеми и никем. Так мало хорошего видела в жизни, но так не хотела с ней расставаться. Тело холодело.

Птицы мчались по небу. Ветер дотрагивался до лица

сквозь мешковину. Она закрыла глаза, голова склонилась набок, точно она заснула. И видела воочию картины: ветер, птицы, небо... Они никуда не исчезали. Они продолжались. И вся красота этого мира не исчезала, сосуществуя с уродством равнодушия.

Тяжко давило ожидание боли. Лицо искажалось от плача и странной улыбки, но никто этого не видел. Чего же они хотели увидеть? Что так привлекало их в созерцании смерти незнакомых враждебных чужеземцев? Что так отталкивало в смерти близких? Разве иная это смерть? Возможно, кто-то заслужил злом. Кто-то заслужил, а она... Что она? Кто?

Ни разу не убила на пиратском корабле, только драила и смолила палубу. Но на неверном корабле, неправильном, преступном. После кораблекрушения уцелел только старый капитан и она, безвестная девчонка. Так их и схватили.

Теперь она безвольно обвисала на веревке, сцепляя пальцы вывернутых за спиной рук.

И вот послышался финальный отсчет стражников. Скорее! Нет! Постойте! Нет! Скорее... Лишь бы уже кончилось это невозможное ожидание боли и исчезновения. Нет! Не смейте! Не надо!

Но кто же слушал зов бунтующей и трепещущей души? Палач, не испытывая никаких эмоций – ни сожаления, ни даже ненависти – нажал на рычаг. Вот и все! Конец!

Мыслей не стало. Даже страх исчез. Веревка должна была натянуться, открылся люк. Падение... Казалось – смерть...

Только!

О чудо!

Веревка была перерублена, девушка упала под эшафотом, уперлась головой в землю, выгибаясь, точно червяк, и проворно встала. Рядом грузно рухнул второй осужденный, охнув и удивленно выругавшись. Но мешок на голове все еще не давал увидеть то, что произошло. Кто-то схватил за огрызок веревки, дернул куда-то из-под эшафота.

Сумеречный Эльф улыбнулся: да, девчонка не ожидала.

А он пока старательно отвлекал охрану, устроив драку, напав на тюремщиков. Он никого не убивал, но старался привлечь как можно больше внимания, пока Сварт, почти невидимый, выводил из-под эшафота узников, держа их бесцеремонно за обрубки веревок, таща за собой, точно скот.

Второй осужденный едва успевал, только охал и ругался. Девушка, все еще не понимая, что произошло, послушно бежала следом, в проулки. Вскоре за ними тоже бросились в погоню стражники. Но Сварт успешно уклонялся от выстрелов отстающих преследователей. Револьверы не помогали им достать беглецов в сплетениях дворов.

Сумеречный Эльф тем временем упрямо сражался, не давая спуску нападавшим, раскидывая стражей порядка. Основной проблемой оказался именно он.

Вскоре он тоже вырвался из толпы, разбросав врагов, кинулся в противоположную от беглецов сторону. Большинство преследовало его, но все же некоторая часть бросилась

в погоню за осужденными. За Свартом не успевали, он запутывал следы по проулкам, точно лесной зверь, таща свою новую команду на импровизированных поводках.

Вскоре за спиной раздались выстрелы, Сварт метнулся в проулок. Девушка пригнулась, а полноватый пират не успел...

И жизнь его завершилась там, в Городе Острых Камней, не на эшафоте, а при попытке побега. Все-таки почти в борьбе. Он не успел понять, почему и как. Так же не осмыслял, когда лишал жизни других.

Сварт отпустил веревку и даже не обернулся. Для него слишком мало стоила человеческая жизнь, он лишь досадовал, что за такие старания получили всего одного члена команды.

Внезапно стражи порядка перегородили узкий проулок. Тогда Сварт сжал нож, отпустил на миг девушку, которая неловко упала от неожиданного выража.

Капитан кинулся вперед, ноги легко отталкивались от мостовой, тело послушно двигалось. Столь стремительно, столь великолепно – он восхищался собой. Своей беспощадной ловкостью. Хватило и ножа, одного дешевого плохого ножа.

Он готовился убить троих за пару секунд. Троих молодых людей. Три жизни, три разные судьбы, три цели, три души, заключенные в тренированные тела. Которые так хотели жить.

Страж Вселенной содрогнулся:

– Нет! Не такой ценой!

Сумеречный Эльф бежал по подворотням, налетая на стены, отталкиваясь от них, отвлекая охрану. Он увидел не глазами, что намеревается совершить Сварт, и закусил губы, мучительно мысля: «Зачем же я тебе помогаю? Да. Я ведь тоже убийца, когда я темный. Но... Нет! Не такой! Нет, Сварт, не в этот раз! Раз уж я вмешался в эту судьбу!»

Он внезапно остановился, запыхавшиеся стражники окружили его. А он только усмехнулся, картинно послал воздушный поцелуй и с издевательским реверансом испарился. Преследователи опешили и принялись простучивать стены. Кое-кто даже землю пощупал – никого.

Конечно, никого, ведь Сумеречный Эльф уже оказался на совершенно другой улице между Свартом и стражниками. Поймал и выкрутил руку пирата, который от неожиданности и возмущения зашипел, как змея. Успел.

Стражники прицелились, осознав, что враг у них за спиной, однако Сумеречный Эльф резко выбил у них винтовки и оглушил всех троих. Но не убил... Не убил и не позволил совершиться убийству.

Сварт вскочил и хотел их добить, однако Сумеречный Эльф забрал у него нож, оказавшись еще более стремительным, и прямо в лицо разгоряченно гаркнул:

– Достаточно одной жертвы!

Сварт еще больше зашипел, впрочем, времени для раздумий оказалось немного. Дозорные отстали, однако обыски-

вали город. Теперь их целями являлись двое злоумышленников более высокого уровня, чем пойманные ранее неудачники-пираты с разбившейся шхуны.

Когда беглецы покинули черту города, Сумеречный Эльф взял нож и разрезал веревку на руках девушки. Она немедленно скинула с шеи мешок и «поводок». И наконец-то увидела, кто ее вытащил. И неожиданные спасители увидели ее веснушчатое лицо и лохматые косички.

Сварт обескураженно и в высшей мере презрительно скривился:

– Ребенок? Кого я вытаскивал! Зачем!

Сумеречный пожал плечами:

– В любом случае, пойдём отсюда. Надо добраться до шахты.

Девчонка оказалась с характером, нахмурила брови и немедленно ответила, выпрямившись:

– Никакой я не ребенок! Мне почти пятнадцать! Господин! Клянусь, отныне я буду служить вам верой и правдой за мое спасение!

Она слегка поклонилась. Сварт немного удивился. Впрочем, времени для размышлений действительно не было.

Узкими улочками они окончательно выбрались из города, не попадаясь стражникам. Девчонка – тощенькая, с короткими пегими волосами и зелеными глазами – передвигалась бесшумно и осторожно, как настоящий вор или шпион, так что Сварт все-таки задумался, что она, возможно, не так уж

бесполезна. Хотя бы не беспомощна. А то, что на ней висели какие-то нелепые обноски в виде коротких бриджей и жилета – мелочи. Они выглядели не лучше. Она не задавала вопросов и не металась в панике – это главное. Сварт оценил, пока они пробирались по кустам и бурелому.

Мимо плыли темнеющие кущи, город оставался в стороне, все дальше и дальше. Беглецы скрывались за валунами, путая след. Стражники искали их в другой стороне, Сумеречный Эльф направил их по ложному пути.

Наконец все они добрались до заброшенной шахты за чертой города. Она высилась разверзшейся пастью заснувшего исполина. В туннелях давно обрушились перекрытия, кое-где ржавели брошенные вагонетки, под ногами во тьме проступали сквозь камень рельсы. Спуститься вниз все равно не удалось бы, а на поверхности получалось что-то вроде неплохой сухой пещеры. Там и укрылись беглецы.

– Все, оторвались, – выдохнул Сумеречный Эльф, снимая маску. – Переоденемся и завтра будем драпать в другой город. Вроде нас не запомнили.

– Как тебя зовут? – строго обратился Сварт, тоже снимая маску, недовольно стирая пыль мешковины с лица.

– Стрен Дж. Мани, господин! – преданно посмотрела в его глаза девушка.

В тусклом свете полумесяца ярко пламенели ее растрепанные косички. Она сама казалась маленькой феей, случайно попавшей в недружелюбный мир людей из-под сени Боль-

шого Дерева.

– Добро пожаловать в команду Капитана Сварта Иренга, Стрен Дж. Мани, – отозвался сдержанно капитан и добавил: – Отныне ты подчиняешься моим приказам!

– Есть, господин! – выпрямилась девчонка.

Преданность, с которой она глядела на своего нового капитана, поражала. Он слишком не привык к преданности, только к рабской покорности.

– Тихо, – предостерег Сварт, опасаясь, что звонкий голосок Мани выдаст их.

Она радовалась. Столько надежды в ней засветилось, как будто ждала она этого всю жизнь.

– А как зовут того господина? – намного тише спросила она.

– Привет! – выглянул из-за спины Сварта Сумеречный Эльф: – Я старпом Сумеречный Эльф.

Сварт демонстративно закатил глаза:

– Никакой он не старпом! И вообще... Отставить разговоры.

Эльф закивал:

– Есть, есть... Капитан! Без корабля.

Мани с интересом поглядывала на Сумеречного. И только хлопала глазами, не понимая, в чьей же компании теперь очутилась. Но жизнь с десяти лет мотала ее по самым разным местам, чаще всего, кораблям. Куда еще могла податься последняя уцелевшая девчонка из рыбацкой деревеньки?

Она знала море, ее вел соленый ветер. Эпидемия, выкосившая всех ее родных и друзей, не оставила выбора. Она помнила, как бежала и бежала. Она до сих пор бежала, в который раз чудом уклоняясь от жадных когтей смерти.

Сумеречный Эльф считывал ее мысли, ее прошлое. И сожалел, что не имел права вмешаться тогда. Но хотя бы вовремя подоспел теперь.

Тем временем уже смеркалось. Но костер они не разводили, решив наутро отправиться в соседний город. Пока сидели в темноте возле шахты, спали поочередно. Вернее, Сварт опять маялся от бессонницы.

Сумеречный Эльф демонстративно похрапывал, а Мани, ощутив себя в относительной безопасности, свернулась калачиком возле него и сладко дремала, как котенок. Но на свою смену караула просыпалась быстро и охотно, как новобранец, преданный своему делу.

Сварт наблюдал за ней, делая вид, что спит. Мани старательно вглядывалась в ночную тишину, внимательно прислушивалась, кусая губы. Внезапно, ближе к рассвету, окликнула шепотом капитана:

– Господин! Кто-то приближается!

Сварт ткнул локтем Сумеречного Эльфа, который на самом деле тоже не спал.

Команда беглецов осторожно приблизилась к выходу из шахты и прислушались. Мани не ошиблась.

Несколько черных силуэтов двигались со стороны города

и тащили нечто извивающееся за собой. Нечто с заткнутым ртом и связанными руками, в нелепых широких брюках и пиджаке с оторванными рукавами. Наконец злоумышленники достигли шахты.

Сварт и его новая небольшая команда выглянули из-за вала, что скрывал их. Тени кинули свою жертву и с грубыми ругательствами поинтересовались, развязывая пленнику рот:

– Последний раз спрашиваем, мерзавец Скерсмол, где наши деньги?

В подтверждение слов они несколько раз от души пнули по ребрам своего пленника.

– А-а-а!!! – взвизгнул длинный силуэт: – Я... Я все верну! Дайте мне еще пару дней! Пожалуйста!

Некий Скерсмол дрожал, стуча зубами, и, судя по всхлипываниям, почти плакал.

– Может, спасем его? – шепнул Сумеречный Эльф.

– Это ничтожество? – вздохнул Сварт, прищипнув. – За чем?

– Человек все-таки... – пискнула Мани.

– Отставить разговоры! – шикнул на нее Сварт.

– Человек же! – упрямилась она.

– Молчать!

– Но ведь человек! – не унималась она.

Сварт приставил к ее горлу нож, но она только сдвинула решительно брови и повторила:

– Человек!

И капитан понял, что ее просто так не запугать. Из-за облаков вышел полумесяц и слегка осветил лицо девчонки. Сосредоточенное и отважное. И зеленые глаза ее сверкали, как у маленькой упрямой кошки.

Тем временем бандиты повалили Скерсмола и увлеченно пинали, осыпая ругательствами, затем подняли за длинные черные волосы:

– Где наши деньги? А? Отвечай, рыбий потрох! Ты клялся вернуть свой карточный долг еще в прошлом месяце! И где?! Где?! Не слышу!

– П-п-пожалуйста! Я у-у-се верну... Я... – скулил, утопая в слезах и соплях, Скерсмол, выплевывая кровь.

Он в панике рассматривал мир вокруг и тогда же заметил команду Сварта, прячущуюся за камнями. Взгляд его остановился на миг, лицо дрогнуло слабой надеждой, но бандиты тут же обернулись, решив, что по их души пришли стражники. Однако заметили наблюдателей, свидетелей, и кинули пленника.

Не оставалось выбора. Сумеречный Эльф шепнул Сварту, слегка вздохнув:

– Даю добро. Убивай.

– Еще бы я у тебя разрешения спрашивал!

Сварт принял боевую стойку и готовился к броску. Похоже, он позабыл, что в руках сжимает паршивенький ножик, а не шикарные сабли.

Бандиты приближались, один выхватил револьвер, другой заточку. Сварт глянул на них, а на лице его возникла яростная улыбка, глаза исчезли за черной тенью, только новые очки, надетые в шахте, зловеще поблескивали безукоризненно круглыми стеклами.

Бандиты переговаривались, с гоготом обращаясь к незнакомцам, спрашивая, скорее издеваясь:

– Эй, очкарик! Кто такие? Что здесь забыли?

Они и не догадывались, на кого не посчастливилось им наткнуться в эту ясную теплую ночь. Как будто не заметили переполоха, вызванного побегом висельников. Похоже, не могли представить, что кто-то скрывается в их излюбленном месте расправ.

– Да, у нас тут дела, – сдержанно ответил Сварт, сгорая от предвкушения кровопролития. Ему очень хотелось погрузиться над этими ничтожными слабаками, потешить свое самолюбие.

– Ах-ха-ха! Зачем вы спрашиваете? – гаркнул один из молодчиков. – Мы все равно их уьем!

– А потом разделаемся и со Скерсмолом! Слышишь, трусливый урод, срок вышел!

Четверо бандитов приближались аморфными силуэтами. Кто тощий, как жердь, кто бесформенный, как тесто. Все носили засаленную одежду, и от каждого несло перегаром. Сварт поморщился, оценивая – нет, сухопутных крыс в команду он брать не стал бы никогда. Да еще таких ничтож-

ных. Один из них выстрелил – промазал, пуля даже близко не пролетела. Похоже, от девчонки Мани и то было бы больше толку. А эти типы давно пропили свои куриные мозги.

Сварт хладнокровно размял пальцы. Презрение, которое он испытывал к новым врагам, сравнивалось только с презрением к червям. Стекла очков Сварта мерцали во мраке, ловя синие отблески полумесяца. Он неторопливо протер эти новые очки. И только тогда приготовился атаковать, непринужденно уклонившись от двух новых выстрелов. А потом ржавый револьвер у врага заклинило.

– Ату его! – крикнули враги, когда поняли, что остались без огнестрельного оружия.

Сварт сощурился. Бандиты нападали сразу вчетвером, однако капитан и не думал использовать нож. Одного он резко ударил под дых, другого ребром ладони по шее. До третьего добралась Стрен Дж. Мани.

Затратив больше усилий, чем следовало бы, она сначала резко стукнула врага ногой под коленом, потом двумя руками забарабанила по черепушке и, наконец, неслабым хуком слева вырубил, очевидно, даже выбив зуб. При этом оказалось, что это был как раз бандит с револьвером, который Мани немедленно забрала себе.

Сварт глянул на ее работу и даже одобрительно кивнул. Мани открыто улыбнулась, практически засветилась. Своих противников Сварт не убил, то ли из чувства противоречия перед Сумеречным, то ли от их ничтожности.

Сумеречный Эльф остановился напротив последнего бандита, тощего рябого паренька, который, увидев, какая судьба постигла его корешей, с ужасом выставил перед собой заточку. Ножик дрожал в похолодевших неверных руках. Сумеречный приподнял брови и угрожающе рассмеялся:

– Да я тебя на одну ладонь положу, другой прихлопну!

– А-а-а! – заголосил в панике бандит.

– Не уйдешь! – выскочила с гиканьем Мани, но ее опередил Сварт, походя оглушив последнего бандита.

– Капитан! Капитан! Вы великолепны! – проговорила Мани. И вовсе не из страха, совершенно честно. Отчего Сварт снова очень удивился.

– Надеюсь, они не запомнили наших лиц, – протянул он.

– Им никто не поверит. Они сами бандиты, – пожал плечами Сумеречный Эльф. – А этот тоже, кстати, с законом не в ладах.

Они подошли к пленнику, который, как гусеница, дернулся, сел и испуганно посмотрел на ненадежных спасителей. Сварт приставил к его горлу нож и спросил:

– Теперь назови хотя бы одну причину, по которой я должен тебя не убить.

Скерсмол нервно сглотнул, отчего кадык прошел вдоль тощей шеи, как подъемник. Его лицо показалось знакомым, впрочем, скорее он был на кого-то похож. У кого-то Сварт уже когда-то видел такой же узкий длинный нос, худощавые скулы и сальные черные патлы до плеч. У какого-то пирата.

Не припоминал, у кого именно. Впрочем, это не волновало.

– А-а-а! Пощадите! – завизжал трусливо Скерсмол, и сходство с кем-то знакомым исчезло совсем, а потом торопливо затараторил: – Вы же пираты, да? Вы... Команду новую набираете? Да? Те самые пираты, которые сегодня на площади...

– Много говоришь! – приставил плотнее к шее нож Сварт.

– А-а-а! Я! Я! Я! У меня есть способность «подарка асуров»! Я могу быть навигатором!

– Так... Вот это уже интереснее. Почему ты тогда попался со способностью «подарка асуров»? – немного отодвинул клинок Сварт.

– Я... Моя способность бесполезна в бою! Но... Но зато я чувствую землю!

– Как докажешь? – продолжал допрос Сварт. Он не очень-то верил в то, что такой трус получил бесценную раковину со дна морского, в которой находится жемчуг асуров, дающий способности. Таким могли похвастаться только самые отважные мореплаватели.

– Пару дней назад вы ели кролика! Вы и тот господин! – сказал первое, что заметил, Скерсмол, затем продолжил, понимая, что определение запаха кролика и навигация не слишком-то связаны: – Сегодня западный ветер, влажность воздуха около пятидесяти процентов. Ближайший город в двух днях пути на север. Ближайшие острова: на юге – в трех днях пути на корабле, на востоке – в пяти днях пути на ко-

рабле при среднем ветре.

Сварт задумался, сам определил ветер, расшевелив свои знания в области географии и навигации. Скерсмол не ошибался. Но веры ему все равно не прибавилось.

– Что ж, – задумался Сварт и перерезал веревку пленника: – Скерсмол, отныне вы являетесь членом команды капитана Сварта Иренга и выполняете только мои приказы.

Скерсмол встал и вытянулся по струнке, подняв преданно голову:

– Есть, господин!

Но Сварт навис над ним, хотя они были примерно одного роста, оба длинные и жилистые. Скерсмол скорее тощий и очень сутулый.

– Если твои способности – выдумка и ты никакой навигатор, я уничтожу тебя. Только дай повод! – недоверчиво и предостерегающе прошипел Сварт.

– Не врет же! – раздался голос Сумеречного Эльфа, который затем довольно констатировал: – Ну, вот, видишь, у нас уже целых два члена команды! И, заметь, совершенно бесплатно.

– Да... Еще бы за них деньги платить, за таких-то... – глянул Сварт на вновь улыбавшуюся Мани и растерянного Скерсмола.

Сумеречный Эльф только считывал удивление Сварта и его отрывистые мысли. Капитан пока не собирался уничтожать новоявленную команду. И на том ему большое спасибо.

«Я ненавижу людей. Меня не смущает звание мизантропа. Но именно эта ненависть помогает мне жить и спокойно реагировать на все их самые мерзкие проявления. Самые подлые. Я просто от них ничего не жду хорошего. Никогда не ждал. Этих тоже ненавижу, видимо. Будут бесполезны – убью...» – подумал с какой-то невыразимой звериной тоской Сварт, когда с наступлением рассвета они снова отправились в путь, проверяя, нет ли за ними погони. Но, похоже, никто пока не вспомнил о шахте за городом, а бандиты не очухались.

Теперь они направлялись в другой город, находившийся на противоположной стороне островка. Скерсмол и Сумеречный, не стовариваясь, определили, что следующий пункт назначения в двух днях пути на север. Сварту пришлось поверить на слово.

– Будем надеяться, что погони нет, – несмело вздохнул Скерсмол, робко глядя на капитана, который не реагировал на бесполезные замечания нового навигатора.

«Надежда – отличное чувство. Жаль, что мне совершенно не знакомое», – подумала в свою очередь Мани, отводя взгляд. Но улыбалась, не притворно, искреннее: она радовалась тому, что жива.

Скерсмол с меланхоличным выражением лица, точно печальный философ, медленно осознавал новый поворот в своей судьбе. И, в целом, считал его не таким уж неудачным. В конце концов, ничего ему не светило на этом острове, тем

более, в покинутом городе. А жизнь пирата не так уж страшилась, как будто он уже был знаком с ней. Когда-то... Или из-за кого-то. Сумеречный Эльф точно знал, из-за кого, но пока не пришло время поведать Сварту всю правду о новой команде. Не было смысла, пока он пестовал свою безотчетную ненависть.

Грядущее готовило много странных поворотов, половину из которых не видел даже Страж Вселенной. А пока путники шли среди нового рассвета.

Глава 16.

СЕКРЕТ БАНДИТОВ В СТЕПНОМ ГОРОДЕ

На степной город надвигалась, как туча саранчи, свора бандитов. Точно бешеные койоты, они гнали своих лошадей.

Риппер и Ванесса, пригнувшись, выглянули из окна: жители в панике разбежались, прятались кто в домах, кто в подвалах. Некоторые пытались сбежать прочь из города. Хозяин салуна куда-то понесся наискосок по улице, прикрываясь упавшей от топота копыт ветхой вывеской.

А бандиты вползали в город черным мором. Первым они убили лаявшего на них рыжего пса у одного из домов, затем очередь дошла и до людей. Двое убежавших крестьян в запыленной одежде стали случайными жертвами бессмысленной жестокости.

Выстрелы доносились все чаще. Несколько смельчаков из

города пытались дать отпор, вооружившись охотничьими ружьями и вилами.

Позднее всех жителей подоспели побитые кореша чернобородого. Началась настоящая перестрелка, бандиты рассыпались среди улиц, находя себе укрытия за ящиками и телегами.

Ватага чернобородого немедленно заняла несколько верхних этажей в ближайших зданиях, вели огонь оттуда. Дым от выстрелов поднимался в небо, сливался с душным сухим ветром степей, оседал пороховой пылью на колючих телах гигантских кактусов вдалеке, среди красных скал, где бродили дикие звери – койоты и рыси, а орлы-падальщики искали себе пищу и мало чем отличались от здешних людей.

– Собирай свой арсенал. Это ведь не твоя банда? – вкрадчиво обратился Риппер своим поскрипывающим разбитым голосом,

– Да, я не знаю этих ублюдков, – отозвалась не менее вкрадчиво Ванесса, яростно щуря бирюзовые глаза, точно пума на охоте.

– Неудивительно... – поправил шляпу Риппер, накидывая пончо и проверяя револьверы.

Крутанув барабаны и пересчитывая патроны, он убрал их в кобуры, пока не готовясь стрелять. Ванесса, напротив, торопливо распределила арсенал по своей одежде, но револьверы не убирала.

Перестрелка на улице становилась все более ожесточен-

ной, неизвестные бандиты значительно превышали по числу людей чернобородого, который уже понес потери.

Но первыми, конечно, были убиты обычные жители, не побоявшиеся встать на защиту своего города. Песок на дороге окрашивался алым там, где они упали. Упали, но не сдались, не убежали, не спрятались.

Риппер со странным спокойствием рассматривал, как умирают люди, спокойствием, если не сказать больше – восхищением. Нет, он не желал никому гибели, не хотел и сам погибать, если это, конечно, вообще грозило, в чем Ванесса начала сомневаться еще с тех пор, как он совершенно без последствий перенес удар по голове.

«Все-то люди живут, суетятся... А потом приходит смерть. Самое торжественное событие в их жизни, хоть они даже не догадываются об этом. Каждый свиток должен иметь завершение, иначе он не имеет смысла», – размышлял Риппер, спускаясь по лестнице вниз, готовясь к перестрелке. И он улыбался.

Ванесса пыталась сбежать, кралась за спиной, считая, что о ней забыли, но спутник резко преградил ей путь, сказав вкрадчиво:

– Если не хочешь умереть, не советую вылетать первой. Это не просто бандиты.

С этими словами он вышел на улицу, распахнув коротенькие двери покинутого владельцем салуна. Пончо взметнулось, как плащ, когда Риппер вытянул руку и выхватил ре-

вольвер. Казалось, медленно, неспешно и плавно. Тело его двигалось стремительно, почти неуловимо для человеческого глаза. Он только вскинул оружие – выстрел уже убил наповал одного из негодяев, который целился в мирного жителя.

Бандит на миг подпрыгнул, как от жала пчелы, вскинул руки. А потом выгнулся, откинув голову набок, точно сонная лошадь, закатывая глаза с приоткрытым от боли и удивления ртом. Он замер на песке, упав на бок. Кровь только слегка стекала в пыль, окрасив клетчатую рубашку. Риппер рассматривал мертвого человека.

– Если не обычные бандиты, то кто? – удивилась Ванесса, тоже найдя себе цель. Она попала в прятавшегося за телегой врага, правда, не убила его, только ранила.

Она выругалась, и второй выстрел немедленно завершил начатое. Ванесса недовольно скривилась, досадуя, что приходится тратить больше одного патрона.

Расстояние до телеги было немалое, но стрелять она училась с раненого детства, братец Джей не давал ей иных игрушек, кроме револьверов.

Риппер подошел к убитому бандиту вплотную. Он спокойно рассматривал чужую смерть, рассуждая: «Мы, древние хранители, вовсе не убийцы, мы только прекращаем агонию. Да, именно так. Порой мы завершаем свитки. Правда, сейчас я исполнил обе роли».

Он не сожалел об убийстве и не воспринимал его, как убийство. И вообще жизнь для него была скорее условно-

стью, необходимостью, долгом и, может быть, развлечением, ведь они, хранители в образе проекций, вряд ли по-настоящему жили.

Хотя на этот раз он «нырнул» слишком глубоко в свое человеческое тело и ощутил вполне реальную боль, когда плечо царапнула случайная пуля. Он не испугался, не ощущая смерть как смерть. Но мысли о Ванессе отрезвляли, возвращая к реальности.

Риппер злился на себя за странные периоды сна наяву: проекция все-таки временами давала сбой. Где-то на ветвях Большого Дерева застыл мастер Вейяча. Почти безжизненный, он изошел в проекцию, в это человеческое тело, искусный наряд для духа. И с каждым мигмом все больше вживался в роль. Уже не доносились мысли Ванессы, и события настоящего воспринимались как реальность, а не как чтение свитка. Да и творилось вокруг такое, что невозможно было игнорировать и отстраняться.

Риппер снова вскинул оружие: на этот раз бандит целился именно в него. К изумлению Ванессы, скрывавшейся за выступом веранды, после совершенно меткого выстрела, поразившего сердце, враг не упал немедленно. Он даже не пошевелился, стреляя в ответ, но Риппер ловко уклонился, впрочем, не с такой легкостью, как обычно.

– Асуры, – мрачно заключил Риппер и выстрелил еще раз, уже попадая метко в лоб.

Враг зашипел. Вместо того, чтобы выгнуться и упасть, он

внезапно почернел и весь как будто загорелся огнем, превращаясь в пыль, пепел. Вскоре от него ничего не осталось, кроме пустой кобуры и обугленных сапог.

Риппер выпрямился, повернулся к Ванессе, которая с оторопью глядела на место исчезновения врага. Она подняла глаза, Риппер ответил на ее немой вопрос:

– Асуры! Часть из них асуры. Пришли меня уничтожить. И тебя, если ты так хочешь отобрать у них книгу Аманды Вессон.

– Ха! Пусть попробуют! – не потеряла самообладания своевольная спутница: – Пусть! Я отомщу за брата, даже если придется проучить асуров!

– Тогда стреляй в сердце и в голову. Только так их можно убить. И только из моего оружия, – подошел к ней Риппер и щедро отдал один из своих верных револьверов.

Ванесса с недоверием торопливо приняла оружие. Револьвер оказался очень холодным и очень тяжелым, как меч. От него исходил точно могильный хлад, но вскоре рука привыкла. Его хозяин, правда, не сказал, как отличить демонов от простых бандитов. Вероятно, распознать их мог только он.

Между тем основная перестрелка приближалась, банда чернобородого отступала. Ее теснили все напозавшие, как волны цунами, враги. Даже снайперы с винтовками, занявшие верхние этажи, были убиты, будто противники точно знали их расположение.

Некоторые из врагов двигались неестественно быстро, подскакивали с легкостью на высоту трехэтажного здания, но этого никто не замечал, стараясь спрятаться за телегами и в проемах выбитых окон. Вскоре люди только изредка выглядывали из укрытий, экономя патроны. Там и здесь на улице лежали неподвижные тела. Асуры теснили обычных горожан, даже тех, кто умел обращаться с оружием. Одним из первых в неравном противостоянии пал сам шериф.

Мирные жители с ужасом затихли в подвалах и сараях, не зная, чем вызвана такая жестокость по отношению к ним, почему бандиты желают истребить их.

Ванесса решила, что скрываться за углом веранды занятие неблагодарное, и выскочила, короткими перебежками между укрытиями следуя за Риппером.

Она находила себе цели, однако асурами из них никто не оказывался. Рука быстро привыкла к оружию Риппера, который неторопливо продвигался вперед. Он просто шел, плавно и неслышно переставляя длинные ноги. Его пытались достать пули, но он хладнокровно уклонялся. На лице его застыла ухмылка – верный свидетель его жажды борьбы. И помимо уклонений от пуль он посылал ответные.

Ему хватало всего одного револьвера. На время перезарядки он исполнял невероятный танец, балансируя между летящими пулями, извивался, как змея, на месте. Ему нравилось не защищаться, а гулять по остро отточенной грани. Только Ванесса требовала защиты и напоминала, что тело

собственной проекции не так сильно, как облик дракона.

Несколько раз он приближался к Ванессе и оттолкнул ее пару раз от летящих в нее пуль. Ох! Этот свиток с красным ободком. Слишком короткий. Но не этот день обрывал его.

Похоже, Риппер спас ей жизнь раз семь или восемь. Он сам сбился со счета. Но Ванесса старалась и ловко уничтожала бандитов из людского племени.

Все его цели, в которые она не попадала, оказывались асурами. Они напозлали на Риппера, шипели, подскакивали, как в каком-то страшном ритуальном танце. Но он хладнокровно уничтожал одного за другим, прерываясь только на перезарядку револьвера. От него никто не ушел. И не сходила с его лица странная усмешка, спокойная и яростная.

Вскоре Ванесса отвечала такой же улыбкой. Ей удалось уничтожить из зачарованного револьвера двоих асуров. Но вокруг еще кишели орды врагов.

И вот они достигли самой гущи борьбы. Там уже стоило спрятаться даже искусным стрелкам. Пули носились, как осы из растревоженного улья.

Риппер и Ванесса яростно отстреливались, считая патроны, но их оставалась все меньше на кожаных поясах.

– Проклятье! – выругалась Ванесса, едва не лишившись головы.

Риппер сгреб ее в охапку, но сам схватился за ногу. Ничего, царапина, просто царапина. Но боль с каждым мигом все настойчивее вводила от драконьего тела, далекого и как

будто чужого.

Вдвоем они скатились в какой-то пыльный овражек, яму возле главной улицы, образованную эрозией почвы. Теперь она послужила неплохим окопом. Но враги все равно сновали мимо, подстерегали на крышах. Ванесса метнула в кого-то отточенную звездочку. Бандит, охнув, рухнул с веранды банка.

А она довольно ухмыльнулась и спросила, взглянув почти с восхищением на Риппера, который двумя меткими выстрелами поразил целых три цели:

– Так как тебя зовут?

– Не лучшее время для вопросов. Я же говорил – Риппер...

– А имя? На всякий случай. Если придется тебя хоронить.

Они обменялись многозначительными взглядами. Риппер отвел глаза: раскрытие имени было новой ступенью в колодец невозвращения:

– Гриф. Гриф Риппер.

– Что ж, Гриф, сработаемся! – улыбнулась она.

А он, глядя на нее, терял свое неизменное слегка рассеянное улыбающееся выражение сурового и скорбного лица.

И они снова стреляли. Гриф Риппер вылетел из окопа, взметнулось пончо. Он целился в главаря, который оказался асуром. Скорее всего, асуры приняли обличье тех, кто был раньше в этой банде. А самих бандитов уничтожили, слившись с ничего не подозревавшими остатками неизвестной

шайки.

Жестокость к жителям была спровоцирована, чтобы выкурить самого Грифа. Их главную цель. Он принес разрушения. Но он был равнодушен к людям, равнодушен к их страданиям. Почти. Он считал смерть неплохим избавлением от этих мучений. Но все-таки.

Главарь шайки оказался силен. Высоченный мускулистый асур ухмылялся, целясь в Риппера из мощной винтовки. И сам уклонялся от метких быстрых выстрелов противника, который не менее ловко уходил от крупных пуль, способных пробивать тонкие стены.

Ванесса заметила, что в спину ему уже целится другой бандит, а Риппер был слишком поглощен ожесточенной борьбой с главарем. Она не растерялась ихватила вторую метательную звездочку, чтобы не привлекать лишнего внимания и не поднимать шума, пока затаилась в окопе. Она метнула мгновенно свое грозное оружие, тут же скрываясь за углом дома. И явно была довольна тем, что в какой-то мере вернула должок за свои восемь спасений Грифу. Она так ненавидела быть кому-то чем-то обязанной, даже когда был жив брат. Риппер еще улавливал ее чувства. Чувства свитка, который помог ему сбежать. Но реальность все больше отвлекала, требуя предельной концентрации.

Главарь-асур все стрелял из винтовки, Риппер скрывался в продырявленном насквозь множеством пуль салуне. Всей его скорости и мастерства не хватало, чтобы одним выстре-

лом достать асура, ведь враг изворачивался так же нечеловечески ловко и стремительно, как дракон-проекция.

Риппер судорожно пересчитывал патроны и следил за Ванессой, словно мешавшей самим своим присутствием, необходимостью ее защищать. А мог бы и не защищать, но он ненавидел оборвавшиеся свитки, ненавидел тех, кто вырывал страницы. Да и Ванесса была особым случаем. Даже если он не хотел признаваться себе в этом. Почему именно ее незамысловатый свиток? Свиток с красным ободком. Точнее, кровавым, учитывая, как бойко дрянная девчонка косила противников.

Но времени размышлять катастрофически не хватало. Ванесса бросилась наперерез главарю, пытаясь подстрелить его из револьвера Риппера. Скорость ее почти сравнялась со скоростью асуров, но все-таки она оставалась человеком.

– Ванесса!

Глаза Риппера расширились, когда он увидел, как взметнулась винтовка. Он должен был превзойти самого себя, опередить, предотвратить непоправимое. Иначе он не представлял, иначе он не простил бы себя. Себя? О себе он не думал.

Ванесса готовилась стрелять, но враг уже нажимал на спусковой крючок. Риппер с диким рыком дракона бросился наперерез, зная, чем грозит ему этот рывок.

Он сбежал с дерева, чтобы отыскать свитки, он ушел ради всего мира и не мог рисковать. Так говорил себе, но все эти сухие обещания рассыпались, когда главарь вскинул винтов-

ку.

Риппер сбил с ног Ванессу, отбросив ее в сторону. Она кубарем откатилась за перевернутые ящики, только отчаянно вскрикнув:

– Гриф!

Поздно. Слишком поздно. В этот миг главарь выстрелил, и пуля нашла свою цель...

Глава 17.

ЛУЧШИЕ БУДУЩИЕ ВРАГИ

Пуля нашла свою цель. Но Риппер был не настолько неопытен, чтобы позволить убить себя какому-то асуру. Слишком много битв прошел. И все же едва не лишился головы.

Пуля прошла навывлет через правое плечо. На миг в глазах потемнело, сквозь эту муть доносился голос Ванессы. Голос, такой сладкий, взволнованный, в нем не оказалось ни капли ненависти, ни капли лжи и лицемерия. Не то, что накануне. И он не мог представить, как посмел предположить, что желает пустить ее кожу на пергамент... Нет, Ванесса тонула среди сумерек в глазах. Но, несмотря на боль и упоение отзвуками голоса, промедление оказалось бы губельно.

Риппер перекинул револьвер в левую руку и выстрелил.

Асур увернулся, откатился под ближайшее развороченное взрывом динамитной шашки крыльцо, перезаряжая винтовку. Гриф попытался достать его и там – три пули только заделали доски

Ванессе в это время тоже не приходилось скучать. Он отстреливался от бандитов, которые оставили Риппера для главаря. Асур ненавидел, когда кто-то вмешивался в его ожесточенные дуэли. Тем более, он чувствовал, что столкнулся с самим хранителем зимы.

Вместе с Ванессой отстреливались остатки ватаги чернобородого, который с перекошенным лицом зажимал окровавленный левый глаз, выбитый осколками от взрыва. При этом он сам неудачно применил динамит. Но сейчас это не имело значения.

Какой-то бандит подобрался к Ванессе со спины, вывернул руку так, что пришлось отпустить револьвер Риппера.

– А ты, шалава, пойдешь с нами, – гадливо хохотнул бандит.

– Ладно! Только сперва попробуй это!

Ванесса вывернулась, как угорь, ударив врага локтем в солнечное сплетение. А потом немедленно пустила в ход свои потайные крошечные револьверы. Крошечные, но эффект от них с близкого расстояния не отличался от настоящего оружия. Только отметина на голове убитого едва ли превышала в диаметре мелкую монету.

Враг упал, Ванесса поспешно подняла тяжелый револьвер

Риппера. Короткими перебежками между укрытиями и перекатами она направилась дальше, выслеживать бандитов. Оставалось их немало.

Ванесса старалась не уходить далеко от Риппера, хотя еще совсем недавно хотела сбежать. Но теперь точно его револьвер притягивал к владельцу. Нет, она не могла помыслить даже, что он мог сегодня умереть от шальной пули. Она не могла этого допустить. Объясняла себе это тем, что тогда бы ее долг за спасение от пули главаря не был выполнен никогда. Но на самом деле... Нет, думать не оставалось времени.

Вокруг только свистели пули, приходилось видеть их затылком, ощущать кожей, скрываться, вылетать из укрытия, вламываться в незапертые дома, поспешно прочесывать их на предмет спрятавшихся бандитов. С верхних этажей стрелять было удобнее, но без винтовки они превращались скорее в наблюдательный пункт.

Люди носились по улице стаей мух. На то, чтобы определить, свой это или враг, оставалось не больше секунды. Впрочем, если бы кто-то из банды чернобородого принял Ванессу за противника, она без раздумий пристрелила бы его. Но один из нападавших вдруг показался знакомым.

Риппер вел борьбу рядом и одновременно слышал, как отзывается удивлением сердце свитка с красным ободком: Ванесса заметила, что по улице бежит стрелок из ее банды. Она могла точно вспомнить, что он не предавал главаря. Остатки людей Джея по договоренности должны были ждать ее

за городом, чтобы отправиться мстить прямо в Бездну. За свитком Аманды Вессон. Но... Ванесса окликнула знакомого, а тот поднял голову и немедленно попытался ее убить. Она увернулась, опешив.

– Предатель! – ожесточенно крикнула она и застрелила его, метко попав в шею, практически срубив голову с плеч.

Она не верила в реальность произошедшего. Один переметнувшийся бандит еще ни о чем не говорил, но в ее душе поселилась тревога. Что-то случилось. И она не могла понять, что, почему и с кем.

Реальность была повсюду, ее стало слишком много! Слишком много реальности для мыслей, для переживаний. Реальность вкраплялась лихорадочными кристаллами. Повсюду она – то ли слишком много ее, то ли слишком мало.

Ванесса увидела, как враги ворвались в какой-то сарай, видимо, пытаясь расправиться с мирными жителями, и поспешила туда.

Один несчастный не дождался ее помощи, его семья, жена и двое маленьких девочек, сжались в углу. Мать закрывала детей собой, надеясь, что так хотя бы кто-то из них останется в живых. Она не думала о себе, пусть ей не меньше остальных хотелось жить. Но чье-то беспросветное зло желало уничтожить всех. За что? Зачем?

Ванесса встала за спиной бандита, заслонив черной тенью лучи солнца, и приставила к его затылку свой револьвер. Бандит обернулся, и она снова узнала члена своей банды. Но

только он ее не узнал, в глазах его плясали языки пламени. Более всего он напоминал живой труп.

Ванесса отпрянула. Бандит надвигался точно зомби, готовясь стрелять. Тогда она, не раздумывая, пустила в ход револьвер Риппера. Как он советовал, выстрелила сначала в голову, затем в сердце. И действительно – враг беспомощно взмахнул руками, а затем изошел песком и пламенем, рассыпавшись прахом.

Женщина с детьми в углу была слишком напугана, чтобы понять произошедшее. Она только бросилась к убитому мужу с немymi причитаниями. Даже слез не блестело в ее глазах, только с губ срывались скорбные стоны.

Зато Ванесса остановилась, обескураженная, и прислонилась на минуту к стенке сарая. По щеке ее скатилась слеза, она прошептала:

– Моя банда... Что они сделали с вами? Асуры... Сволочи!

С этим криком она вылетела наружу. Лицо ее превратилось в оскал. Не разбирая дороги, она неслась к широкой улице, где проходила дуэль главаря и Риппера. По дороге она убила еще нескольких асуров, снова узнавая в них бывших своих.

Реальность терялась от осознания произошедшего. От ужаса, боли и гнева. Ванесса сражалась, не замечая, как несколько пуль поцарапали ее правую скулу и левое плечо. Реальность происходила, и не хотелось верить в нее. Только

побег от нее равнялся побегу от жизни. Реальность терялась в гнев. Но неумолимо происходила.

Риппер сражался с главарем асуров, который привел своих приспешников из мира Бенаам, вселив их в стрелков Филлгрев и какой-то другой банды. Личности этих бедовых людей легко разлагались. Асуры без труда вселялись в них, выпивая, точно паук отравленную ядом муху.

Главарь тоже был когда-то человеком, но теперь в нем находился предводитель отряда асуров. И он неестественно быстро стрелял из винтовки, перезаряжая крупные патроны. Риппер скрывался за стойкой в покинутом салуне. Только с треском раздавались ответные выстрелы, только дым от них смешивался с пылью.

Главарь, высоченный, загорелый мужлан в сомбреро, с гадкой ухмылкой приближался. Риппер осмотрительно скрывался за толстой стойкой, невидимый для врага. Только кровавый след от простреленного плеча выдал его. Винтовка снова была заряжена и нацелена на него.

Риппер молниеносно перемахнул через стойку и выстрелил, но враг увернулся. В мире людей ни один из них не мог полностью использовать свою силу. Но сражались они ожесточенно.

Они вылетели на улицу через выбитое окно, там все реже слышались выстрелы. О чьей-либо победе пока не приходилось судить, но в пыли лежало немало трупов и обугленных пепельных останков асуров.

– Хватит прятаться! – окликнул Риппера главарь, когда тот снова стрелял из укрытия. Асур сам подло скрылся за выступом дома. Затаились оба. Теперь все решала скорость. Кто-то должен был выглянуть первым, стремясь к другому укрытию.

Но нет, они рванулись вперед одновременно. И пули столкнулись в воздухе, изменив траекторию. Так нечеловеческие существа позволили проявиться сверхъестественным способностям. Но не более того, не более. Неверная сила увязала в светлых линиях мира. И Риппер – он же мастер Вейяча – искреннее надеялся, что они не почернеют, как в проклятом Бенааме.

– Дуэль на скорость! – предложил главарь, выходя из очередного укрытия, когда их пули снова столкнулись в полете.

Линии мира чувствовали неправильный порядок вещей и начинали мешать им сражаться.

Риппер недоверчиво ухмыльнулся, он предчувствовал западню. Они встали напротив друг друга. Один с винтовкой, другой с револьвером. С минуту неподвижно смотрели, отсчитывали секунды. В этой дуэли не предполагалось условного сигнала. Приходилось ждать, следить за каждым движением врага, за малейшим шевелением мускулов лица, руки, что могла в любой миг вскинуть оружие.

И вот вдруг!

Выстрел!

Гриф Риппер застыл на миг с вытянутой рукой, волосы

его взметнулись, как грива коня, вставшего на дыбы. Дыхание перехватило, на лице не осталось и тени улыбки, скорее напряженная гримаса.

Да, он успел первым! Он попал в сердце врага, но тот оказался подлым. Из-за спины раздались выстрелы, Риппер немедленно обернулся – более мелкие прислужники-асуры.

От их атаки пришлось уклоняться, уничтожать их, но пуль на всех не хватало. А проклятый главарь на какой-то момент застыл, пошатываясь, с пробитым сердцем, из которого вместо крови пошел черный дым. Но, злорадно ухмыляясь, вскинул винтовку.

Тогда Риппер осознал, что просто не успеет давать отпор на два фронта. Он только разделался с засадой, а главарь уже целился в него – не обернуться, не увернуться. Неужели так просто его уничтожат? Здесь? Его, древнего хранителя зимы?

Раздался выстрел.

Вечность повисла на нити ожидания. Боли, исчезновения, падения в небытие.

Раздался выстрел.

Родной, знакомый звук привычных револьверов.

Риппер обернулся: главарь рухнул с обескураженным удивлением лицом: кто, как?

Правда, от лица осталось немного – меткий выстрел выбил половину черепа, выворотив лобную кость, которая отлетела с пулей в неизвестном направлении. Главарь начал

немедленно испаряться.

Тогда Риппер улыбнулся – за поверженным врагом с ожесточенным лицом застыла Ванесса, державшая двумя руками крупный револьвер с гравировкой-черепом. Спутница тяжело дышала, красные волосы растрепались, вымазанные в пыли, как и одежда. Взгляд ее остекленел, но она быстро взяла себя в руки, вновь выпрямилась, побежала к убитому главарю, обыскала его, вытащила все ценности, прихватила винтовку и патроны. Затем обратилась к Рипперу с усмешкой:

– Похоже, я вернула должок.

Гриф многозначительно поправил шляпу дулом револьвера и обнажил клыки. Ванесса определенно отличалась от большинства девушек. Как минимум, она ловко управлялась с оружием самого хранителя зимы.

Бандиты-асуры все еще сновали по городу, но как только разнеслась весть о гибели главаря, они начали поспешно покидать место налета.

Но Ванессу захватила жажда мести. С винтовкой она забралась на крышу здания на окраине и отстреливала оставшихся врагов оттуда. Кто-то падал с лошадей замертво, кто-то – асуры – слетал на землю от удара пули. И на них хватало патронов у Риппера, который не последовал за Ванессой и вел борьбу на земле.

Ванесса заметила немало бывших своих. И их она уничтожала с особой жестокостью, ведь оболочки остались, а лич-

ности исчезли... И от этого ей, их уцелевшему главарю, становилось только больнее. Она нашла единственный выход – уничтожить, чтобы не мучились.

И вот наконец в городе не осталось ни одного противника. Несколько, не больше пяти, уносились вдаль по раскаленной вечерней степи. Сражение продлилось весь день. Никто не замечал, как течет время.

Ванесса намеревалась уничтожить и оставшихся, но с улицы ее окликнул Риппер, когда она в очередной раз вскинула винтовку:

– Стой! Эти пусть уходят! По их следам мы найдем путь в Бездну.

Ванесса неохотно опустила оружие и потерянно застыла на крыше в свете уходящего за контуры гор солнца. В закатном зареве ее волосы отливали раскаленной лавой и ярче проступала чужая кровь на лице и одежде. И всех, кто сразился с асурами, запорошил пепел, как после извержения вулкана.

– Спускайся! – крикнул Риппер, и Ванесса понуро полезла обратно через чердачное оконце.

Уцелевшие жители понемногу выходили из своих укрытий. И как же страшно им было видеть, во что за короткое время превратился их город. Асуры никого не грабили, только убивали. Горожане выползали с опаской. Сначала было тихо, очень тихо, словно никто не уцелел. Но вскоре кто-то заголосил, запричитал... И вслед за ним заплакали осталь-

ные, на разные голоса, каждый о своем – кто об убитых, кто о разрушенных домах.

От этих причитаний по телу пробежали мурашки, Ванесса поежилась. На ватных ногах подошла к неподвижному Рипперу. Теперь она выглядела потерянной, смотрела на него, точно инстинктивно подозревая, что он может знать ответы на все вопросы. Но разве знал он? Все ответы хранились в голове неудавшегося Стража Вселенной. Сбежавший древний дракон лишь читал свитки и отправился в это путешествие, чтобы отыскать пропавшие.

– Те асуры... – хотела рассказать Ванесса, но он не позволил словам беречь свежую рану:

– Да, знаю.

Оба замолчали, Ванесса шла, пошатываясь, как в бреду. Риппер выглядел не лучше. Он убрал револьверы и придерживал онемевшую правую руку левой. Раны в этом теле заживали не так быстро, как на шкуре дракона. Да и оружие у главаря было не совсем человеческое.

Усталые стрелки дошли до развороченного салуна и первым делом заглянули в конюшню – к счастью, их расседланные лошади были в полном порядке, хоть и напуганы. Охота велась именно за людьми. Асуры питались болью разумных созданий, фрагментами измученных душ.

Ванесса погладила свою черную лошадь, Риппер успокоил свою. Все делали молча. Когда вышли из конюшни, откуда-то выполз хозяин салуна с вывеской, очевидно, несколько

раз спасшей ему жизнь своей крепкой толстой древесиной.

Без специальной договоренности Ванесса и Риппер молча поднялись обратно в комнату с красными шторами, где теперь были выбиты стекла. Впрочем, они не замечали этого. Оба ощущали невероятную опустошенность, которая не шла в сравнение с обычной усталостью. Они не желали, чтобы их восхваляли как героев, хотя только благодаря их слаженной работе и волшебным револьверам город спасся. Но ведь бандиты были посланы за Ванессой и Риппером. Не будь их в городе, не обрушились бы на него беды.

Гриф стянул пончо. Рубашка, набухшая от крови, поддавалась с трудом. Он морщился от того, что приходилось смещать медленно восстанавливающиеся мышцы. Ванесса молча, несмотря на немой протест спутника достала аптечку, оказавшуюся в ее скромных пожитках, и не слишком умело перевязала рану.

– Собой займись! Ты же в крови! – пригляделся к ней Риппер.

Тело проекции заживало быстро. Но это не избавляло от неприятных ощущений.

– Царапины, – Ванесса только заметила, что борьба не прошла для нее бесследно.

Когда она безумно уничтожала врагов, казалось, совсем не осталось у нее ни тела, ни души. Только злость и оружие. А большего для убийства не надо. Теперь тело обретало свою прежнюю форму. В нем вновь загорались почти затушенная

душа, разум, боль. Впрочем, боль-то никуда не девалась и раньше, щемящая, разъедающая. Но, что хуже всего, Ванесса вдруг ощутила, что осталась одна-одинешенька в мире посреди жестокой Круны. Никого не стало: ни брата, ни друзей, ни знакомых стрелков из банды. Куда теперь? Она не представляла.

Ванесса поглядела на Риппера, который стоял перед ней. Подошла к нему и внезапно, всхлипнув, становясь на его фоне маленький испуганной девочкой, уткнулась лбом в его жесткую грудь. Осторожно, чтобы не задеть рану, прошептала, ища защиты:

– Гриф, что мне теперь делать?

– То же, что и обычно, – погладил ее по голове Риппер, пространно глядя перед собой, опешив от такой доверчивости.

Мир казался таким прозрачным, словно в нем стерлись все рамки и границы. Между всеми мирами, всеми призрачными запретами долга. Долга перед кем? Вот она, девушка, рядом, просто просила защиты, ответов, участия. Почему он должен был сопротивляться этому – не страсти, но нежности, не желанию обладать, но стремлению быть рядом? А она была такой живой. Живой после целого дня смертей.

– Я всегда знала, что делать. Брат говорил, а после его смерти я знала – надо отомстить. А что теперь? – потерянно шептала Ванесса, приныкая уже щекой, поводя головой, как котенок, трущийся о руку хозяина.

– Ты ведь хочешь отомстить асурам? – приподнял ее голову и пристально поглядел в глаза Риппер.

– Да. И Аманде Вессон. Но асурам сейчас, пожалуй, больше, – ответила она. Взгляд ее стал вновь ожесточенным, сосредоточенным. Из потерянной девочки она вновь превращалась в опасную хищницу. И тем более очаровывала.

– Тогда пойдем со мной, – слегка сдвинул белые брови Риппер, глядя из-под челки.

– Отлично! Хоть в самую Бездну. С тобой, – девушка задорно улыбнулась.

Но все дела оставались на завтра. Усталость после целого дня противостояния брала свое. Они стряхнули стекла с покрывала и скинули запыленную одежду. Они не обращали больше ни на что внимания, даже на свои почти нагие тела. Просто свернулись калачиками друг напротив друга. И немедленно заснули.

Они встали с первыми лучами рассвета и снова почти не разговаривали. Для решения хватило нескольких фраз накануне. Цель представляла ясно, так что после необходимых приготовлений они отправились искать лаз в Бездну. В мир Бенаам. Только каждый со своей целью.

Ванесса подозревала, что Риппер просто так не отдаст свиток Аманды Вессон. Так что он все еще оставался врагом в какой-то мере. Но врагом в будущем, а пока – надежнейшим союзником.

Риппер снова слышал ее мысли, вернее, улавливал движе-

ния чувств. Они отпечатывались буквами на свитке вместе с ударами ее сердца. Слишком плотно переплелись в линиях мира их судьбы.

Возможно, только так удавалось бороться с безумием, которое уготовили асуры, похитив свиток хранителя зимы. И он благодарил Ванессу за это непостижимое спасение. Благодарил и за то, как она сражалась вместе с ним накануне. Они уже не считали, сколько раз друг другу спасли жизнь в тот день.

Странники подошли к владельцу салуна, который, вздыхая, оценивал ущерб. Его заведения выглядело плачевно, как и каждый дом в этом городишке.

– Эй, хозяин, так ты знаешь, где находится лаз в Бездну? – спросил Риппер, выкладывая на остатки стойки монеты и пристально глядя на испуганного человека, который подпрыгнул на месте, прошептав:

– Никто не знает. Все, кто шел на запад искать его, не вернулись. Не поезжайте туда, господин.

– Это мое дело. Пора покончить с этим, – мрачно отозвался Риппер, но вновь лицо его смягчилось.

Как только они вышли из салуна, их встретила толпа народа. Как героев. Не избежали они этой ненужной славы. Времени принимать похвалы не нашлось, да и желания, особенно при взгляде на руины несчастного городка. Поэтому странники суетливо направились к конюшне.

Возле нее встретила сильно поредевшая банда чернобо-

родого, который теперь стал одноглазым, зарекшись использовать динамит. К тому же он опирался на костыль, накануне ему прострелили ногу. При виде Риппера главарь местной банды чуть не залился слезами умиления и благодарности:

– Братан! Ты ведь прав был! Это кореш мой их привел! Братан! Я ж только благодаря тебе жив остался!

– Ну-ну... Не стоит благодарности, – ощутил некоторую неловкость Риппер.

– А... не стоит... Не стоит... Ну ладно, ладно, век тебя не забуду. Ты это, извини за все, – шмыгнув носом, махнул рукой чернобородый, когда Риппер и Ванесса уже оседлали лошадей.

И вот вскоре остался позади крошечный город и все, что в нем случилось. Только две тени мчались по следам бандитов, только развевались гривы коней. Да солнце плавало небо, оседая пылью красных скал.

Глава 18.

НЕПОДВИЖНАЯ ЧЕРНАЯ ПТИЦА. ВИДЕНИЯ СВАРТА

Крестьяне трудились на полях и в садах, собирая первый урожай. Суматоха Города Острых Камней осталась позади, как будто эти люди ничего не слышали ни о готовящейся казни пиратов, ни о беглецах.

С шумом ветра доносилось бормотание престарелого работника, устало отиравшего пот с морщинистого лба:

– Ничего. Ничего, на том свете отдохнем. Ведь чем у тебя меньше здесь, тем больше будет там. Выходит, богачам там вообще ничего не светит? Эх... Если бы, если бы...

Странники шли мимо, крестьяне не обращали на них внимания, притаченные к земле работой.

Солнце нового дня колыхалось в зените. Плодовые деревья тяжелели от крупных вишен, на которые посягали раз-

ноцветные птицы. Крестьяне понемногу собирали этот урожай, торопились, намереваясь продать часть в городе в ближайшие дни. Уставали, но надеялись, что завтра будет новый день. Хотя новый день только сулил новую работу, они радовались. Они выбирали жизнь, но всегда помнили о смерти.

Скерсмол плелся небыстро и при этом без труда поспевал за широкими шагами капитана, в отличие от Сумеречного и Мани. Он принюхивался к аромату вишен и раздумывал, что неплохо бы украсть хотя бы горсточку. А потом он вдруг произнес нараспев, выдавая всем своим видом загадочную суть печального меланхолика:

– Живешь здесь, копошишься, как маленькая букашка, а где-то ведь есть мир и побольше. Как понимаешь – поражаешься до глубины души.

– Ты о каком мире сейчас? – слегка обернулся Сварт, ожесточенно глядя черными глазами поверх очков.

Мрачность капитана заставляла съежиться в комочек страха и не задавать лишних вопросов. Из-за этого Скерсмол понятия не имел, в какую команду он попал и куда направляется его капитан. Просто шел, радуясь, что его не забили до смерти за долги. Но остальные в команде были посмелее.

– А тот, что не реальность, а бытие, – отозвался разбитым голосом Сумеречный Эльф, скидывая капюшон толстовки.

Он размеренно шел в ногу с Мани, которая, неизменно улыбаясь, повернулась к нему и наивно спросила, заинтересованно и радостно:

– Сверхъестественное вроде?

– Да, другой мир, целостный, – улыбнулся в ответ Скерсмог, робко поражаясь, что его кто-то услышал.

Сумеречный Эльф с теплой улыбкой поглядел на новых членов команды. Они даже немного смутились, а он продолжал напевно:

– Приходишь туда, точно из тьмы на свет выводят. Болезненный сначала прорыв к бытию, а потом...

– Потом исчезает, ничего не изменив. Не объяснив, не дав ни предметов, ни ответов. Зачем нужно? И так боли в жизни хватает. Еще эту терпеть, – вдруг торопливо оборвал разговор Сварт, вскидывая голову, и лицо его на миг действительно искривилось, как от неожиданного удара.

Все замолчали и шли еще некоторое время в тишине, лишь вслушиваясь в далекие переговоры крестьян. Сварт, шествовавший впереди всех с прямой королевской осанкой, как-то странно ссутулился, точно устал от пути. Устал от долгой пыльной дороги в неизвестность. Вот только этой ли дороги?

Сумеречный Эльф мысленно обратился к свитку пирата, который ныне оказался в лапах асуров. В него словно вписывали что-то, искажали, перепутывая причину и следствие, постепенно вытягивая силы носителя судьбы, но не позволяя умереть. Но, когда речь шла об убийствах, Сварт делал сам осознанный выбор. Вся жестокость, вся ненависть, которая скопилась между строк, отдавала чем-то противоестествен-

ным. Мерзким. И Эльф перестал смотреть. Тихонько перемигиваться с улыбочивой Мани ему нравилось больше.

Чтобы как-то развлечься, они строили друг другу забавные рожицы, пока капитан не видел. И Сумеречный Эльф невольно вспоминал своих детей... Которые не были бессмертными, в отличие от него самого. И вместо веселья снова наваливалась печаль. Даже хуже – глухая тоска. Он все куда-то шел, через миры, через судьбы. Иногда связывал себя со смертными, верил, что так получит искупление. А доставалась ему только новая боль и свежие могилы. И он шел дальше в неизвестность, как и вся их компания теперь.

– Так живешь, точно мышь в соломе, копошишься. И ничего, кроме соломы, не видишь. Реальность, она ведь так же иссушена. У тебя самого только кусочки ее отдельные, мирки. Особенно, если жизнь тихая. А туда прорываешься – и мир вдруг целостность обретает. И даже больше, – продолжал говорить Сумеречный, на что Скерсмол воодушевленно отвечал:

– Да... Утешение, что ли, и прозрение.

– Привал, – объявил Сварт, еще раз обрывая разговор, который ему все меньше нравился.

А во время привала все без указаний знали, что делать. Все они давно проголодались и рассыпались суетливо по лесной поляне, сойдя с тракта, в поисках еды.

Мани исчезла на какое-то время, но вскоре притащила вишни, завернутые в платок. Она утверждала, что не украдала

их, а немножко помогла старому деду, достав урожай с верхних веток, за что получила часть ягод.

Скерсмол вынюхал несколько съедобных кореньев. Но больше ничего не добыл.

Сварт на правах капитана ничего не делал. Он прислонился к стволу дерева, согнув одну ногу, вытянув по давней привычке другую и запрокинув голову. Так он проводил долгие часы в своей темной каюте. А теперь каюты не было. Только небо.

Сквозь узорные листья высокого южного дуба дымно сочились золотые лучи, касаясь лица. Сварт недовольно щурился от отсутствия полной тени, и дуб казался слишком жестким, слишком высоким. Но словно дерево притянуло к себе – не избежать. Как гроб.

Причиняя себе неудобства от вывернутой, выгнутой гортани, Сварт почти бесшумно прошептал, туманно рассматривая бесконечное небо:

– Там нет ничего... Ничего.

Длинные руки распластались по траве, выгнулись неудобно запястья, безвольно, измученно. Складки кожи заламывались на стыке кисти с ладонью.

Голова всё ещё была запрокинута, становилось тяжело дышать. Но он продолжал смотреть в небо, как будто намеренно сам себя мучил. По небу плыли облака, проглядывали сквозь листву. И он смотрел, словно выпадая из реальности, по крайней мере, мысли вдруг оказались далеко-далеко. Но,

стоило только вернуться к реальности, он совершенно забывал эти мысли, точно слышал незнакомый язык. И мир состоял из звуков, шорохов, скрипов, отзвуков птиц.

«Сойти с ума не по привычке, не от желанья. От чего? От липкой боли безразличий, ведь нет там, нет там ничего», – донесся чужеродный голос собственных мыслей и отпечатался в искаженном свитке, куда вновь заглянул Сумеречный Эльф.

Сварт не понимал, что происходит. Искал рациональное объяснение. Да-да, все рационально. Наверное, от недостатка воздуха на миг показалось, что небо внезапно потемнело, стало неподвижным. И так же неподвижно в нем повисла, качаясь, как чучело на веревке, большая черная птица. Стало темно, точно близился конец света. И смерть готовилась увести в западню вечного заката.

Сварт видел все это, ощущал и знал, что не бесконечен. И невероятно хотел жить. Жить так, чтобы эта жизнь нравилась. Он выстраивал хитроумные планы, все ради своей выгоды. Только черная птица смотрела с беспросветной вышины гигантским каменным вороном, пронзительно, осуждающе. И если бы настал немедленно конец света, день гнева, он бы не нашел, что ответить неподвижной черной птице...

Но небо было высоким и чистым, а с дуба не опало и листика. Очевидно, Сварт задремал на миг. Так он считал. Да, задремал с открытыми глазами. В таком случае бессонница – не такое уж мучение, ведь нет смысла погружаться в сон, что-

бы видеть такие наваждения. Он покрылся холодным потом, несмотря на жаркий день конца лета.

Он вернулся к реальности, только когда вид на небо, где все еще неподвижно парила черная птица, загородило разрумяненное лицо Мани, похожее на смешные лица тряпичных кукол, что делают деревенским детям. Девчонка улыбалась, без боязни заглядывая в глаза капитана. Хоть не оставалось сомнений – она прекрасно знает, насколько он страшный человек. Мани глядела так восхищенно и смиренно, с такой неоплатной благодарностью. Она верила, что капитан спас их. По своей воле. Ошибалась.

Сварт по-прежнему считал новую команду бесполезной, что доказывал Скерсмол, который не мог поймать никакой непуганой дичи. Настроение капитана ухудшалось с каждым мигом. Он протирает очки, потом массирует веки – черная птица в небе никуда не девалась. И он снова остервенело протирает стекла очков.

К тому же все еще мерещился тот крестьянин, согнутый сбором урожая. А на небо напал ярким серпом полумесяц, даже если еще был полдень. Команда растворялась, как и весь мир, все застилала образы ворона и полумесяца. Мир оставался где-то далеко. И сквозь серп луны проглядывали леденящие душу красные глаза, прорывался шипящий голос: «Ты наш, Сварт, ты наш. Мы сделали тебя, мы создали тебя. Принеси нам Алмаз и приведи Стража».

– Наш отважный капитан

Грозен стал, как океан,
Не характерец, а чисто тиран.

От своих унылых дум
Стал он злобен и угрюм,

И залил он кровью палубу и трюм*, – тихонько напевала
Мани.

Голос ее отвлек, оборвал связь с воплощенным ужасом,
заставил убраться черное небо и полумесяц. Сварт раздра-
женно вскочил и подошел к Скерсмолу:

– Эй, ты, ничтожество! Сколько до города? И нет ли за
нами погони?

Скерсмол с начала путешествия небезосновательно испы-
тывал суеверный страх перед своим новым командиром. Об-
нажая, как побитый пес, в слабой улыбке бледные десны, он
отвечал нетвердым голосом:

– До города около шести часов пути, если с той же ско-
ростью. Стоит торопиться, на остров надвигается холодный
фронт, через восемь часов при той же скорости ветра он бу-
дет здесь, но ветер усиливается, значит, как раз через шесть
часов. Погони нет, они отправились сначала на запад.

Сварт нахмурился, бросил недовольно, но с нотками
одобрения:

– Неплохо, ничтожество. Какого змея морского раньше не
сказал, что надвигается ливень? И почему все еще не поймал
дичь?

– Да я... э... корешки вот... – попятился Скерсмол, нерв-

но наворачивая на руки свой полосатый салативо-белый шарф.

Выглядел он слегка нелепо, и сходство с кем-то давно уже потерялось от его вечной вертлявости, пугливости и неправдивой услужливости. Скерсмолу казалось, что Сварт надвигается на него, как обещанный грозовой фронт.

– Капитан! Я поймала! – вдруг раздался голос из-за спины Сварта.

Скерсмол, стуча зубами, с опаской выглянул за границы узкой тени, которую отбрасывал его новый командир. Мани стояла с двумя тушками кроликов, держа их за уши, гордо показывая добычу. Затем она отвела глаза, печально говоря, хотя продолжала улыбаться:

– Мне их, конечно, жалко было. Но ведь есть что-то надо.

Очевидно, девушка поймала добычу голыми руками, не пытаясь выслужиться или получить особый статус в глазах капитана. Но стараясь изо всех сил. Наконец-то нашлись люди, для которых можно было стараться. И неважно, как оценивались ее усилия. Это в любом случае лучше, чем одиночество в вымершей рыбацкой деревне. Говорили, что эпидемия случилась, когда открылся разрыв в Бездну. Но Мани не знала наверняка, она просто хотела быть полезной.

– Освежевать и на костер их, – кратко мотнул головой Сварт, но вновь поморщился: – Сумеречный? Что это? Идиот! Где твоя магия?

Сумеречный Эльф сидел возле костра и, точно первобыт-

ный человек, тер между ладонями палочку, пытаюсь тем самым вызывать огонь. Притом делал это с совершенно серьезным видом. Он издевательски тянул время. Ясное небо уже понемногу затягивало облаками, и встретить бурю в лесу никому не казалось приятной затеей.

Мани уже успела освежевать кроликов, ловко командуя податливым Скерсмолем, у которого оказался при себе нож.

– А в драке ты его почему не использовал, идиот? – поморщился Сварт.

– Да я не умею... драться-то, – поежился Скерсмол, снова накручивая салатный шарф.

В сочетании с порванным пиджаком его наряд выглядел костюмом сумасшедшего ученого или артиста в запое.

– Зато долги умеешь делать, – хохотнул Сумеречный Эльф.

Мани, звонко смеясь, подскочила к нему, выхватила палочки и, точно всегда только так и добывала огонь, заставила иссохшую древесину воспламениться. Сумеречный Эльф бессильно опустил руки, покачиваясь, точно его камнем по голове ударили. Боль пронзила от висков до кончиков пальцев, чужая боль. Он прошептал, глядя перед собой:

– Вот... Еще одного убили.

– Мало ли кого убивают, – отозвался Сварт, отгоняя спутника от костра: – Пошел прочь!

Сварту нравилось помыкать людьми, а особенно этим надоедливым существом. Но одновременно он боялся этого су-

щества, которое могло уничтожить его в любой момент. Точно персональная смерть.

Но именно постоянный смех над смертью делал жизнь сладкой, пьянящей, опасной, но упоительной. Однажды этот смех надоел ему, больше не приносили упоения морские приключения и погони. Он понял, что не знает точно, живет он или существует, как полая оболочка. Хотелось чего-то нового, подвернулась идея с присвоением поместья Вессонов.

Но теперь возник Тринадцатый Проклятый, и он пугал, говорил «на языке силы», когда того требовала ситуация. Следы от когтей еще не сошли с жилистой шеи капитана, он четко усвоил урок, выстроил для себя границы дозволенного. И последнее время сочинял план, как избавится от этой твари. Сумеречный Эльф мысленно усмехался: конечно, он тварь. Тварь, с которой сотворили... Что сотворилось.

А Сварт не мог придумать, как уничтожить Стража Вселенной, не догадываясь, что никто не знает эту тайну. Капитана манили полученные карты, которые заставили бы забыть все произошедшее. И благодаря им в бесстрастном ледяном сердце разгорался холодный пламень нового азарта. Словно разведенный на поляне костер, который колыхался бликами огня. Ветви, отданные на растерзание оранжевым змеям, бессильно чернели и исчезали.

– Деревья смирились со смертью своей. Их не пугали орды червей, их не пугала участь коряг. Они просто жили. Жизнь им не враг, – проговорил Сумеречный Эльф из тени, из лес-

ной тиши: – Вот еще одного убили здесь, не далеко, не близко. А там, в другом мире... Как много! И каждый раз... Не день ли гнева настает? За все, что мы вершили на земле. На грани. И я там не могу быть, не имею права, иначе... Что тогда? Я... Как много людей...

– Заткнись и не порти аппетит! – хищно вгрызаясь в поджаренную плоть кролика, обернулся Сварт.

Ему мнилось наваждением, пренеприятным совпадением свое видение о черной птице и поведение Сумеречного Эльфа. Казалось, спутник нарочно прочел мысли и играл теперь на нервах, хотя... Вряд ли.

Сварт снова украдкой глянул в небо с усмешкой, точно издеваясь над своими явлениями в полусне, но замер на миг: черная птица все так же неподвижно висела в незатемненной синеве, в просвете сгущающихся туч. Он решил не думать о ней, надеясь, что это уже другая реет на ветру. Он не был уверен, что эту птицу видят Мани и Скерсмол, которые, как по приказу, тоже поглядели в небо и только слегка сощурились на солнце. Оба улыбались, каждый на свой лад.

– Может быть, если я буду просить мира, мир настанет? Что если каждый из нас своими просьбами поддерживает его? Просите мира... – все доносился отрешенный голос Сумеречного Эльфа.

Он видел сквозь миры, он видел сотни судеб. Читал без свитков то, что начертали линии Вселенной. И содрогался от боли.

«Нет, он не асур, – задумался Сварт, глядя на Сумеречного Эльфа: – В любом случае, он сумасшедший: за чужих сердце рвет, потому что своих нет. А у меня тоже нет, но я же не рву сердце. Вот и живу счастливее намного. Счастливее... В чем это? Не сейчас. А вот когда верну время, тогда заживу! Лишь бы он не солгал. Да, я отправлюсь на край света, чтобы вернуться в тот день. Я не могу простить себе этот проигрыш, этот провал. Я отомщу, прекрасно отомщу. Будет ли потом счастье? Надеюсь? Нет, я привык знать, а не надеяться. Но что остается сейчас? Надежда на этого сумасшедшего? Мне нужно что-то понадежнее».

О ясности своего рассудка Сварт не переживал. Считал его своей главной силой. Рассудок и беспощадность – два столпа, на которых он выстраивал все свои замыслы. Раздражало, что теперь его окружают совсем не злые люди. Он считал их ничтожествами, всех, кто умел испытывать сочувствие и симпатию. Впрочем, озлобленных безмозглых пиратов из прошлой команды он тоже не считал равными себе, ни в коем случае. Он был чудовищем и не страдал от этого.

В отличие от Сумеречного Эльфа, который кривым зеркалом показывал все его пороки, привнося в них свои переживания. Страж Вселенной мысленно прокрутил папирус судьбы, где Сварт почти с наслаждением размышлял о собственной чудовищности.

В какой-то мере капитан считал себя исключительным, не подозревая, какой ценой и почему получил эту «исключи-

тельность» хладнокровного монстра. Об этом не догадывался даже мастер Вейяча. И только Сумеречный Эльф знал, но пока не пришло время вмешиваться. Пока линии мира не велели, и узор пробелов в свитке не позволял. Но туманный взгляд Стража Вселенной сквозь миры застила красная пелена.

«Я еще доберусь до тебя! Как видишь, ключ у меня», – внезапно прорычала тень. Всполохнули, как два вулкана, алые глаза. И Страж Вселенной резко захлопнул ментальный канал восприятия. Призрачное сердце бешено подскочило в груди. Этот голос... Король асуров в мире Бенаам. Ради борьбы с ним их всех и создали, всех Тринадцать. И теперь у этой твари находился свиток капитана Сварта, опасного психопата и убийцы. С какой целью? Сумеречный Эльф мог только догадываться, но с каждым днем опасения все больше захватывали его душу. И боялся он не за пирата, а за давнего друга, мастера Вейячу, Грифа Риппера – древнего дракона с тысячей имен. Дракона, который сражался с самим Змеем Хаоса, другим королем асуров. Дракона, в чьих ранах незримо остались отравленные когти...

– Ну, пора собираться, а то до дождя не успеем, – потянулся Сумеречный Эльф.

– Я здесь отдаю команды! – не преминул напомнить Сварт.

Они доели кроликов и коренья, вишни оставили про запас. После наполнили украденные в городе бурдюки водой

из мелкой речонки, зеленоватой, лесной, но незамутненной промышленными стоками. Затем сочли, что этот ручей подойдет, чтобы поочередно отмыться от тягот жизни. Сварт наконец решил облачиться в новую одежду. У Мани выбора не было. Она разве что простирнула свои обноски, вытряхивая клопов. Скерсмол же ежился и охал, посчитав воду слишком холодной.

Сумеречный Эльф зашел по пояс и долго глядел в ручей, точно тот обладал символическим значением, то ли сама вода, то ли пребывание в реке. Он боялся увидеть не собственное отражение, а пару красных глаз короля асуров.

Уже давно он видел на небе силуэт каменного ворона, проекцию себя. Из будущего? Из прошлого? Птица предостерегала, обещая великие несчастья. Конец света? Неужели и в мире Большого Дерева линии должны были почернеть? Страж Вселенной боялся, что не успеет спасти еще один сдвинувшийся с оси мир.

Хранители на вершине кроны, эти дети долгого покоя, оказались слепы. Один только мастер Вейяча уловил грядущую опасность.

– Долго ты еще там? – проворчал Сварт, и Сумеречный Эльф встряхнул головой, чтобы отогнать наваждения.

Они отправились дальше, навьючив два кожаных бурдюка на Скерсмола, который немедленно начал отставать, точно не привык к переносу тяжестей. Скорость, с которой он постоянно нервно двигал пальцами, и обстоятельства, при ко-

торых его нашли, выдавали в нем не печального философа, а заядлого и неудачливого шулера. Но его способности, хотя Сварт и ненавидел «подарки асуров», действительно могли пригодиться.

– Дождь будет через четыре часа, – как говорящий барометр, отрапортовал Скерсмол, принюхиваясь. – Ожидается порывистый ветер и гроза.

Небо все больше хмурилось, как и предсказывал их сухопутный навигатор. Сумерки тянулись с запада. Тучи клубились и набухали грядущим ливнем.

Сварт шел быстро, для него это не составляло труда. Остальные еле поспевали. Мани не жаловалась, шла рядом с Сумеречным Эльфом, как будто ощущая себя в безопасности в его присутствии. Но больше они не перемигивались и не корчили рожи. Скерсмол сильно отставал, бормоча себе под нос жалобы на судьбу, на тяжелые бурдюки, на порванный пиджак – на все-все-все. Он вообще любил понуть. Но все-таки двигался вперед, потому что выбора у него не оставалось. Как у всей компании.

Они двигались в обход небольших деревень, разбросанных в отдалении от дороги, среди полей, над которым ныне в свете закатывавшегося солнца клубились мрачные тучи. И становилось тускло и бесприютно. Казалось, в мире нет ничего, кроме этой дороги и вечного пути по ней.

Наконец показались окрестности города. Скерсмол недовольно потянул длинным носом воздух:

– Ветер усиливается.

– Так не плетись, как старая кобыла! – немедленно нашел «теплые» слова Сварт, не оборачиваясь.

Тогда Мани, тихо фыркнув, забрала у Скерсмола один из бурдюков, Сумеречный Эльф встрепенулся и перехватил тяжесть. Мани запротестовала. Пока команда выясняла, кто и как понесет воду, Сварт заметил людей, рассыпавшихся возле дороги.

Что-то привлекало их внимание, и, заметив несколько стражников, Сварт догадался, что именно. Он понимал, что это не по его душу их прислали. Мани же, напротив, испугалась, прижалась к Сумеречному Эльфу, выхватила у Скерсмола шарф и замоталась в него, чтобы ее сложнее было узнать. Скерсмол только обиженно замычал:

– Э... Это матушка подарила...

Но Мани его не слушала, вообще Скерсмола мало кто воспринимал, а ему как будто нравилось, чтобы им помыкали.

– Да вернет она тебе шарф, – шепнул Сумеречный Эльф. – Мани, а ты не бойся. Не такая ты известная личность.

– Заткнитесь все, – шикнул Сварт, настороженно прислушиваясь. Его живо заинтересовала находка стражников. Они рассматривали что-то в зарослях и бранились с жителями пригорода:

– Расходитесь! Не на что здесь смотреть!

Сварт спокойно подошел ближе, пригляделся, насколько позволял небольшой кордон стражников. Как он и думал, в

зарослях лежал труп с почти перерезанной шеей.

Мгновенно в голове капитана сложилась некоторая картинка. Он понял, во-первых, что Город Острых Камней находится от побережья дальше, чем город, в который они направлялись. Так как первый труп с такой же характерной раной был найден, очевидно, не слишком далеко от нового места преступления. Во-вторых, прослеживалась очевидная связь этих двух смертей. В-третьих, Сварт заметил, что и вторая жертва оказалась хорошо одетым молодым человеком. Очевидно, вновь сыном богатых купцов, путешествовавшим в дилижансе.

– Уходите, здесь не на что смотреть! – понукали стражники в форменных зеленых куртках.

Сварт отошел, довольно ухмыльнувшись. Дело все больше интересовало его, несмотря на личные беды. На уровне подсознания он уже улавливал выгоду от раскрытия этого преступления, даже если тупоголовые стражники не начинали расследования.

Сварт нетерпеливо ждал, когда подойдет повозка, увозящая труп. Он надеялся увидеть следы дождя и спросил у Скерсмола, сколько времени до начала бури. Навигатор немедленно объявил с несвойственной уверенностью:

– Меньше получаса.

– Вот тварь!

Ответ не понравился капитану, попало Скерсмолу, как будто это он делал погоду. Времени было мало, небо все тем-

нело. Сварт злился, извиваясь вокруг стражников подколодным змеем. Разумеется, в пределах разумного, избрав для себя роль суетливого наблюдателя.

Наконец стражи порядка погрузили труп. Сварт успел заметить украдкой, что орудие убийства, несомненно, то же, что и в прошлый раз. И социальную принадлежность жертвы он угадал правильно. Да еще тот факт, что перед убийством не было особой борьбы.

Больше всего интересовали следы, Сварт надеялся, что осталось хоть что-то, так как дозорные немало потоптались на месте преступления, как будто и не думая делать попытки раскрыть это дело, кто-то только отдал приказ вполголоса:

– Немедленно доложите Капитану Даркси.

Фамилия показалась знакомой, но Сварт не счел необходимым вспоминать, в связи с чем он может ее знать. Хотя, видимо, мог бы: память его хранила множество фамилий, шифров, цифр. Но, когда что-то становилось бесполезным, оно легко отодвигалось в дальний ящик сознания, освобождая пространство для более важных размышлений.

Когда стражники и телега, подняв пыль, унеслись по направлению к городу, уже ударялись о землю первые капли дождя. Сварт торопился, ища следы убийцы, лихорадочно высматривая их среди всех прочих. Лишних и ненужных.

Никто из команды, включая Сумеречного Эльфа, не мог понять, чем его так интересуют эти улики. Дождь уже начал размывать песок, но Сварт в последний момент нашел

то, что было бы потеряно навсегда: следы. Да, те самые следы...

Капитан довольно выпрямился, внутренний голос подсказывал ему, что это дело может принести выгоду. О более великих вещах, например, о смысле сущего и жизни, этот голос не считал нужным давать подсказки, зато о выгоде не упускал возможности. Да еще помогал в сборе улик.

А пока стоило поспешить в город. Буря шутить не собиралась.

Глава 19.

БУРЯ И ПЛАМЯ

Ураган налетел с моря внезапно несмотря на все прогнозы Скерсмола. И вскоре уже гнулись деревья. Учащались, как дыхание астматика, порывы ветра, раскачивая и срывая ставни на домах нового незнакомого города, который высился трехэтажными строениями.

Ливень все не начинался, только о землю ударялись крупные разлапистые капли. В мире становилось бесприютно и жутко. Ураган вырывал корзины у горожан из рук, взвивал солому, насыпал пыль в глаза. Стоило поторопиться.

Сварт пересчитал монеты в кошельке, осмотрительно вывернутом наизнанку, чтобы стражники не могли узнать в нем, возможно, герб или вышивку торговцев этого города. Здешние порядки только предстояло узнать.

Монет хватило бы еще на пару дней проживания в самой дешевой гостинице на окраине. Они дошли до какой-то таверны, вывеска которой почти оборачивалась вокруг своей оси, оглушительно дребезжа. Но с началом урагана никто не собирался пускать уставшую сомнительную компанию. Никто не слышал стука в дверь. Все звуки тонули в реве накрывшего остров шторма. Наконец хлынул ливень, небо разорвалось всполохом молнии.

Город оказался большим, вдали в синем зареве вырисовывались очертания доков и верфи, но их закрыла стена дождя. Даже вблизи вскоре стало сложно различать контуры беленых трехэтажных домов с деревянными крышами.

Сварт стучал в дверь таверны, задыхаясь от порывов урагана, и ожесточенно придерживал очки, чтобы их не унесло напрочь ветром.

Мани, чтобы не унесло ветром ее саму, схватилась за Сумеречного и Скерсмола, выставивших руки перед лицами.

Ноги скользили на мокрых булыжниках добротной мостовой. А хозяин все не открывал, видимо, не слышал, хотя они уже яростно барабанили в дверь все вместе. Шторм – обычное дело. Но кому от этого легче?

– Кто там в такое время? – наконец послышался недовольный сонный голос.

Показалось красное усатое лицо полноватого лысоватого трактирщика, носившего белый фартук поверх зеленых шаровар. Тусклый жадноватый взгляд скользнул по страни-

кам. Этот невысокий человек мог бы быть услужливым, но не перед такими гостями. К счастью, внутрь он пустил без разговоров.

В таверне, обшитой светлыми досками, оказалось много народу, очевидно, все путешественники. По большей части торговцы из соседнего города, которые пережидали ураган, не имея возможности отправиться ночью.

Компания поймала неодобрительные взгляды. Но трактирщик милостиво впустил, дал погреться у камина, над которым висела голова оленя с витыми широкими рогами. Но потом начал торг.

– Нет у меня мест. Вообще нет! Совсем нет! Никаких нет! Нет! – разводил руками хозяин.

– Я заплачу! Деньги не видите? – Сварт тряс кошельком, поражаясь упорству хозяина, уже представляя, как с наслаждением уничтожает этого жадного тупого скота. Потрошит, как свинью.

– Деньги деньгами. Само собой, вы заплатите! Но разместить я вас могу только в хлеву.

– За четверть цены одной комнаты, – настаивал Сварт.

– Нет! За полную!

– Четверть.

– Нет! Да вас и в хлев страшно пускать! – протестовал трактирщик.

– Тогда половину цены. И точка.

– Полную стоимость! И точка. Это за то, что я вообще

пустил на порог таких голодранцев, как вы. Полная цена, а то стражу позову!

«Дожили! Голодранцев», – с горечью подумал Сварт. Так его не называли уже лет тридцать.

От упоминания стражи Мани побледнела, прячась за спину Сумеречного Эльфа, который наблюдал за торгом с отсутствующим видом. Опять витал где-то, к неудовольствию Сварта.

В итоге пришлось соглашаться на хлев по цене комнаты. Трактирщик провел гостей через черный ход в узкий коридорчик, который соединял таверну и хлев. Хотя бы не пришлось выходить на улицу.

В лицо ударил тяжелый влажный запах животных, спокойный запах. В хлеву стояла корова с теленком и медленно жевала сено. Оба животных, пугаясь грозы, иногда жалобно мычали.

С крыши текла вода. К счастью, только в одном месте, куда было немедленно подставлено ведро. Видимо, ливень случился настолько сильный, что крыша не выдержала, иначе бы хозяин все исправил. Судя по состоянию животных, он заботился о них.

– Все, до утра можете быть здесь. А потом убирайтесь.

Хозяин позволил разместиться на сене и забрал деньги. К счастью, еще немного осталось, несмотря на оплату полной цены.

«Грабитель», – подумал с кислой миной на лице Сварт.

Их «хоромы» уж точно не стоили как комната.

В хлеву все скрипело и шуршало, вспышки молний, проникавшие через узкое окошко под потолком, мистически озаряли собравшихся. Они расселись на сене, стараясь осмыслить события дня. Все происходило как-то слишком быстро и само по себе, вовлекая в бесконечный хоровод.

Буря не унималась, Скерсмол говорил, что она только еще нарастает, и, как гонец с плохими новостями, снова получал «комплименты» от капитана.

Сумеречный Эльф понемногу возвращался к реальности. Он сел, скрестив ноги, упираясь ладонями в расставленные колени, и решительно сказал:

– Так, команда у нас есть. Но без корабля мы не пираты, а сухопутные крысы-разбойники. Как достать корабль без денег?

– Ограбить какого-нибудь жлоба, которому без меры много, – улыбнулась Мани, приподнимая указательным пальцем кончик носа, точно паяц.

Тут ударил гром, да так, что все едва не оглохли. Сварт озлобленно скрестил руки, ссутулившись. Он злился, даже не пытаясь отвлечься от своего гнева. Впрочем, кое-что его все-таки отвлекало от созерцания прошлого, своего поражения и всего, что случилось после.

Кое-что возвращало к реальности: «Ограбить жлоба? Неплохая идея, в городе вроде банк есть. Но мне не дают покоя эти преступления. Хотел бы я докопаться до истины,

здесь что-то очень интересное, именно здесь. Если не узнаю, всю жизнь буду вспоминать, как недочитанную книгу, и гадать... Такая уж привычка».

Мысли о реальности немного успокоили его, погрузили в рассудочную паутину измышлений, очень четких, не абстрактных. Но разумом владел зыбкий туман... И красные глаза-факелы мерещились во вспышках молний.

Грозовая ночь, тянущаяся в хлеву в компании коровы и теленка, медленно и тревожно отсчитывала минуты. Никто не спал, слушая раскаты грома.

Сварт пытался зарыться в сено. Он уже забыл, когда последний раз доходил до такой нищеты, что его не пускали даже на порог гостиницы. Видимо, еще в ранней юности, давно-давно. В Круне, когда кибитки циркачей бороздили изнывающую от бедности страну. И чудилось ему, что он идет по канату, медленно, неуверенно, как будто разучился. А внизу бушует то ли толпа, то ли море.

И снова оттуда, из бездны, смотрели рубиновые глаза, и снова чей-то голос твердил: «Ты наш, мы создали тебя. Принеси нам Алмаз». И он хотел добраться до Алмаза Времени, чтобы вернуться в прошлое. Но для этого ли? Не вел ли его этот голос?

Сварт вздрогнул и разогнал тягучие видения наяву. Команда тоже тревожилась.

Мани о чем-то беседовала с теленком, естественно, не получая ответа, успокаивая скорее себя, чем его. Скерсмол тре-

можно шевелил ноздрями, резкий запах озона, пропитавший воздух от разрядов электричества, вызывал в нем все больше опасений.

Один Сумеречный Эльф – эта наглая тварь – выглядел спокойным и скучал, сидя на сене в углу. Сварт украдкой наблюдал за ним, он вообще старался не спускать с него глаз, считая сие существо в высшей мере неблагонадежным.

Новая команда, если можно было назвать так «двух недомков», выглядела привычно и понятно. Может, не столь озверевшая, как прошлая, но она состояла из людей почти того же пошиба. А вот Сумеречный Эльф вел какую-то свою игру с непонятными целями. И иногда с ним случались совершенно необъяснимые «заскоки». Как и теперь.

Он внезапно поглядел на мудреные наручные часы, которые появились не иначе из воздуха, и монотонно объявил:

– В Москве три часа. В Петропавловске-Камчатском полночь.

– В какой еще Москве? – раздраженно прорычал Сварт, внутренне ненавидя свою бессонницу, лютую непогоду и вообще положение, в котором он теперь оказался. Вновь вспоминался Маиму-Длинноногий, и Сварт еще больше ненавидел все вокруг, срываясь на команду, желая кого-нибудь убить. Но он напоминал себе, что эту новую команду пока что стоит «экономить».

– А... Да столица одной замечательной страны есть такая, – поднял глаза Сумеречный: – Город суетливый, правда.

И поезда под землей ходят, гудят. И все изведано. Но полюбил я ту страну, словно снова нашел родину. Я ведь человек без родины, как и ты.

Теперь Сумеречный Эльф неслабо помрачнел, возле глаз его, опущенных, сверкнувших исподлобья, залегла черная тень, сощурившись, он жестко отозвался:

– Я сознательно отринул свою вместе с воспоминаниями, когда получил силу, а ты кощунственно выбросил ее из сердца, как ненужный мусор.

Конечно, он выбросил из сердца Круну. Ни один здравомыслящий человек не стал бы хранить теплые воспоминания о зловонных трущобах мелких городков. Да еще называть это какой-то родиной. Родина... Где родили. Зачем-то, вышвырнули на свет и забыли объяснить, для чего. Пришлось искать самому ответ на этот вопрос.

– Ты скажешь, сколько времени? Местного! – вздрогнул вместе со всеми Сварт от разорвавшего надвое небо раската грома.

– Э... У меня только московское настроено, – рассеяно извинился собеседник.

В этот момент Скерсмол, чьи глаза на какое-то время остекленели в напряженном раздумье, встрепенулся, панически втягивая воздух:

– Кх-а-а-а! Пожар!

Вся вскочили, в один голос ахнув:

– Где?!

Они еще не чуяли запах начинавшегося возгорания, как его улавливал Скерсмол. А с улицы и впрямь начали доноситься крики:

– Пожар! Пожар! Молния!

В окно хлева сверкнули яркие блики вспыхнувшего дома, крыши. Явно попала шаровая, которая оглушила всех шлейфом раската. А громоотвод то ли не сработал, то ли вообще отсутствовал. Да выяснять-то было некогда.

Горело трехэтажное строение, прилегавшее практически вплотную к таверне, к хлеву. Между ними проходил только тесный немощеный проулок, такой узкий, что даже телега с трудом бы проехала. Остаться в хлеву становилось опасно.

С улицы слышались крики, кто-то уже носил воду. Наружу высыпали все постояльцы таверны и жители окрестных домов. Благо, воды в городе хватало, река пролежала неподалеку. Но огонь действовал быстрее людей, которые, не дожидаясь приезда телеги пожарных, схватились за ведра и топоры.

Сварт понял, что скоро может загореться и хлев, где они расположились. И, если огонь доберется до сена, то все очень быстро задохнется.

Он выбежал на улицу. Все последовали его примеру, только Мани пыталась вытащить теленка, который в ужасе мычал и упирался, как и корова. Девчонку сгреб в охапку Су-меречный Эльф.

– Сварт! Бери ведра! С твоей скоростью мы можем остановить огонь! – почти приказывал спутник.

Его голос тонул в воцарившемся хаосе из людских окликов, беготни и гула бури, хлещущей косыми линиями дождя. Они не могли потушить огонь, обуявший уже всю крышу и жадно съедавший деревянные перекрытия.

– Еще чего! – возмутился Сварт, продолжая цинично: – Сваливаем отсюда! Найдем другую таверну!

– Сварт! – Сумеречный Эльф придвинулся, пальцы его стальной хваткой пронзили плечи, приблизилось нервное озверевшее лицо с проступившими черными разводами тьмы: – Если мы сбежим, сгорит весь город. Весь. Город. Сейчас огонь перекинется на таверну, а гореть там много чему! Она большая. Сварт! Немедленно бери ведра и помогай тушить. Немедленно для твоего же блага. Поверь мне. Я знаю!

– Пошел ты! – отшатнулся Сварт, в то время как Мани и Скерсмол уже помогали жителям.

Попыток сбежать они не предпринимали. А стоило бы. В воздухе кружили серые хлопья гари и копоти, чернели балки, поддерживавшие крышу. Из того злополучного дома уже высыпали жильцы, некоторые пытались спасти какое-то имущество. Но за вещами иногда теряются люди: в окне верхнего этажа, как раз там, где начался пожар, мелькнул силуэт ребенка.

Сумеречный Эльф, едва заметив это, с обезумевшими расширенными глазами кинулся к дому, прямо в огонь, повторяя, как в бреду:

– Если уж я здесь, если уж я имею право вмешаться... Никто не погибнет! Никто!

Сварт остался один. Он равнодушно глядел, как мимо носятся теньями люди. Огонь все не унимался, им катастрофически не хватало времени и сил, хотя воду носили практически все жители окрестных домов. Не от альтруизма, а чтобы не загорелись и их собственные дома. Как иначе? Сварту же здесь ничего не принадлежало, и он практически смеялся над плоскими, приземленными мотивами этих людей.

Он глядел, как горит дом, жадно всматриваясь в пляску огня. И ему нравился этот апогей разрушения, все в нем сливалось с этим танцем хаоса, искривления, исчезновения, точно он хотел бы также уничтожить всех и вся. А себя? Оставаясь без пищи, поглотив все, истребив, огонь сам себя убивает.

Но от страшного любования его отвлек голос запыхавшегося трактирщика, который тоже нес ведра и уже вытаскивал все ценное из своей таверны, считая, что она обречена. Он взмолился:

– Господин! Что же вы стоите? Помогите нам! Господин!

И тут Сварт мгновенно вернулся к настоящему и уловил свою выгоду. Он ухмыльнулся:

– Что если я смогу спасти вашу таверну от огня?

– Спасите мою таверну, господин! Если это в ваших силах! Потом просите, что угодно, – зажглась надежда в глазах трактирщика: – У меня семья. Жена, дети... Спасите!

Неужели это в ваших силах?!

Эти слова еще больше подогнали Сварта. В нем взыграл дух авантюриста, обожавшего пари, которые доказывали его непревзойденные способности. Задача стояла не из самых простых.

Ему захотелось теперь посоревноваться с самим собой, словно это состязание могло хоть немного восстановить уязвленное самолюбие и повысить самооценку. А эти два начала почти полностью определяли его личность, смысл его существования. Поэтому он согласился, тем более, условия показались подходящими.

И вот уже через пару секунд, подхватив два свободных ведра, Сварт унесся к реке, которая, на счастье, протекала совсем недалеко. Но люди все равно не успевали, расплескивая половину по дороге в спешке. Но не Сварт. Что там говорил Сумеречный Эльф о предке с «подарком асуров»? Пожалуй, настало время проявиться этим способностям и поразить всех. Сварт вновь ухмылялся.

Расстояние, которое отделяло таверну от реки, Сварт преодолевал быстрее, чем любой из ничтожных горожан. А руки, привыкшие виртуозно владеть саблями, легко удерживали два наполненных ведра.

За считанные секунды «быстрейший из быстрейших» успевал взлететь на чердак таверны, перескочить через узкий проулок на полыхавшую крышу соседнего здания, опрокинуть в эпицентр возгорания ведра. И спуститься обратно

до того, как обугленные балки проваливались под его ступнями.

Так продолжалось бесконечное количество раз, Сварт уже потерял счет, но не сбавлял скорости, не позволяя пламени перекинуться на таверну. Он защищал вовсе не людей, не таверну. Соревнование и корысть бросали его в огонь.

Он ухмылялся, реальность казалась далекой и ненужной, словно ее уносил ураган. Осознавать, что происходит и почему происходит, не было смысла. И он раз за разом кидался в огонь, не понимая, что впервые делает что-то не только ради себя и не во вред людям. Сознание выгоды никуда не девалось.

Смутными тенями мелькали знакомые силуэты горе-спутников. Сумеречный Эльф вылетел из окна третьего этажа, приземлившись на мостовую. На руках он нес перемазанного гарью, но живого ребенка, который оказался бы отрезан огнем.

Мани без усталости таскала ведра с водой. Бесплезным был только Скерсмол: он уже несколько раз донес едва ли половину воды. На своих длинных ногах он раскачивался, как новичок на ходулях. А один раз и вовсе споткнулся о собственный не в меру длинный шарф и растянулся на мостовой. Он стал еще более бесполезным, когда начал стучать кулаками по булыжникам вместо того, чтобы встать. Злился на себя, скуля, как побитый пес.

Злиться на себя, обвинять себя намного проще, нежели

падать и раз за разом молча вставать и упрямо продолжать дело. Мани умела так, всем своим видом и поведением показывала, что никогда не сдастся. А Сварт, если и падал, то поднимался, идя по трупам.

– Встал, быстро! – успела бросить сквозь рев урагана Мани. Да так громко, что перекрыла завывания бури.

Скерсмол подскочил от ее голоса и поспешил обратно к реке.

Силуэт капитана никто даже не успевал заметить. Да он и сам себя уже почти не замечал. Он воспринимал как нечто чуждое свое тело, впитывая, точно зритель, оттенки ощущений, растекавшиеся в мышцах ног и рук. Тело умело двигаться настолько быстро, что душа не поспевала за ним. Но он не верил в душу... Да не в том была суть, не в том необходимость, иногда нет необходимости думать, оценивать, во имя кого действуешь, во имя чего. Иногда надо просто действовать, быстро, молниеносно.

Шаг за шагом приходилось отодвигать огонь от таверны, прыжок за прыжком. Все меньше оставалось воспоминания о том, что это пари и корысть.

Человек просто воевал с огнем. Предметный мир оголился, стал мистическим, представляя в иных образах. Они метались и были слишком реальны своей нереальностью.

Сквозь них просвечивали ярко-алые глаза, и в гомон бури вмешивался пугающий голос. И кто-то словно скреб когтями по смятым страницам. Этот звук нарастал в ушах, как гул

барабанов, как стук крови в затылке.

Тело что-то ощущало. Видимо, жар языков пламени, но разум уже не осознавал. Воздуха не хватало, вскоре легкие наполнились дымом, стало тяжелее двигаться в прежнем темпе. И только пронзила одна мысль: «А Сумеречный ведь мог бы все предотвратить с его силой!»

Это чувство разбудило ненависть. Ненависть подхлестнула, точно кнут. И тело совсем забыло, что ощущает, отдав разум воле ветра.

Вода с шипением поглощала огонь, крыша уже почти полностью сгорела, но Сварту удавалось оставаться быстрее огня.

Наконец на крыше замаячил и Сумеречный Эльф. Он сравнился по скорости, но, казалось, только мешал. Еще больше подстегивал: заберет половину славы? Нет! Этому не случиться!

Сварту нравилось быть в центре внимания, ощущать признание со стороны каких-то «жалких», по его мнению, людей. Он жаждал восхищения или, в иных ситуациях, подчинения, смешанного с ужасом и тем же восхищением. На раскаленной крыше он не уступил бы и шага проклятой все-сильной твари.

Вскоре подоспела пожарная телега, к тому времени крыша уже почти полностью выгорела, как и второй этаж. Но Сварту удалось остановить огонь. Пламя не перекинулось на другие постройки, в частности, на таверну.

– Убирайтесь с крыши! – скомандовала пожарная бригада, нацеливая шланги и хватаясь за насосы.

Гроза не прекращалась. Дом уже тихо тлел, пожарные топорами рубили доски и заливали остатки горения, а Сварт все продолжал с той же скоростью в остервенении носить воду.

Если он впадал в такой транс, то с трудом выходил из него. Хотя он вполне понимал, что делает. Обычно экстаз заканчивался истреблением команды целого корабля, взятого на abordаж. Остановиться у него просто не получалось, и он себя не сдерживал. В такие моменты Сварт превращался в шаровую молнию, в комок сжатой энергии, брызжущей смертоносными искрами.

А потом, когда все заканчивалось, он вновь впадал в долгие часы сонливой угрюмой усталости без цели и мечты. Порой ему не нравилось пребывать в состоянии такого нерационального транса. Хотя он не испытывал ничего более упительного.

– Убирайся с крыши! – снова донеслись голоса пожарной бригады.

Сварт остановился, точно дал себе сигнал, четко проанализировав сложившуюся ситуацию: все закончилось.

Он последний раз опрокинул ведра, спрыгнул с крыши и опустил руки. Возле капитана собралась его перепачканная сажей команда.

Сварт молча пришел мимо них. Обратно. В хлев. Все по-

плелись, шатаясь от усталости, за ним, все: Мани, Скерсмол и Сумеречный Эльф, который успел уже принять благодарность за спасение жизни. Он успел стать для кого-то героем.

– Я спас эту жизнь, но не могу уберечь миллионы других, – виновато прошептал он. – Да, высшая справедливость. И все-таки я спас эту жизнь. И каждая жизнь стоит миллионов. Нет, жизнь – бесценна.

Команда вошла в пропахший дымом хлев. Мани прижалась к перепуганному теленку, от которого не отходила не менее перепуганная корова. Казалось, Мани воевала с огнем ради этого существа, которому не сулила долгая жизнь. Ведь бычков растили на мясо.

Скерсмол забился в угол, продолжая неслышно скулить, сетуя на свою бесполезность. Сумеречный Эльф остался, как он объяснил, в карауле.

А Сварт, не ощущая, что происходит, не думая, как он выглядит, дошел до измятого сена, накрылся им с головой. И точно провалился.

Ни снов, ни вечного недоверия. Ни голосов, требующих Алмаз Времени. Прекрасно!

ЧАСТЬ III.

ТАЙНЫ И РАЗГАДКИ

Глава 20.

НАЧАЛО РАССЛЕДОВАНИЯ

Наутро, часов в шесть, команда вышла из хлева в таверну, где неслышно расселась за квадратным грубо сколоченным столом.

Сварт рассудил, что пора получить вознаграждение за труды. Ведь так бы он ни за что не полез в ненужное лично ему предприятие, из-за которого у него теперь были опалены густые черные брови, покрылась копотью новая одежда и стали закопченными даже стекла очков. Да еще голос ушел в какой-то свистящий хрип и в груди все болело от проглоченного дыма. Впрочем, все это были мелочи. Они не доставляли особенных неудобств.

Одна только загвоздка не давала ему покоя: ни у него, ни у команды не было при себе никаких документов, и трак-

тирщик снова мог их шантажировать стражей. Тогда Сварт убил бы его на месте. Но трактирщик, на его счастье, оказался очень приветлив и добр. Он подскочил к их столу, едва ли ни кланяясь:

– Господин! Где же вы были? Я вчера всё искал вас!

– В хлеву мы были. В хлеву, – мрачно и отрывисто отвечал охрипший от дыма Сварт, понимая, что теперь имеет право приказывать: – Два пива и что-нибудь самое крепкое в вашем городе. За счет заведения.

– А мне? – спросил Сумеречный Эльф, на что Сварт снова ответил:

– А тебе не положено, падла.

Собеседник изобразил привычную обиду. Его перепалка с капитаном всех забавляла. Мани даже рассмеялась от коичности, с которой Эльф приподнимал брови и кривил рот, точно закопченный клоун. Сварт отметил, что и его уже веселит некоторое шутовство Сумеречного Эльфа. Хотя капитан по-прежнему ненавидел навязавшегося спутника. Уж точно не собирался угощать его.

Трактирщик немедленно принес два пива и что-то прозрачное в небольшом стакане. Более прозрачное, нежели обычный самогон. Сварт одним махом выпил обжигающий напиток. Еще более обжигающий, чем обычно, из-за ободранного гарью горла. Казалось, ему нравилось мучить себя.

Опьянение не наступало, не приносило радости или забвения. Поэтому обычно он не злоупотреблял крепким на-

питками. Теперь Сварт только слегка прикрыл глаза, ощущая, как по телу расходуется тепло, ускоряя ритм сердца.

Трактирщик неловко стоял рядом со столиком, наворачивая на руки белый фартук, разумеется, уже новый. Предыдущий пришел в негодность от копоты и дыр, проделанных искрами.

– Ох! Добрый господин! – начал трактирщик: – Простите меня за мою неучтивость накануне! Если бы не ваша помощь, мой трактир сторел бы, как тот дом. Я согласен разместить вас и ваших друзей за полцены. Нет-нет! Четверть цены!

Сварт, протирая закопченные очки, самодовольно улыбнулся: «Неплохое начало в этом городе! Будем держать лицо. Главное, чтобы никто из этих идиотов рядом со мной не сорвался и не вытворил что-нибудь. Хотя... что им скрывать».

Начало было положено. Наставало время примерять новую маску, выстраивать новый образ. Впрочем, щедрость трактирщика ограничилась одной крошечной комнаткой с единственной кроватью на четверых. Зато, помимо комнаты, все-таки ощущая себя должником, жадный хозяин подобрал для «дорогих гостей» новую одежду взамен перепачканных сажей тряпок. Сварт оказался в черном костюме с пиджаком, надеясь с появлением денег и корабля поменять его на камзол с позументами. Но в городе такая одежда ни к чему не обязывала, помогая выгодно слиться с толпой.

Наконец удалось по-настоящему привести себя в порядок:

смыть мылом копоть, убрать острым лезвием густую щетину, подстричь покорооче черный «ежик» волос. Вновь он возвращался к образу хладнокровного зануды, раз уж такой навязывали. Раз такой был удобен в данный момент. По крайней мере, уже никто бы не назвал голодранцем.

Команда тоже стала выглядеть немного приличнее. Когда все отмылись и перестали походить на чумазых трубочистов, Сварт объявил, что необходимо исследовать город.

Они вышли на улицу, прошествовав мимо сгоревшего дома, среди угольков которого бывшие жители пытались найти хотя бы какие-то уцелевшие ценности. Сварта не заботила судьба погорельцев. Команда же не сочла нужным комментировать события минувшей ночи.

Вчетвером они дошли до оживленной главной улицы, от которой расходилась сеть переулков и дворов. И там Сварт спохватился:

– Скерсмол, запиши на свой счет мои расходы. Четверть, так и быть.

– Нас и так четверо... – пробормотал Скерсмол, но, поймав взгляд Сварта, только ответил: – Есть, капитан!

И Скерсмол послушно вытащил откуда-то из глубоких карманов потрепанных штанов запыленные блокнотик с огрызком карандаша. Как выяснилось, туда он записывал, сколько и кому был должен. Блокнотик представлял собой испещренное мелкими буквами сборище пожелтевших страниц, почти целиком заполненных. Приходилось пи-

сать на обложке, а вычеркнутых фамилий оказалось ничтожно мало. Сварт решил, что уж он точно вытрясет с прохвоста положенные деньги.

– Сумеречный! – намекнул он второму наглому типу, который тоже не считал нужным платить по счетам.

Сумеречный Эльф равнодушно наколдовал свою долю расходов и отдал капитану.

– Так, исследуем город. Встречаемся вечером в той же таверне. Если узнаете, что нас здесь ищут, любым способом немедленно предупреждаете остальных. Скажем, машете какой угодно тряпкой с той башни. Ее видно отовсюду.

Вдали, на главной площади, действительно маячила красная крыша колокольни беленого собора. Сварт понимал, что условный сигнал в случае обнаружения стражниками подавать опасно. Но он и не собирался, а вот команда недоумков могла и услужить. Даже если кому-то пришлось бы пожертвовать собой.

– Есть, капитан! – отозвались все вполголоса, чтобы не вызывать подозрений.

– Мани, насчет долга: тебя это тоже касается, – вспомнил еще об одном члене команды Сварт.

Девчонку он практически не замечал. Она не раздражала – в этом было ее несомненное достоинство.

– Ага... То есть... Есть, капитан. Прямо шас пойду корабли разгружать на верфи.

– Отставить разговоры! Как ты смеешь дерзить, жалкое...

– начал Сварт, уверенный, что ему перечат, но Мани уже исчезла, скользнув бесшумной тенью в какую-то подворотню.

Капитан больше не обращал на нее внимания.

Команда разошлась, Скерсмол поглядел на башню и весь как-то съежился, дробно стуча зубами.

«Ничтожество, – подумал Сварт. – А озирается-то как!»

– Кх-а-а-а... И как я туда залезу, если что? Что мне делать? Что делать? Почему всегда так со мной? Ну чем я так не угодил природе, что у меня нет никакой удачи с рождением? – тихо бормотал паникующий Скерсмол. – На скольких островах скрываюсь от долгов. Главное, чтобы кредиторы меня не нашли, а то потребуют с такими процентами, с такими...

– Заткнись и топай! Пошел! – окликнул его Сварт, и трусливый навигатор, высоко вскидывая кривоватые тощие ноги, унесся прочь.

Сумеречный Эльф, не говоря ни слова, забился в какую-то лавку, точно игра наскучила ему, и продолжал он ее чисто механически, а мысли его оказались далеко-далеко.

Сварт шел по городу. Мимо тянулись однотипные ряды трехэтажных беленых домов с деревянными крышами. Большинство из них ничем не отличалось от сгоревшего накануне. Выделялись соборы местной островной веры, предполагавшей строительство белых башен.

Из листовок и разговоров горожан Сварт наконец узнал, куда они попали, и очень удивился: небольшой архипелаг на-

ходилась близ Увии – султаната джиннов, под их протекторатом, но принадлежал людям.

Недалеко же удалось уйти от тропического острова, где постигло поражение: к Пустым Островам с их мистическими сокровищами погибшая бригантина даже близко не подобралась, болтаясь в морях вокруг западного материка. Сварт только не мог сообразить, откуда взялся губительный пролив Сциллы и Харибды сдвигающимися скалами. Ни на одной карте он не обозначался.

Размышляя об этом, Сварт дошел до площади, где высилась небольшой фонтан, а возле него примостилась доска объявлений. Одну ее сторону занимали списки с открытыми вакансиями в лавчонках, на фабриках и в доках. Другая же вызывала у горожан небезосновательную оторопь и брезгливость: на ней красовались изображения разыскиваемых преступников, по большей части – морских разбойников.

Сварт пару минут внимательно изучал листовки, оценивая награду за убийство или арест опаснейших пиратов, среди которых мелькнул и черный ирокез грозного ифрита Дарара. Его ловить, пожалуй, было слишком опасно: каждый смельчак рисковал сам оказаться в клетке.

Ифриты издавна промышляли работорговлей, и Сварту не улыбалось закончить свои дни на подпольном невольничьем рынке. Да еще ходили слухи об изошренных пытках, которым Дарар подвергал своих жертв. Пожалуй, нашлись бы и более доступные цели.

Сварт с интересом подумал: «А не сыграть ли роль охотника на пиратов, наемника джиннов? Что если дело окажется прибыльным? Знать бы только, где искать все это отребье. Много новых лиц. Проклятье! Информацию-то я упустил, пока три года торчал у Вессонов...» Он поморщился, потому что этот план оказался бесполезным и не заслуживал дальнейшего обдумывания. Внезапно взгляд наткнулся на еще одну листовку, и капитан чуть не поперхнулся от удивления, подумав: «Маиму?! Среди разыскиваемых?»

Улыбающееся веснушчатое лицо тарачилось с неумелого, но узнаваемого портрета на листовке. Рыжий простофиля Маиму-Длинноногий значился как один из тех, за голову кого джинны назначили немалую награду. «Пират. Враг республики Гриустен, революционер восставшей Круны» – расшифровывала подпись его преступления.

Сварт скривился: его родную страну продолжали терзать треклятые джинны, стремясь захватить целиком. За последние тридцать лет Гриустен и так «отгрыз» от Круны почти половину всей территории, где теперь и случались восстания. Капитана все это, впрочем, не интересовало. Он бы обрадовался, если бы и Круна, и Гриустен сгорели в огне вместе со всеми богачами и нищими.

Сварт только недоумевал, какое отношение к революциям и восстаниям имел ненавистный придурок-Маиму. Да еще представляли его как пирата. Вроде бы заклятый враг служил джиннам. Или же в этом Сварт ошибался? Но тогда он

совсем не понимал причин, с чего бы безвестному путешественнику помогать людям с незнакомого острова, которые ему не обещали никакой награды.

Сварт снова поглядел на листовку, но порывисто отвернулся. Образ Маиму будил неконтролируемый гнев. Эта веснушчатая морда уже являлась в кошмарных снах.

– Сволочи! – плюнул рядом какой-то суровый старик на одну из листовок, то ли имея личные счеты с изображенным на ней пиратом, то ли адресуя высказывание всем, кто оказался на той доске.

– Давить их надо без пощады так же, как они наших детей убивали без пощады, – ответила седая угрюмая женщина.

Сварт молча стоял и слушал, мысленно ухмылялся, невероятно презирая народец, который собирался группками у доски объявлений по дороге с рынка. И пока люди переговаривались между собой, Сварт успел ввинтиться в эти отрывочные обмены репликами. Он ответил седой худощавой женщине с подчеркнутым негодованием:

– Да, уничтожать! Эти гнусные твари не имеют права жить. Вы же в курсе насчет вчерашнего убийства? Что если это дело рук одного из них?

Он знал, что, если озвучить мысли, которые бродят в голове будущего собеседника, скорее всего, получишь ответ. На новую информацию рассчитывать не приходилось, но завязать диалог стоило. Впрочем, старуха сначала пару секунд недоуменно рассматривала Сварта, а потом недовольно и по-

дозрительно отвернулась, зашагав прочь. Зато подошедший мужчина, мелкий торговец в строгом костюме, услышал подчеркнуто патетическую реплику и задумчиво отозвался, точно давно хотел с кем-то обсудить тему:

– Не думаю, что это пираты. Поговаривают, что кто-то из местных. Мол, видели какого-то хромого в ночи. Вернее, слышали шаги неровные и тень видели. Это мои сыновья приемные рассказали вчера, слышали от стражников, а стражники от свидетелей вроде как... Я тут вот подумал, господин, жертва была задушена струной. Ну, явно же! Местные мне не верят. Но недавно в кабачке возле ратуши пианино стало хромать на несколько клавиш. Оно, конечно, всегда дрянное было... Ой, ладно, разболтался я. Это все слухи.

Торговец нервно осекся, точно опасаясь выдать некую тайну. Похоже, в городе боялись разговоров об убийствах, как новостей об эпидемии или стихийном бедствии. И потому старательно не замечали того, что случилось накануне.

– Кто знает, кто знает... Все может быть взаимосвязано, – развел руками Сварт и отошел от доски объявлений, довольно сощурившись.

Во-первых, он не нашел среди опасных преступников ни себя, ни Мани, ни Скерсмола, удивившись, что и Сумеречный там не значится. Во-вторых, он получил обрывок интересных сведений о преступлениях, все еще раздумывая, стоит ли пытаться раскрыть это дело. Улики казались достаточно очевидными, однако что-то подсказывало, что не все

так уж просто. Зато подробности гибели первой жертвы знал только он. Но для принятия окончательного решения следовало еще осмотреться.

Сварт дошел до главной площади, где столпилось немало людей вокруг высокой деревянной трибуны, на которой в окружении нескольких телохранителей ораторствовал грузный человек в дорогом малиновом камзоле из бархата. В целом неприятный тип. Сварта вообще всегда такие раздражали: слишком громкий, слишком красный от жары, слишком жирный. Пират догадался – это мэр города. Мэр... как же много значило для капитана это слово, сколько в нем слилось неосуществленных планов! Это он должен был стоять на таком же помосте! И вновь хотелось вернуть время. Но сосредоточиться на этой мысли мешало недоверие, испытываемое к Сумеречному Эльфу.

Тем временем с трибуны доносились громкие заявления: – Властью, данной мне народом, я...

«О, у них здесь демократия такая. Неплохо», – скептически ухмыльнулся Сварт.

Капитан, скользя незаметной гадюкой между людьми, послушал, что говорит народ в толпе. Из разговоров выяснилось, что речь мэра последовала за его победой на недавних городских выборах и что этому человеку удалось всего на несколько голосов обойти другого фаворита. Оба были из крупных торговцев и, кажется, бизнес бросать не собирались, так как запрещающего закона относительно политиков

и бизнеса на острове не было.

Официальная часть речи мэра подходила к концу, завершаясь переходом к недавним событиям:

– Выражаю огромную благодарность самоотверженным жителям и гостям нашего славного города за то, что они помогли тушить вспыхнувший вчера пожар.

«Благодарность! Как же! Лучше бы денег дал... Кого я на благодарность найму?» – усмехнулся саркастично Сварт. Но тут прозвучало нечто, чего так долго ждал капитан от этой бесполезной и долгой речи несбыточных обещаний:

– И последнее: в нашем городе за неделю было совершено три убийства. Убиты сыновья крупных торговцев. Сначала выразим им свои соболезнования! Минута молчания.

Толпа подавленно затихла. Очевидно, случаи с убийством богатых наследников сеяли в душах нешуточную тревогу. Люди изображали скорбь, но выходила скорее подавленность, тревога за себя. Кому есть дело до чужих, кем бы они ни были? Чужая боль – страшноватый фон, ширма, за которую лучше не проникать. Своего рода развлечение, оживление текущей повседневности. Если же что-то касалось непосредственно, слишком близко, возможно, стоило тревожиться. А так... кому дело до убитых «чужих»? Сварту уж точно не было. Своих-то никогда не существовало – не за кого переживать. Чужих, далеких никто не жалеет. И он всегда оказывался этим самым ненужным «чужим».

Минута тянулась слишком долго. Он ждал, когда после-

дует дальнейшее сообщение. Но вот мэр продолжил, переходя непосредственно к важной для Сварт сути дела, заставляя последнего заметно оживиться:

– Зло должно быть наказано! Жители и гости города, будьте бдительны! Если вы что-то узнаете об убийце, немедленно передайте в отделение городской стражи. И не забывайте об осторожности. Но тот, кто сумеет раскрыть это дело, получит щедрую награду от меня лично. Листовки с подробностями преступления уже расклеены на досках объявлений.

– Да куда уж нам, – слышались негромкие вздохи в толпе, пока мэр завершал напутствиями и обещаниями свое долгое выступление.

Вскоре все начали мало-помалу расходиться. Мэра спустили с трибуны два телохранителя, следя за тем, чтобы он не споткнулся на лестнице. Немолодой и грузный, он достаточно сильно хромал. То ли сказывалась давняя травма, то ли разыгралась подагра. Сварт немедленно сопоставил факты: отрывки слов горожан и найденные следы. Очевидные совпадения. Даже слишком очевидные.

Вскоре мэр удалился в свой дом, который, как и прочие особнячки богачей, находился недалеко от главной площади. Успешные торговцы предпочитали селиться недалеко от места, где лучше всего процветало их дело.

Сварт пошел вдоль площади, вслушиваясь в повседневные разговоры людей, с недоверием рассматривая патрули стражи в зеленых кителях. Но никто не узнавал его, не кидал

подозрительных взглядов. Похоже, его мнимая смерть делала его незаметным, почти невидимым.

Внезапно Сварт краем глаза увидел группу людей из морской стражи. На кителях светились погоны с отличительными золотыми полосами. Судя по всему, это были следователи. Они с недоверием глядели на всех, особенно бдительным выглядел их капитан, крепкий молодой человек с суровым лицом. На вид ему сравнялось не больше двадцати-двадцати пяти, но подчиненные явно уважали его.

Он заметил Сварта и, кажется, счел его подозрительной персоной, начал приглядываться, точно сопоставляя его с каким-то изображением в своем мозгу. Следователи поинтересовались:

– Капитан Даркси, вы кого-то заметили?

«Даркси... знакомая фамилия. Вроде бы. Кажется, что-то незначительное из прошлого. Незначительное ли? Как будто я убивал какого-то Даркси из морских стражей. Но очень давно, лет в семнадцать. Лучше исчезнуть», – догадался Сварт и, несмотря на свой высокий рост, сумел слиться с толпой, метнувшись за проезжавшую телегу с длинными ящиками.

Он скрылся от капитана Даркси, оказавшись на грязноватых задворках, прилегавших к площади. И среди сомнительных личностей, толпящихся возле кабаков, мелькнул тип в щегольском салатовом шарфе.

Сварт обернулся и уже через миг тащил по улице за ши-

ворот Скерсмола.

– Ты что, сволочь, делаешь?

– Да мы... да я, – бессвязно мямлил Скерсмол.

Сварт вытащил его из компании пропащих картежников, к которым игрок уже успел прибиться, расположившись со всеми атрибутами на старых бочках.

– Что ты?

– Да я вот долг пытался отыграть, чтобы вам деньги вернуть, – оправдывался Скерсмол.

Но судя по его жалкому виду и отсутствию денег, он ничего не выиграл, а только записал в свой постылый блокнотик новые имена.

– Узнал что-нибудь полезное? – прошипел Сварт.

Скерсмол внятно не ответил, на что капитан сдержанно и лаконично пообещал убить. Кажется, на Скерсмола угрозы Сварта действовали неслабо, потому что неудачливый шулер побелел и поклялся больше не брать в руки карты.

– Не добудешь к вечеру полезной информации или денег, наведу на тебя твоих кредиторов. И выпутывайся, как умешь, – напутствовал Сварт, затем они разошлись.

Сварт миновал засыпанные рыбьей чешуей проулки и вышел на центральную улицу, сразу же заметив качающуюся на легком ветру кованую вывеску: «Краеведческий музей города Свифтфиш». Наконец-то удалось прочесть название, а то во время бури не нашлось указателей.

Сварт счел полезным узнать подробнее, что из себя пред-

ставляет Свифтфиш, и зашел внутрь, попросив у дряхлого иссушенного хранителя музея карту и краткую справку. Но, что важнее, капитан расспросил, как ныне обстоят дела, кто главный, между кем разделены сферы влияния в городе и вообще на архипелаге.

Свифтфиш находился на побережье и поэтому жил торговлей и рыбными промыслами. А рыбы в этом море пока водилось предостаточно, притом редких видов. Не всю еще уничтожили пароходы джиннов, как опасались защитники природы.

Город Острых Камней находился в глубине острова и, как понял Сварт, торговал со Свифтфишем углем, единственным, зато очень важным ископаемым сырьем, которое добывалось на архипелаге.

О сферах влияния из музейных карт узнать Сварт не рассчитывал, зато подробно изучил и запомнил те места, в которых были найдены трупы, и понял, что в обоих случаях жертвы выходили из дилижансов, чьи маршруты были отмечены на карте. Снова он возвращался мыслями к загадочным убийствам.

Капитан твердо решил, что найдет разгадку и получит награду. В его сознании ни на минуту не отпечатался факт, что все это были живые люди. Он стремился раскрыть тайну, взломать шифр. Это казалось интересным. Хотя, конечно, деньги играли не последнюю роль, в сложившихся условиях он не стал бы браться за дело из чистого любопытства.

Что его больше воодушевляло, процесс разгадывания или обещанная награда – он и сам не знал. Но вечная гнетущая усталость и скука незаметно улетучились.

Сварт ходил по городу, вычитывал листовки, слушал, что говорят люди, узнавал у торговцев, кто их партнеры, и все больше убеждался – в этой опасной игре кто-то сделал крупные ставки.

Жертвами были, как он изначально определил по внешнему виду, сыновья крупных торговцев. Но, что интереснее, эти торговцы поддерживали избирательную компанию второго фаворита, некоего господина Нилса, очевидно, всеобщего любимца горожан.

На почте Сварту удалось добыть старые газеты, приготовленные для пересылки мореплавателям магией джиннов. Обычно собирали целую подшивку, чтобы не тратить заряды из специальных капсул, в которые помещалась бумага.

На серых листах пропечатались многочисленные фотографии господина Нилса – невысокий коротко стриженный человек с быстрыми глазами и в черном деловом костюме. Противоположность избранному мэру с его дешевой вычурностью.

Сварт просмотрел статьи об избирательной компании. И не нашел ничего примечательного. Ничего подозрительного. Но чутье уже подсказывало, что дело обещает быть запутанным.

Глава 21.

ТРИ СТРУНЫ

Сварт покинул почту, где воочию узрел, как целая кипа бумаг вылетает в специальную трубу, окутанную лиловым сиянием магии джиннов. Так и разносились новости по миру. Так и узнал однажды экипаж затерянной бригантины, что Маиму-Длинноногий сдает властям пиратов.

Одного Сварт не понимал: как мальчишка теперь попал в ряды революционеров. Зачем? Особенно если для него нашлось теплое местечко в рядах наемников джиннов. Но он пошел против них. Или никогда и не был наемником? В последнее время приходилось все чаще переосмысливать причины своего поражения. Сварт не мог представить, что Маиму помог жителям из искреннего человеколюбия без обещания награды или намерения завоевать уважение.

Его способность «подарка асуров» позволяла быстро бегать, за что проклятый мальчишка и получил свое прозвище. В поединке он обогнал Сварта, его, «быстрейшего из быстрейших». Они сражались, пока команда отбивалась от нагрянувших морских стражей, отступая к бригантине. Кровь пиратов все же пролилась в тот день, но совсем не по плану. Маиму считал, что никого не убил. Так уж никого? Нечестно. Все нечестно... Даже если мальчишка не использовал хитрых приемов, борьба изначально оказалась неравной. Просто из-за наличия «подарка асуров». Так и распределялась удача в их мире паровых машин и магии.

Сварт с кривой ухмылкой вышел на площадь. Собрание по случаю избрания мэра уже завершилось. Капитан Даркси нигде не маячил своей благородной рожей – и хорошо. Сварт беспрепятственно прошел через торговые ряды к трехэтажному зданию салуна. Такие заведения открывались на всем западном материке. И особо ничем не отличались, хоть в Круне, хоть в Увии. Разве что где-то стены украшали безвкусные обои, выпивка не отдавала самогоном, и таперы не фальшивили. Тогда заведение нарекали условно приличным.

В Свифтфише салун беспардонно примостился рядом с массивной ратушей и, похоже, сделался любимым местом мелких бюрократов. Наверное, только благодаря этому в его стенах поддерживалась относительная чистота, а на балконах не маячили полуголые девицы. Стало быть, салун не

включал услуги публичного дома. И хорошо.

Впрочем, публика внутри собралась разношерстная: бедные и богатые торговцы, крестьяне из ближайших деревень, ремесленники с фабрик, рабочие из доков и субъекты неопределенного рода занятий.

К таким темным личностям относился и Сварт, но хозяин документов не спрашивал. Приличная одежда и прямая осанка вкупе с очками всегда создавали нужное ложное впечатление. Капитан не интересовался, за кого его приняли на этот раз, а просто сел возле стойки и заказал дешевое и, несомненное, дрянное пойло.

За время ожидания заказа Сварт успел присмотреться к собравшейся публике. После выступления мэра народу толклось достаточно. Кто-то пил, кто-то перекидывался в карты, но все вели себя тихо. Это в Круне за шулерство могли и пристрелить. На архипелаге же не шло вечной войны, эти жалкие людишки привыкли прогибаться под джиннов и наслаждаться благами их цивилизации. И многие из них почти наверняка даже не нюхали пороха и не покидали Свифтфифша, разве что наведывались в Город Острых Камней. Конечно, для таких бесхребетных ленивых медуз убийства оказались жутким потрясением и новостью последних дней.

Посетители обсуждали речь мэра под звуки разбитого фортепиано. Вскоре Сварт определил, что на несчастном инструменте западают, как минимум, три клавиши. Мгновенно он вспомнил, что говорил человек у доски объявлений. И

еще больше задумался. Он уже обрисовал в мыслях картину преступления, но для получения награды требовались улики, а не предположения.

– Сыграй нам что-нибудь веселое, Ко! – крикнул таперу один из сидящих вместе молодых людей в унылых бежевых пиджаках, видимо, клерков, вышедших на перерыв из душевых рабочих комнат ратуши.

За инструментом все старался разгульный музыкант, играл-наяривал, что в голову лезло. А публика радовалась, стуча увесистыми кружками с пивом по деревянным столам так, что пыль со стропил сыпалась.

«Просто так струны не пропадают», – ухмыльнулся Сварт, пристальным взглядом словно ощупывая таверну, разбитое желтоватое фортепиано и тапера, который невольно ежился. Затем пират, входя в новую роль, с несвойственной щедростью громогласно воскликнул:

– Bravo музыканту! Bravo! Эй, хозяин, что же ты не дашь артисту отдохнуть? Налей ему выпить за мой счет! Посетители пока послушают свою болтовню.

Музыкант – нелепый тип лет тридцати – недоверчиво обернулся, отвлекаясь от измученного инструмента, поскреб в редкой светлой бороденке, неуверенно спрашивая:

– Это... это вы мне? Хе-хе...

– Тебе-тебе!

Дважды артиста приглашать не пришлось. Он сполз со своего места и, изгибая излишне худые кривоватые ноги,

подплясал к стойке, как будто все еще двигаясь в такт своей сбивчивой мелодии.

«Ну и идиотов я умею играть. Самому противно. Развесистых увальней... Но не будет же умный человек просто так общаться с такими идиотами, как это тапер», – внутренне поморщился Сварт, но цель была достигнута.

– Давно здесь работаешь? – вскоре спрашивал подвыпившего музыканта Сварт.

Тапер опрокинул в себя два стаканчика виски и довольно утирал рукавом яркой рубахи кривящиеся в улыбке губы.

– Да так... – махнул он рукой, очевидно, порядком уставший от работы, все еще покачиваясь под свою музыку в голове.

– Да еще инструмент дрянной, – наводил на нужные мысли Сварт.

– Да не то слово! Клавиши западают, – вздохнул, протирая зеленые глаза, музыкант.

Выглядел он чудаковато: на нем красовался старый вельветовый костюм темно-вишневого оттенка, под ним маячила канареечно-желтая рубашка, довершали образ широкий малиновый галстук с крупными крапинками и желтые ботинки на босу ногу. Безвкусно и весело. То, что нужно для музыканта маленького городка, хотя Свифтфиш оказался не таким уж маленьким.

– Помалкивай тут об инструменте! До тебя ничего не западало. Допивай и возвращайся к работе, клиенты скуча-

ют, – вдруг рывкнул из-за стойки оскорбленный хозяин и ушел на кухню вымещать свой гнев на поварах.

Музыкант притих, но Сварт начал разговаривать с ним обо всем подряд, поражаясь, насколько легко в очередной роли находит необходимые темы, чтобы подвести к главному вопросу. Музыкант, который оказался сбит с толку, отвечал, подхватывая, кивал, неуверенно что-то мычал в ответ. А Сварт точно считывал его мысли, во всем соглашался, все больше располагая к себе недалекого тапера. И, разумеется, не забывал обновлять содержимое кружки собеседника. Все за счет отобранного у трупа кошелька, который и так худел день ото дня. Но Сварт был уверен в себе и предполагал, что при верном расчете получит в сто раз больше, чем эти мелкие расходы.

Он не боялся рисковать, когда будущее зависело непосредственно от него, от его разума, от его способностей. И вот наконец Сварт счел собеседника достаточно размягченным и доверчивым, чтобы спросить:

– Послушай, любезнейший, а что тебе известно об избирательной кампании вашего мэра?

– Не знаю. Сильный он, влиятельный... Ну... Зачем спрашиваешь-то? – вдруг протрезвел музыкант и начал складно и четко, как по сценарию: – Мэр наш сильный. Был всегда в борьбе с конкурентами по рыбному бизнесу и торговле углем. Их там несколько человек. И представляешь: убили сыновей его конкурентов! Странно, не, ну, правда странно! Вот

он только после выборов, победил, а тут бац... Народ вообще разное болтает.

«Как я и думал: подходящий человек попался. Все верно», – уже проанализировал немало версий Сварт, ухмыляясь.

Он проводил музыканта до старенького фортепиано и как будто невзначай глянул на крышку инструмента, рассмотрев все пазы на нем: «Пыль, везде пыль, но вот здесь... Хм... Если струны лопнули, и кто-то снимал крышку, чтобы их заменить, то почему они до сих пор не заменены?»

Сварт отошел и разузнал у хозяина о положении дел в городе. Конечно, Свифтфиш гудел от новостей об убийстве, но это не мешало посетителям салуна отмечать победу мэра и просто заказывать дешевое пиво, наслаждаясь дурной игрой чудаковатого тапера. Больше хозяина особо ничего не занимало. Семейный бизнес процветал – а за пределами салуна хоть бы и весь мир сгорел. Сварт разделял такое отношение к жизни: просто и логично. Он бы уж точно не пошел революционером, как Маиму. Хотя теперь его занимали больше не мысли о враге, а раздумья о пропавших струнах. Крышку фортепиано явно снимали. Но инструмент все равно хромал. Значит, никто его не чинил.

Вскоре музыкант куда-то бесследно исчез. Сварт, выглянув украдкой в окно, вроде бы заметил его на одной из улиц, которая прилегалась к площади. Тапер страшно спешил, нервно скидывая длинные тощие ноги.

Сварт заподозрил, что все не так просто. Сомнительный музыкант начал догадываться: нашелся человек, который взялся за расследование. Сварт задумался. Струны. На вид все очевидно, вот только доказательств причастности музыканта не находилось. Причастности к чему? Что если он и убивал? Но тапер не хромал. Доказательств и фактов все еще было мало.

Сварт задумчиво вышел из салуна, с удивлением заметив, что уже вечереет. Он бродил по городу, как по неизведанному морю, до наступления крошечной темноты. Когда он двинулся в обратный путь, на небе уже не осталось ни единого просвета, а на улицах было совершенно темно: масляные фонари встречались редко.

Все добрые граждане разошлись по домам, торговцы закрыли лавки. Только подгулявшие завсегдатаи трактиров да замешкавшиеся дельцы из соседних городов еще мелькали на разных улицах бледными силуэтами.

Приезжавшие на переговоры с партнерами торговцы ждали ночных дилижансов, которые уходили из города и в темное время суток. Вскоре разъехались и они. То ли на острове не было достаточного количества лошадей, то ли торговцы отличались повышенной жадностью, но собственных экипажей почти ни у кого не оказалось. Разве только у некоторых были свои лошади, большинство из которых дождалось своих наездников, не побоявшихся ночных переездов. Видимо, торговые договоры были важнее здорового сна. Тем более

только недавно состоялось избрание нового мэра, изменилась ситуация на местном рынке, его выгоды и предложения.

Внезапно одна из лошадей пронеслась мимо Сварта. А за ней с призывами остановиться пробежал матрос морских стражей. Похоже, как вспомнил Сварт, из группы следователей, которые выстроились на площади. Капитан не хотел с ними снова встречаться, но что-то подсказывало ему, что именно сейчас это необходимо. В конце концов, терять ему все еще было нечего... Разумеется, кроме своей жизни. Но раз уж никто не узнал его за день, значит, за три года народная память притупилась. Никто уже не вздрагивал, глядя на доски с портретами опасных преступников и обнаруживая там пирата с двумя саблями и в очках. Да, таким он когда-то был, самым разыскиваемым пиратом в акватории западного материка. Обычный человек, не ифрит и не избранник «подарка асуров». Он почти достиг совершенства в своем зле. А что осталось от него теперь? Теперь он двигался навстречу морским стражам, почти не опасаясь, что его узнают. Быть официально мертвым по-своему удобная стратегия. Особенно в сложившихся обстоятельствах.

Сварт зашел за угол освещенной улицы, где размещались дома всех богачей, в том числе мэра, и попал на какой-то совершенно темный проулок между двумя особняками, огороженными глухими каменными заборами.

В этой подворотне даже не сделали мостовую. После недавнего дождя земля раскисла, и подошвы новых ботинок

вязли в грязи. Но, что важнее всего, в проулке снова столпились поздние зеваки, и их отгонял патруль следователей. Между двумя дорогими особняками в луже лежал ничком еще один труп.

Не оставалось сомнений, что лошадь выбежала именно из этого закоулка. Видимо, она была привязана неподалеку. Стало быть, наездник не пробыл долго в городе. Хозяин, убитый молодой человек в недешевом костюме, как раз собирался оседлать ее, но не успел. А при приближении следователей животное, очевидно, испугалось.

Морские стражи окружили труп, рассматривали его со всех сторон. Сварт задрожал от гнева: «Олухи! Вы же опять затопчете все улики! Как же хорошо, что первый труп я обнаружил до вас!»

– Расходитесь! – скандировали бесполезные следователи, размахивая масляными лампами.

– Но как же заявление мэра? – говорили подвыпившие зеваки, которым понравилось обещание награды, а тут как раз случай подвернулся.

Половина этих «сыщиков» так набралась, что едва ли нашла бы дорогу домой, не говоря об уликах. Кажется, мало кого интересовала судьба убитого, наверное, вообще никого. Зато обещанная награда будоражила воображение. Но ума, к сожалению, никому не прибавила. Или к счастью, для Сварта.

– Вы все равно ничего не понимаете! – бранились следо-

ватели с зеваками, рассматривая страшную находку в тусклом свете ламп, трепыхавшихся неярким светом в стеклянных колбах железной клетки с ручкой.

– Ужас какой! Он ведь приехал из Города Острых Камней... Сын конкурентов, – слышался разговор слуг, вышедших из дома мэра.

Особняк оказался совсем недалеко от места преступления. Его хозяин не появлялся, но в окне второго этажа маячила грузная тень. Значит, наблюдал. И нервничал.

Слуги говорили про ужас, но испытывали скорее недоумение и любопытство. Может быть, еще бессмысленный животный страх перед видом трупа.

– Да-да... Ведь они заключали договор с господином Нилсом. А договор-то где? – отвечали слуги из другого дома, вышедшие на улицу, не поленившиеся прийти из другого конца небольшого квартала.

Очевидно, это были слуги мистера Нилса. Того самого конкурента мэра.

– При нем должен был быть договор, – сказал кто-то следователям.

– Пропал! – обыскал труп следователь, похоже, как раз капитан Даркси, нахмутив брови, спросил: – Точно был при нем? Будете свидетелем!

– Не... Не надо... Я не уверен... – пробормотал слуга и поспешил удалиться.

Сварт слушал всю эту болтовню, из которой часто всплы-

вали важные факты, и одновременно пытался найти следы, предполагая, что в грязи их должно быть лучше видно.

«Вот теперь-то точно надо торопиться! Здесь все не так просто. Убийство возле дома мэра, притом сразу после его заявления. Убийство конкурента, пропал договор», – со все больше разгоравшимся азартом думал капитан. Он жаждал получить награду, считая, что именно он заслужил раскрыть это дело. Он и никто другой. Не какой-то там капитан Даркси, когда на свете еще живет великолепный капитан Сварт.

– Расходитесь! – продолжали кричать следователи, но Сварт бесшумно подобрался лишь ближе, рассматривая тело.

У трупа был характерный рубец на шее, расплывшийся кровоподтеками – задушен проволокой. Сварт уже не сомневался – струной.

Город, едва заснув, встрепенулся. Подходили какие-то люди, обсуждали, охали, ахали и уходили, как тени морского тумана. Следователи пытались найти улики, суетились, мешая друг другу. Капитан Даркси размахивал руками и сетовал на туповатых подчиненных, навязанных джиннами. А что хотел обычный человек на архипелаге под протекторатом этих тварей? Джинны незримо присутствовали даже там, где не жили. Во всех странах, на каждом острове, покорившемся власти их наукокрации.

– Расходитесь! – эхом долетали голоса.

На Сварта, к счастью, никто не обращал внимания. Его не

подозревали только за то, он что был чужестранцем – надо же, а он все считал, что их мелкий мозг не способен к логически выводам.

Следователи и зеваки все топтались на месте, вымешивая, как мерзкое варево, грязь. Сварт не выдержал и воскликнул командным тоном, негромко, но твердо, заставляя всех замолчать:

– Следы! Сфотографируйте следы!

Он знал, что фотоаппараты выдаются только морским стражам – прямые поставки от Международной Коалиции Джиннов. Все технические новшества оседали либо у защитников порядка, либо у журналистов и прочих приближенных к бюрократии и политике. Жизнь обычных людей, особенно крестьян, мало отличалась от убогого существования их далеких предков.

– Следы? Где следы? – встрепнулись зеваки.

Сварт нервно сдвинул брови, его все больше захватывало творящееся вокруг. Дело казалось несложным, вот только интуиция подсказывала, что главная проблема в доказательствах: уж очень много очевидных улик было разбросано по городу. Улик, которые мог бы найти любой не самый тупой следователь. Точно кто-то желал, чтобы его поймали. Впрочем, капитан не мог до конца судить, насколько эти улики очевидны для остальных, размышляя: «Время подходящее, место – еще лучше. Следы убийцы еще не затоптали! Следы... Следы. Слишком просто убийца оставил их, слиш-

ком неосмотрительно».

– Гражданские не имеют право вмешиваться, – снова бросил капитан Даркси, уже привыкнув разгонять зевак.

«Вот олухи!» – чуть не сказал, кипя от негодования и азарта, Сварт. Он убеждался, что все-таки улики не очевидны для всех. Он успокоился, но все равно торопливо и раздраженно ответил:

– Хотите, чтобы это дело никогда не получило разгадки?

– Да, действительно, надо бы сфотографировать следы...

Вдруг это что-то даст, – почесал в затылке один из пятерых следователей, освобождая от кожаного чехла увесистый массивный фотоаппарат с деревянным корпусом.

Сварт указал, какие следы принадлежат убийце. Морские стражи даже проследили, куда они ведут. Но цепочка отметин проходила насквозь через проулок и терялась на мощенной камнями площади.

– Что ж, господин. Вы достаточно наблюдательны, – одобрительно кивнули следователи.

Тем временем к Сварту подошел какой-то немолодой человек в потрепанном коричневом костюме с кожаными заплатами на локтях. Из-под черной шапки без полей свисали засаленные седые волосы, а морщинистое лицо выражало странную насмешливость несмотря на ужас всего произошедшего – убийство в городе его будто не смущало. Он громко обратился к Сварту:

– Что это вы тут делаете, господин? Решили тоже к рас-

следованию подключиться? Вы парень не из глупых, как я погляжу.

– Тебе что-то известно, старик? – сощурил глаза Сварт.

Он рассматривал нового собеседника и пытался догадаться, каков его статус и род занятий. Картина складывалась туманная: что-то среднее между интеллигенцией и ремесленником. Судя по мозолям, нередко работал непосредственно руками.

– Да не особенно. Так, мысли... – уклончиво покачивал пепельной головой человек, кривя загорелое лицо в странной усмешке: – Все вот были задушены струнами. Все-таки я ведаю всеми струнами в этом городе, да-да, господин, всеми струнами. Настройщик я и инструменты чиню.

– У тебя пропали струны из рояля? – понял, из-за чего сложилась двоякая картина о профессии собеседника, Сварт.

– У меня и рояля-то нет, господин. Не та роскошь, понимаете, – рассмеялся старик, помахивая рукой: – Так, фортепиано было старенькое. И то пришлось продать в том году.

– Не тяни. Кажется, ты ничего не знаешь, – потерял интерес Сварт, намереваясь уходить.

– Ох, юноша, вы так неучтивы, – покачал головой настройщик, но продолжил, опять достаточно громко, заинтересовав и следователей: – Э... Куда же вы? Хе-хе... Послушайте, если уж вы здесь ведете расследование, мне кажется, я знаю одну улику об оружии преступления.

– Слушаю, – обернулся Сварт, хотя его уже раздражало, что старик посмел назвать его «юношей» – не тот статус, не те годы.

И еще этот насмешливый тон... Для Сварта была чем-то запредельно отвратительным мысль о том, что над ним насмеваются. Снова всплыл образ Маиму, личный призрак, смеющийся любой опасности в лицо, смеющийся над ним. Но пришлось его гнать на праздные задворки сознания: не то время. Пока не то время. Но и забывать нельзя, потому что только мечта о мести напоминала, что один затерянный капитан все еще жив. Но пока переменчивая реальность требовала не мести, а ответов. Настройщик несколько не смутился, уже достаточно тихо продолжая:

– Штука вот в чем: недавно я был в доме нашего нового мэра. Так вот, у него-то как раз есть рояль, шикарный черный рояль. Богатый он человек, скажу я вам. Так вот, у этого черного рояля вдруг запали три клавиши. Обычно как бывает: открываешь, а там струна лопнула. А тут другое дело: смотрю, а струн-то совсем нет! Будто вытащил кто. Ну, я все заменил, само собой, ничего не спрашивал. Но задумался, куда это подевались струны.

– А здесь странные удушения. Как будто проволокой, – возник капитан Даркси.

– Будете свидетелем. Кажется, у нас есть подозреваемый! – сделали быстрые, да непроверенные выводы следователи. В конце концов, им не хотелось, чтобы кто-то раскрыл

дело раньше них.

Сварт понял, что теперь мэр в опасности. Мэр – это мэр, его защищало взяточничество среди гражданских. А морские стражи, похоже, подчинялись исключительно Коалиции Джиннов. Но был ли здесь главной фигурой мэр?

Стоило все обдумать.

Сварт немедленно скрылся, избегая расспросов. Пока он не желал иметь со следователями общих дел. Он возвращался в трактир, где ждала его команда, и по дороге раздумывал: «Настройщик. Мэр. Торговцы. Убийства сыновей торговцев, конкурентов мэра. Дело приобретает интересный оборот. У убийцы были сообщники. Что за фигура этот настройщик, я еще выясню. Вопрос: кто главный исполнитель? Следы... Он хромой... Но...»

Глава 22.

ВЗГЛЯД ЧЕРНОЙ ПТИЦЫ

Когда Сварт пришел в трактир, команда уже тревожно ждала возле входа. Без капитана они бы не знали, что делать дальше. Как и прошлые недоумки. Больше всего беспокоился Скерсмол. Сумеречный Эльф выглядел каким-то отрешенным и как будто более радостным, чем обычно. Хотя, кто его разберет. Создавалось впечатление, что день для него прошел очень приятно, и Сварт, еще раз убеждаясь, что он окружен бесполезными созданиями, заподозрил, что ничего умного этот «вредитель» не делал.

Оказалось, что не хватает еще одного члена команды – не пришла Мани. Можно было предположить, что ее схватили стражники. Сварт не намеревался снова спасать ее, о чем уже хотел громко заявить. Но, к счастью, девчонка сама вскоре

появилась. Пришла, пошатываясь, с растрепанными волосами, вся взмокшая и запыленная.

Как и условились, она принесла деньги, отдала их молча, устало и точно благодарно улыбнувшись капитану, компенсируя до единой монеты свою часть расходов на оплату комнаты.

Все руки и ноги ее усыпали синяки, белки глаз перечерчивали красные прожилки, как от сильного перенапряжения. Одежду покрывала угольная пыль. Сварт понял, что она действительно разгружала корабли, ее утренняя дерзость была не дерзостью, а констатацией факта.

Капитан ничего не сказал, не хватило фантазии и желчности. У девчонки оказалось несгибаемое упрямство. Но этим она все равно раздражала, ведь такая же крепкая воля была у злейшего врага, Маиму-Длинноногого. И Сварт почти ненавидел Мани за ее сходство с Маиму. Даже волосы у них были одного цвета!

Сварт не мог со своим поражением смириться и, хоть принимал новые правила игры, всеми помыслами вцепился в зыбкую надежду изменить время. Его эгоистическая мечта превращалась в манию, он смеялся над собой за то, что так легко поверил каким-то легендам.

– Темно уже, – отозвался Сварт, принимая деньги.

Его реплика не значила ничего. Отчего-то хотелось развеять тишину, в которую погрузилась команда, точно в этом молчании крылась покорность судьбе. Он не покорился.

– Да, темно, – устало отозвалась Мани. – Очень темно.

Они зашли в таверну, хозяин был услужлив, но еду без денег не предложил, а Сварт запретил пока тратить. Так что команде пришлось довольствоваться тем, что они успели съесть за день в городе. Кто успел. Сварт точно не помнил, ел ли что-то в салуне у ратуши или только спаивал тапера.

– Поднимаемся наверх. Где там нам выделили комнату... – несколько рассеяно пробормотал он. Железные тиски воли и сосредоточенности уступали место апатичной усталости.

Они зашли в предоставленный за четверть цены темный и тесный номер и поняли, что там только одна узкая кровать с соломенным матрасом. В этот момент в Сварте проснулось какое-то дикое мешчанство. Несмотря на все невзгоды последних недель, он привык, что на прошлом потонувшем корабле в его распоряжении была целая капитанская каюта, поэтому он резко сказал:

– Так! Здесь я капитан.

– Без корабля, – ехидным шепотом бесстрашно заметила Мани, ерзя где-то за спиной у капитана.

– Молчать! – сорвался на фальцет Сварт, но сдержанно кашлянул в кулак, протер очки и продолжил решительно: – Слушай мою команду! Вы уютитесь, где хотите, но кровать здесь только моя!

Но Сумеречный Эльф уже закуклился в одеяле, замотавшись в зеленую материю. Его скинули с кровати, он глухо брякнулся на пол, никак не реагируя, только сонно переби-

рая губами. Не иначе снова издевался. Сварт его даже пнул, впрочем, эффекта не последовало: одеяло он так и не вернул.

Мани делала вид, что пытается заснуть на полу, свернувшись калачиком у печной трубы, которая проходила через душную комнату. Но девчонка то и дело подсматривала, приоткрывая то один, то другой глаз. Несмотря на крайнюю степень усталости, она еще что-то замышляла... Одно удивляло: отчего она не боялась капитана, пирата, от чьего имени в свое время холодели люди и джинны западного материка? Она как будто разучилась бояться. С чего бы?

Скерсмол единственный последовал указанию: из страха перед капитаном он честно устраивался, замотавшись в свой длинный шарф, на двух кривоногих стульях с круглыми спинками. Те недовольно скрипели. В середине ночи трусливый навигатор с треском рухнул на пол, охнул, долго забирался снова на свое «лежбище». И через какое-то время рухнул еще раз. Сумеречный Эльф усердно храпел, и, кажется, с каждой минутой все громче. Одна Мани затаилась, и это тоже было странно.

Сварт, все-таки отвоевавший кровать, от такой какофонии проснулся после пары часов тревожного сна и лежал с перекошенным лицом, думая: «Убил бы всех... Я же точно их сейчас убью! Меня окружают идиоты! Проклятая команда!»

В довершение всеобщего безобразия ему в щеку, задев очки, которые он забыл снять, ткнулась чья-то пятка. К

счастью, уже отмытая. Капитан медленно приподнял голову. Ему не хватало фантазии представить, кто же оказался способным на такую наглость. Хотя он уже догадывался кто...

Мани, посчитав, что капитан уснул и кровать слишком широка для него одного, устроилась валетом, плавно тесня к краю. От такой бесцеремонности Сварт просто застыл, нервно снял и протер очки, подвинул пятку Мани и попытался разбудить девчонку. Но она спала крепче всех. В отчаянии он поскреб эту противную пятку. Мани только рассмеялась во сне, а потом и вовсе запела:

– Наш отважный капитан грозен стал, как океан... М... м... А...

Сварт помотал головой и тихо зарычал, понимая бесполезность своих дальнейших действий. Сон отбило напрочь, злиться уже просто не было сил. Мысли занимало совсем иное, поэтому он задумался о фактах преступления: «Задушен проволокой. Например, струной от рояля... В салуне недалеко от ратуши недавно запало несколько клавиш, наличие струн не проверяли, надо проверить. Следы... Один глубже и всегда впереди. Западает на одну ногу... Мэр города хромым и достаточно грузный. Мотив? Стоп! Если это мэр, зачем ему идти в салун за струнами? У него в рояле пропали свои... Длина! Я должен найти эти струны! Длина! Итак, следы. Он грузный и хромым, но хромые так не ходят. Кто-то подделывает его походку, кто-то дает ложные улики! Струны. В доме мэра тоже запали клавиши, это рассказал

настройщик. Руки мэра! На них нет следов от струн. Надо бы рассмотреть подробнее. Есть вариант с перчатками. Но вряд ли. Кто-то пытается подставить его, занять место, стать героем. И оставляет очевидные улики, указывающие на мэра. Еще раз вспоминаем следы... Кто-то копирует его походку, учится ходить, как хромой. Но как душит на самом деле хромой и полноватый мужчина?»

Мысли сменяли одна другую нестройным хором, наслаивались, как застывающая вулканическая порода. Факты перемежались с мутными видениями из недр усталого мозга. В полусне Сварт снова бродил по трущобам вонючих городков Круны, слышал брань местного отребья, мелких торговцев, матросов с пароходов джиннов. Воспоминания смешивались с впечатлениями прошедшего дня. Усталость сдавливала голову тисками, но не давала провалиться в забытие. И он все продолжал рассуждать: «Душил он, набросив проволоку на шею жертвы, значит, стоял за спиной. Слишком небольшое расстояние для нашего обширного мэра. Это на самом деле сухонький невысокий человек, способный приблизиться вплотную. Дотягивался он далеко не до всех прямо сразу. Человек, который надевает ботинки не по размеру, чтобы походить на мэра, ведь ему нужны наводящие улики. Но глубина следа на носках заметно меньше, как будто он на них едва-едва наступал. Он придумал и мотив, подходящий мэру: сыновья торговцев, с которыми возникали конфликты. Кто мог знать, у кого с мэром возникают конфлик-

ты? Только некто из окружения, приближенный. Мотив приближенного – стать мэром, может, месть. Вопрос со струнами. Возможно, просто совпадение? Пока не найдено орудие преступления, мы не можем обвинить. У кого могут быть струны? Настройщик... Он очень охотно сказал, что запало несколько клавиш. Зачем ему говорить это мне? На его руках всегда отметины от струн, так что и перчатки не нужны. Но он не хромает».

Внезапно сон Мани вдруг сменился, она вцепилась в сиюю простыню и пронзительно закричала, все не пробуждаясь:

– Нет! Нет! Не трогайте меня! Не трогайте! Нет! За что?! За что?! Я не виновата! Не виновата!

– Всем нам снятся кошмары, – слышался шепот Сумеречного, который вынырнул из своего кокона.

Скерсмол снова свалился со стульев.

– Кажется, она много натерпелась... – заметил он, потирая шишки.

– Одеяло верни, тварь! – пробормотал вновь захваченный духом мещанства Сварт, обращаясь к Сумеречному Эльфу.

– Только ради Мани, – гадкий спутник укрыл ее одеялом, погладив по голове.

Девчонка успокоилась. А Сумеречный куда-то пошел, подхватив скудные пожитки. Сварт настороженно спросил:

– Куда пошел? Без ведома капитана! Да еще часа в два ночи.

Сумеречный Эльф вольготно размял плечи, обернулся и небрежно объяснил:

– К одной симпатичной вдове неподалеку... Думаю, она меня еще ждет!

– Так вот как ты город исследовал! – прошипел Сварт, в целом, ничего другого и не ожидая от бесполезных существ.

– Завидуешь?

– Пошел отсюда! – снова прошипел Сварт, добавляя с особым вкусом: – Идиот...

Он ни к вдовам, ни к продажным женщинам не навывался уже давно. И не слишком-то стремился.

Показная распущенность Сумеречного Эльфа только будила новую злобу: Сварт не был уверен, что у надоедливой твари вообще осталось материальное тело, а не призрачная иллюзия. Следы когтей еще ощущались на шее, но и воспоминания о странных «исцелениях» твари не меркли. Сварт медленно обдумывал все, что произошло с ним за последнее время, погружаясь в оцепенение. Его уже не волновало, сколько раз Скерсмол упал со стульев, а Мани заехала пяткой по подбородку.

Под утро пришел он – голос! И образ красных глаз, отпечатавшихся мутными разводами на закопченных досках потолка. «Мы сделали тебя таким, мы позволили тебе жить. Стань нашим ключом. Ты чудовище, ты такой же, как мы, питаешься чужими страданиями. Так пусть страдают другие, не ты. Пусть страдают все, пусть страдают...» – тихо нашеп-

тывал голос. И снова чьи-то когти скрежетали по незримой бумаге, натягивая струны нервов, поддевая их и выкручивая. Сварт безотчетно хотел кричать от этого голоса, который все нарастал гулом в ушах. Холод прошивал руки и ноги, и чудилось, будто что-то разрывается внутри, раскрывается грудная клетка, как створки ворот. И из нее, из самой души, плещет перевозданная тьма.

«Сумеречный! Это из-за того, что ты ушел? Кинул нас на растерзание этой тьме!» – прошипел в мыслях Сварт, хватаясь дрожащими пальцами за края кровати. Кто-то подбирался к нему, кто-то еще более беспощадный, чем он сам.

«Придите ко мне, мои ключи. Мои прекрасные двери», – посмеивался голос. И снова длинный загнутый коготь проводил по бумаге с таким скрежетом, что голова наливалась огнем. Сварт прокусил нижнюю губу в безмолвном крике.

А потом все стихло, точно прервался сеанс связи. Только вкус собственной крови во рту напоминал о реальности произошедшего. И конечно, дикая мигрень, ставшая верным спутником с раннего детства. А голос...

Голос как будто тоже всегда скрипел на периферии сознания, но усилился с появлением пришельца. Или так совпало? Сварт не желал верить в предсказания, знамения и прочий бред хранителей Большого Дерева. Он бы не верил и в Дерево, если бы на картах не был отмечен крупный остров, вернее, почти материк. Голос же больше никто не слышал. Никто, кроме него. И Сварт не хотел верить, что сходит с

ума, списывал все на дурные полусны. С наступлением зари они вроде бы проходили вместе с исконным необъяснимым страхом.

Вот и теперь забрезжило утро, и оркестр людской жизни снова начал изливаться своими партиями, каждый на свой лад. Весть о гибели еще одного торговца быстро разлетелась по Свифтфишу. Он оказался из Города Острых Камней, где, вероятно, уже занимались расследованием свои стражи. Так что поиски сбежавших пиратов, скорее всего, приостановились.

Сварт считал, что настает благоприятный период, чтобы получить свою законную награду. Его лицо не попадало в объективы фотоаппаратов, на всех розыскных досках висел кривой портрет. А человека в очках и пиджаке и вовсе не стали бы сопоставлять с жестоким пиратом в камзоле. В какой-то мере его забавляло, что теперь он составит конкуренцию следователям. Новый план захватывал и, кажется, позволял ощутить себя снова живым. Кажется...

Хотя Сварт вновь не выспался. Вечная бессонница бередила мысли, болели прокушенные губы, голод перехватывал желудок – все доводило до иступленной озлобленности. Теперь разбудили первый лучи, стоило немного задремать... И все – сна как ни бывало.

Он очнулся с мыслью, что ночью произошло нечто ужасное. Но снов он никогда не помнил. Кошмары – иного не видел – всегда казались малозначительными. Они были только

смутными образами, такой же иллюзией, как многое из того, что человеку свойственно наделять особым значением. Например, любовь и дружбу – тот же зыбкий сон. Ненужный и непонятный.

Сварт пошевелил бровями, хмурясь – голова привычно болела. Приподнял плечи, слегка вращая ими – как всегда, затекли. Кажется, он никогда не шевелился во сне. Потянулся за снятыми очками, протирая глаза и недовольно шипя – без «волшебных стекол» мир вокруг представал размыто. И так с семи лет.

Повезло, что во время явления Мидгардсорма прежние очки каким-то чудом уцелели. Но все эти невероятные впечатления оставались в прошлом и не интересовали, пока мысли занимал новый план.

Команда – если можно было так назвать Скерсмола, увернувшегося в свой длинный шарф, и Мани, нагло оставшуюся на кровати – еще крепко спала. Но Сварт сразу же растолкал их, скинув Мани, подпрыгнувшую от неожиданности, и пнув Скерсмола, отчего последний сонно заскулил, точно истощавший гончий пес.

Особенных поручений для них не нашлось. Конечно, Сварт мог бы потребовать слушать, что говорят люди в городе относительно преступлений, но мнение об интеллектуальном уровне команды не позволило даже поделиться с ними подробностями дела. Условились, как и накануне, изучать Свифтфиш и вечером встретиться снова в таверне.

Скерсмолу капитан напомнил об обещании убить, если снова увидит с картежниками. А еще поклялся всех долго и мучительно пытаться, если кто-то неосторожно раскроет личность капитана. Но, кажется, команда была не так глупа, как мнилось. И после скудного завтрака они разошлись.

Снова предстал город. Повозки в колесах скручивали солнце, оплавливающее небосвод, реющее в вышине, точно неподвижная птица.

Птица... Неподвижная... Сварт невольно поднял глаза, с опаской посмотрел на небо. Ему казалось, что там непременно должна висеть та самая черная птица, которая преследовала его несколько дней назад. Он был уверен: именно преследовала. Как же иначе?

Бред! Нерационально! Он привык полагаться на разум, слушать голос рассудка. Черной птицы вроде бы не оказалось на небе, и невольно Сварт ощутил странный покой – не сошел с ума. А птица пришла не за ним, не его земной бег ей прерывать. Но... Нет! Ошибся – вестник неподвижно повис на небе. Черный силуэт. Или нет...

Люди не смотрели на небо, закручивая торговыми повозками жизни. Люди, может, и не видели вовсе эту птицу, что не парила на ветру, не страшилась бури. Птицы не существовало? Может, она только казалась. Может, черной только выглядела от отблесков солнца. Не узнать, не поверить.

Наваливалась духота. Хотелось уйти от тесного одиночества в толпе, когда небо ближе, чем бело-фальшивая штука-

турка домов...

Сварт резко опустил голову, уставившись в грязноватые булыжники, вдавленные в землю, затем снова с опаской поднял глаза на небо – все, исчезла птица. Не возникала нигде. Опять. С каких пор вот так?

– Всегда ты за мной наблюдаешь, посылаешь своих вестников... Что тебе от меня надо? – пробормотал невольно вслух Сварт, косясь на небо. К кому обращался? Знал только он... И не знал.

В это время из ближайшей к таверне лавки выкатился – да, именно выкатился – Сумеречный Эльф. Наверное, от той самой вдовы, к который подлец сбежал ночью.

– О! Привет, псих! – довольно улыбнулся Сумеречный Эльф, помахивая руками и тряся головой, отчего нечесанные длинные патлы развевались на ветру.

– Что?! От психа и слышу! – лицо Сварта перекошилось от такой фамильярности. Да так перекошилось, что очки заметно съехали набок. Мысли о разных черных птицах испарились из головы, проглоченные яростной досадой и негодованием.

– Пардон! Гудбай! – бросил нелепицу Сумеречный Эльф, отмахнулся и бесшумно растворился в воздухе, осыпавшись подхваченными ветром вороньими перьями. И при этом не вызвал подозрений у прохожих. Не иначе при помощи массового гипноза.

Сварт замер, совершенно взбешенный и пораженный. Ка-

питан изначально не понимал неожиданного пришельца, а теперь и вовсе отказывался находить смысл во всех его поступках.

От вдовы ли выходил Сумеречный Эльф? И почему тогда растворился? К тому, что он мог раствориться в воздухе и исчезнуть в неизвестном направлении, Сварт уже немного привык. Но капитан был вне себя от ярости. Он спокойно принимал ненависть к своей персоне, ненависть он даже любил. Но вот оскорбления и насмешки действовали на него как мелкие иглы, которые втыкает неразумный карлик в стопу великана. И великан желал растоптать всякого ничтожного карлика, вот только последний растворился в воздухе пару секунд назад. Может, не растворился? Сварт еще не мог принять этот факт.

На всякий случай он забежал в лавку: за прилавком стояла женщина в длинной юбке и накрахмаленной кофточке с вышивкой. Очень приличная, даже чересчур, несколько чопорная. Она тихо приветствовала вошедшего, продолжая протирать склянки с сушеными растениями, которыми торговала. Кажется, дела шли не очень... Сварт случайно подмечал все мелкие детали, совершенно ненужные, неважные. Но за чем-то все видел, сопоставлял и анализировал.

– Где он? – едва сдерживая гнев, бросил Сварт.

Руки дрожали от злости, но он заставлял себя контролировать эмоции.

– Кто, господин? – непонимающе поглядела женщина.

– Покупатель ваш!

– С самого утра у меня не было покупателей, – удивилась женщина, отвечая спокойно, явно привыкнув к чрезмерно суетливым посетителям.

– Да нет, он к вам ночью пришел. Сумеречным Эльфом называет себя.

Сварт немедленно понял, что зря выдвинул прямое обвинение, но на этот раз гнев опередил разум. За это капитан уже досадовал на себя. А хозяйка оскорбилась, сурово сдвигая выцветшие брови:

– Вы с ума сошли, господин?! Я приличная женщина! И по ночам не принимаю мужчин!

Сварт негодовал: Сумеречный Эльф снова одурачил его. Но приходилось смирять свой гнев. Хотя он мечтал уничтожить всех лицемерных горожан, этих жалких глупцов и трусов, каждое живое существо в этом городе.

Он ненавидел людей. Он почти реально ощущал запах их крови, вытекающей из распоротых лезвиями тел. Но все же Сварт слишком четко понимал, в каких ситуациях позволено быть ненормальным, жестоким, а в каких – нет. Вспышка бессмысленной ярости могла привести к неприятным последствиям для «себя любимого». Поэтому, старательно перемалывая нанесенную обиду, Сварт попытался как можно спокойнее продолжить:

– Кхм-кхм... В таком случае прошу прощения, видимо, я обознался. До свиданья!

– До свиданья! – недоверчиво скривила губы женщина.

Сварт вышел из лавки, несколько сбитый с толку, встряхивая головой:

«Так... Кому мне верить? Вдова может лгать, да и Эльф тем более... Ну, и что это было?! Пусть еще только попробует... Это все его наваждения! Его! Что если у него дела в других мирах были? Каких других мирах, Сварт, что за бред? Это не имеет отношения к делу, как, впрочем, и черная птица. Надо ей – пусть парит. Но все же жутко. И еще этот голос... Голос».

Глава 23.

МУЗЫКАНТ И МАСКИ

Сварт вновь скользил по улицам, искал улики. Он вернулся на место последнего преступления – следы, конечно, затоптали, осталась только грязь в тесном проулке.

Капитан, самовольно записавшийся теперь в сыщики, еще раз прошелся по лавкам и долго изучал не самые новые газеты, которые рассказывали о предвыборной кампании. Серые листы с дешевой краской уже отдавали сырым запахом разложения, и старые новости тонули в этом духе прошлого. Но для Сварта череда смазанных слов складывалась в картину с тайным смыслом.

Он долго и чрезвычайно вежливо говорил с начальником местной типографии, для самоуспокоения представляя в сладких мечтах, как он медленно и изощренно уничтожает

этого «тупоголового сноба». Зато в конце льстивых переговоров добился того, что ему позволили поглядеть в архиве старые номера.

Всю мозаику событий Сварт выстроил у себя в голове из коротких заметок старых газет о состоянии дел того или иного торговца, подписании новых договоров и тому подобно-го. Под конец изучения он довольно ухмыльнулся. Он-то уже все понял, но нахмурился, когда осознал, что одни газеты ничего не докажут. Зато он, чужеземец, почти как наяву увидел всю жизнь города, которая проходила до прибытия неожиданных путешественников.

Ближе к вечеру Сварт пошел в салун у ратуши и снова поздравил музыканта. Безвкусный тип по-прежнему старательно импровизировал на хромом фортепиано и охотно преврался на дармовую выпивку к неудовольствию хозяина.

Музыкант в этот раз оказался намного менее доверчивым, чем накануне, и говорил неохотно. Но Сварт заливал его уши комплиментами и снова угощал, расхваливая «непревзойденную игру». Мысленно он морщился от количества фальшивых нот.

За время служения в доме Вессонов Сварт отлично научился различать хороших и плохих музыкантов, ведь ему приходилось самому выбирать состав оркестра для приемов. Он слушал и оценивал, каких исполнителей пригласить в дом ненавистных хозяев. Он добился и этой привилегии, сделав лорда практически беспомощным в принятии решений.

И оценивал он весьма старательно, несмотря на всю ненависть к тому, какую роль приходилось играть в тот период. Возможно, роль он ненавидел, но ведь не себя. Так что не позволил бы кому бы то ни было усомниться в собственном вкусе или манерах. Это нарушило бы ядовитую сладость блестящего спектакля.

В какой-то мере он скучал по таким представлениям, которые возвращали в нем неповторимую ненависть ко всему живому.

Теперь же он не пребывал в какой-либо роли, но и себя настоящего не показывал. Носил временную безыскусную маску, как на карнавале. Но ерзающий на высоком барном стуле музыкант вынуждал «украшать» и старательно поддерживать образ маскарадного уродца.

Сомнительный тапер явно хотел сбежать, видимо, тревожился, что странный господин слишком радушно к нему относится. Уже второй раз зачем-то хвалит. Сварт не скупился, спуская последние деньги, и заставлял несколько недоумевавшего бармена постоянно обновлять содержимое широкой глиняной кружки тапера, притом свою оставлял практически нетронутой.

Музыкант потирал несколько дрожащие руки, но под пристальным взглядом навязчивого собеседника невольно выпивал предлагаемую отраву средней крепости. Усталость за день брала свое, через какое-то время тапер довольно улыбнулся, сладко и печально вздохнув. Тут-то и посыпались во-

просы, не все сразу, а планомерно, осторожно, но на прежнюю тему.

– Как у тебя вообще жизнь, друг? – мягчайшим голосом ободряюще поинтересовался Сварт.

– Жизнь. Да так, музыкантская, как обычно, – отмахнулся тапер, опрокидывая в себя кружку.

Кажется, часто он играл в салуне, зато пил редко. Только слушал сквозь свои фальшивые ноты, как хозяин наливает гостям. И завидовал.

– Сегодня играешь в доме короля, а завтра у обочины в пыли? – подталкивал к требуемой теме Сварт.

– Ну, не такие контрасты, конечно, – пожал плечами собеседник, но откинулся на высоком табурете, плавно жестикулируя: – Но вот, положим, недавно я у мэра играл в доме, а сейчас снова в этой дыре. Как повезет.

– Будешь называть дырой мое заведение, вылетишь и отсюда! – вмешался не вовремя подслушавший хозяин, но возмущенно удалился, яростно вытирая подвернувшийся под руку стакан.

– Кто же тебя пригласил к мэру? – искреннее усмехнулся Сварт, ровным счетом не понимая, как такая бездарность могла трогать клавиши рояля в приличном доме.

– Думаешь, я такой плохой музыкант? Сам господин Нилс порекомендовал! – обиделся тапер, уже еле-еле шевеля заплетающимся языком: – Эй, приятель, куда же ты?

Сварт оказался около фортепиано, метнувшись туда, точ-

но тень, пока музыкант допивал свою кружку. Больше поить его не стоило: обещал упасть, так и не рассказав больше ничего полезного. Этого Сварт не желал бы. Успокаивающим тоном он обратился к вызывавшему презрение собеседнику:

– Друг мой, а не покажешь ли ты мне, как устроен твой чудесный инструмент?

– Гусли? – кажется, совсем захмелел музыкант, но посту- чал себя по щипаной белесой голове и догадался: – А! Это... Этот... Форт... фортепия... Фортепиано! Ну, смотри, приятель... Все просто!

«Человек искусства» охотно снял крышку с инструмен- та, удалось ему это не с первого раза, но достаточно скоро, несмотря на дрожащие руки. Фортепиано плохо закры- валось, да и вообще казалось, что разохшиеся облупленные доски скоро развалятся.

– В-вот смотри... Это колки, это струны на них... Ой, как тут все расстроено-то! То-то я так погано играю. Надо бы на-строить. А почему это их тут так много? Эй! Струны, вы куда? Куда! Не убегайте, – начал достаточно бессвязно объяс- нять музыкант, ероша волосы. Кажется, в глазах у него дво- илось.

«Так он еще сам понимает в настройке инструмента. Ну, что ж, может, он еще не так безнадежен», – усмехнулся Сварт, едва сдерживая издевательскую ухмылочку. Но то, что капитан увидел внутри пианино, вполне его удовлетво- рило. Нет, конечно, гора пыли его раздражала. А вот отсут-

ствие трех струн – притом толстых струн – весьма обрадовало. А потом музыкант начал трезветь и спохватился:

– Хотя... Господин, зачем вам на все это смотреть?

– Да, пожалуй, я действительно задержался, – согласился Сварт, кивая и поправляя очки.

А лицо музыканта вдруг подернулось тенью ужаса.

– Господин... Ой, господин, – шумно вдохнул он, словно подавился воздухом, и прикрыл медленно рот дрожавшей ладонью, как будто не решаясь что-то сказать. Тапер снова испуганно поглядел на Сварта, неуклюже плюхнувшись на табурет возле инструмента. Видно, только это спасло его от падения.

– Сад! Уволю к змею морскому! За работу! Гости скучают, – заревел хозяин из-за стойки, грозно размахивая, как пиратским флагом, засаленным пегим полотенцем.

– Я... Это... – проямлил музыкант.

Только он оглянулся на хозяина, Сварт уже успел пропасть из виду. По части эффектных исчезновений он не испытывал проблем так же, как и Сумеречный Эльф. Люди тоже далеко не всегда замечали, куда испаряется собеседник.

И вот капитан уже снова быстро шел по улицам, с лица его не сходила злорадная целеустремленная усмешка, пока он размышлял: «Три струны пропали из фортепиано в салуне. О них настройщик молчал. С чего бы говорить? Не правда ли? – Сварт хитро улыбнулся сам себе. – Но кто-то же их вытащил, аккуратно вытащил. Этому кому-то помогали. Что

если это и был настройщик? Куда тогда делись струны из рояля в доме мэра? Кто имеет доступ к роялю и там, и здесь? Только настройщик. Но настройщика вызывают, когда уже есть поломка. Много ли музыкантов в этом городе, кроме этого недоучки?»

Сварт задумался, в каком районе мог проживать старик-настройщик. В дорогом квартале у главной площади вряд ли, судя по его виду. Впрочем, в совсем бедняцком тоже маловероятно – не та профессия.

«Итак, сообщник есть. Музыкант. Он оставался допоздна, вынуть струны из фортепиано – нечего делать. Но зря мне попался настройщик, зря-зря он ко мне подошел с попыткой навести на мэра. Это слишком подозрительно. Он слишком плохо играл роль стороннего обывателя, скучного старикашки. Хуже всего, что ему поверили морские стражи. Интересно, поверил ли в эту сказочку про доброго свидетеля тупоголовый капитан Даркси?»

От целеустремленности притупилась даже вечная мигрень. Выветривались воспоминания о голосах в ночи, о черной птице – все пустое. Так он и забывал о творящихся с ним странностях, погружался в измышление новых планов, обдумывание ролей и масок.

Сварт легко скользил по улицам в поисках дома настройщика. Адрес он не узнал, но некоторые рассуждения помогали сделать вывод, где мог жить такой человек в небольшом городе. Мелькали, точно вехи жизни, улицы, дома, поворо-

ты, тупики, арки в стенах, мосты. Лабиринт старого города.

Он искал дом настройщика, измышляя новую роль, наиболее подходившую для разговора с подозрительным стариком. Он осознал когда-то одну простую истину: лицедейство предшествует убийству. И именно благодаря маске убийство приобретает особенный терпкий привкус вожаделенной кульминации в представлении жизни.

Порой он с командой истреблял целые корабли, пароходы, где были только морские стражи. Сабли прерывали чужие судьбы, незнакомые, скучные, «несыгранные». Ничего, кроме жажды убийств, Сварт не ощущал, и вскоре этого быстро сгорающего чувства стало недостаточно. И он начал искать иной источник темного наслаждения. Сначала он тратил львиную долю своей энергии для поддержания игры, маски, а затем возвращал себе сторицей, лицезря отчаяние людей, которых он предал. Вернее, к которым он втерся в доверие, а затем показал, как жесток бывает мир. Декорации рушились, маски сгорали, и представал истинный оскал самой смерти, которой Сварт провозглашал себя.

Впрочем, настройщик – иное дело, он изначально не мог доверять человеку, бесцеремонно влезшему в ход расследования. Он выстраивал свой спектакль. Так что начинать игру, как рассудил Сварт, вообще не имело смысла. Старик уже видел капитана вне всяких ролей. Хотя... Нет, всегда оставалась маска, только разной плотности. Она прилегалась к лицу, да и непроглядно черная душа носила сотни масок. Ино-

гда эти маски были так искусно выточены, что сторонний наблюдатель готов был бы решить, что это вовсе не игра, а раздвоение личности. Но... Он старательно играл свои страшные роли.

– На этой улице проживает настройщик? – спросил Сварт у первого встречного, когда черед поворотов вывела его на тихий проулок с аккуратными лавчонками и мастерскими.

Квартал занимали швей-модистки, мелкие ремесленники и местные «люди искусства», судя по вывескам и одежде горожан.

– Да, там, за углом. Вы не пропустите, – махнул прохожий.

Вскоре замаячил дом настройщика, неприветливо громахавший на всю улицу ржавой вывеской. Вокруг него носились с бешеным чириканьем стаи ласточек, облюбовавшие для гнезд крышу двухэтажного жилища с опадавшей поблекшей штукатуркой.

Сварт не любил животных, потому что не мог понять их логики. Их поступки, переплетаясь с культурными особенностями людской жизни, порой приобретали дико нерациональные формы, которые раздражали капитана, не терпевшего беспорядок.

По этой же причине он ненавидел неаккуратные жилища, несимметричные углы, неопрятную одежду. Когда все было расставлено по местам, он почти не замечал мира вокруг. Этот мир не вторгался в его внутренний мир, не отвлекал от мыслей. Но стоило внести толику хаоса, в нем словно тоже

просыпался какой-то хаос: хотелось разрушить все до основания, чтобы сделать еще хуже, чем есть.

Он становился беспощадным, точно мстил самому себе, тому, другому, рассудительному перфекционисту, который больше был склонен измышлять хитрые планы, нежели кромсать людей саблями. Впрочем, сущности обоих, ютясь в одной заблудшей душе, были непроницаемо черны, покрыты копотью, липким бесцветным налетом, точно на старой посуде. О, да, липкую посуду Сварт тоже ненавидел, как и вообще многие липкие субстанции. После случая с осьминогами – в особенности. Все клейкое и вязкое вызывало неприятные ощущения.

«Вязкое... Как твоя душа. Как то, что к ней приклеено с рождения. Тебе нравится быть таким? Ведь нравится. Не испытывать сожалений, угрызений совести? Тебе нравится быть таким, как мы. Свободным!» – донесся из глубин сознания страшный голос. Застилая мир вокруг, блеснули алые глаза, снова коготь провел по бумаге. И улицы превратились в лабиринт, в ловушку, из которой не вырваться. Сварт вздрогнул от боли, пронзившей голову и сердце. Но вскоре все прошло, остались только ласточки, мелькавшие, как крошечные черные пятна. И чудилось, что их стая складывается чернильной кляксой в омерзительный оскал. Сварт зажмурился и протер очки.

От заставлявшего морщиться визга ласточек и громахания на ветру злосчастной вывески вовремя отвлек разговор

двух женщин, донесшийся из неказистого неровного дома. Одна из говоривших развешивала белье на длинной веревке, протянутой между короткими гвоздями, вбитыми в фасад дома. Вторая, судя по одежде, торговка, прибежала к подруге в гости обсудить сплетни.

Та, что развешивала белье, спешила поделиться новостями. Помимо обыденного женского бреда удалось выудить нечто дельное:

– Эй-эй, а я видела тут знаешь кого? Вечером. Не поверишь!

Сварт напряг слух, делая вид, что задумчиво наблюдает за ласточками. Они все мелькали и мелькали, защищая гнезда, как будто боялись появления опасного зверя.

– Кого? – заинтересованно вытаращила глаза румяная торговка, завертевшись на месте.

– Не поверишь! Нашего... – начала ее собеседница, отвлекаясь от белья. Но она наклонилась и прошептала на ухо.

Сварт тихо выругался. Впрочем, тут же успокоился, стараясь запомнить внешность женщины. На всякий случай. Она что-то знала, что-то видела, хотя верить до конца не стоило. Хватило бы и одной зацепки, чтобы мозаика сложилась. Но женщине не поверили.

– Сдурела? – махнула на нее полной рукой подруга, продолжая разочарованно: – Тебе померещилось! Что ему делать на наших окраинах?

– Не знаю. Но он заходил в мастерскую настройщика, сам,

без посредников. А потом выходил с чем-то... Кажется.

– И что ты всегда придумываешь...

– Не придумываю, – обиделась женщина, решительно выплескивая из тазика мыльную воду, как будто нарочно метя на краешек длинного подола недоверчивой подруги.

Торговка проворно отпрыгнула, как и Сварт, к ногам которого потекла вдоль плохо вымощенной улицы мыльная жижа, смешавшаяся с грязью и пылью. Таким жестом хозяйка как будто выпроваживала обоих – и подругу, и чрезмерно любопытного прохожего. Будто знала, что мыльную воду с грязью Сварт тоже терпеть не мог. Конечно, жизнь всякое заставляла вытерпеть. И он терпел – некуда деваться. Но когда требовалась сосредоточенность, незначительные мелочи, неприязнь к которым он обычно молча преодолевал, отвратительно явно напоминали о себе.

И приходилось искать новую роль, роль человека, которого не раздражают эти мелочи. Ведь роли не всегда необходимы только для осуществления хитрых планов. Иногда они создавались для защиты себя.

Мыльная вода с грязью и вовсе казалась чем-то непристойным, сокрытием какой-то мерзости, как шторы будуара в публичном доме.

Но, кажется, сказывались долгие часы бессонницы, а еще нервное напряжение, в котором Сварт пребывал с момента размещения в городе. Напряжения, зажатости в рамки чуждой реальности. И от этой скованности отлично избавлял ди-

кий пир убийств, смывал все, как тайфун, сбрасывал все маски. Но нельзя, нельзя... Пока нельзя. И он продолжал с наслаждением мучить себя.

Женщины разошлись, а Сварт поднялся на невысокое разбитое крыльцо мастерской настройщика. Дверь оказалась не заперта, настройщик тоже не уходил со своего места, грустно что-то перебирал за серым деревянным прилавком, часто вздыхал и даже не сразу заметил посетителя, видимо, совершенно не надеясь на появление такового. А когда заметил, кто пришел, сразу же сменил выражение морщинистого лица. Снова возник образ суетливого старикашки, но Сварт-то еще накануне заметил притворство.

– Добрый день, господин... М... Хм-м... – несколько растерянно приветствовал его настройщик, кажется, не ожидая вторжения в мастерскую.

– Клиентов, судя по всему, в Свифтфише немного? – небрежно бросил Сварт, не трудясь над соблюдением приличий, считая это излишним снисхождением.

Тем более, мастерская настройщика являла миру жалкое зрелище: деревянный прилавок потемнел от времени, в дощатом полу зияли щели, перемешанные с ходами в мышинные норы, струн и музыкальных инструментов в мастерской вообще не нашлось, а с балок свешивалась паутина.

– Ко мне приходят клиенты со всего острова, господин, – гордо ответил настройщик, распрямляясь и хватаясь за поясницу.

– Очевидно, на острове их «очень много», – скептически заметил Сварт, с издёвкой скривив прокушенные губы. Корка лопнула, по спине прошел холодок.

– А вам-то что до всего этого, господин? Я настройщик, у меня есть работа. Если вы по делу – к вашим услугам за умеренную плату. Если праздно поболтать – уж извините, временем не располагаем-с, дела.

Старик помрачнел, ему явно делалось неуютно под пронзительным колючим взглядом. Он перестал любезничать и выпроваживал. Никому не нравится – да в его-то годы – выслушивать язвительные замечания и переживать топтания на «любимой мозоли». А мозоль оказалась знатная.

Сварт еще раз обвел взглядом мастерскую, позволив себе немного пройтись вдоль прилавка и заглянуть за него. В свете закопченной масляной лампы, которой еле-еле помогали узкие окошки возле входа, различить что-либо было сложно. Но наметанный глаз заметил все мелкие детали.

К пущему недовольству настройщика капитан еще раз прошелся по мастерской. Но тут же порывисто отвернулся и направился к выходу, не переставая слегка криво полуулыбаться самодовольной ухмылкой азарта.

Нет, рояльные струны он не нашел, зато обнаружил, что несколько половиц в комнате как будто слегка приподняты. Словно под ними находится люк. А еще удивился, почему у настройщика почти нет струн, спросив:

– Господин, так что же с вашей мастерской?

– А вы будто не видите сами... – пробормотал старик недобро, невесело продолжая: – Я на мели. Дела пошли совсем плохо, наш новый мэр посчитал, что финансирование музыкантов – избыточная роскошь для города. Я ждал вот новые струны, так корабль попал в шторм. Вот последние отдал господину мэру, хоть он музыку не любит. Но куда деваться!

Лицо старика выражало растерянность и озлобленность. А Сварт снова смерил его взглядом и, как казалось, запечатлел лучше любого фотоаппарата каждую деталь одежды и внешности. Настройщик бессильно выставил перед собой руки, исполосованные старыми следами от струн. Он как будто не хотел выражать свое негодование, но просто не мог не пожаловаться на отчаянность ситуации, в которой оказался.

«Кажется, не врет. Опять этот мэр, опять у кого-то зуб на него. Скользкий он тип. Да все равно. Пусть будет хоть змеем морским – все равно, если я получу награду. Кто же из всех вас, недоумков, исполнитель? Скоро выясним. Очень скоро», – подумал Сварт, покидая мастерскую. Он увидел все, что хотел.

Глава 24.

СУМАСШЕДШАЯ ЧАЙКА И ЗМЕИНАЯ КОЖА

Мидия человеческих жизней раскрывалась все шире и к середине дня совершенно распласталась мельканием дел. К вечеру створки тонкой раковины городской суеты начинали смыкаться. Карнавальная пестрота телег с фруктами и тканями медленно покидала главную площадь, оставляя ее в одиночестве меркнувшего песчаника строгой городской ратуши.

Работа сменялась отдыхом, и каждый верил в свою свободу, но действовал в общем потоке. Стоило лишь чем-то поделиться – конец репутации «нормального» человека. Этот поток разрывался только трагедиями. Но не всегда и не для всех. Свободы в понимании Сварта здесь никогда не существовало. Разве только гигантская волна цунами могла смыть

ревушим потоком эту поющую устрицу с волнующимся микромиром внутри.

«Ты бы хотел получить силу цунами? – слышался голос с задворок сознания. – Признайся, хотел бы. Алмаз Времени – такая сила. И Страж Времени тебе поможет. Сам того не желая, он тоже станет нашим, когда ты поможешь нам. Представляешь, какая сладкая месть за все его придирки и унижения? Слышишь? Ты получишь силу, о которой даже не мечтал! А мы получим всех Великих Змеев и Тринадцатого Стража».

Сварт зажмурился, протирая очки. На искусанные губы засочилось что-то теплое, отдающее металлическим привкусом. Он остановился посреди улицы, медленно рассматривая алые пятна и не сразу догадываясь – это его кровь, вытекающая из ноздрей. С чего бы?

Все этот голос. Голос... Или что-то похуже, что-то исключительно человеческое, что-то в этом жилистом теле. Что-то давало сбой. Наверное, так он и решил, что пиратская жизнь ему наскучила – изматывали вечные мигрени, бессонница, невыносимая усталость.

«Паршиво», – подумал он, стараясь игнорировать страшные совпадения. Он стоял посреди улицы, медленно отсчитывая вдохи и выдохи. И, казалось, впервые за время скитаний по Свифтфишу по-настоящему видел город. Просто так, чтобы на что-то смотреть, а не чтобы извлечь выгоду.

Горизонт золотился сусальными ободками, расчерчивал

дома мерцанием сумерек. Наставали краткие мгновения, когда мир виден яснее, чем в слепящем пекле полудня и холодном мороке полуночи.

С реки доносился тухлый запах тины и рыбы. Никак не хотели уgomониться крупные морские чайки. Птицы сновали по улицам и крышам, высматривая пустыми глазами, где что урвать, отгоняя поджарых кошек от мелких остатков улова рыбаков. Последние шипели на грязноватых портовых птиц, отвечавших дурными голосами. Шла нещадная дележка, хотя рыбы хватало всем. Но неразумные твари боялись, что завтра изобилие страшным образом иссякнет.

Борьба чаек и кошек невольно напоминала дележку власти... Везде, всюду. Торговцы в Свифтфише, джинны-захватчики из Гриустена – все просто неумные жадные чайки. И один затерянный капитан в их числе.

Сварт поймал себя на мысли, что без цели смотрит на эту склочную борьбу. Казалось бы, теряет время. Порой на него нападало такое оцепенение, что само существование материального тела, плоти ставилось под сомнение. Ощущения притуплялись, оставался только мозг, рассудок-машина. Оставалось ли что-то, кроме рассудка?

Внезапно одна из чаек отделилась от стаи и подскочила к Сварту, так резко и целенаправленно, что пират удивленно посторонился. «Проклятая тварь! Я тебе не рыба и не кот!»

Но через миг птица резко выросла в размерах, достигнув человеческого роста, отряхнулась от перьев, подправила

контуры и оказалась... Да... Кто бы сомневался, Сумеречным Эльфом!

Кажется, такое представление опять заметил только капитан, потому что трудолюбивые граждане продолжали потихоньку завершать повседневные дела, предвкушая отведать дома ужин. А Сварт никогда и ничего не ждал, может, поэтому и видел такие чудеса. Может, и не желал бы ни видеть, ни слышать. Сумеречного-то уж точно! Да и тот голос, от которого кипела голова.

Сварт ощутил, как его рот скривился в нервной ухмылке, прерывавшейся лающими смешками:

– Ты? Ты!

– Кар-кар... Э... То есть... Кья-Кья... – изобразил крик чайки Сумеречный Эльф, помахав руками: – Ну, я.

– Как ты смеешь появляться передо мной после утреннего?

Сварт задыхался от гнева. Зато теперь догадался, как мистический пришелец очутился в один злополучный день на его корабле – прилетел чайкой или вороной. Да, безусловно, самое «логичное» объяснение. Но другого не существовало.

– А что было утром? – изобразил дурачка Сумеречный Эльф.

– Ты забыл? – сдержанно и высокомерно процедил сквозь зубы Сварт, стараясь не поддаваться на провокации, потому что знал: любой провокатор добивается гнева и негодования. Сам пробовал такую стратегию.

– Тебе померещилось.

– Я здравомыслящий человек. Мне ничего не мерещится, – совершенно хладнокровно отозвался Сварт, наконец найдя тот тон разговора, против которого Сумеречный Эльф не мог выдвинуть бастион бесконечных шуточек.

И для чего этот «ангел-вредитель» иногда так распускался? Очевидно, от недостатка внимания, ведь с прибытием в город он стал почти не нужен. А впрочем, Сварт вспомнил свою установку: Сумеречный Эльф – враг, сколько бы ни прикидывался другом. Так что его случайные бессмысленные выпады – не более чем попытка заставить Сварта на миг сорвать личину добропорядочного горожанина или путешественника, подтолкнуть к проявлению жестокости, чтобы он погубил себя.

Да-да, все именно так, хотя логические рассуждения подсказывали, что, желай мистический Страж Вселенной его убить, мог осуществить замысел еще в открытом море. Внутренний голос намекал, что навязчивый спутник целенаправленно куда-то ведет, тщательно выбирая места и людей. Например, Мани и Скерсмол появились в новой команде явно с каким-то замыслом. Неразгаданный план больше всего прочего выводил из себя.

Хотя пока ничего плохого из-за Сумеречного Эльфа не случилось, но в этот день он как будто совершенно разучился держать себя в руках.

«Мозги себе чайчи, что ли, оставил при превращении?» –

скривился Сварт, ухмыльнувшись своей чудной мыслишке.

– Здравомыслящий, – нараспев проговорил назойливый собеседник: – Позволю себе не поверить. Ну, это... Извини... Мне тоже не нравится голос у тебя в голове.

Сварт вздрогнул и торопливо пошел прочь от «чайки», вверх по набережной по направлению к их таверне на окраине города. Сумеречный Эльф вприпрыжку понесся следом. Он едва поспевал за высоченным Свартом, чьи шаги оказывались на порядок длиннее, хотя спутник тоже не слыл коротышкой.

– Эй! Я же извинился... Хочешь убить меня? – пробормотал тихонько Сумеречный Эльф.

– Не представляешь, насколько! – резко обернулся Сварт, но тут же заметил, что на угрожающее повышение его голоса отреагировали несколько прохожих. Три чопорные дамы средних лет в накрахмаленных передниках и чепцах настороженно смерили нарушителя спокойствия пристальными взглядами.

– Прямо здесь, где полно народу? Ты не так глуп для этого, – рассмеялся спутник, но вдруг лицо отразило знакомый оскал маньяка, он придвинулся вплотную и прошипел собеседнику на ухо: – Вот выйдем в море, тогда будет много времени меня убивать, я не против. Назначаю поединок на Ифритовой Смерти. Идет?

– Иди ты знаешь куда...

Сварт проскрежетал сквозь зубы нечто неразборчивое, у

него пока не находилось ответа. Он не верил и в существование островка. Да и реальность спутника порой подвергалась сомнению.

– Ну, а пока просто извини, что ли. Нет, ну, правда, извини, – размахивая руками, продолжал Сумеречный Эльф, и то смеялся, то скалился: – Извини за голос в твоей голове.

– Сволочь... Когда я принимал чьи-то извинения? – ухмыльнулся Сварт, однако предвкушение грядущих поединков на корабле или острове приятно уничтожало сжатый комок нервов в груди.

С момента прибытия в город этот клубок змей ненависти к людям лишь рос, сплетался новыми узлами. Сварт заставлял себя подмечать детали, особенности поведения, действия, но не людей. Людей он слишком ненавидел, желал убить и неосознанно обвинял во всем, что случилось с ним в этой никому не нужной жизни.

– Ненавидь одного меня. Лелей мечту победить меня. Так безопаснее, так пострадает меньшей людей. Иначе снова созерцать мне в зеркале пустоты свое чувство вины. Особенно, если что-то случится с мастером Вейячей, – едва уловимым шепотом ответил мыслям капитана Сумеречный Эльф, на миг взгляд его дрогнул трещинами вечной скорби, а потом снова заиграл озорством: – Ну, тогда не извиняй... Что сейчас-то можно сделать?

– Исчезнуть тебе. Навечно. И прямо сейчас, – ровным тоном ответил Сварт.

Гнев его чаще всего был холоден. Обычно он молча злился, не повышал тона при разговоре, а потом в какой-то миг срывался и начинал убивать.

– Нет, я так не играю, – захлопал глазами Сумеречный Эльф, не найдя ничего лучшего для ответа.

– Играешь... Ты все играешь. Не сомневаюсь, – вздохнул безнадежно пират, потирая виски, переводя разговор на другую тему: – Между прочим, ты ведь не был у вдовы.

– Почему это? – поинтересовался Сумеречный Эльф уже у входа в таверну.

На улице стремительно темнело. Мрак обрушивался на город, как волна урагана. Но ветер не шевелил кроны деревьев, не стучал листьями пузатых пальм.

– Я неплохо рассмотрел ту женщину, – ощутил, что наконец сумел задеть самолюбие провокатора, Сварт.

– Почему ты решил, что я именно к ней пошел? – заинтересовался ходом рассуждений собеседник, зачем-то учтиво отворяя дверь перед капитаном. Кажется, он опять менял свою игру, изводящую своей бесцельностью.

– Поблизости от трактира нет других лавок, где были бы хозяйки без мужей, – небрежно бросил Сварт, приподняв край узких злых губ.

– А ты неплохо все замечаешь, – рассмеялся назойливый собеседник: – Когда только научился. Впрочем, я мог пойти вообще на другой край города... Короче, да. Не был. Дело одно было в другом мире.

– Другом мире... Бред.

– Пойдем. Темно уже.

Они зашли внутрь. В лицо привычно ударил душный запах пота, скопившийся в дешевом заведении за день. Кто-то еще цедил свое пиво, скрючившись предрассветным фантомом в отсветах пламени. Тень от обширных рогов над каминной полкой рисовала причудливые жутковатые узоры на потолке. И в их изгибах на мгновение почудились алые глаза. Сварт замер и инстинктивно потянулся к несуществующим саблям, но даже пустые ножны остались в камерке наверху. Сумеречный Эльф, видимо, тоже инстинктивно заслонил спутника собой. Как будто они оба узрели то, что другие не замечали.

«Пошел прочь!» – истошно крикнула тень в голове Сварта. Из ноздрей снова засочилась кровь, но он не обращал внимания.

«Не дожدهшься!» – прорычал в ответ Сумеречный Эльф. И воздух вокруг снова пронизал морозный иней. И снова за спиной неудавшегося Стража Вселенной распростерлись крылья, осыпавшиеся зыбкими вороньими перьями.

«В тебе самом первородная тьма. Как в Хаосе! Кого ты надеешься спасти? Ты мой слуга. Мой лучший эксперимент, лучшая подмена. Ты мой! Всегда был моим, – смеялся голос и угрожающе скрежетал: – Оставь мне «ключ»! Он должен умереть. И он умрет, чтобы ты ни делал. Зачем тебе все это? В тебе тьма! Тьма хуже, чем в этом пирате!»

«Убирайся!» – решительно выкрикнул Сумеречный Эльф, взмахнув крыльями. И тень от рогов на потолке резко уменьшилась, потеряла густую черноту, заполнившую вытянутый зал таверны. Иней исчез, и посетители снова обрели подвижность, точно кто-то по мановению воли останавливал и запускал ход времени.

Сварт стоял как во сне, уже не надеясь сохранить здравый рассудок. Списывать на бессонницу все эти странности не получалось. И он не признавался себе, как на самом деле напуган.

– Капитан, у вас кровь, – вывел из оцепенения встревоженный голос подбежавшей Мани.

– Ерунда.

– Не ерунда. У меня брат так чуть не умер после травмы головы, – заметил подошедший Скерсмол.

«Брат... Вот, на кого ты можешь быть похож, ничтожество», – невольно вспомнил Сварт. Но о каком брате шла речь – нет. Да это и не имело значения, если, конечно, брат не ходил под флагом враждебной пиратской команды. Например, на пароходе Дарара. Но о грядущих потрясениях не хотелось думать. Особенно после увиденного.

Сумеречный Эльф уже сидел за столом, правда, от веселости не осталось и следа. Он нервно сгорбился и посматривал на тени в углах и на Сварта. Временами они встречались взглядами. И капитан невольно понимал тревогу спутника.

– Скерсмол, где деньги? – перевел тему разговора Сварт,

усаживаясь напротив Сумеречного Эльфа и требуя ужин у хозяина трактира.

Фигуры людей маячили, как сквозь марево. Четко выделялись только тени. Сварт протирал очки, но это не помогло.

– Вот, я все-таки выиграл. Хотя нарушил ваш запрет на счет карт, – виновато пробормотал Скерсмол.

Сварт посмотрел на монетки, положенные ровной стопкой на столешницу, и молча сгреб их в опустевший в течение дня мешочек.

– Эльф, а ты его слышал? Этот голос, – тихонько спросила Мани, покачиваясь на скрипучем стуле. Она тоже смотрела на тени в углах. Один Скерсмол ничего не замечал.

– С тобой все будет хорошо, – успокоил девчонку Сумеречный Эльф. – Я обещаю.

«Что? Что с нами должно случиться?» – хотел получить ответы Сварт, но гордость не позволяла задавать вопросы о каких-то голосах. Возможно, Мани боялась чего-то другого, например, морских стражей. Но если бы... Сварт чувствовал, что их преследует одна тварь.

– Я навверх. Разрешите? – спросил Скерсмол, неуверенно кашлянув. Мани увязалась за навигатором, робко улыбаясь Сумеречному Эльфу.

– Катись, – махнул Сварт.

Он сидел над принесенным ужином, но не чувствовал вкуса риса и жидкой подливы. На прокушенных губах оседала

горечь пепла.

«Тошно. От всего тошно, – подумал Сварт, вставая из-за стола и кидая трактирщику отсчитанные монеты. – Если есть способ вернуть время и все забыть, все эти голоса, все это унижение – я готов рискнуть».

Сварт оставался внизу, с подозрением рассматривая оленьи рога над камином. Не пожалев остатков денег, он заказал небольшой стакан чего-то крепкого, самого крепкого из местных «отрав». Настолько ядреного, что Сумеречный Эльф невольно сморщился, когда капитан одним махом уничтожил напиток, нисколько не изменившись в лице. Вкуса «отравы» он тоже не почувствовал – только пепел.

– Кстати, как расследование продвигается? Я вот знаю, кто убийца, – пространно проговорил Сумеречный Эльф, теперь прикидываясь праздным обывателем и небывалым скромником. Он не переставал хитренько коситься, ожидая реакции. Особенно на последнюю свою фразу.

– Я тоже знаю, – ухмыльнулся язвительно Сварт, кажется, слегка отпраздновав свое открытие крепким напитком, но помрачнел: – Но в суде необходимы доказательства. И твои знания, в целом, бесполезны в этом деле.

– Что верно то верно. Никогда не любил юристов и бюрократов из-за этого. Столько людей пострадало от их косвенных улик и ложных обвинений, – вздохнул собеседник.

– Мне плевать на людей, – продолжил вполголоса Сварт, следя за тем, чтобы разговор не подслушали посетители

трактира. Но их оказалось в тот вечер немного.

– Но ведь их убивали, – растерял осколки веселья Сумеречный Эльф.

– Что я, по-твоему, делал нередко? – приподнял левую бровь Сварт: – Да и ты, я не сомневаюсь, тоже.

– Что верно то верно, – виновато проговорил собеседник, хотя эти слова явно застревали в горле, скрипя шестернями заржавленного механизма.

– Пойду я наверх. Еще слушать весь этот бред про тьму не хватало, – бросил Сварт и поднялся по шаткой лестнице в тесную каморку, которую им сдали за четверть цены. Да этот чулан не стоил и четверти.

– Здравия желаем, капитан! – услышал, едва успел распахнуть дверь каморки, Сварт.

Мани и Скерсмол застыли по стойке «смирно» и отдали честь своему капитану. То ли тренировались, то ли издевались.

– Заткнитесь, шелудивые псы! Хотите выдать меня?! – гневно поправляя сползшие очки, прошипел Сварт.

Он подозрительно оглядывался, понимая, что у него уже вырабатывается мания преследования. Но за спиной маячил только Сумеречный Эльф, способствуя развитию этой мании своими неожиданными появлениями и исчезновениями.

– Простите, господин! – сжалась в комочек Мани, крайне виновато глядя на капитана.

– Я тебе говорил, Мани, что это не лучшая затея, пока

мы инкогнито, – прошептал испуганно навигатор, сутулясь больше, чем обычно.

– Заткнись, Скерсмол, – шикнула на товарища по команде девчонка, тот действительно замолчал. Но встряхнул головой, точно не понимая, как такое возможно.

– Ну, дожили... Мне почти тридцать, а мне затыкает рот пятнадцатилетний подросток.

– В качестве извинения примите это от нас, господин! – продолжала подготовленную заранее речь Мани.

В уважительном поклоне девчонка протянула крупную головку местного сыра.

– Украла? – недовольно глянул Сварт, догадываясь, что продукт не из самых дешевых.

– Нет, не украла, – ответила Мани и продолжила складно выстроенную речь: – Капитан! Из-за нас вам приходится экономить на всем. Это скромная благодарность, несоразмерная вашей щедрости!

Мани и Скерсмол преданно глядели на капитана, который не мог понять, чего таким поведением пытается добиться команда. В бескорыстность он не верил.

«Да что я здесь вообще? Что с ним не так? Они все знают, кто я такой. Почему не желают ненавидеть? Ума не хватает?» – подумал пират.

– Да будет лицемерить, – пробормотал недоуменно Сварт, хотя в искренность Мани с трудом не верилось.

Может, она не лицемерила, но и всю правду не говорила.

На этот раз старательно смирила свою наглость, сравнимую с наглостью бездомного котенка, нашедшего временное пристанище. Так же, как бездомные зверьки, она радовалась тому, что жива.

Жива еще один день, еще один миг. А что в следующий – неведомо никому, поэтому счастье в будущем не существует. Только его ожидание, если убедить себя в этом вечном ожидании.

Сварт нашел себе иной смысл существования: ожидание мести. И не замечал, как растворяются мгновения реальности, возможно, драгоценные. Реальность иссякала. Голос из кошмаров обещал ему власть или смерть. Власть и смерть. Или только смерть? Все сходилось на Алмазе Времени. Вернуть бы время, а там бы и голос исчез.

– Разрешите доложить! – снова вытянулась по стойке «смирно» Мани.

– Говори, – коротко отозвался капитан, откладывая сыр на кривоногий стул, один из тех, с которых полночи падал Скерсмол.

Мани, кажется, привыкла докладывать произошедшие события и новости. Но торопилась, потому что не могла понять, какая часть этой информации важна, так что говорила все:

– Нет, не украла. Мы ведь инкогнито, я решила, что это небезопасно. Заработали в порту. Сегодня Скерсмол помог мне с разгрузкой кораблей, там отличные ребята есть,

обещали помочь, если у нас когда-нибудь будет корабль. Но моряков там мало, нанять некого, стражи и корабельные мастера. Приходит много кораблей на ремонт, но новых строится достаточно мало, однако последний новый корабль, бригантина, был сделан безупречно, как мне показалось. Идеальный баланс, даже если грузы в трюме не будут полностью равны по весу на разных бортах, то корабль не станет менее маневренным. Но это все торговые корабли, военных мы не видели, только морских стражей, но они сделаны не на этом острове. Не очень давно этот город вообще был почти деревней, даже штаба морских стражей не было. Все местные корабли выглядят достаточно новыми. Люди говорят, что господин мэр и какой-то крупный торговец, господин Нилс, соперничали. Вот так в этом соперничестве город и расцвел.

– Пожалуй, от крайней степени тупиц вас отделяет пара пунктов, – Сварт с одобрительным высокомерием кивнул, поняв, что Мани удалось выудить из слухов и разговоров некоторые полезные сведения.

– Вы так любезны, капитан! – лучисто заулыбалась девочка.

– Теперь самое время обсудить план действий, – вмешался воодушевленно Сумеречный Эльф, вынырнув из тени возле двери.

– Это я решаю! – невольно сжались кулаки капитана.

– Я просто прочитал твои мысли и озвучил. Удобно ведь! Даже говорить не надо, – снова изобразил радостного идиота

собеседник.

– Не смей читать мои мысли! Кхм-кхм... – Сварт заставил свой голос вернуться с повышенных тонов на приглушенные: – Итак, шелудивые псы, завтра я иду в штаб морских стражей, чтобы объявить, кто убийца, и получить награду. Но эти шакалы могут оказаться слишком жадными. Есть вероятность, что нам придется спешно бежать из города. Мани!

– Да, капитан! – чуть не подпрыгнула от оказанной ей чести девчонка.

– Ты будешь следить с безопасного расстояния за штабом. Если начнется заварушка, ты поймешь и предупредишь остальных. Если придется бежать, встречаемся в порту возле доков, – дал короткие указания капитан, подробнее он и сам бы не смог сказать. Несмотря на продуманный план, многое оставалось за удачей и силой убеждения.

– Есть, капитан!

Условились, что в случае самого неблагоприятного исхода событий Скерсмол будет ждать с лодкой на берегу реки за чертой города. Навигатор впал в короткую панику насчет того, как он добудет лодку, но Мани резко одарила его затрепщиной, сказав:

– Молчать!

И это подействовало, наверное, после подзатыльника навигатор вспомнил, что в порту доживали свой век несколько старых лодок. На большее рассчитывать не приходилось. Но

это в случае самого неблагоприятного исхода, а Сварт был достаточно уверен в себе.

– А... Мне что делать? – ощутил себя обделенным Сумеречной Эльф, когда короткое «совещание» объявили закрытым.

– Тебя вообще не должно здесь быть, – издевательски оскалился на него Сварт.

– Карта-карта, у меня карта! Ифритова Смерть, сокровища, время, поединок, – просвистел как будто совершенно случайно собеседник, чтобы команда не догадалась.

– Ладно! Ты со Скерсмолом, – Сварт понял, что без навязчивой галлюцинации не обойтись.

– Спасибо, капитан! – успокоился Скерсмол.

«Проклятье! А ведь это очень рискованно. Я, скрывающийся пират, собираюсь в штаб морских стражей. У меня нет ни единой улики, ни единого вещественного доказательства, только предположения. Но так только интереснее», – ухмыльнулся Сварт своим мыслям.

Азарт и свежая острота ощущений проходили по его телу приятными покалывающими волнами: намечалась крупная игра, новый спектакль. Хоровод доказательств, версий и, главное, эмоций подозреваемых. А это так увлекательно – рассматривать, как люди, словно змеи, проткнутые прутом, начинают изворачиваться, только быстрее губя себя.

Сварт заснул с этой мыслью и, кажется, зря помыслил о змеях, потому что на протяжении душной ночи являлись

странные видения, будто он не человек вовсе, а крылатый змей, пытающийся вырваться из старой кожи. Но кожа липла, словно патока.

«Ты наш, ключ Великих Змеев», – шептал голос, и мерцали красные глаза.

Крылатый змей все стремился куда-то ввысь, прочь из этой кожи, но за каждым слоем пестрой шкуры рептилии оказывался еще один, не менее липкий, чем предыдущие. И так до бесконечности... Но солнце грядущего плавало сны. Наступало утро.

Глава 25.

НЕВЕРНЫЕ КООРДИНАТЫ

– Младший лейтенант Янори, можете объяснить, как мы здесь оказались?

Закуда Мауден никогда не проявлял свой гнев открыто, до рукоприкладства к нижестоящим по званию тоже не доходило. Четкое следование инструкции о субординации научило сдерживать малейшие стихийные порывы.

«Мы служители порядка, мы служители порядка. Хаос для асуров», – твердил себе Закуда и в этот день, но едва сдерживался, чтобы не схватить бестолкового напарника за ухо или за торчащие во все стороны светлые вихры.

Младший лейтенант как будто не догадывался, какую важность представляет их миссия: сам хранитель лета Тарваи отдал приказ об уничтожении капитана Сварта. И Закуда

де, как самому ответственному из армии фей, поручили сначала провести разведывательную миссию, понаблюдать издали. А потом нанести сокрушительный удар, по возможности, скрытно. Но он был готов и к поединку. Но он никак не ожидал того, что предстало взору, когда они использовали перемещение.

– Да не знаю я! Не знаю! – растерянно восклицал Янори.

Он вроде бы тоже служил порядку и поддерживал жизнь библиотеки Большого Дерева. Но, кажется, ни разу не дочитал до конца великий «Свод Правил». Наверняка засыпал после каждой страницы, не ощущая должного благоговения. И поэтому, конечно же, понятия не имел, как надлежит общаться к страшим по званию.

Когда Закуду назначили наставником Янори, он надеялся искоренить неорганизованность растрепанного мальчишки. Но вот Янори возмужал и показывал отличные результаты как защитник свитков, а общаться надлежащим образом так и не научился. Иногда у него получалось обращаться по форме, но не в минуты волнения.

– Отставить! Докладывайте по уставу, младший лейтенант, – сухо приказал Закуда, слегка приподнимая левую бровь.

Янори уже выучил это едва уловимое движение в мимике напарника. Оно означало предельную ярость. Но вместо внятного доклада младший лейтенант вцепился в светлые вихры, неразборчиво восклицая:

– Ой-и-и-и!!!

– Отставить! – повторил Закуда и перешел на другой язык: – Янори! Ты объяснишь или нет, как мы здесь оказались?

Это подействовало на напарника лучше, чем уставная жесткость формулировок, которой позавидовали бы закоренелые бюрократы в академиях джиннов. Закуда не признавался себе, но, похоже, он столько лет терпел Янори, чтобы не раствориться в лабиринте правил, приказов, списков и формуляров. Несносный мальчишка своим неподчинением будил нечто живое в высушенной, как лист пергамента, душе старшего лейтенанта.

– Так что? – настаивал Закуда. – Как мы оказались в Гриустене? Капитан Сварт, по нашим данным, намного севернее.

– Не знаю, – слегка успокоился Янори, растирая виски, точно это помогло бы ему вспомнить, где он оплошал. – Я взял список Стрен Дж. Мани. В нем точно были упоминания о Сварте. Мани отдавала ему головку сыра. – Янори улыбнулся. – А еще они так смешно его приветствовали... Мани очень забавная.

– Не отвлекайся, Янори, – кивнул Закуда. – Я тоже видел этот свиток. Так где ты совершил ошибку?

– Ошибку... Ошибку, – неуверенно взмахнул крыльями Янори, озираясь по сторонам. – Но ошибки не было! Клянусь, не было!

– Тогда как же мы здесь оказались? Янори, ты столько раз проделывал прыжки через свитки – часто не делу – и именно в этот ответственный день ты не видишь, где допустил ошибку? – посетовал Закуда.

– Постой-ка... А где это «здесь»? – вдруг непривычно серьезно нахмурился Янори.

Закуда и сам хотел бы разобраться, где именно. Он понял, что они попали в Гриустен, по стершейся табличке с вязью джиннов. К счастью, магия Большого Дерева позволяла феям читать и писать абсолютно на всех языках их мира. Впрочем, почти исчезнувшее наименование местечка ничего не объясняло.

«Большие щуки» – так когда-то называлось крошечное рыбацкое поселение. Когда-то табличка висела на столбе возле дороги. Ныне все поросло бурьяном, провозгласившим исчезновение цивилизации из этих мест.

Вились лианы, распускались ярким пламенем орхидеи. Разноцветные растения устилали живым ковром остатки разрушенных домов, медленно сливавшихся с влажной топкой землей. Под ногами плескалась каша ряски, возникавшей на поверхности почвы при каждом шаге.

Бурная река, впадавшая в море, отвоевывала себе год за годом все больше пространства, тесня разросшиеся корни деревьев, выпростанные из земли, как лапы пауков. Земная и водная стихии боролись в немом поединке, а о существовании людей уже почти ничто не напоминало: улицы исчезли

под наступлением папоротников и диффенбахий с мясистыми листьями, бревна шатких домов на сваях покрывались мхами и лишайниками. Природа забирала принадлежащее по праву.

Закуда не понимал одного: почему власти Гриустена вновь не заселили деревеньку. Судя по полноводности реки, рыбы хватало бы еще на многие годы. Наукократия джиннов предполагала использование всех ресурсов максимально рационально. В этом старший лейтенант поддерживал философию джиннов.

Противоречие заключалось лишь в том, откуда они черпали энергию для новых изобретений – паровых котлов и генераторов. Но не забывали и о необходимости кормить население, так что отдавать лесу приносящую прибыль деревню они не стали бы. Ведь они искали выгоду в каждом клочке земли на принадлежавших им территориях. Особенно в Гриустене. Удивляло и настораживало, отчего жадные создания не заселили заново деревню, даже если случился ураган или иное бедствие.

Людей в государствах под управлением джиннов обычно не спрашивали, где они хотят жить, просто переселяли при необходимости. Сомнительной платой служили технические новшества, якобы облегчавшие тяготы быта и хозяйства. Рожденные в таком строе привыкли и обычно не возражали. Население с захваченных территорий Круны временами поднимало бунты, которые в течение тридцати лет то

учащались, вспыхивая опасным пожаром, то угасали тлеющими углями.

Закуда, как и прочие феи, душой и мыслями поддерживал людей, боровшихся против диктатуры Гриустена, оправдывавшего движением к торжеству науки уничтожение природных богатств своего края и захват чужих территорий. Но опустошенная рыбацкая деревня не сохранила следов ожесточенной борьбы восставшего населения. Все как будто исчезли.

От мыслей отвлек звонкий голос Янори, зашедшего в один из уцелевших домов:

– Закуда! Закуда! Здесь... здесь...

Старший лейтенант ожидал чего угодно: гигантскую змею, логово ядовитых пауков, ловушки охотников. И еще сотни вещей, которые любопытный Янори не учел, неосторожно вломившись в покинутое жилище.

– Скелеты. Я вижу, – почти разочарованно пожал плечами Закуда, поднимаясь на провалившееся крыльцо одноэтажной хибарки. – Янори, вы уже достаточно опытный воин, чтобы не удивляться таким вещам.

– Что здесь случилось? – встряхивал головой напарник.

Закуда осмотрелся, приоткрывая дверь, повисшую на одной петле. Мох и лишайник проникли в брошенный бедный дом, несло сыростью и сладковато-гнилостным духом разложения.

Догнивала грубо сколоченная мебель, на столешнице и

колченогих табуретках выросла целая колония ядовитых грибов. Под потолком свили гнездо несколько птиц, из-под провалившегося пола выскальзывали многочисленные насекомые. Дом не оставался совершенно безжизненным. Природа сама заселяла укромные уголки.

И только два скелета на прогнивающей узкой кровати напоминали, что здесь когда-то обитали люди. Они застыли рядом, как осколки прошлого, как два средоточия забытой боли.

– Не похоже, что они умерли насильственной смертью, – сдержанно начал Закуда, добавив сочувственно: – Но... умерли в муках и корчах.

– Эпидемия? – резонно предположил Янори.

– Похоже. Не советую трогать здесь что-либо. Особенно без перчаток, – кивнул старший лейтенант.

Он не хотел, чтобы напарник погиб бесславной смертью, как несчастные жители исчезнувшего поселения. К счастью, форма фей предполагала ношение черных перчаток в дополнение к строгим костюмам.

Доспехи и мечи у боевых хранителей библиотеки появлялись от амулетов, заряженных самими драконами. Закуда помнил, как еще рядовым с придыханием брал в руки круглый медальон из длинных когтистых пальцев самого мастера Вейячи. Казалось, хранитель зимы наделил Закуду морозным спокойствием и стальной непреклонностью. И теперь старший лейтенант направил их против древнего дракона,

оставленного в заточении на ветвях дерева.

Закуда сожалел о жестокости правил, но иного решения они с Тарвай не нашли. И так казалось, что они бросили в самом сердце библиотеки опаснейшее оружие, точно склад динамитных шашек рядом с костром.

Время работало против них, асуры что-то замышляли. Капитан Сварт шел куда-то в сопровождении Сумеречного Эльфа. А пропавший свиток Аманды Вессон не позволял определить ее местоположение. Последний раз ее засекли недалеко от берегов Гриустена на торговом корабле, дальше след обрывался.

Сварта надеялись вычислить по косвенным уликам – его новой команде. Закуда проклинал свою неосмотрительность: следовало взять свиток шулера Скерсмола, но они выбрали свиток Стрен Дж. Мани. И по непонятным причинам он привел их в джунгли.

– Надо осмотреть другие уцелевшие постройки, – нахмурившись, заключил Янори.

– Вы не так глупы, младший лейтенант.

– «Большие шуки»... «Шуки»... Как будто это название должно что-то мне говорить. Или не мне? – бормотал напарник, спуская с крыльца.

– Вспоминайте, младший лейтенант. Вспоминайте, как может быть связана давняя эпидемия с капитаном Свартом и его новой командой.

– Свиток сам спутал координаты. Зачем? – думал вслух

Янори, исследуя уцелевшие постройки.

Он заглядывал в покосившееся курятники и под лодки, словно искал что-то. Напарника захватывал лихорадочный интерес, точно он знал что-то, о чем не догадывался Закуда. И незнание удручало, обычно это он снабжал всех информацией, бережно собранной перед любым расследованием за пределами Большого Дерева.

На этот раз он не проверил подробно биографию Стрен Дж. Мани: этим занимался Янори, убедив, что все под контролем. Закуда подозревал, что все дело в том, что напарник поссорился с Чари и назло решил найти себе новую девчонку. Но, похоже, все было не так просто, и Янори знал, что делал.

Он резко остановился посреди пустынной площади, на которой еще торчал столб-тотем с надписями и полуистлевшими яркими лентами – место собраний и праздников, ядро поселения.

– Закуда! Я вспомнил! – воскликнул Янори. – Это деревня, из которой бежала Мани.

– От эпидемии? – немного напрягшись, предположил Закуда.

– Похоже, она единственная уцелела, – сжав кулаки, заключил Янори. – Я вспомнил свиток. Мани жила в «Больших щуках» до девяти лет. Потом на деревню обрушилась какая-то неведомая болезнь. Да, она единственная уцелела. А те скелеты, которые мы видели в доме... это... это ее ро-

дители.

Закуда тактично молчал. Хранители свитков судеб изначально готовились к таким новостям, наращивали на душу броню. За годы служения и изучения картотеки старший лейтенант, похоже, совершенно пропитался чужой смертью. А Янори пока не привык, что хранители судеб – это хранители трагедий.

– Говоришь, неведомая? – встrepенулcя Закуда. – И лекарства не нашли, раз эта деревня стала запретным местом.

– Похоже. И за Мани велась охота, насколько я понял. Как за возможным носителем... инфекции, – медленно, точно задыхаясь от возмущения, отозвался Янори, рассматривая вьющиеся по ветру истершиеся ленты. – Ее преследовали отряды джиннов, борющихся с эпидемией. Она сбежала на пиратском корабле. И выжила, до сих пор жива.

«До сих пор... Долго ли теперь? После того, что мы узнали о ней. Что я узнал. Как будто ей дали сбежать намеренно», – с тревогой подумал Закуда. Возможно, цепочка событий и совпадений повелела бы в скором времени прервать жизнь несчастной девушки.

Старший лейтенант был уверен в себе, а вот душевное равновесие Янори вызывало слишком много сомнений. Напарник был живо вовлечен разумом и чувствами в то, что творилось с теми, о ком они хладнокровно читали в библиотеке. И если для Закуды существовал только долг перед Большим Деревом, то Янори в силу молодости и горячности

видел людей.

– Жива и в команде Сварта, – напомнил Закуда.

– Мы оба знаем, как это получилось, – осадил его Янори. – Она бы не пошла под начало этого кровожадного безумца, если бы оставался другой выбор.

«Да, не пошла бы. И поэтому убивать ее не за что. Совсем не за что. Но если придется? Ничего, мы еще не знаем наверняка, что с девчонкой что-то не так. Просто ее свиток вывел нас сюда. Но зачем? – недоумевал Закуда. – К месту ее рождения, средоточию самых ужасных воспоминаний. Вероятно, когда умерли все, кого она знала, душу ее переполняло отчаяние. Страдания и боль... Боль и страдания. Кто обычно жаждет появления этих чувств?»

– Младший лейтенант, вы осмотрели всю деревню? – с тревогой спросил Закуда.

Беспокойство нарастало, и чудилось, что сквозь тяжелые тропические запахи цветов и гнили пробивается какой-то другой. Привкус пепла.

– Еще нет, – вздрогнул Янори и тоже беспричинно потянул носом воздух.

Закуда скользил между домов, поднимаясь над деревней и желая рассмотреть все с высоты. Густые заросли наступавшего леса не позволяли увидеть цельную картину, поэтому вскоре пришлось спуститься на землю недалеко от крошечной центральной площади.

Янори все еще что-то внимательно изучал неподалеку,

точно надеялся разглядеть следы. Скорее всего, они оба ощущали смятение беспричинной тревоги, нараставший холод в груди. Оставалось полагаться на это предчувствие и на собственный нос, выделявший из приторных ароматов цветов отчетливый опасный запах вулканического пепла. Даже если бы не оправдались страшные предположения, дым вывел бы на какой-нибудь костер, возможно, вражеский лагерь. И Закуда больше обрадовался бы засаде джиннов, чем тому, что вскоре пришлось узреть.

– Янори, – негромко позвал он.

Голос беспричинно осип, как после сильной простуды. Впрочем, слов-то не требовалось. Напарник видел все сам: у края деревни воздух вился и набухал пульсирующим нарывом. Пространство искажалось, как неверное зеркало мутной воды, растягивались контуры ближайших деревьев и развалин.

Сомнений не осталось: они нашли расселину, ведущую в Бездну, точнее, в мир асуров. В их ловушку, из которой те иногда вырывались через такие порталы.

«Твари! Сколько уже веков лезут к Большому Дереву – самому крупному portalу во многие миры», – со злостью подумал Закуда. Волосы на затылке зашевелились, как шерсть на загривке разъяренного сторожевого пса.

В голове сложилась четкая картина: инфекция, выкосившая деревню, пришла из Бенаама. Асуры часто насылали эпидемии неизлечимых болезней в те миры, куда открыва-

лись их ядовитые порталы.

Спутанные линии мира чернели от человеческих страданий, как гниющая раздробленная конечность. Мироздание терзалось не меньше, чем люди, распадаясь гангреной испорченных линий. И тогда твари получали достаточно мощи, чтобы окончательно разорвать их, напоить скверной людской боли и отчаяния. И создать «подкоп», ведущий из тюрьмы, в которую их загнала собственная жадность.

Больше двух тысяч лет назад белые линии миров сомкнулись вокруг гибнущего Бенаама и запечатали паутину черных, в которую он превратился. С тех пор асуры искали способ вырваться, выбрав своей мишенью мир Большого Дерева.

Так рассказывал мастер Вейяча, а ему передал Сумеречный Эльф, пришедший однажды предупредить о горькой напасти. С тех пор и началась вечная война. И феи не ведали иного долга кроме защиты библиотеки.

– Треклятые асуры! – выругался Янори, добавив в конце несколько более крепких слов. Не по протоколу, зато по делу.

«Ничего, портал небольшой, много тварей через него не прорвется. А если и прорвется, то вряд ли сможет вернуться», – успокаивал себя Закуда, но портал разрастался, точно почуяв свежую кровь. Уже веяло не пеплом, а гнилью раскопанных могил. Нечто надвигалось или, что хуже, уже проникло в их мир.

– Возвращаемся. Немедленно! – эмоциональнее, чем обычно, приказал Закуда. – Свиток Стрен Дж. Мани тоже поврежден асурами, раз он вел к расселине. Необходимо срочно сообщить мастеру Тарваи. И закрыть лаз в мир Бенаам!

Феи не могли работать с линиями мира напрямую. Им требовалось зарядить амулет силой хранителя. Но теперь они знали точные координаты, куда необходимо вернуться. Закуда надеялся, что ничего страшного не случится. Напрасно.

– Вы никуда не пойдете, – вдруг послышался резкий голос.

Глава 26.

ИСПЫТАНИЕ СТАРШЕГО ЛЕЙТЕНАНТА

Напарники обернулись – за их спинами выросли пять массивных силуэтов. Внешне они напоминали джинов: крупное телосложение, огненная аура, пробегавшая язычками пламени вдоль рук и одежды. Но когда пришедшие подняли глаза, в них показалась крошечная тьма, олицетворение хаоса.

Джинны Гриустена, конечно, тоже не обрадовались бы неожиданному визиту фей, но Закуда четко уловил подвох. Вероятно, твари вселились в отряд, посланный в джунгли для оценки ситуации по давней эпидемии. И с тех пор маскировались под солдат, призванных разведывать новые территории: об этом говорила их пятнистая черно-зеленая форма. А на деле враги все эти годы охраняли портал в Бенаам.

«Асуры», – подумал Закуда, обнажая меч. В библиотеке им пришлось столкнуться с целым войском, но сражались они под сенью Деревя. Магия драконов подпитывала их силы и укрепляла дух.

Теперь же двое разведчиков очутились совершенно одни на территории враждебной страны без возможности немедленно вернуться: свиток Стрен Дж. Мани не работал, как предполагается. Закуда еще не понимал, в чем подвох. Для начала следовало выбраться. А вот этого асуры не хотели позволить.

Первый револьверный выстрел снес верхнее украшение на деревенском столбе-тотеме – искусно вырезанного орла. Янори успел уклониться, отлетев в сторону. Легкие крылья стрекотали на ветру, когда мимо них засвистели новые пули. Напарник носился со скоростью проворной мухи.

«Револьвер!» – мысленно приказал Закуда своему клинку, и зачарованный меч превратился в новейшее оружие. Вместо пуль в патронах бился чистый огонь, пламя драконов-хранителей, частица которого заключалась в амулетах солдат-фей.

Закуда откатился к ближайшей разваленной хибаре и ушел от свистящих пуль, пронесшихся над головой. Янори атаковал асуров с мечом, старший лейтенант прикрывал, вскинув новоявленный револьвер.

Стрелял он всегда метко, воспринимая точное попадание как провозглашение порядка. Один выстрел – один сраженный асур, как галочка, поставленная в списке картотеки.

Упорядоченность.

Но на этот раз враги попались ловкие и хитрые. Занятые тела джиннов позволяли им превращаться в столпы чистого пламени. Пули проходили насквозь, не нанося вреда.

Закуда стремился обойти противников, атаковать с тыла, но асуры рассредоточились. Янори взлетел ввысь и скрылся в ветвях раскидистого дерева. Он тоже превратил свой меч в револьвер и теперь отстреливался из кроны. Но с такого большого расстояния пули не достигали цели.

С тревогой Закуда понял, что зажат в клещи: он скрылся в прогнившем домишке, забившись под высокие шаткие сваи. Выскочить наружу не позволял шквальный огонь из пяти стволов. Янори выбрал для себя более удачную позицию обороны. Но напарники оказались разделены. Асуры же прочесывали деревню, вынуждая Закуда медленно пятиться.

– Сожжем их! – предложил один из врагов.

И над хужиной взвился столб огня. Закуда вылетел из окна и нырнул в реку, которая на его счастье протекала возле жилища. Составить план в такой ситуации не удалось бы в любом случае.

Крылья намокли, как и одежда. Вызванную из амулета броню пришлось срочно свернуть, поскольку она тянула ко дну. Закуда нырнул глубже, когда мимо него с глухим плеском пронеслось еще несколько пуль.

Огонь не доставал его в реке, повезло, что аура джиннов не позволяла воспламенять хотя бы воду, но над головой

вместо неба и деревьев полыхало зарево.

«Янори!» – подумал Закуда, когда в реку, нагоняя волну, упало сожженное дотла дерево, где недавно прятался напарник.

Старший лейтенант почувствовал себя бесполезным и трусливым. Все его правила и кодексы не значили бы ничего, если бы в этот день он не сумел защитить мальчишку, рвущегося в бой. Закуда боялся, что напарник слишком рьяно вылетел на асуров, выдал себя и поплатился сожженными крыльями или – того хуже – жизнью. И не возникало ни единой мысли, как поступить дальше.

Воздух медленно уходил из легких, вокруг носилась взвесь. Потревоженные речные обитатели метались скользкими тенями. Зато они помогали скрыться от новых пуль, Закуда зарывался в ил, как осьминог на морском дне, хотя не становился невидимым от налипшей грязи. И все-таки асуры потеряли его из виду.

Он добрался до перекрывшего реку ствола крупного дерева. Ветви, оставшиеся на поверхности, еще горели.

– Ищите их! Они не должны уйти! – доносились восклицания врагов.

Значит, Янори остался жив. По крайней мере, никто не видел его тела или места падения. Если, конечно, его не сожгли дотла. Так, что не осталось даже костей. Асуры в телах джиннов имели такую силу.

Закуда затаился среди ветвей дерева, весь покрытый илом

и сажей, озлобленный, буквально дрожащий от гнева. В голове мелькал образ напарника, этого мальчишки, которого Закуда мечтал однажды увидеть старшим лейтенантом, а может, и кем-то повыше званием.

«Янори! Ты не мог так пропасть!» – убеждал себя Закуда, цепляясь за ветки. Тело радовалось каждому вздоху после вынужденного заточения в толще воды. А вот душа рвалась в бой, где каждый миг грозил оборвать череду вдохов и выдохов. Закуда сжал револьвер. Пороха в нем не было, значит, ничего не могло отсыреть.

В поле зрения попал один из асуров. Тварь придирчиво осматривала прибрежный тростник и готовилась спалить его, полагая, что кто-то укрывается в зарослях. Неторопливо тыкал носком сапога в ил, слишком медленно и самодовольно – недооценивал фей, их живучесть и смелость.

Закуда не обращал внимания на удушливый дым, проникавший в ноздри и щипавший глаза. Он сидел на ветвях тлеющего полузатопленного дерева и оценивал расстояние: достаточно для точного выстрела, когда цель не замечает противника. И дым не помеха тому, кто готов увидеть даже сквозь сомкнутые веки, лишь бы не дать уйти проклятым тварям.

Револьвер огласил горящий лес коротким хлопком, вырвался сноп ярких белых искр. Магия амулета демаскировала, но иного оружия феи не использовали. Да и зачем, когда пуля точно нашла цель? Асур выгнулся, будто в невиданном

танце, и тело джинна начало стремительно рассыпаться, застыв на земле горсткой праха возле дымящихся сапог.

– Вот он! Вот! – закричали асуры, кидаясь к зарослям тростника, но Закуда уже нырнул обратно в реку.

Над головой пронесся целый шквал огня, теперь и вода начинала разогреваться. В затылок болезненно ударился хвост какой-то рыбы, похоже, огромной щуки, в честь которых и называлась злополучная деревня. Некогда мирный уголок превратился в поле брани.

Закуда не представлял, как действовать дальше. Он трезво оценивал свои шансы: одному против четверых сложно даже в равной борьбе. Но асуры, охранявшие портал, явно не были рядовыми. С такими веками сражался мастер Вейча и прочие драконы. И даже им не всегда удавалось победить. Но хранителям часто приходилось делать невозможное.

Внезапно раздался новый звонкий выстрел, а за ним последовал истошный крик одного из врагов.

«Янори!» – радостно подумал Закуда. Он осторожно вынырнул и рассмотрел еще одну горстку праха на фоне дымящихся сапог.

Напарник же скрылся из виду, асуры отвлеклись на него, и тогда атаковал Закуда. Он выпорхнул из воды, как летучая рыба. Легкие крылья не намокали и не тяжелели, словно жесткие плавники.

«Раздвоение», – приказал он оружию. И вот уже в руках отблеском стали мелькнули два револьвера. Барабаны неуло-

вимо быстро завращались, отбрасывая ненужные гильзы, которые растворялись призрачным туманом. Патроны не иссякали, пока хватало мощи талисмана.

Асуры развернулись и открыли ответный огонь. Закуда облачился в доспехи, хотя от пуль они защищали слабо, но попасть в него с далекого расстояния не удавалось.

«Зачем плавать, когда я могу летать?» – думал он, почти с наслаждением простреливая заросли, в которые нырнули противники. От града пуль их не спасало даже обращение в огненную форму.

«Давай, Янори!» – мысленно взывал Закуда, всеми силами привлекая к себе внимание. Напарник скрылся в зарослях, и старший лейтенант не позволял противникам кинуться на его поиски.

Асуры отправляли в полет смертоносные раскаленные шары, но снопы пламени с шипением гасли, падая в реку. Несколько подпалили рухнувшее дерево, густой столб дыма заслонял видимость и одновременно скрывал.

Закуда с трудом хватал пропитанный копотью воздух, но не покидал укрытия естественной завесы. Противники сами себя ослепили, а на них обрушивались градом пули. Они больше не оставались в подобии человеческой оболочки, сжигая тела джиннов.

«Твари! Теперь только мечом», – понял Закуда, возвращая свое оружие в первоначальную форму.

Трое против двоих – не так уж много. Но речь шла о под-

лых существах, к тому же завладевших чужой магией. Впрочем, выбора все равно не оставалось.

Закуда сложил крылья, метнувшись отточенной стрелой на ближайшего врага. Он кинулся прямо в сердце огненного столба, понимая, что окажется в окружении.

Клинок нанес сокрушительный удар, закаленная пламенем драконов сталь не расплавилась, не дала трещину. Асур взвыл, посыпались яркие снопы искр, Закуда чудом успел уклониться, откатившись в сторону.

Несколько пуль едва не вышибли дух, ударившись в доспех где-то под лопатками. Крыльев не задела – и то хорошо. Огненный шар пролетел над головой, опалив брови. Скрываться оказалось больше негде. Мертвая деревня горела, превращаясь в раскаленную сковороду.

– Убить! – шипели уцелевшие асуры, пока их темный со товарищ дымился рассыпающимся пепельным силуэтом.

Ярость пронизала воздух почти осязаемым ядовитым туманом. Нервы натянулись тугими канатами, одеревеневшими колючими лианами скребло душу напряжение. На раздумья оставались доли секунды: кого атаковать. Закуда понял, что его силы хватит еще на один бросок, а второй асур окажется за спиной. А это означало... Ничего не означало!

Закуда наплевал на все правила и хитрые стратегии. Остался только долг хранителя Большого Дерева. Он сжал зубы и с рыком дикого зверя метнулся на ближайшего асура, пока другой противник поднимал руку, чтобы запустить ог-

ненный шар.

Меч столкнулся с выставленными, как клинки, когтями, асур обнажил свою истинную форму. Но еще сжимал револьвер и стремился выстрелить. Закуда вывернулся, рванулся за спину врага. Обманным приемом он заставил противника совершить выпад и тут же вонзил клинок прямо в сердце асура, в центр огненного силуэта.

– Нет! – взывала тварь.

Закуда откатился в сторону, хотя огонь все равно опалил брови, а горло скручивало удушье.

Он победил, но стремительный прием не спас бы от пламени уцелевшего последнего асура. Закуда чувствовал спиной готовящуюся атаку, против которой не нашлось бы защиты. Оставалось ли жить меньше секунды? Меньше зыбкого мгновения, в котором слились сто вечностей? Закуда не ведал, тело произвольно уклонялось, но ни упругости тренированных ног, ни скорости легких крыльев не хватило бы, чтобы уйти от пламени. Огненная волна нарастала и обещала обрушиться смертельной вспышкой. Но внезапно последний асур громко взыв и выгнулся дугой: из груди его торчал клинок, а за спиной стоял Янори.

Напарник тяжело дышал, латы его осыпались пылью: иссякла магия талисмана. И взору предстала опаленная плоть на левом боку.

«Как ты на ногах еще стоишь?» – ужаснулся Закуда и кинулся к Янори, который продолжал упрямо сжимать меч,

как будто от этого зависела судьба мироздания. Он почти не ошибался, но в пылу битвы не заметил, когда настало ее завершение. Последний асур рассыпался. Лишь дымились уцелевшие сапоги.

И горела вокруг мертвая деревня. Пламя пожирало тотем на центральной площади, проваливались хрупкие крыши, обугливались застывшие вечным сном останки жителей. Лес взметнулся криком испуга: пожар добирался до реки. Птицы и звери стремительно покидали гиблое место. От дыма и огня, казалось, разлом в Бенаам разрастался и отвоевывал себе все больше пространства.

– Надо... закрыть портал, – прошептал Янори.

– Для этого нужна сила мастера Тарваи. Сейчас удастся построить временный заслон. Я этим займусь! Ты только держись, – успокаивал его Закуда, мягким движением призывая опустить меч.

Они не могли покинуть проклятую деревню. Все еще держал их долг, а рана напарника выглядела очень паршиво, даже если младший лейтенант пока не терял сознания. Порой Закуда проклинал все уставы и распоряжения. Но мысль о том, что через зияющий колодец тьмы придут новые твари, заставляла собрать волю в кулак. И сквозь накатывающую муть перед глазами он двинулся к порталу, возле которого воздух волновался липкими хлопьями копоти.

Старший лейтенант сосредоточился, пытаясь предельно отвлечься от реальности, от тревоги за напарника и смяте-

ния в душе. Долг. Долг перед всем Большим Деревом и долг перед всем миром. Возможно, перед мирами, неведомыми и бесконечными. Закуда прикрыл глаза и представил эту бесконечность, которая могла перестать существовать, если бы он, крошечная часть великой Вселенной, не сумел в этот тяжелый день выстроить хотя бы временный заслон.

Феи умели свивать линии мира кольцами, брать небольшие фрагменты и создавать завихрения. Как некоторые шутили: ткать заплатки для полотна мироздания. И лишь драконам открывался дар изменения реальности, позволявший стирать без следа уродливые шрамы. Если бы они так же умели исцелять собственные тела и души... Если бы мастер Вейяча остался с ними... Но он сбежал, бросил их, оставив целый мир на попечение. И старший лейтенант впервые ощущал себя настолько потерянно. На него наваливался груз непомерной ответственности, более тяжелый, чем все, с чем он сталкивался раньше. Казалось, от каждого шага зависит начало или прекращение назревавшей войны.

Закуда действовал на пределе своих возможностей: он создал светящийся обруч, дотянувшийся верхней сияющей границей до крон высоких деревьев, поднял его в воздух и резким движением немеющей кисти обрушил на темную трещину портала, стянув ее.

Обруч превратился в веревку, обмотавшись множество раз тугой петлей вокруг врат мрака, которые вздрогнули и запульсировали, сопротивляясь и корчась. Исчезать они не

собирались, но и разрастаться не спешили. Больше старший лейтенант сделать ничего не мог.

Он тяжело выдохнул и едва устоял на ногах. Сознание позволило сохранить только встревоженный слабый голос напарника. Янори... Младшего лейтенанта, легкомысленного болтуна, который в этот день сражался более отчаянно, чем товарищ. И который, как минимум, два раза спас жизнь опытному воину, ему, Закуде Маудену.

– Они хотели похитить свиток Стрен Дж. Мани, – проворчал Янори, медленно двигаясь вперед. – Охотились за ним. Но я... не отдал.

– Потом, мы разберемся во всем, – ответил ему Закуда. – Сейчас нам главное вернуться к Большому Дереву.

«С командой Сварта что-то не так. Как будто асуры собирают вместе определенных людей. Но зачем?» – подумал он, но не решился поделиться своими опасениями с измученным напарником. К тому же Янори тихо охнул, когда попытался убрать меч в ножны и задел левый бок.

– Не двигайся! – крикнул ему Закуда и подставил плечо.

Он развернул свиток Стрен Дж. Мани – их единственный ключ домой. Ключ... К Большому Дереву. Еще один свиток, который хотели заполучить асуры. Но времени на раздумья не оставалось: синеватое мерцание охватило напарников и понесло незримым потоком напрямиком в библиотеку.

– Когда ты... стал так беспокоиться обо мне? – попытался улыбнуться Янори, но обвис, теряя сознание.

Закуда сам едва понимал, что реально и где они находятся. Перемещение через свитки обычно давалось легко, но теперь мир линий обрушивался давящим потоком.

Стучало в висках, доносились бесконечные голоса, странные образы. Горящий город, горящий мир... И среди хаоса мелькали четыре человека, сеющие смерть. А возглавлял их пятый, непоколебимый и страшный, как сама погибель. И в нем смутно узнавались черты неудавшегося Стража Вселенной. Закуда убеждал себя, что видения наслала ему предельная измученность.

– Что случилось?! – спрашивали их по прибытию в библиотеку. Но лица не запоминались. Все расплывалось разноцветным пятном.

Несмотря на усталость, Закуда поспешил к мастеру Тарвай с докладом, пока товарищи оказывали помощь Янори. Феи напитывали его талисман новой силой Дерева и спешно перевязывали рану.

Сам доклад высшему командованию Закуда помнил смутно, он сжимал в руке свиток Стрен Дж. Мани и не знал, что говорить о нем. Предположения Янори ничем не подтверждались. А перед глазами все мелькал страшный образ: четыре человека, вернее, четыре тени, уничтожающие мир.

– Закуда? – вывел из транса голос.

Старший лейтенант обнаружил себя сидящим на ветке. Странно... Сколько минуло времени? Он совсем не помнил. За пределами кроны распахнула крылья ночь, редкие

огни виднелись у подножья Дерева. Над бескрайним океаном царствовал первозданный мрак, но живой, напитанный свежим бризом, а не застывший удушьем гари и черного дыма. Все минуло, завершилось. Только истерзанное сознание отказывалось принять реальность. Возможно, все лишь начиналось.

– Янори? Ты уже встал? Как ты себя чувствуешь? – обрадовался Закуда, когда увидел напарника.

Младший лейтенант легко парил в воздухе. Крылья его бодро стрекотали. И разве что просторная рубашка, из-под которой виднелась свежая повязка, напоминала о том, что еще недавно друг чудом не погиб.

– Да неплохо, меня живо подлатали. А Мастер Тарваи уже закрыл тот портал и потушил пожар в джунглях. Все хорошо, – улыбнулся он, но вздрогнул. – Что это у тебя?

– А? Где?

Закуда не понял, о чем речь, но взглянул на свои руки и удивился: он все еще сжимал свиток Стрен Дж. Мани. И как будто из-за него не удавалось сконцентрироваться, как будто из-за него возникали смутные видения и образы. Но свиток проверял лично хранитель лета и не обнаружил ничего подозрительного. И все же он по-прежнему вел к вымершей деревне. Деревне, в которой несколько лет назад уцелела единственная девочка.

– Что теперь будем делать? – спросил Янори, усаживаясь рядом на ветку. – Свиток мы отстояли. Это ведь уже... ма-

ленькая победа. Разве нет?

– Боюсь, что нет, – нахмурился Закуда.

– Не понимаю. Что тебя тревожит? Что ты задумал? – встревоженно нахохлился Янори. Его зеленые глаза широко раскрылись.

Так же он смотрел на старшего товарища в первый год службы. Он ждал ответов и объяснений, и Закуда сухо изложил свой жестокий план:

– Воспользуемся свитком Скерсмола, найдем Сварта и Мани. И убьем обоих.

Янори отпрянул, слетев с ветки, и выставил вперед руки, точно отгораживаясь от Закуды.

– Но Мани ни в чем не виновата! – яростно воскликнул он.

– Мы не можем так рисковать. С ее свитком что-то не так. Это признал и мастер Тарваи. Он вел к разлому, Янори! – настаивал Закуда.

Хранитель лета не давал прямых распоряжений относительно Стрен Дж. Мани, но старший лейтенант понял некоторые намеки. Долг хранителей Дерева – устранять все, что угрожает его благополучию. И в новой команде Сварта обнаруживалось все больше необъяснимых странностей. Безусловно, опасных. Без мастера Вейячи они не знали, как с ними бороться. Оставался единственный простой путь, хотя Закуда уже видел подвох в убийстве и проклятого пирата, и несчастной девчонки.

– Мы ничего не знаем наверняка! Сварт, может, и заслужил. Хотя кто мы такие, чтобы быть палачами? Мани такая же жертва, как и мастер Вейяча, – жарко запротестовал Янори, точно уловил неуверенность в голосе напарника.

Закуда и сам не знал, сумеет ли он убить практически ребенка.

– Возможно, все они уже потеряны. Возможно, уже и не люди, а асуры, – убеждал напарника и себя старший лейтенант.

– Но ты не убиваешь мастера Вейячу! – мотнул головой Янори, указывая на дальнюю ветку.

«Пока. Пока не убиваю, – подумал Закуда. – Пока есть надежда, что он где-то в образе проекции найдет свой свиток».

В переплетениях лиан и мозаике листвы просматривался силуэт хранителя зимы. Гигантский дракон сидел в неизменно сторбленной позе, застыв со свитком в лапах. Статуя – не живое существо.

– Так нельзя! – все протестовал Янори. – У нас нет доказательств. Мы даже не нашли до сих пор Сварта и Мани.

Свиток Стрен Дж. Мани и правда все еще показывал ложные координаты несмотря на то, что повествование в нем шло о некоем городке Свифтфише.

– В любом случае, мы обязаны провести разведку, – строго оборвал поток негодования Закуда. Ссориться с напарником не хотелось, особенно теперь, когда у него перед Янори возникало смешанное чувство вины и благодарности. Млад-

ший лейтенант на задании показал себя лучше старшего, который трусливо отмокал в реке. Закуда был собой совсем не доволен.

– Вряд ли получится уничтожить отравленных асурами, если с ними Сумеречный Эльф, – пошел на примирение Янори, рассуждая как хранитель, а не как мальчишка. – Судя по записям в свитке Мани, он помогает им.

– Возможно, он на стороне асуров, – вздохнул Закуда. Такой вариант означал бы катастрофу.

– Или пытаются спасти тех, чьи свитки были повреждены, – оптимистично понадеялся Янори, тихо добавляя: – И нас заодно... Мастер Вейяча верил в него. Почему ты перестал?

– Мастер Вейяча стар и... к большому сожалению, теперь безумен, – сдавленно отозвался Закуда, сжимая кулаки и втягивая голову в плечи. – Я боюсь, что именно Сумеречный Эльф свел его с ума.

– Мастер Вейяча отправился в Бенаам за своим свитком, – уверенно ответил Янори. – А что будем делать мы? Убивать направо и налево, не понимая природы этой угрозы? Я на такое не подписывался, когда приносил клятву защищать не только библиотеку, но и мир.

– Пока надо все обдумать, – кивнул Закуда.

Янори улыбнулся ему и снова сел рядом на ветку.

Они долго молчали, глядя на бесконечный звездный полог. Где-то там, за пределами чернеющего небосвода, суще-

ствовало множество далеких миров, в часть из которых вели порталы Большого Дерева.

Закуда опасался, что из-за промедления хранителей могут погаснуть все эти яркие точки неведомых звезд, пасть жертвой ненасытной жадности асуров. Их короля. Янори же верил, что и Сумеречный Эльф, и мастер Вейяча по-прежнему помогают хранителям в нелегком деле сохранения равновесия. Возможно, и ему, вечному скептику Закуде, тоже стоило поверить?

Но не после всех видений, от которых он теперь не мог избавиться. Четыре вестника гибели упрямо возникали в сознании образами горящих миров, сея хаос. И загадочный пятый вел их сквозь все порталы. Пятый... Разрушитель Вселенной.

ЧАСТЬ IV.
ВОССТАТЬ

Глава 27.

РАЗОБЛАЧЕНИЕ

Сумеречный Эльф рассматривал свою команду в облике грязной портовой чайки. Он бы предпочел образ гигантского черного ворона, но для Свифтфиша такая птица выглядела бы слишком подозрительно. Они ворвались внезапно, пришельцами посреди бури. За ними шел ураган, похоже, так начертали тайные знаки на свитках судьбы. Сумеречный Эльф видел, как отчаянно сражались Закуда и Янори. И как мастер Вейяча в образе Грифа Риппера – его излюбленной проекции – бороздил жаркие степи истерзанной войной Круны. Все происходило в одновременности, длилось и переплеталось.

А он, неудавшийся Страж Вселенной, только наблюдал, сидя на флагштоке городской ратуши. Он ждал, когда настанет время вступить в игру. Все лишь игра, смена масок и об-

ликов. И все же... за занавесом суетных дней таилось великое зло.

Сумеречный Эльф понял, что до завершения «спектакля» не имеет права отлучаться в другие миры и выходить из роли. Пусть Сварт давно опротивел ему своим бездушием. Впрочем, так ли они отличались? Уверенность терялась, разлетаясь ветром, треплющим флаги на ратуше Свифтфиша. Сумеречный не видел того, что творилось вокруг, зато наблюдал за тем, что делалось вдали.

В это утро его команда нервничала больше обычного, что и закономерно. Сварт задумал воплотить очередной свой хитрый план.

– Где эта тварь? – кричал он поутру, спрашивая о нем, о персональном «ангеле-вредителе», Сумеречном Эльфе. А ведь еще накануне не хотел даже близко подпускать к своему возможному триумфу. Или грандиозному падению.

– Сказал, что пошел за лодкой, – оправдывался Скерсмол, падая со стульев, на которых опять ворочался всю ночь.

– Да куда он не пошел! Он сбежал! – рычал Сварт.

Он был взбешен. Всю ночь ему снились крылатые змеи, слезала липкая чешуя-кожа. Он не понимал, кто говорит с ним. Он не желал замечать очевидных вещей.

Видения иссякли, утонув в отсветах зари. Разум заводился, как отлаженный часовой механизм, и ему не подобало отвлекаться на бред смутных знамений.

Обругав нерасторопную команду, Сварт отправился, как

и обещал, в местный штаб морских стражей. Он был уверен в своем плане больше чем на девяносто процентов, но все-таки эти противные десять процентов сомнений не давали покоя. Пусть его и считали мертвым, и в объективы фотоаппаратов он никогда не попадал, но все же все восточное побережье западного материка содрогалось еще четыре года назад от кровавых набегов пиратской команды Сварта Две Красные Руки. Свидетелей обычно не оставалось, но все же легкое беспокойство не исчезало.

Да еще взгляд капитана Даркси отнюдь не радовал, потому что страж как будто что-то скрывал или в чем-то подозревал. И фамилия по-прежнему казалась неприятно знакомой. Сварт при всей своей проницательности не мог выудить из памяти один день, один случай...

Личная неприязнь стража Даркси все равно не позволила бы ему доказать, что странник – это числящийся мертвым капитан Сварт Иренг. Но и Сварту без поддельных документов не светил благоприятный исход в случае разбирательств. Немного ненужных расспросов – а там страж и сфабрикует дело против пришельца, обвинит во всем, что творилось в злочном городишке.

Впрочем, Сварт знал, кому выгодна его версия мотива преступлений. Он очень рассчитывал на то, что его доказательства дойдут до нужных ушей. Но все же терзала неоправданная тревога. Раньше он никогда не сомневался в своем успехе. Но Маиму-Длинноногий научил бояться, посеяв в

душе ядовитые колючки опасений за успешный исход очередного плана.

Вот он, штаб стражей, беленое здание с синими флагами, на которых золотилось пламя – знамена джиннов. За порогом этого аккуратного строения запросто могли арестовать. И тогда без оружия либо сбегать через зарешеченное окно, либо сдаваться. Впрочем, сдаваться в плен Сварт не собирался при любом раскладе. Только не плен, не унижение. Капитан Сварт ни разу за долгие годы пиратства не попадался. Сумеречный Эльф мысленно грустно улыбнулся: он-то знал, он помнил темницу в крепости самого короля асуров. Вряд ли с ней в сравнение шла каторга джиннов. Впрочем, оба места означали скорую гибель. И Страж Вселенной выжил только потому, что к моменту поимки обрел проклятое бессмертие. Сварт же таким не мог похвастаться. Пока.

Он остановился на минуту перед дверью, сжав кулаки – неуютно, совсем неуютно, даже если он не понимал сути этого понятия. Усталые глаза сверлили немоту двери, а она закованным воспоминанием древесины скалилась замком и ручкой.

Дрожание рук – непозволительная роскошь. Страх ведь тоже чувство, а ему, затерянному пирату, жизнь отвела лишь пустоту. Но он медлил.

Реальность – только миг, как пуля пролетит, оставит тот же след. Лишь воздух рассечет. И воздух так же рассекло движение руки, схватившейся за дверное кольцо. Стук отзы-

вался гулом времени в ушах и током крови в голове. Время сменяло кожу змеиных секунд, шипело кипящим маслом. И снова откликнулся чей-то голос: «Да, иди. Иди, мой верный ключ, тебе открыты все дороги, пока я позволяю».

Сварт замер на секунду, не желая выпасть из реальности. Дверь уже отворили. Он вошел, и голос в голове растаял.

«Сейчас или никогда», – подумал Сварт, переступая высокий порог. Всего лишь шаг – в будущее или в пропасть. Шаг в будущее, чтобы вернуть прошлое. Один его миг.

Сумеречный Эльф вздрогнул на вершине ратуши от этого «сейчас или никогда». Так же он говорил однажды, сбегая из темницы короля асуров, когда чаша страданий переполнилась и облекла его новой силой, которую не закладывали в него даже те, кто создавал совершенное оружие против захватчиков Бенаама.

Но с тех событий минуло уже две с половиной тысячи лет. Только король асуров по-прежнему занимал свой трон из черепов и костей, а Страж Вселенной скитался, повсюду закрывая порталы в погибший родной мир.

Здесь же, в Свифтфише, царствовала суетливость. Люди и джинны и не помышляли о незримой борьбе, которая шла рядом с ними. И Сварт не догадывался, как стал центром этого сражения, пока вел свою войну. Команда его тоже ничего не знала.

Сумеречный Эльф перелетел с ратуши на крышу салуна, откуда доносилась дурная игра тапера на «хромом» фор-

тепиано. За ним еще предстояло понаблюдать, но позднее. Пока что Сумеречный Эльф сконцентрировался на команде Сварта.

Мани, как и условились, следила издалека, спрятавшись среди разросшихся неухоженных кустов неподалеку от штаба. Она с опаской глядела на то, как их капитан зашел в здание морских стражей. Да часто ли такое случается: пират сам идет к блюстителям закона!

Руки Мани дрожали. Переживала ли она за капитана или за свое будущее в случае его неудачи – сама не понимала. Она считала, что все-таки обязана жизнью этому беспощадному человеку. Жестокий? Пожалуй. Черствый? Очень. Несправедливый? Без меры. Но встречались и более страшные типы. В ее представлении хуже могли быть, например, стражи, намного хуже. Или отряды джиннов из Гриустена, посланные для устранения последствий эпидемии... Мани помотала головой, ругая себя: «Не время для воспоминаний! Дома нет! Соберись и прими уже, что никто больше не угостит тебя плюшками с творогом. Все, нет их! Нет!»

Мучительное начало дня, мучительное ожидание. Да еще мысли разбрелись, как значки нотной грамоты, растерявшиеся строчки порванной книжки. Мани прижималась к дереву и нервно скребла бурую кору, сбивая с нее сизую пыль.

Сварт все не появлялся из штаба. Возможно, его уже схватили. Куда же тогда? Все прекрасно знали, что добытая лодка вряд ли унесет далеко. Запасного плана просто не суще-

ствовало, капитан все поставил на свое умение убеждать. Сварт не соглашался скитаться: для него такая жизнь была не лучше смерти. А для Мани... скверная жизнь казалась лучше прекрасной смерти. Разве случается «прекрасная»? Нет ведь! Нет! Капитан за столько лет как будто этого не понял.

«Ты права, Мани, не понял, – подумал Сумеречный Эльф. – Может, слишком много уничтожал людей и потерял различие, что убивает других, а не себя, стирая образ себя в гибели других».

Ветер тихо касался туманных отражений в стеклах, забранных решеткой. Сквозь отсветы в окнах штаба капитан не просматривался. К счастью, Мани не слышала и звуков борьбы. О чем он говорил со стражами? С кем? Как убеждал? Она не могла и представить. Только щекотало в носу от страха. Кусты неудобно царапали спину сквозь тонкую рубашку и жилет, отчего вдоль позвоночника пробегали мурашки.

«Куда бежать, если план уже провалился? Гнетущая же штука тишина, мерзкая. Что мне вообще делать, если никого не останется?» – размышляла Мани, задумчиво отколуывая кору.

Скерсмол, как она уже поняла, оказался едва ли не более беспомощным, чем остальные. А Сумеречный Эльф... Говорил интересные штуки, по большей части бесполезные. Мани сомневалась, человек ли он. Сварт мог запросто без причин убить, и Мани вполне понимала, что за пират избавил

ее от виселицы. Но с ним они хоть куда-то двигались.

Виселицы... До чего щемящее и жуткое воспоминание, все это навевало ужасную тоску, до головокружения. Неужели снова! Второй раз стояния на эшафоте она бы не вынесла.

«Сколько времени прошло?» – терзалась Мани. Солнце уже висело в зените, а из трактира они вышли на заре, с пробуждением города. Мани сбила все ногти, цепляясь за дерево. Руки затекли, а она все еще ждала. Со стороны проклятого трехэтажного здания с флагами не доносилось ни звука, никто не входил и не выходил.

Да могли и не выходить! До самого суда не выходить: слева к беленому приятному домику прилегал отвратительный серый мешок городской тюрьмы. И Мани видела, как в порту отправлялись на каторгу несколько закованных людей. Их не казнили, джинны использовали всю доступную рабочую силу на каменоломнях. И пытка осужденных длилась годами...

Почему же ее хотели убить? Что она сделала? Она до сих пор не понимала. Да, юнга на пиратском корабле – не пай-девочка. Да, но зачем делали такое шоу, зачем набрасывали этот мешок на голову? Как будто боялись оставлять в живых. Как будто она убивала не меньше Сварта.

Перед глазами снова встала жуткая картина, снова вспомнились голоса птиц. Свободных птиц. А теперь только одна чайка уродливой кляксой торчала на покатой крыше штаба. Дурной знак. Знак? Мани не верила в приметы. Но что еще оставалось? Изменить она ничего не могла, капитан отдал

приказ не приближаться к штабу ближе, чем на двадцать шагов, и не попадаться на глаза стражей, ведь ее искали.

Мани послушно сидела на корточках среди кустарника, почти сливаясь с ним, невысокая, замотанная в салатовый шарф Скерсмола. Она тарасилась круглыми от страха глазами на заполоненные серыми тенями окна штаба.

Что ей оставалось? Только верить в предзнаменования, дурные или хорошие. А последних что-то не замечалось. Возможно, для Сварта полюса добра и зла менялись местами.

«Разве я дурной знак, Мани?» – усмехнулся Сумеречный Эльф, но мысль не передал, чтобы не пугать понапрасну девочку.

Чайка слетела с флагштока, устремилась в небеса и там, казалось, застыла неподвижно. Вместе с первым взмахом ее крыльев распахнулась дверь штаба. Мани приподнялась, приникая к дереву, и с ужасом ждала, кто появится из этой жадной пасти.

Да! Сварт! Выбрался! Решительными шагами пересекает площадь. Не в кандалах, не под конвоем.

За ним шли двое стражей и их суровый командир, капитан Даркси. Недобро же глядел он на Сварта, исподлобья. Подозревал ли что-то? Помнил ли исчезнувшего пирата? В любом случае, если бы он сумел что-то доказать – не выпустил бы.

Сварт глянул в сторону кустов, где скрывалась Мани, едва заметно мотнул головой. Она уже знала значение услов-

ных сигналов: продолжать следить с безопасного расстояния. Значит, дело еще не завершилось. Но все же его выслушали. Его догадкам были готовы поверить! Куда же они направляются?

Мани поплотнее замоталась в шарф, поправляя подобранную на площади засаленную панамку, надеясь быть неузнанной. Хотя нелепость ее вида скорее привлекала внимание. Другой вопрос, что никому до нее не было дела.

Она последовала за странной компанией. Да уж, странной! Не то слово: трое морских стражей и пират. И все работали заодно, хотя служители закона пока не догадывались, кто среди них затесался. А может, кто-то из них и догадывался. Кто-то по фамилии Даркси.

Мани с удивлением поняла, что идут они вовсе не в полутрущобы, где обитал настройщик. По обрывочным сдержанным разговорам капитана она поняла, что старикашка явно что-то скрывал. Но Сварт почему-то направился в престижный район.

Он миновал тонушую в бойкой торговле площадь. Стражи с недоверием шли рядом, оглядываясь и не понимая сути происходящего. А вот их капитан, кажется, уловил ход мыслей неожиданного «помощника», как будто сам догадывался, в чем дело, но ему не хватило какой-то детали этой мозаики. И теперь он, очевидно, злился из-за своего промедления. Еще бы! Мэр хитро устроил конкуренцию между стражами и гражданскими. Да гражданские не больно-то стара-

лись. Кроме одного неожиданного выскочки.

Сварт мелькать перед стражами изначально не хотел, но вот теперь выбора не осталось. Он шел, ощущая, как злейшие враги пиратов дышат ему в спину. А если и не дышат, то наверняка смотрят. И не с восторгом.

Мани страшно удивилась, когда морские стражи, к пущему недоумению испуганных слуг, решительно вошли на территорию особняка... второго фаворита на выборах! Мани не совсем знала, о ком идет речь, чей это шикарный дом с чугунной оградой, заплетенной живой изгородью. Но понимала, что дело нечисто.

«Храни себя, девочка, от грязи этих интриг», – подумал Сумеречный Эльф и в образе крикливой чайки сел на ограду, откуда его согнал граблями обеспокоенный садовник.

Сварт некоторое время постоял на посыпанной гравием дорожке, ведущей к особняку с белыми колоннами. Он слегка усмехнулся: по сравнению с именем Вессонов этот маленький двухэтажный домишка мог называться только убогой хибарой.

Да, вернуть прошлое. Захватить роскошный особняк, завоевать уважение города, острова... И?.. Что «и»? Дальше этого он даже не задумывался. Для чего, что потом делать, как жить? Он был уверен, что и так вполне неплохо устроится. Цена победы стоила жертв. Нет, не людей, хотя их тоже, а жертв других – частей, кусочков себя, своей гордости.

Он унижался, почти с наслаждением – и тогда, и вот те-

перь, снова. Волк в своре цепных псов пристегивал поводок прямо к позвонкам на шее, чтобы потом вырвать с мясом и загрызть беспомощных собак. Сварт ощущал незримые око-вы кожей, но он готовился сорвать их еще до вечера. Вос-стать из пепла или сгореть дотла. И больше ничего не боялся.

Он равнодушно рассматривал особняк, отгоняя воспомина-ния: дом с колоннами, просторный по меркам города холл. Он хотел продать все свои мечты о свободе и море ради еще более свободного холла в особняке Вессона. Этого ли он же-лал в конце пути, этого изнуряющего бега? Мелкой власти над скучными людьми, фальшивого авторитета вечного при-творства.

«Желание вещей убивает волю человека», – вздохнул Су-меречный Эльф, скользя бесплотным туманом вокруг дома.

И вещи расплодились в большом количестве в доме гос-подина Нилса, второго фаворита на выборах. Казалось, ве-щи размножались там спорами, бесполезные, скучные: то ка-кой-нибудь бюст неизвестной богини на подставке, то чрез-мерно длинная запыленная от лени горничных портьера, то лестница с позолоченными перилами.

Все в этом доме выдавало, что хозяин отнюдь не аристо-крат, а нажил богатство быстро, неожиданно. Он жадно хвата-тал, урывая от стога жизни больше, чем позволяли себе дру-гие. Сварт презрительно сморщился. А чего желал он? Не того же? Не урвать то, что не принадлежало по праву рожде-нья? Право рожденья... Отвратительная стезя. Каждый рож-

ден свободным. Но кто-то в шелках, иной в кандалах, а третий вообще на помойке. Ничейный, нигде.

– По какому праву вы вломились в мой дом? – вылетел хозяин на верхний пролет лестниц.

На господине Нилсе красовался полосатый зеленый костюм: то ли он куда-то собирался, то ли пришел откуда-то, но выглядел запыхавшимся.

– Разбирательство относительно убийств, – четко сказал капитан Даркси.

– И это касается меня? – недовольно выпятил грудь господин Нилс, покручивая жидкие усы. Его небольшими быстрые глазки неприязненно бегали.

– Могу я начать? – негромко осведомился Сварт у капитана Даркси, который сурово рассматривал то господина Нилса, то Сварта.

Даркси неохотно кивнул, чего и дожидался Сварт. Значит, морской страж не находил в себе достаточно красноречия. Забавно! Сварт начали издевательски вежливо:

– Уважаемый господин Нилс, вы оказались в круге подозреваемых. Если это досадное недоразумение, я готов испытать на себе всю строгость вашего наказания. А пока, с позволения глубокоуважаемых морских стражей и капитана Даркси, попрошу всех собраться в обеденном зале.

– Пусть стража справляется с вами, когда выяснится, что это нелепый фарс! – упер руки в бока неудачливый кандидат в мэры.

– Не так быстро, не так быстро. Итак, пройдемте. Ведь честному человеку нечего бояться.

– Естественно! – вскинул голову господин Нилс, щуря глаза.

Казалось, он видел Сварта насквозь, и Сварт видел его. А Даркси хотел бы видеть, но не хватало то ли опыта, то ли коварства. Сварт насмеялся над молодым капитаном стражей, он всегда подменял эти два понятия. Сумеречный Эльф понимал Даркси: честному человеку сложнее рассмотреть планы бесчестных, вычислить их темные затеи. Он привык ловить и уничтожать пиратов, угрожавших Свифтфишу, а не обвинять в гнусных убийствах кандидатов в мэры.

– Итак, можно начинать? – учтиво спросил Сварт.

– Да. Начинайте, – кивнул Даркси.

Все слуги и домочадцы собрались в зале, где возле стены стоял запыленный рояль, на окнах в массивных рамах колыхались угрюмые портьеры. Наборный паркет натирался старым слугой, который, кажется, и не заметил, кто вошел. Между тем, все остальные выглядели крайне взволнованными.

Сварт ждал начала представления, едва сдерживая ухмылку. Он виделся себе канатоходцем, что искусно танцует на тонкой струне, натянутой над пропастью. Как в детстве. Над толпой, желающей падения и восторгавшейся легкостью акробатов. Как в те проклятые годы, от которых он мечтал избавиться без следа, захватить власть. И вместо улыбки едва

не вылез ожесточенный оскал. Но начало шоу требовало серьезности, так что Сварт начал заискивающим тоном:

– Мы все знаем, что город был потрясен чередой страшных убийств сыновей известных торговцев. Но кто же убийца? Вы не знаете ответ? Мы ведь все хотим знать. Никто из здесь присутствующих не скажет его имя? А мне кажется, мы все знаем.

– Что все это значит? Убирайтесь с этим балаганом! – повысил голос мистер Нилс.

Перед тем, как перейти к основной части этой страшной партитуры, Сварт самодовольно протер очки своим привычным жестом, из-за которого капитан Даркси, казалось, едва не подскочил. То ли от неожиданности, то ли от ярости. И что его так раздражало? «Или он узнает меня!» – одернул себя Сварт и тут же оставил в покое очки.

По долгу службы и недоказуемости вины капитану Даркси приходилось пока принимать сторону Сварта. Возможно, своего злейшего врага, человека, на котором лежала печать убийцы. Это клеймо видели только глаза тех, кто прошел через горечь потерь и пламень пожарищ. Тех, кто сам встречался со смертью.

Даркси помнил, как остался сиротой, тот жуткий день. Он помнил страшного монстра, безликого, как призрак ночи, пирата. Лишь крупные очки отражали пламя горящего дома, где в ловушке бился перепуганный ребенок. Он, Даркси. В тот день никто не пришел, не спас. Но он выжил назло, меч-

тая о праведной мести.

«И где ты был, Страж Вселенной? Как обычно: не позволяло сплетение свитков Судеб. Со всей твоей силой ты беспомощен, ибо оставляешь без помощи», – сокрушался Сумеречный Эльф.

В тот день, вернее, в ту ночь прибрежный город подыхал от нашествия пиратов Сварта Две Красные Руки, его первой серьезной атаки на поселение в роли капитана, поразительной в своей стремительности и беспощадности. Сварт как будто пробовал силы, искал предел своей жестокости, убивая всех, кто попадал под кружение двух сабель. И не находил.

«Даркси... Маленький мальчик давно вырос. И, похоже, узнал тебя спустя все эти годы. А ты все еще его не вспомнил, Сварт. Ты убивал слишком многих, чтобы запомнить одного уцелевшего мальчишку. Да ты и сам тогда был еще почти мальчишкой, дурным и злым», – думал Сумеречный Эльф, заглядывая в обеденный зал, где собрались изобличать преступника заклятые враги.

Сварт, усмехнувшись, сдвинул густые брови. Он не испытывал жалости ни к кому. Опасная игра доставляла удовольствие. Вот он впился цепкими крючьями своих черных зрачков в лицо кандидата. И ледяным тоном проговорил:

– Убийца – второй фаворит на выборах, господин Нилс.

– Как? Что? – ужаснулись все, в том числе стражи, которые, очевидно, пошли к подозреваемому не с такими откоро-

венными заявлениями.

Сварт не захотел раскрывать карты в штабе, ведь могли и присвоить всю славу да выкинуть. Нет. Вот он! Вот его голос! Вот свидетели его новой славы!

– Это возмутительно! Как вы докажете? – выдрал клоч из и без того негустых усов господин Нилс.

– Что ж... Доказательства? Вы их получите! – глаза Сварта зажглись пламенем, он быстро заговорил, не позволяя перебивать: – Итак. Самое очевидное: мотив. Что заставило убить и попытаться обвинить в убийстве другого человека?

– Что? – пронесся общий затаенный вздох.

– Конечно же, стремление к власти! Вы были фаворитом на выборах, вам не хватило какой-то пары голосов до победы. Вы надеялись устранить победителя. И, посредством ли второго тура выборов или автоматически по праву второго места, стать мэром города, захватив тем самым и бизнес вашего конкурента. Ведь вы конкуренты в бизнесе!

– Да, были, но что с того? – проскрежетал господин Нилс.

Сварт его не слышал, продолжая:

– И это главное! Как устранить победителя? Убить? О, нет! Слишком очевидно! Вы становитесь подозреваемым! Что же тогда? Вы убиваете сыновей всех его конкурентов, а точнее, ваших партнеров, с которыми вы были в коалиции! И, заметьте, не самих партнеров, а их сыновей. Для вас это безболезненно: вы не теряете партнеров, у них оставались еще наследники. А для дискредитации врага этого достаточ-

но! Якобы это его месть конкурентам за последние неудачи в бизнесе, над созданием которых вы с партнерами постарались.

– Но как я мог своих же партнеров...

– Не могли? Могли! – осклабился Сварт. – Да, высоко же вы цените поддержку. Жертвы вас неплохо знали и даже доверяли вам. В двух первых случаях вы отправлялись вместе с ними в дилижансе, в какой-то момент просили остановить и предлагали выйти жертве. Жертвы соглашались! Вы их не тащили, они шли сами в лес. Капитан Даркси, ответьте мне: пойдут ли люди сознательного возраста на милую прогулку по лесу с человеком, который является самым крупным конкурентом их бизнеса?

– Очевидно, нет, – мрачно кивнул капитан Даркси.

– Вот! Абсурдный мотив, скажете? – все больше воодушевлялся Сварт. – А я скажу больше: вы заключили договор с последней жертвой и послали его ночью в обратный путь, очевидно, сославшись на важность дела. И убили. Все слуги видели, что договор был с ним. Вы забрали бумаги после убийства, чтобы сделать вид, будто конкуренту невыгоден контракт. Никто бы не подумал, что это вы. Все решили бы, что это мэр караулил сына конкурента возле вашего дома.

– Мотив странный, но все остальное еще более абсурдно! Вы же сами видели, какие там следы. Я не хромаю, и я не высокий, – все еще пытался сохранить лицо подозреваемый.

Он вытянулся и напустил на себя безразличие и скуку, будто ничего страшного не происходило.

– Можно сравнить следы, – уже не мог сдерживать торжествующей ухмылки Сварт. – Обратите внимание, как изменилась походка господина Нилса. Были ли какие-то травмы и болезни у него за последние две недели?

– Нет. Не замечали, – отозвался старый слуга, который натирал паркет и, очевидно, ног, топчущих этот паркет, на-смотрелся предостаточно.

– Молчать! – крикнул на него господин Нилс и тем лишь больше выдал себя перед морскими стражами.

Сварт довольно кивнул слуге, который невольно утопил своего господина, и продолжил:

– Первое доказательство: походка – это намеренная хромота, вы учили себя этой хромоте. Но при этом выглядит она все равно неестественно. Я почти уверен, что где-то вы храните ботинки, которые вам велики на пару размеров. Второе: ваш рост. Угол, под которым струна входила в шеи, показывает, что убийца был ниже жертвы. А избранный мэр достаточно рослый.

– Но это же... При чем здесь я? – хватался за последние соломинки господин Нилс.

– Где вы были в ночь последнего убийства? – угрожающе приблизился Сварт, нависая с высоты своего роста над сухоньким Нилсом.

– Дома! – отчаянно взвизгнул тот.

– Кто может подтвердить это? – еще больше нависал Сварт.

– Моя жена, – растерянно прокряхтел кандидат.

– Жена... – картинно закатил глаза Сварт, посмеиваясь, но снова голос его набирал темп: – Она, скорее всего, в стоворе. Вы не слишком-то продумали свое алиби, потому что были слишком увлечены созданием улик против своего конкурента.

– И все равно это ничего не меняет. Не доказывает! – все еще отнекивался господин Нилс, не поддаваясь не провокации.

– И вот последнее доказательство: ваши руки. У вас на руках следы от струн. Есть старые, зажившие, а есть и новые. Вы были небрежны, обращаясь с орудием убийства, перчатки вам не помогли. Слишком нежная кожа, господин Нилс? – успел рассмотреть руки подозреваемого Сварт.

Он не знал наверняка. Зато улики подтверждали его теорию, обнаруживаясь уже после громкого заявления. Морские стражи приблизились к господину Нилсу и тоже увидели следы от странных порезов.

– Это все равно ничего не доказывает! Может быть, я трогал струны, но не убивал ими! – уже запинаясь и путаясь в показаниях господин Нилс.

– Просто трогали струны в течение пары недель? – поражался нелепости Сварт. – Интересно! Какие же струны? Полагаю, вам надо было уволить горничную: гляньте, на крыш-

ке вашего рояля скопилось много пыли. Точно не струны в вашем рояле. Музыка не очень ценят в этом доме. Да и во всем городе, не так ли? Вы не стали отдавать струны своего инструмента. Вы его вообще не трогали и воспользовались чужими. К тому же трогать струны можно где угодно (да и зачем вам это?), но кожа на руках не будет вдавлена до крови. А вот если душить ими кого-то, тянуть, как удавку, как проволоку... Да, вы были в перчатках, но это вам не помогло.

– Мне, я... – пробормотал господин Нилс, медленно оседая на ближайший стул.

Сварт обратился к морским стражам:

– Где-то в доме есть и перчатки, на изнанке которых остались кровавые отметины.

– Капитан Даркси, вы же не будете обыскивать мой дом! У вас нет права! Нет ордера! – воззвал к морским стражам господин Нилс.

Но капитан Даркси решил не вредить общему делу из-за уязвленной гордости. Он отвечал серьезно и мрачно, кивая на товарищей:

– Боюсь, что вы ошибаетесь. Основания для обыска есть. Человек, у которого есть права на выдачу ордера, сейчас с нами. Подтверждение ордера за мной.

– Да как вы смеете! – онемел господин Нилс.

Но больше его не слушали. Рядом с обвиняемым остался один стражник. Даркси и другой следователь занялись обыском дома. Сварт самодовольно прошелся по комнатам. Его

не гнали и не велели оставаться на месте. Он настолько поразил всех, что на его счет не нашлось инструкций.

Он не торопился, нет, он уже все заметил. Он точно знал, где искать, хотя никогда раньше не был в этом сарае с колоннами. Но уже подозревал, где может прятать улики такой отнюдь не глупый человек, как господин Нилс. Впрочем, совсем лишать работы стражей Сварт не желал. Он неторопливо прошелся по второму этажу, рассматривая с насмешкой, как доблестные блюстители закона перерывают ящики и простукивают стены, затем вернулся в зал.

– Знаешь, что я с тобой сделаю! – прорычал господин Нилс.

– Представляю. Жаль, что только в вашей фантазии, – криво улыбнулся Сварт, несколько вальяжно прислоняясь к стене и скрещивая длинные руки.

Он рассматривал старого слугу, который все еще навязчиво натирал паркет, как будто дыру проскребал. Поглядев пару минут на старика, Сварт мотнул упрямой головой и подошел к капитану Даркси, неслышно выскользнув из зала:

– Не стоит простукивать стены. Нет, они пусть простукивают, а вы, как человек с мозгом, а не с соломой, поищите в более очевидных местах. Тайники в стенах – верный путь на каторгу. А вот ботинки я бы искал под паркетом. Что там натирает тот старик? А не скрывает ли он небольшую трещину?

И снова Даркси нашел недостающую часть к мозаике сво-

их размышлений и предположений. Сварт, усмехаясь, снова вернулся в зал.

– Перчатки! Мы нашли перчатки! Да, там кровавые отметины на внутренней стороне.

Поиск перчаток Сварт оставил на долю людей Даркси, хотя сам уже видел их местоположение. Но опасался чересчур превозносить свой ум. Еще узнали бы случайно! Он еще не догадывался, что Даркси уже узнал его. Хватило отблеска солнца, пойманного стеклами новых очков.

Перчатки нашлись, по старинной традиции, практически на самом видном месте: в кожаной охотничьей сумке, едва прикрытой. А в зале Сварт уже стоял страшной тенью над стариком, который вовсе не стремился утопить господина. Напротив – пытался спасти. Вышло неуклюже: он только привлек внимание к тому, что наборный паркет треснул. И неспроста.

Даркси заставил Сварта посторониться и бесцеремонно выломал паркет. Показалась обычная светлая доска, в которой был проделан люк.

– Вот и они, – ухмыльнулся Сварт.

– Позвольте? – кивнул на господина Нилса капитан Даркси, желая сопоставить ботинки.

– Нет! Они грязные! – скривился подозреваемый, но даже невооруженным глазом было видно, что ботинки ему велики.

– Интересно, зачем хранить ботинки, которые вам вели-

ки? И с налипшей грязью. Да еще под полом! – не преминул снова возникнуть Сварт. – С перчатками вышло неплохо. Здесь же вы просчитались. Похоже, вы не успели избавиться от улик. Так ведь?

– Да я... Да мне... Мне их подбросили! Это все слуги. Слуги!

– Обыск закончен. Улики найдены, – скомандовал капитан Даркси, недовольно поглядывая на Сварта, который думал с какой-то странной тоской по несуществующему: «Проклятье змеево! Каким бы я мог стать следователем... Но как же, право рожденья! Нет. Я – это я, пока буду принимать себя таким. Я чудовище и горжусь этим».

«Раз гордишься, почему не хочешь ко мне присоединиться? – донесся шипящий голос. – Достаточно лишь умереть, распрощаться с этим ненужным телом. И стать моим верным Вороном Отчаяния. За твою заслугу перед нами ты сделаешься великим асуром. И будешь питаться страданиями, как прежде. Задумайся, это великая власть».

Вновь Сварт ощутил на языке привкус пепла. Руки и ноги мгновенно похолодели, а на лбу выступила испарина над пульсирующей жилкой. Он украдкой осмотрел парадный зал, наполненный перепуганными слугами. Больше он не видел людей, зато опасался узреть черную тень с алыми глазами.

«Пошел прочь!» – крикнул Сумеречный Эльф, взмахивая крыльями чайки. И голос вновь замолчал, тень отступила.

Надолго ли?

Глава 28.

ДОМ МЭРА

Мани вертелась возле особняка, боясь показаться на улице богатого квартала. Она шаталась по переулкам и терлась у забора, пыталась заглянуть в окна и понять, что случилось: по лестницам забегали стражи, начиная обыск.

«Нет, капитан не мог попасться», – успокоила она себя, уже поняв, что Сварт покинул штаб степенно и самоуверенно. А уж когда он вышел в сопровождении морских стражей с гордо поднятой головой, то девчонка и вовсе восхищенно заулыбалась. Но ей хотелось разведать, куда теперь шли все эти люди. Мани снова последовала за ними, уже не чтобы предупредить команду в случае неудачи, а больше ради интереса.

«Зачем меня предупреждать, я ведь все вижу», – тихо рас-

смеялся Сумеречный Эльф, взмахивая чайчьиими крыльями.

– Ух, поганые, налетели! – гикнул старый садовник, вскидывая грабли, но растерянно обратился к домашним слугам: – А хозяин? Что с хозяином?

– Сидит в обеденном зале. С ним остался страж один. Ой, что будет теперь, что с нами будет! – охали и ахали горничные и кухарки, вылетевшие из дома, как стайка перепуганных птиц. Никто толком не понял, что произошло, как связан их щедрый хозяин с громкими убийствами, в которых все подозревали мэра.

– Куда они идут-то? – выглядывал из-за забора садовник, нервно хватаясь за сердце. – Ох... Ох-ох-ох! Еще чайки эти!

Сумеречному Эльфу снова едва не досталось граблями, но он вовремя взлетел, разбрасывая исчезающие призрачным туманом перья. Возле дома господина Нилса больше ничего не держало. И истинное зло тянулось вовсе не за ним, не за ним следовала черная тень с багряными провалами глаз-кратеров, не ему предлагали умереть и переродиться высшим асуром. Не он стал почти «совершенным» в своей жестокости.

«Но он пока еще ничего не знает, не верит в то, какую роль отвел ему король асуров. Эй, Сварт, хочешь ли ты умереть, чтобы стать слугой короля? Высшим асуром Бенаама. Не знаешь? Вот и я пока не знаю, не могу прокрасться в эту часть твоего подсознания. И это паршиво», – думал Сумеречный Эльф, скользя по воздуху над Свифтфишем.

Морские стражи в сопровождении капитана пересекли площадь и ушли с главной улицы. Вскоре показались трущобы, вернее, небогатый район. Снова пестрыми флагами висело белье, о чем-то переговаривались бедно одетые женщины. Мужчины кидали суровые взгляды на пришедших.

Сварт уверенно вел к жилищу настройщика. Болтливые соседки, которые видели его в прошлый приход, испуганно жались к стене дома, высовываясь из-за косяка двери. Одна судорожно вздохнула:

– Ну, вот... Пришли за ним! Говорила я, что господин Нилс навевался неспроста.

– Вы будете свидетелем! – сказал услышавший это высказывание капитан Даркси, отчего женщина чуть не заплакала:

– Я не хочу! Что же вы его... Что я его жене скажу...

– Чьей жене? – тут же спросил второй страж.

Женщина испуганно поднесла руки к искривленным губам, понимая, что сболтнула лишнего и, вероятно, сделала хуже своей знакомой и ее семье. Сварт резко ответил стражу:

– Заходите и узнаете.

Женщина откатилась в тень, захлопнув за собой дверь. Из-за некрашеной древесины послышался тихий плач. Но это никого не заботило. Только капитан Даркси сочувственно и устало покачал головой и скомандовал своим людям:

– Заходим тихо. Дверь не выбиваем.

Настройщик оказался внутри. Он усиленно натирал прилавок, но будто не от тяги к чистоте, а от желанья хоть чем-

то занять себя. Как только увидел стражей, лицо его вытянулось, стало напоминать морду испуганной лошади. Старик пытался сохранять спокойствие, но Сварт уже давно знал, где и что искать. Он немедленно зашел за стойку и дернул несколько досок на себя.

– Проклятье, – тихо выругался он, стесывая грубую кожу с пальцев, когда они не поддались: настройщик прибил половицы старательно, новыми гвоздями. Знал, что надо что-то спрятать.

– Видите – новые доски, – обратил внимание Сварт, бесцеремонно доставая на другом конце мастерской гвоздодер, пока растерянный настройщик переминался с ноги на ногу.

Его жена, немолодая седая женщина, побледнев, выглядывала из-за двери, ведущей на второй этаж, который напоминал чердак. Все в этом доме дышало бедностью и медленным угасанием. И морские стражи нагрянули как ураган, сносящий песочные замки.

Но вот гвозди вывернулись, доски были сбиты. Сварт तोропился, то ли его начало раздражать общество дозорных, то ли, попав из роскоши господина Нилса в нищету настройщика, не хотелось долго задерживаться. Лавчонка болезненно напоминала дом, в котором Сварт пребывал до десяти лет. Обшарпанные стены, плесень, застрявшая между досок пола, грязные окна – верные спутники нищеты и безнадёги. А потом все пожрал огонь. Да, он помнил языки синего пламени, помнил едкий запах дыма.

Сварт потряс головой: картины далекого прошлого не имели смысла. Тем более, он приблизился к разгадке. Под досками оказался тайник, зиявший черной дырой, выстеленной соломой. В ней-то и нашелся сверток, который Сварт победно передал капитану Даркси.

– Струны, – кивнул последний: – Окровавленные. Даже не протерты.

Настройщик побледнел, раскачиваясь из стороны в сторону, бросил взгляд на обмершую жену и заорал, взмахнув руками:

– Это не мое! Не мое!

Но Сварт решительно переходил в наступление. Ведь наставлял его любимый момент издевательства над жертвой. Он приближался к старику, все отесняя его к стене.

– Тайник тоже не ваш? Спросите у соседей, они утверждают, что видели, как господин Нилс приходил к вам ровно три раза и ровно три раза нес что-то в свертке. Ваша мастерская при этом была открыта. Скажите тогда, какой предмет может нести от настройщика кандидат в мэры? – это был чистый блеф, но Сварт говорил уверенно и с каждым словом все больше нависал над стариком.

– Я... Э... Я... Да, это мой тайник... Вы правы, – бессильно отвернувшись, признался настройщик, но замахал руками, в панике умоляя: – Моя семья! Только не трогайте мою семью, они ничего не знали. А он щедро заплатил. Я не должен был выполнять никакой грязной работы, я на грани ра-

зорения...

– Ты погубил нас! Я же говорила! – донесся голос жены, но с этими словами она упала в обморок, не в силах больше терпеть этот кошмар.

Ее подхватил капитан Даркси и усадил в запыленное кресло возле нечищенного очага.

– Одно мне не совсем ясно: зачем вы доставали струны из фортепиано в салуне? У вас же полно запасных, и струны из рояля мэра вы сами вытаскивали! – задумчиво проговорил Сварт, совершенно равнодушный к бедной женщине, которую Даркси пытался привести в чувства.

– Думаете, я один был? – злобно ухмыльнулся настройщик как человек, которому уже нечего терять, но который еще может утащить за собой в бездну другого: – Нет! И нас не двое было!

– Понятно. Так вы завербовали музыканта. Разумеется, тоже заплатив ему, – самодовольно заключил Сварт: – И рояль мэра сломался неслучайно. Господа! Мы идем в салун потолковать с одним юным (или не очень юным) дарованием.

Сварт входил во вкус, направляя морских стражей. Еще бы! Командовать и помыкать он любил, а тут такой случай! Морскими стражами, приспешниками джиннов! Он! Пират!

– Позвольте! Я здесь командир! – возник капитан Даркси, нахмутив темные брови.

– Есть другие предложения, капитан? – с едкой вежливостью осведомился Сварт.

– Слушай мою команду: мы направляемся в салун возле ратуши. Есть основания провести проверку, – официально сформулировал Даркси, сурово глянув на своих притихших людей.

«Шут и болван», – подумал Сварт, выходя из лавки.

До салуна странная процессия пошла вместе с настройщиком, связав ему руки. Старик понуро плелся рядом со следователями. Жена, едва пришедшая в чувства, с отчаянием провожала взглядом конвой, не понимая, как ей повезло наткнуться на добросердечного капитана Даркси, который поверил, что она и впрямь ничего не знала о преступлениях. Люди на улицах оглядывались, не представляя, что мог сотворить настройщик.

– Это же наш старик...

– Старик-настройщик. Связанный?

– Что происходит?

Шепотки сопровождали на протяжении всего короткого пути из бедных кварталов в зажиточную часть города. Ратуша предстала прямоугольным аккуратным строением. Воплощение порядка и власти. А недалеко от нее, на отшибе, куском ярмарочной пестроты примостился салун, как будто встретились два мира.

Из заведения не доносилось привычной мелодии разбитого фортепиано, из чего Сварт сделал вывод, что музыканту уже кто-то успел сообщить, что его сообщников повязали. Стоило поторопиться.

Когда они зашли в салун, тапер все же оказался на месте. Он растерянно стоял возле фортепиано. Не успели стражи войти, как он, точно в бреду, проговорил:

– Что, уже все? Их план раскрыли? Эх... Пропадай моя голова! Я их соучастник. Да! Только не бейте!

– Глупец, ты подписал себе приговор на каторгу! – крикнул настройщик, поразившись наивности музыканта, хотя сам же на него навел.

Сварт подтвердил:

– Против тебя я так и не нашел улик. Только предположения.

Он смотрел на жалкого тапера и не ощущал никакого торжества от столь легкой победы. Этот глупый человечиска, похоже, мечтал сознаться, не мог тащить на себе груз вины. Странное чувство, недоступное Сварту.

– Пусть говорит, как они доставали орудие преступления, – решил отвоевать свою долю суровости капитан Даркси. – Ваше имя ведь Садиоко Ко?

– Да. Садиоко... Сад... Сад Ко.

– Отвечайте, господин Ко.

– Что говорить? – всхлипнул Сад Ко, теребя оранжевый галстук: – Мне заплатил господин Нилс, чтобы я повредил три струны в доме мэра.

– И ими душили? – спросил капитан Даркси.

– Нет... ими уже никак. Лопнули. Криво я их повредил, так криво, что ими уже никак.

– А чем тогда?

– Моими струнами! Ну, напоили мы хозяина за несколько дней до первого преступления, вытащили три струны. Это пианино и похуже вещи переживало. Я вот помогал... Сначала рояльными хотели, тогда все было бы проще. А так я вот расплачиваюсь за ошибку: струны из моего инструмента взяли.

– И мэр не заметил, что у него лопнули струны в рояле?

– Вот именно заметил и должен был заметить! И позвал настройщика, который ловко их вытащил. И не заменил. Сам сказал, что корабль в шторм попал, не завезли. А всем соседям и следователям невзначай говорил, мол – «нет струн, нет, пропали, странно», чтобы потом подкинуть окровавленные мэру. Это настройщик должен был сделать. Он там вроде как одну струну подпилит в рояле мэра, чтобы она сломалась скоро. После моей игры. У мэра скоро день рождения. Я бы играл что-то без тех струн. Но лопнула бы еще одна. А вот когда бы настройщика снова вызвали, он бы окровавленные и подкинул. Скоро день рождения мэра, так что меня бы пригласили... И она бы сломалась. Вот. Только не бейте!

Сварт сощурился, в какой-то мере одобрительно рассудив: «Хитрый план. Сделать вид, что для убийства необходимы струны из фортепиано, чтобы сделать соучастником музыканта, которого обязательно пригласили бы на торжество по случаю избрания в мэры или дня рождения. Другой вопрос, какие струны они использовали при убийстве. А вот на

это ответит уже настройщик: насколько были непригодны те, которые лопнули в рояле. Всю эту тупую шайку, возможно, подвел один глупый тапер, который ни играть не умеет, ни струны рвать. И это мне на руку. Если бы остались рояльные струны со следами крови, началась бы путаница, кто кому подкинул улики – Нилс мэру или же наоборот».

Внезапно музыкант дернулся, вскинув свои тощие руки и ноги. Затем резко извернулся ужом, когда к нему бросился один из стражей, пронесся через салун к дальнему окошку, раскрытому по случаю жары, опрокинул посетителя и выско-чил наружу, перемахнув через подоконник. Стражи и Сварт подбежали к окну. Салун одной стеной выходил на грязный городской канал, примыкавший к реке, откуда донесся ти-хий всплеск.

Стражи вскинули револьверы, рассчитывая прижать бег-леца. Но голова музыканта все не показывалась над мутной зеленой водой. Они выждали немного и вместе с хозяином салуна дружно заключили:

– Утопленник!

То ли они считали воду в канале такой грязной, что ни одно живое существо там не выжило бы, то ли думали, что личности вроде Ко не умеют плавать. Сварт не очень верил в спонтанное утопление, ведь парень-то на деле оказался сво-бодолюбивый и рисковый. Самоубийство явно не входило в его планы. Но преследовать музыканта не хотелось: жалкий тип не вызывал никакого азарта. В отличие от двух других

более крупных рыб, которые уже попались в сети.

Теперь настал черед дома мэра. Сварт несколько нервничал: возможно, у новоизбранного главы города крылась своя выгода в этом грязном деле. Конечно, крылась! Он хотел удержаться на тепленьком месте.

– Уходим, – скомандовал капитан Даркси.

Особняк мэра находился на той же улице, что и дом господина Нилса, которого сторожил теперь один из стражей. Пришлось возвращаться, ведя через весь город связанного настройщика, на которого недоуменно глазел народ. Будто так совершалось его истязание позором, так незаметно уничтожалось его доброе имя. Заслуженно, но невыносимо болезненного для него.

«Он долго не протянет после завершения расследования. Печально все знать наперед. Все, кроме своей судьбы. И судеб тех, в чьих свитках затесалась моя размашистая подпись. Если бы ведал завершение свитка капитана, все было бы намного проще. Но ведь нет! Ведь нет. Поэтому я здесь», – думал Сумеречный Эльф, кружа портовой чайкой над процессией.

Сварт бросал на него подозрительные взгляды, но присутствие «вредителя» не занимало капитана. Он шел к своему великому триумфу. И, как и всегда, не задумывался, сколько окровавленных тел и искалеченных судеб станут мостом к его победе в штормящем океане несправедливой жизни.

Старик скрежетал зубами от злобы и унижения. Капитан

Даркси с сожалением глядел, что приходится терпеть этому некогда уважаемому человеку. Сварту же нравилось разглядывать чужое уничтожение, видеть, как чья-то репутация рассыпается в прах, как меняются лица прохожих, которые узнают в арестанте единственного на весь Свифтфиш настрейщика.

Вскоре показался и дом мэра, более шикарный, чем «сарайчик» господина Нилса, но все-таки остающийся «сарайчиком» с колоннами по сравнению с хоромами ненавистных Вессонов. Ох, и научился же Сварт разбираться в шикарных особняках! Мечтал пожить среди шикарных стен, старинных гобеленов, насладиться диковинками со всего света, чужими несметными богатствами. И никаких кладов искать не пришлось бы. Дух приключений и свободолюбия в нем давно иссяк, осталась только жадность. Но особняк погиб в пламени со всеми его красотами и тайнами. Все из-за Аманды. Или не из-за нее? В последнее время образ странной несносной девчонки мелькал в памяти Сварта навязчивой галлюцинацией. И, как ему казалось, после воспоминаний о ней являлась страшная тень с алыми глазами. Или же наоборот... Он не понимал и старался не отвлекаться. Но с каждым днем где-то на уровне отточенного звериного чутья крепла уверенность: наследница Вессона не погибла под обломками замка. А это означало возможные новые неприятности. Но не в Свифт-фише. Здесь ничто не мешало получить заслуженную награду, если не обращать внимания на странные неприязненные

взгляды капитана Даркси.

«Так и не вспомнил? Надо же, самый умный пират, – ухмыльнулся бы Сумеречный Эльф, да клюв не позволил. – А он не только вспомнил, но и запомнил. А насчет Аманды ты прав... Она тоже связана с «тенью». Вы даже не догадываетесь, как страшно оказались связаны. Почти одной цепью».

Сумеречный Эльф расправил крылья и уклонился от встречных воздушных потоков, едва не сбивших его: снова асуры пытались прорваться, смять ткань реальности. Не в Свифтфише, о нет – до города искажения линий долетали, как отголоски далекого землетрясения. И если здесь горожане морщились от внезапного озноба, то где-то жадные твари впитывали чужие страдания. Где-то. Возможно, в захваченной части Круны, где разгорелось новое восстание против Гриустена. Возможно, на другом конце света, где в королевствах людей буйствовала тяжелая эпидемия нового вида гриппа – асуры старались, заползали в умы, сеяли раздор, воспевали мучения. А одинокий Страж Вселенной, последний, ненужный, кружил грязной птицей над головой такого же ненужного одинокого пирата.

– Морские стражи. По делу о недавних убийствах, – громко возвестил капитан Даркси, звоня в колокол у ворот.

К ним немедленно подбежал услужливый привратник:

– Проходите, господа.

Вошла процессия беспрепятственно. Конечно! Разве кто-то посмел бы чинить преграды служителям закона!

Прислугу стражи напугали не меньше, чем в доме господина Нилса – никто не мог предположить, с какой целью входит в дом грозная процессия, возглавляемая то ли вызывающим всеобщее уважением капитаном Даркси, то ли страшным человеком в круглых очках, блики которых, казалось, превращали пришельца в безликую тень. Образ самой смерти.

Господин мэр встретил незваных гостей на пороге, немедленно выбежав из обширного холла. Очевидно, он сам только недавно вернулся с какого-то официального мероприятия. Но, как заключил Сварт по внешнему виду мэра, мероприятия, не связанного с публичными выступлениями: мэр мог себе позволить несколько парадных костюмов и наиболее яркий, малиновый, оставлял для выходов на трибуну. А сейчас он возвращался после заключения важной сделки. Торопился повернуть ситуацию в свою пользу.

Очевидно, он уже был в курсе, что теперь бизнес господина Нилса пошел ко дну из-за его ареста, и поспешил договориться о чем-то с партнерами, продумать ходы окончательного утопления конкурентов... Лишившиеся сыновей конкуренты готовились потерять и свой бизнес.

Да, Сварту определенно в какой-то мере нравился мэр: перед ним не стоило скрывать свое циничное отношение к жизни. Лишь бы не подставил! Только этого опасался пират. Капитану Даркси хватило бы легкого кивка неодобрения со стороны главы Свифтфиша.

– Кто вы? – удивился мэр, глядя на Сварта.

Кажется, появление морских стражей его уже не пугало, но лишний человек заставлял хмурить морщинистый лоб, нависший над широким носом.

– Я нашел разгадку преступлений, – не представляясь, ответил Сварт, отрывисто продолжая: – Виновны господин Нилс и господин настройщик.

– И еще музыкант из салуна, – добавил капитан Даркси, перехватывая инициативу: – Но он утонул. Остальные подозреваемые арестованы.

Далее стражи объяснили, что им необходимо получить доступ к роялю для завершения расследования. Мэр засуетился, маяча грузным хромым облаком. Он проявлял неслыханный энтузиазм, как будто не понимая, что господину Нилсу грозит смертная казнь. Хотя нет – как раз-таки отлично это понимая! Сварт сдерживал злорадную улыбку: «Да этот тип сейчас в пляс пустится». Но тут же бередили старую рану мысли о том, как сам он потерпел поражение. В преддверии подписания документов лордом Вессоном его верный слуга, двуличный Сварт, тоже едва не подпрыгивал от предвкушения и восторга. А на самом пике славы его ждал крах. И до последнего времени он только падал и падал. Но вот настало время восстать и устремиться ввысь беспощадной огненной стрелой. Вперед, к своей мести.

– Господа, а настройщика вы тоже бросите в темницу? – поинтересовался мэр, увидев связанного старика.

– К сожалению. Он соучастник, – кивнул капитан Даркси, опуская глаза.

– И тот музыкант, Сад Ко, точно погиб?

– Вероятность почти сто процентов.

– Жаль... Очень жаль, – искреннее вздохнул мэр.

Арест настройщика и утопление музыканта его немного расстроили. Все-таки они были единственные в своем городе. Хотя уж если бы мэр так пекся об их судьбе, настройщик не оказался бы за чертой бедности, да и пропащему музыканту не пришлось бы идти на скользкий сговор.

– Так мы можем подняться?

– Да-да, конечно, – засуетился мэр, провожая в обширный бальный зал на втором этаже.

Парадная лестница вздрогнула от топота тяжелых форменных сапог. Маскароны и статуи этого особняка еще не видели вторжения служителей закона. И, казалось, все в доме застыли, такие же белые и неподвижные, как мраморные изваяния в нишах. Замерла и не слетала даже пыль в бархатных складках темно-зеленых портьер. И рояль стоял среди великолепия наборного паркета торжественно, как гроб с почтенным покойником.

Капитан Даркси и его спутники быстро открыли крышку. Сварт внимательно изучил все струны, что заняло некоторое время даже у него. В глазах начало рябить, отчего он несколько раз протирал очки. Зато все предположения и показания подтвердились – одна струна оказалась подпилена.

«Да, эта клавиша теперь нескоро дождется ремонта», – усмехнулся Сварт, повернувшись к стражам, снова ими командуя:

– Заставьте настройщика сопоставить струны, которыми душили, и струны, которые пропали из дома мэра.

Даркси дублировал приказ, в который раз молча злясь, что этот человек так своевольно ему указывает. А Сварт снова протер очки, и в темно-синих глазах молодого капитана зажглась уже не скрываемая ярость.

Сварт только смерил его высокомерным взглядом, отворачиваясь и смотря на дрожащего от страха и гнева настройщика, который, разминая развязанные руки, вытягивал в вынужденном сопоставлении шесть струн. Демонстрация не затянулась: струны, найденные в мастерской, и впрямь оказались короче, нежели те, которые полагались роялю.

– Господа! Полагаю, это достаточное доказательство непричастности мэра? – провозгласил Сварт.

Теперь нравилось быть в центре внимания, потому что он уже ощущал незримую моральную поддержку со стороны главы города, который был бы рад и ложным доказательствам. Он давно мечтал до конца раздавить ненавистного конкурента. А господин Нилс сам вырыл себе могилу, перестаравшись в их старинном противостоянии.

– Да, достаточно. Все улики указывают на господина Нилса, – кивнул капитан Даркси, нервно скрипнув зубами.

Признание правоты ненавистного пирата доводило до бе-

шенства уравновешенного и спокойного стража. Хуже всего было то, что в какой-то мере он все еще сомневался, что перед ним личный кошмар детства – этот мясник, капитан Две Красные Руки. Пришелец вел себя слишком спокойно для человека, за которым стражи гонялись вдоль всего восточного побережья на протяжении многих лет. К тому же Сварт Иренг уже числился мертвым. Но капитан Даркси не мог успокоиться.

– Посмотрите, окровавленные струны не обломаны, не отрезаны, то есть, никак не укорочены и, кстати, даже почти не повреждены – только в центре, в месте, которым душили. Они аккуратно сняты. Все сходится: это не рояльные струны, – заключил Сварт, указывая на настройщика, который так и застыл с искривленным кислым лицом и вытянутыми руками.

Даркси только мрачно сопел, опуская все ниже голову. Второй следователь тоже злился, его-то не тревожила личность Сварта, зато гордость стражей оказалась уязвленной: запутанное дело раскрыл какой-то проходимец.

Открыто ухмылялся только мэр, как будто власть морских стражей ему порядком надоела. И вот представился прекрасный случай уесть их самодовольство.

Сварт же молча злорадствовал: «Они знали, что в городе больше нет музыкантов. Да и морские стражи вряд ли бы смогли определить по длине струн, какие для рояля, какие для фортепиано».

– Ваши доказательства приняты, – сухо отрезал Даркси, с омерзением отворачиваясь.

«Проклятье! В их окружении мне как-то неприятно так долго находиться... – подумал Сварт, отчего по спине пробежал холодок дурных предчувствий. – Да еще этот Даркси странно присматривается. Треклятый олух! Если такой умный, разгадал бы сам эту тайну. Зависть берет? Хочет найти доказательства того, что я не достоин награды?»

– Так что, уважаемые дозорные? – самодовольно осведомился мэр, к которому несколько дней назад приходили с расспросами и чуть не выписали ордер на арест.

Когда выяснилось, что переполох был устроен по ложной наводке настройщика, легкое сочувствие к обвиняемому со стороны главы Свифтфиша немедленно сменилось резкой неприязнью.

– Подозрения с господина мэра могут быть полностью сняты! – только и оставалось заключить стражам.

Мэр расплылся в довольной ухмылке. Похожая нередко посещала и лицо Сварта в минуты удачного осуществления очередного плана. Например, после бунта на корабле, когда он, тогда еще семнадцатилетний мальчишка, стал капитаном. Планы и схемы имели сотни вариаций, зато вкус победы с годами не менялся.

– Награда не заставит себя ждать! – обратился к Сварту мэр.

Да! Вот она! Вот эта минута абсолютного торжества, ко-

торой капитан ждал с самого начала всей этой канители. Не обманули! Невероятно! Дело оказалось успешным!

Но теперь предстояло пройти с морскими стражами, чтобы подтвердить закрытие расследования. Сварт надеялся, что отсутствие документов удастся скрыть, да и мэр уже явно был на его стороне. Они даже ощутили взаимопонимание: действовали оба не во имя справедливости, а во имя своей выгоды. Очевидно, мэр сам подозревал конкурента, но улики найти не мог. Да, в чем-то они оказались страшно похожи, Сварт снова про себя усмехнулся: «Я бы мог стать отличным мэром-коммерсантом. О да! Если так подумать, только управлять крошечным городком – это мелко. Торговля, бизнес – куда прибыльнее и интереснее. Но крупный бизнес – как-то хлопотно. Хлопотно... Требуется много сил... Сил? Сил... Почему я постоянно ощущаю эту смертельную усталость? Да, я хочу запереться в огромном доме и не думать ни о чем. В особняке Вессонов. Вакуум. Чудесная пустота. И уважение людей, которых презираешь. Но что дальше? Не суть важно! Я из прошлого точно знал, что дальше. А нынешний слишком жаждет мести, притом изощренной мести. Может, вернуться в прошлое настолько, чтобы не дать им всем родиться? Убить Маиму в первый год жизни или обезглавить еще его отца. Или пронзить сердце Аманды Вессон? Или ее отца? Хотя нет... Что все это даст? Это не месть, а так, потакание себе... Нужно переиграть тот треклятый момент, тот удар. Я не мог опоздать на долю секунды. Маиму

не мог оказаться быстрее».

Сварт отогнал подобные раздумья. Его ждала награда, сулившая настоящую свободу и начало восхождения к исполнению нового заветного плана. Еще немного! Оставалось совсем немного.

– Увести его, – приказал Даркси, указывая на арестованного старика.

Вскоре руки настройщика снова связали и повели его в сторону штаба стражей. Сварт пошел рядом с преступником и негромко осведомился:

– Что-то не сходится... У вас ведь были настоящие рояльные струны. Зачем душили струнами из фортепиано?

Настройщик отвечал резко, чеканя слова, как гравировку на монете:

– Вы не понимаете – это старые струны! Когда началось бы расследование, со струнами пришли бы ко мне. И какой же я настройщик, если сказал бы на новые струны, что они из того рояля? К тому же кто-нибудь заметил бы пропажу в моей мастерской. Хорошие рояльные струны – редкий товар в наших местах. Я не врал насчет шторма... У меня почти ничего не осталось.

В последней фразе выплеснулась вся его горечь. Что еще ему оставалось? Плечи его поникли, он сразу стал казаться старше лет на десять, истрепанным, высушенным и никому не нужным.

– Значит, Саду Ко вы соврали, сказав, что он слишком

сильно повредил нужные струны.

– Чтобы вовлечь в наш план. Сад – трус. Польстился на легкие деньги. И едва не сдал нас в самом начале. У меня оставались всего три рояльные струны, чтобы в нужный момент прийти с ними в дом мэра и сделать вид, что я пытаюсь что-то заменить, а потом «случайно» найти окровавленные. Поэтому новые я не мог отдать. А поврежденными струнами не так уж надежно душить. Дозорные бы все равно не догадались без прочих улик, – возможно, сделал неверный вывод настройщик.

– Но как же сроки убийств и повреждение рояля? Не боялись, что сопоставят?

– Сроки? Рояль мы повредили достаточно давно. Думаете, кто-то музицирует? В этом городе, похоже, никто не умеет играть, кроме нас двоих с Садом Ко. Так что как улика вполне бы сошло, а на его пианино из салуна никто не подумал бы.

– Умно. Хотя и рискованно. Господин Нилс подставил вас: все упиралось в струны. Вы все слишком старались над созданием улик. И если бы привлекли мэра, вас бы вместе с ним.

– Не факт. А вы, господин, сломали наш план... Когда-нибудь я вам отомщу.

Страшное хладнокровие, которым сменилась обескураженность обвиняемого, отозвалось неприятными ощущениями, точно Сварт попал под действие древнего проклятья.

Он вздрогнул, но небрежно приподнял край губ в гадкой улыбке: все-таки он вышел победителем, а влияние злобных посулов отчаявшихся стариков никто еще не доказал.

Глава 29.

ТЩЕСЛАВИЕ ПИРАТА И ТАЙНА КАПИТАНА

Напряженный день стремительно заканчивался. Мани все еще следила за капитаном, но уже без страха, даже размотала вечно мешающийся под ногами шарф Скерсмола.

– И как он в нем вообще ходил! – фыркнула она, в очередной раз наступив на салатовую тряпку.

Страх ее окончательно рассеялся и не вернулся, даже когда Сварт снова зашел в штаб стражей. Вышел он уже один, настройщика и господина Нилса, приведенного чуть позже, отправили в соседнее здание, темное, жуткое. Но его аура уже не давила на Мани, казалось, что оно далеко-далеко. Как и тот день, когда она стояла на помосте эшафота перед ревущей толпой. «Нет, больше я туда не вернусь! Никогда!» – пообещала себе Мани. Она выбрала путь отважной мореплавательницы, раз уж другого не осталось. С капитаном Свар-

том она могла бы избороздить сто морей, хотя понимала, что страшный человек способен убить ее одним ударом. Но он хотя бы не охотился за ней, как за перепуганной дичью, лишь за то, что она единственная уцелела из рыбацкой деревни. Джинны Гриустена не могли похвастаться таким великодушием. Поэтому Мани была благодарна капитану. Она хотела подойти к нему и выразить свое восхищение, попросить разрешения рассказать обо всем Скерсмолу и Сумеречному Эльфу, доложить команде, что все закончилось благополучно.

Но к Сварту, спускавшемуся со ступеней здания штаба, подбежали несколько человек, что-то сказали и потянули радостно с собой на центральную площадь, где уже собиралась толпа: весть разнеслась быстро. Мэр постарался. Кажется, так он желал еще больше унижить конкурентов. Мани побежала следом, едва протискиваясь через сгущавшийся людской поток.

Лишь Сумеречный Эльф все видел с вышины, множество голов и лиц. И судеб. Раскрытое преступление никак не обрадовало его, он следил за колыханием ткани белых линий: асуры рвались в мир Большого Дерева, вроде бы не пробились, не хватало мощи. Но, похоже, всплеск злорадства и темного веселья со стороны Сварта непостижимым образом спровоцировал врагов на активные действия.

«Неужели уже началось? Неужели я все проморгал? Тупая чайка!» – тревожился Страж Вселенной. Но волнение линий

успокоилось, как шторм на океане. Теперь колыхалось только людское море внизу.

– Жители Свифтфиша! Можете отныне спать спокойно! Черета загадочных убийств раскрыта! – громогласно вещал мэр, скача по трибуне из стороны в сторону так, словно никогда не был хромым, а всю жизнь занимался балетом. Его широкое лицо лоснилось и сияло от наслаждения моментом.

Сварт был затащен подручными мэра прямо на трибуну. Нет, он не боялся сцены, и слава триумфатора ему нравилась. Но такое внимание, да еще ложное восприятие в качестве истинного героя... В первое мгновение он смутился от неожиданности, но потом успокоился. Почему бы нет? Стоило наслаждаться моментом, пока нашелся такой покровитель. Мелькнула мысль, что недурно бы проверить с мэром Свифтфиша тот же фокус, который почти удался с лордом Вессоном – втереться в доверие, подняться по карьерной лестнице бюрократических ведомств, а потом сделать нужные документы, выудить подписи под завещанием и организовать парочку «несчастных случаев». Возможно, в этом городишке повезло бы стать мэром и присвоить чужие богатства. И не потребовалось бы дополнительных усилий, чтобы завоевывать доверие горожан. Толпа уже единодушно кричала и скандировала на разные голоса:

– Слава отважному путешественнику!

Люди восторженно орали, не заботясь о том, чтобы узнать хотя бы имя их нового героя. Так же приветствовали Ма-

иму, когда он победил Сварта – это рассказывала погибшая команда, сам он не помнил, раздавленный и избитый. Его истрепанная бригантина отчаливала от берегов острова под громогласные возгласы радующейся толпы, которая даже толком не поняла, какая опасность им грозила.

Воспоминания о поражении накатывали болезненной холодной волной, отчего начинали ныть старые раны. Как будто все повторялось, как будто его не чувствовали, а привели на эшафот. Этого он на самом деле и заслужил.

Толпа ревела, не в силах уgomониться, зато мэр не пытался чрезмерно льстить. Сварт обменялся с ним понимающим взглядом и осознал, что господин мэр догадывается: пришелец явился не с чистой совестью и не от большой любви к человечеству занялся расследованием. Нет, с таким хватким типом не стоит связываться. Он сам умело расставляет сети интриг, за время пребывания Сварта у стражей уже успев заключить сделки, которые окончательно утопили господина Нилса, покрывая любые расходы на награду человеку, который спас репутацию мэра.

Сварт понимал, что в толпу необходимо бросить пару метких фраз, ведь он теперь стал героем дня.

– Жители Свифтфиша! Как и сказал ваш мэр: вы можете спать спокойно! Я не мог оставаться равнодушным, когда узнал о постигшем вас несчастье. Зло должно быть наказано – это мой девиз по жизни, где бы я ни оказался.

– Слава путешественнику!

– Это же тот самый путешественник, который помог тушить мой трактир! – внезапно донесся голос из толпы.

Трактирщик умело привлек внимание к себе и своему заухудалому заведению. Сварт оценил его деловую хватку, но одновременно проникся презрением: хозяин жалкого пристанища ничего не сделал ни во время пожара, ни для расследования. Рыба-прилипала, о которой стоило бы рассказать всю правду: о том, как он проводил в хлев и сдал чердак по цене комнаты. Впрочем, и он мог немедленно рассказать о том, как компания нищих постучалась к нему в бурю, не имея никаких документов. Поэтому Сварт только улыбался в ответ на неожиданную новую лесть. Так уж был устроен этот мир: все друг другу выгодно врал, если того требовала ситуация, если это приносило доход.

– Да вы еще и пожарный, милейший, – с притворным радушием рассмеялся мэр.

– Случается, – обворожительно улыбнулся Сварт. И тут же убедительно соврал что-то о чувстве справедливости, которого он не знал, и о бескорыстной помощи людям. Которым помогал только если чувствовал выгоду.

Ему нравилось врать, нравилось притворяться кем-то другим. Как будто маска на какое-то время по-настоящему становилась лицом. Разыгрывать радушие и становиться как будто радушным. Разыгрывать человечность и словно бы превращаться в человека. Маска достраивала ту часть личности, которая лежала в закромах души иссушенной муми-

ей, имитировала погибшее в зародыше умение сопереживать и любить. Он не понимал этих чувств и никогда не испытывал.

Зато умел разыгрывать во имя какого-то плана. Иногда это по-настоящему нравилось. Как в конторе Вессонов, как в те времена... с инжиром и интригами. Но не в этот день.

Радостный митинг достаточно скоро закончился, все насытились новостями и услышали в разное время, что их город снова самое безопасное место на свете. Вскоре горожане потихоньку разошлись по своим делам, провожая взглядами нового героя Свифтфиша. Никто не признал в нем страшного пирата, что ходил по морям несколько лет назад, наводя ужас на прибрежные и островные поселения.

«Тупой сброд, достаточно только подать себя в ином свете – лица не вспомнят... А еще лучше, когда кто-то тебя представляет. Выгодно вышло! Нам обоим выгодно! Да и этому тупому сброду выгодно, теперь они могут без страха обделывать свои мелкие делишки. Будто они кому-то были когда-то нужны! Разве только какому маньяку. Вроде меня... Да... Вроде меня», – думал Сварт с презрением, которое в разы усилилось после такого яркого чествования. Все было предельно понятно и просто.

По-настоящему смутили пирата люди, встретившиеся у ступенек трибуны, когда все закончилось. Они были облачены в черное, богато одетые, но иссеченные следами недавнего горя. Небольшая группа. Трое мужчин средних лет и три

заплаканные обессиленные женщины. И еще несколько молчаливых фигур. Сварт сразу понял, кто это...

– Мои соболезнования, – смиренно опустив голову, выдохнул медленно спустившийся мэр.

– Благодарим, господин, – едва слышно отозвались пришедшие.

Да, Сварт верно догадался: это были родственники жертв, родители и близкие тех молодых парней, которые пали частью плана властолюбивого коммерсанта.

Это были они, торговцы-конкуренты, компаньоны мистера Нилса, чей бизнес стараниями мэра в этот день переставал существовать. Но они все равно пришли на площадь. Пришли поблагодарить, насколько в такой ситуации уместна благодарность. Отвечал за всех крепкий мужчина с кудрявой пегой бородой и бакенбардами. С полминуты он пристально рассматривал Сварта, затем как можно более твердым голосом сказал:

– Произошедшие преступления – трагедия для нас... Но... Спасибо вам, что злодей наконец найден! Он заслуживает только смерти. А вы настоящий герой!

Сварт молчал, не придумав, что им ответить. Говорить о справедливости просто не поворачивался язык, да и не хотелось лишний раз показывать свое лицемерие. Он не успел создать достаточно убедительную маску. Толпу бы он обманул, но перед родственниками жертв изображать сочувствие не вышло бы. Тогда что говорить?

У Сварта вместо сердца трепыхался даже не камень, а комок непролазной черной шерсти, которую хоть рубить, хоть колоть – не расшевелить. Иной бы просто не выдержал этой картины. Сварт только шумно вдохнул и поправил очки, молча кивнув. Впрочем, эти люди и не требовали слов.

«Возможно, из-за этого ты и стал тем, на кого обратил внимание сам король асуров. Возможно, только поэтому ты еще жив. План короля изменился: теперь он хочет не просто убить тебя, но и сделать своим приспешником. Как прочих лордов, собранных с разных уголков вселенной. Но вот какие планы у короля на Аманду Вессон? И за что все это Мани?» – думал Сумеречный Эльф, щупая колыхание линий. Нет, они успокоились. Не иссякли только человеческие страдания. И он, Неудавшийся Страж, не имел права вмешиваться, чтобы не сделать еще хуже. Его добро приносило еще больше зла, когда искажались натянутые линии мира, когда он менял законы Вселенной. Нет, на его долю выпадало только заполнение пробелов в свитках судеб. Не более того, не более. Поэтому он скользил незаметной чайкой следом за омерзительным пиратом.

***

Сварт возвращался к своей команде, Мани шествовала

рядом в тени его славы: его уже узнавали на улицах, не забывая кричать какие-то восторженные слова. Странно, но при всей своей темной ауре он нравился людям, когда представлял в очередном новом образе. Да, почему бы не нравиться: аккуратно одетый, умный и строгий человек. Никто не посмел бы узнать в нем то чудовище, которое истребляло корабли морских стражей пять лет назад, бесцельно, изощренно, жестоко пируя на крови. Кто же был вначале? Кто из этих двух образов? Он сам запутывался и порой сомневался.

– Слава герою! – встретил возгласами трактир.

– Капитан! Вы... Вы бесподобны! Я должна рассказать ребятам! – воскликнула вместе со всеми Мани, наконец без страха разматывая шарф.

Вскоре она побежала разыскивать Скерсмола и Сумеречного Эльфа, чтобы рассказать о победе. Сварт остался в таверне, собирая скудные пожитки в той тесной комнатухе, где их поселили. Хозяин заведения теперь еще больше расхваливал неожиданного гостя перед всеми посетителями, напоминая, что тот еще и дважды герой, так как спас трактир от пожара.

Сварт не желал больше слушать про себя любимого и с трактирщиком не хотел иметь ничего общего. Надобность отпала, теперь он был приглашен вместе со всеми спутниками не куда-нибудь, а в дом мэра. Но Сварт не верил в свою неожиданную удачу после всех потрясений. Он снова ожидал возможную ловушку. Теперь в доме изворотливого мэра.

И еще из головы не шел диалог, произошедший с глазу на глаз между ним и главой штаба Свифтфиша – капитаном Даркси. Как оказалось, его звали Дин Даркси. Имя ни о чем не говорило, а вот фамилия начала вызывать все больше ассоциаций.

«Вспомнил!» – задумался Сварт. Даркси – так представился однажды знаменитый фехтовальщик, вступивший в противостояние с юным пиратским капитаном. И поплатившийся жизнью за самонадеянность: уже тогда Сварт прекрасно владел двумя саблями. Обманным приемом он отвел клинок противника правой рукой, а левой нанес сокрушительный удар. И с того поединка началось вторжение в прибрежный город – первое крупное дело молодого Сварта в роли капитана. И с тех пор ему понравилось. Невероятно понравилось. Да, тот морской страж носил фамилию Даркси.

А теперь повстречался некий Дин Даркси. Он сурово смотрел в упор до противного честными темно-синими глазами. Они оказались одни в кабинете штаба для подтверждения закрытия расследования, пока остальные дозорные занялись господином Нилсом и настройщиком. Дин Даркси начал, твердо пожимая руку:

– Да, вы герой... – но тут же слегка вытянул шею, приблизившись, и ожесточенно прошептал: – Когда-то по морям ходил один беспощадный и подлый пират с непревзойденным интеллектом. Звали его Сварт Иренг Две Красные Руки. Лет пять назад до нас дошли известия, что его казнили. Потом он

снова появился на острове Кафу в поместье лорда Вессона. Но там его убил народный доброволец Маиму-Длинноногий.

Гнев Дина Даркси не касался расследования, зависть от проигрыша в битве интеллектов мало заботила молодого капитана. Сварт не забывал сохранять лицо, невозмутимо и буднично ответил:

– Да, слышал об этом. Занятная история.

– Я не верю, что он получил по заслугам. На острове Кафу мы не видели тела, – слегка кривя жестко очерченный рот, отвечал Даркси, все так же сурово изучая взглядом лицо Сварта.

Хотелось поскорее избавиться от общества морского стража: монстр в душе пирата уже просил свежей крови, раздражаясь от такого обращения.

– Возможно, удача покинула его, и он мертв, – почти не соврал Сварт, слегка вскидывая брови: – Вы так хотели получить награду за его голову?

– Он убил моего отца, Хьюго Даркси, морского стража, – мрачно и твердо проговорил капитан Дин Даркси. – Сжег наш дом. И разграбил мой родной город.

– Сочувствую, – фальшиво отозвался Сварт. – И все же... Не могли бы вы уже отпустить мою руку? Это невежливо.

Даркси будто не услышал замечания. Даже наоборот: хватка его сделалась более жесткой, точно он намеревался отточенным движением выкрутить кисть, оглушить и бросить в темницу. Сварт уже прикидывал, как он стремительно

извернется и ломает шею наглому мальчишке. Но убийство стража уничтожило бы блестящую комбинацию с расследованием.

– А вы как-то слишком похожи на того человека со старой листовки, – уже звучала агрессия в голосе капитана Даркси: – И сомневаться в вашем уровне интеллекта не приходится.

– Господин Даркси, во-первых, вы же сами знаете, что пират был казнен, – высокомерно и твердо парировал Сварт: – Во-вторых, не стоит видеть казненного давным-давно пирата в каждом чем-то похожем на него человеке.

На этом разговор был окончен, рука разжалась, и они оказались по разные стороны широкого стола с документами. Вскоре в кабинет вошли другие следователи, которые не догадывались о личной мести их командира. Мести, на которую он не имел права без доказательств.

Дину Даркси пришлось лично отсыпать вознаграждение от штаба за поимку преступников. И Сварта еще ждала награда от мэра, куда более щедрая. Морские стражи выше ценили пойманных пиратов, которые даже негласно соревновались, за голову кого больше дают.

– Можете идти, – сухо и с явным трудом процедил сквозь зубы Дин Даркси, явно сожалея, что все-таки не выкрутил руку проклятому пирату и не отправил врага в тюрьму.

Сварт только самодовольно ухмыльнулся, покидая штаб. Но четко понял одно – он нажил себе нового врага. Мстителя. Вернее, не нажил, а наткнулся на одного из сотен та-

ких же мстителей, разбросанных по разным островам. В сознании свежим воспоминанием предстали люди в черном, встреченные у помоста. Они тоже жаждали мести. И получили ее.

«А ты, Даркси, не дожدهшься!» – мысленно бросил ответ главе штаба Сварт. Ему открыто объявили войну. Значит, настало время составить новый план, позволяющий избавиться от капитана стражей.

Суетливо близился вечер и чествование новоявленного героя Свифтфиша. Скерсмол и Сумеречный Эльф вместе с Мани прибыли к назначенному часу к дому мэра. Трактирщик выдал всем новую чистую одежду, Мани даже перепахло аккуратное зеленое платье. Скерсмол не расстался с шарфом, но переделся. А Сумеречный Эльф с трудом узнавался в строгом черном костюме-тройке и с собранными в хвост волосами. Сварт даже хотел спросить, кто это провожает их странную компанию. Выглядели все они пристойно, впечатление честных путешественников, попавших в стесненные обстоятельства, произвести могли. Убедив себя в этом, Сварт позвонил в колокол у ворот.

– Уж если попадать в ловушку, то всем вместе, – тихо проворчал паникер-Скерсмол, который, как и Сварт, не мог верить в честные намерения людей.

Но ловушки, как ни странно, не оказалось ни при входе, ни в зале, где молчал черный рояль, ни в обширном помещении с накрытым столом, который сиял приборами и яствами.

Тогда-то путешественники вспомнили, что за весь день ничего не ели и подпитывались разве что азартом и звуками от натянутых струнами нервов.

А уж чего только мэр ни выставил на стол! И свежельовленную рыбу всех видов, и дичь, и мясо всевозможных животных. И сыры разных оттенков, и налитые тропическим солнцем свежие фрукты. Выращенный в садах инжир не шел в сравнение с диким собратом, плоды которого Сварт собирал на голых скалах в проливе Сциллы и Харибды. Сладкий вкус напоминал те времена, когда он ожидал скорой победы на острове Кафу. И тот день, когда пропала Аманда Вессон. И лиловый сок инжира тек по ее пальцам, как кровь.

– Поднимем бокалы за отважного путешественника и его спутников! – провозгласил мэр, и более тридцати высокопоставленных гостей разом поддержали тост.

Сварт осторожно пригубил наполненный рубиновым питьем хрустальный бокал, опасаясь яда или снотворного. Но чуть раньше он не заметил никаких подозрительных действий со стороны слуг, и теперь просто наслаждался трапезой, степенно разрезая дичь.

– Поднимем бокалы!

Слышались новые тосты. С каждым разом все более громкие. Вино плескалось в хрустале, как свежая кровь, пролитая на закате, озаренная последними отблесками солнца.

Сварт, как неутомимый ценитель роскоши, отметил, что вина у мэра намного лучше, чем в доме Вессонов. В них

вита́л успокаивающий аромат фруктов, угадывались легкие нотки древесины... Да, мэр знал толк в виноделии. Неудивительно – это была одна из частей его обширного бизнеса.

Сварт счел, что вряд ли кушанья отравлены: тупоголовая команда, не подозревавшая, что дегустировала за капитана еду, пока не померла. «Мэр, конечно, сволочь, но, очевидно, сволочь щедрая. Ему невыгодно травить нового героя города. Ведь что скажет народ, если вдруг мы все сдохнем? Да и сам он ест, не боится», – успокоил себя Сварт, задумчиво пробуя сыр с инжиром.

Мэр умел быть благодарным. А вот Сварт никому никогда не доверял. Может, и правильно, но вечное недоверие выматывало сильнее вечной ненависти.

– Господа, приглашаю вас в сад, где ждут лучшие игристые вина и ликер. И, разумеется, десерт. А в конце дня – фейерверки, – радушно провозгласил мэр.

За неимением музыки хозяин решил отвести гостей для развлечения в свои винные погреба, обещая что-то показать. Вернее, пригласил-то он только Сварта, остальных под вежливым предлогом оставил в саду вокруг накрытого стола. Но никто не обиделся, с предвкушением ожидая фейерверков.

Сварт осмотрелся, рассчитывая увидеть морских стражей. Он по-прежнему опасался, что изощренная западня ждет в конце вечера. Возможно, капитан Даркси рассчитывал поймать своего врага, когда тот напьется и отяжелеет от съеденных кушаний. Но Сварт никогда не напивался до беспя-

мятства и потери координации движений. И не наедался настолько, чтобы терять хотя бы сотую долю своей скорости.

Зато команда ела за десятерых, особенно Скерсмол. Осталось только догадываться, как он сохранял худощавое телосложение: за время торжественного ужина он попробовал по три раза, похоже, каждое блюдо и все напитки. Выйдя в сад, он с восторгом накинулся на десерт, как и беззаботная повеселевшая Мани.

– Фейерверки! Никогда не видела фейерверков! – восторженно твердила она, уплетая кусок торта со взбитыми сливками.

Сумеречный Эльф, ставший бледной тенью несравненно-го капитана и молчавший весь вечер, куда-то пропал. Показалось, его видели в компании симпатичной горничной... Но это не занимало. Важнее был тот факт, что мэр приглашал в заветный погреб одного Сварта.

Капитан от такого предложения насторожился: «Вот заведет в подземелья, а там Дин Даркси... Нет, они еще не знают меня. Вернее, треклятый Дин, похоже, знает. Ничего, я то хитрее их».

Но в обширном сумрачном погребе, где с потолка свешивались летучие мыши, а пауки беспрепятственно оплетали паутиной углы и бесчисленные ряды бочек с разными сортами вина, не оказалось ни западни, ни какой бы то ни было охраны, кроме виноделов.

– Не смотрите, что паутина, – с улыбкой поведал мэр. –

Пауков и мышей не стоит трогать, ведь они создают особую атмосферу. Это тоже влияет на свойства вина.

– Интересно, – кивнул Сварт.

В поместье Вессона винный погреб содержался в идеальной чистоте. Возможно, зря старались. Хотя про мышей и пауков верилось с трудом, но мэр говорил воодушевленно. Он провел гостя мимо всех бочек в конец погреба, где обреталась дверца-решетка в другое совершенно темное помещение. Мэр достал масляную лампу и ключи, затем отворил заросшую паутиной дверцу.

– Когда вино разливают по бутылкам, его свойства уже не меняются. И это моя старинная коллекция для особо важных гостей! Проходите, – объяснил мэр суть своих загадочных действий.

– Только после вас, – вежливо отозвался Сварт.

Он снова ждал западни, тем более, помещение закрывалось решеткой, которая отворилась прямо-таки с тюремным протяжным скрипом.

Но нет, опять ничего не случилось. Мэр степенно прошел к одной из высоких полок с ячейками, где, покрытые терпкой пылью, покоились бутылки разной формы. Хозяин долго рассматривал одну из них, практически любовно поглаживал, улыбался:

– Это винтажное вино. Винтажный год нашего острова. Лучшее. Я думал, что открою его по случаю избрания в мэры, но как начались убийства... Было как-то неловко и

неспокойно. Но теперь все закончилось, вся власть в моих руках. И это благодаря вам. Пойдемте. Теперь повод есть. И есть, что обсудить.

Молча они вышли из темноты погребца и вскоре оказались в небольшом помещении, где стояли только стол и пара стульев, дорогих, кованных. А по стенам молчали лампы, дающие приглушенное освещение, создающее атмосферу важности. Здесь еще витала прохлада погребца, разнося сладковатый дух виноделия, покоя и ожидания. Мэр жестом пригласил садиться.

«Да не ловушка это!» – гнал от себя мысли Сварт, когда решил, что сейчас сядет, а на стуле окажется какой-нибудь хитрый механизм с шипами или наручниками. Напряжение его нарастало. Беспокойство и подозрительность мешали больше, чем даже утром. На лбу снова взбухла жила, а в затылке запульсировала боль.

«Ничего. Кровь носом не идет – нормально. Жила – это еще не страшно, у Сумеречного вон левый глаз от нервов дергался... Вот клоун», – успокаивал себя Сварт.

А мэр не был тем клоуном, которым его пренебрежительно обозвал капитан, когда первый раз увидел на площади. Тусклый свет пастельными тонами освещал немолодое лицо с задумчивыми глазами, суровое лицо цепкого дельца.

– Попробуйте. Лучшее, не правда ли?.. – начал отстраненно мэр, откупоривая бутылку, разливая по бокалам напоенный ароматами драгоценный напиток, а потом продолжил,

словно невзначай: – Жаль, что вы не нашли применение своему непревзойденному интеллекту в каком-нибудь бизнесе. Или в политике. Да... Море – стезя опасная.

«Он меня тоже узнал? Или Даркси доложил?» – на миг перед глазами все поплыло, боль в затылке сдавила невыносимыми тисками. Только бы не узнал! Только не сейчас! Скорее бы уже давал награду! Какие-то трусливые мыслишки, очень трусливые, как и это волнение. Но Сварт понял, что не выдержит, если еще один его сложный план потерпит крах в самую ответственную минуту.

– Что ж, я... – начал Сварт, но его бесцеремонно перебили, отчего он недовольно сжал в руке бокал, вино в котором словно вздохнуло от слишком сильного объятия.

– Ничего не говорите. Кстати, я до сих пор не знаю вашего имени, – загадочно ухмыльнулся мэр, поводя пространно рукой, отменяя все сомнения и опасения: – Но мне и не важно. Так ведь? Я не знаю вашего настоящего имени. Пусть все считают именно так. Да. Вы совершенно обычный путешественник, который легко распутывает такое дело, появившись из ниоткуда. Мы оба, как я вижу, деловые люди. Вопрос, который интересует нас обоих, а особенно вас – величина награды. Я не Дин Даркси, чтобы говорить об идеалах.

«Он готов принять и помощь пирата Сварта, лишь бы его бизнес процветал... И власть осталась за ним. Разумно!» – облегченно вздохнул капитан, уже в полной мере ощущая вкус вина винтажного года, вкус победы.

Глава 30.

ТВОРЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО УМА

Наутро Сумеречного Эльфа обнаружили выходящим из спальни одной из горничных. И тут уж ему не удалось отвертеться, что, мол, геройствовал в других мирах. Кажется, так он отпраздновал окончание своих «каникул», ведь ничего полезного за время пребывания в Свифтфише он не делал.

Зато Сварт, не выспавшись от безотчетного ожидания засадки, не находил и минуты покоя из-за дел, которые свалились вместе с наградой: мэр пообещал в счет вознаграждения... корабль. Не верилось, но память не могла обмануть. Они до поздней ночи медленно пили вино и обсуждали детали. Хваткий мэр четко дал понять, что не желает видеть среди приближенных кровавого пирата.

– Вы получите корабль. И отчалите из гавани Свифтфиша,

как будто вас здесь никогда и не было. И никто не узнает вашего настоящего имени, – поставил условие мэр.

Сварт не собирался спорить: оставаться в городе рядом с капитаном Даркси, который мечтал арестовать его, не хотелось. А мэр никогда бы не смог рассказать, что власть ему помог удержать один из самых опасных пиратов, объявленный к тому же мертвым. Они пришли к полному взаимопониманию и неплохо сговорились.

– Стой, крыса паршивая, – с насмешкой негромко окликнул Сварт.

Сумеречный Эльф с довольной рожей потихоньку пробирался от горничной вверх по лестнице, к прочим гостям, которых разместили наверху. Сварт, наоборот, спускался. Сумеречный Эльф радушно улыбнулся, как будто не понимал истинной сути всего произошедшего:

– Ты раскрыл преступление. Это ведь здорово! Видишь – во имя людей.

– Я раскрыл преступление. Но не во имя людей, только ради награды, – сдержанно отозвался капитан.

«Мэр очень легко принял эти обвинения против того ничтожества. Ему и самому они показались выгодными. Ведь теперь он владеет бизнесом осужденного конкурента. В целом я просто сыграл на руку человеку, который не решался на такие преступления, но давно хотел захватить крупный бизнес, – раздумывал Сварт, выходя в холл и отворяя дверь, чтобы вдохнуть свежего утреннего воздуха. – Ведь все люди

по природе своей циничны и практичны. Но мне-то что. Я тоже циник. Теперь у нас будет корабль, но нанимать в этом городе некого, и опять не хватает денег. Либо хороший корабль, либо команда. На лоханке далеко не уплывешь, головорезов здесь не найти. Более чем щедрая награда за мои скромные труды».

– Ну, что, Сварт, – обратился Эльф, – ты стал героем дня, тебя теперь все уважают в этом городе. И без всяких мерзких планов. Можешь теперь остаться здесь и жить спокойно. М? Или дальше пойдем?

Тем временем оба покинули дом, в пустующем утреннем саду никто не мог подслушать короткий диалог, так что пират отвечал честно:

– Остаться не могу: капитан местных стражей узнал меня, доказательств у него нет, потому что я по-прежнему считаюсь мертвым, но рано или поздно они могут найтись. Он настроен серьезно, хочет отомстить за своего папашу. Да и... В качестве кого я здесь останусь? Награда слишком мала, чтобы жить на нее всю оставшуюся жизнь.

– Как скажешь, значит, пойдем дальше, – пожал плечами Сумеречный Эльф и помрачнел, уже хрипловато отзываясь: – На самом деле это твоя ненависть не дает тебе покоя, ты же все еще хочешь переиграть роковой поединок.

Вскоре собеседник ушел в неизвестном направлении, остальная команда не знала, куда себя деть: Скерсмол усиленно совершал набеги на кухню особняка, Мани просто ша-

талась без дела, рассматривая дорогие вещи к насто­ро­жен­но­му неудо­воль­ствию гор­нич­ных.

– Сядь, почитай что-нибудь. На тебя смотрят как на во­ров­ку, – приказал ей мимоходом Сварт.

– Да не умею я читать толком, – виновато ответила де­в­чон­ка.

– Так сделай вид, – прошипел Сварт. – Исчезни. Скоро вы все по­на­до­би­те­ся, но не сей­час.

На заре нового дня он принялся улаживать дела с мэром. И переговоры шли прекрасно. К пущему недовольству ка­пи­та­на Даркси, который, казалось, следил за «героем», ко­гда Сварт рассматривал в порту корабли и торговался, по­ни­мая, что большая часть награды уйдет на приобрете­ние транспортного средства.

А вокруг суетились люди, восходили строительные леса, не зеленая мертвой щепой. В доках чинили корабли, созда­вали новые, оттуда слышался стук топоров и скрежет пил. Живой городской гомон – звук благополучия. Тишина цар­ст­во­вала только в пустых городах, в истребленных дерев­нях, в разоренных портах. Создание шума – мелодия жизни, борьба со смертью.

Паруса ловили ветер, когда от верфи неспешно отходили гигантские суда, мелкие лодчонки рыбаков и крупные тор­го­вые каракки, каравеллы. И бриган­ти­ны. Скрипели снасти, навевая легкую тоску: Сварт опять стремился в море... А ведь хотел остаться навсегда, врасти корнями, стать тенью из

тех теней, которые сами себя копировать не в силах. Таков был план. Для чего? Чтобы застыть, как иссушенная солнцем медуза?

Рыбаки вываливали из сетей тяжелый улов. И сотни морских жителей глядели, хлопая ртами, и молча засыпали умиранием на берегу. Рыбы на суше не могли плыть. А люди бороздили море, но стремились к земле. А кто же те люди, что ни в море, ни на земле не находят покоя? Чуждые морской стихии правом рождения, но тоскующие по этим просторам.

Сварт глядел на корабли. Шерстяное сердце запрещало себе дрожать, запрещало ощущать, запрещало испытывать восторг и трепет. Но такое же упоение охватывало его только в день, когда он стал капитаном.

Вот и она... Небольшая бригантина. Да, пусть лишь до края света, чтобы вернуть прошлое, но все-таки корабль. Стройное быстрое творение человеческого ума, произведение искусства, скромно ожидающее своего часа.

«О найме команды можно забыть. Лучше хороший корабль. На поганом корабле с большой командой далеко не уйти», – решил Сварт, договариваясь о цене, всеми правдами-неправдами пытаясь ее сбить.

Краем глаза он заметил, что под поверхностью воды возле причала мелькает чья-то тень, раскидывающая руки и ноги, словно огромная лягушка. Но пират не стал заострять внимание на этой тени. А Дин Даркси, который уже почти открыто следил, под тем или иным предлогом подходя то с

мнимой проверкой к рыбакам, то к кораблестроителям, тени не заметил, поглощенный своим новым шпионским амплуа. Скрывался он откровенно плохо, слишком привык работать в открытую.

Сварт понял, что стоит как можно скорее покинуть остров, пока для мэра оставалось выгодным существование героя, а горожане не забыли, кто раскрыл преступление. Опьянение новостью для тех, кого не затронула беда, проходит слишком быстро, остается в архивах и вечерних историях у камина.

Суматошно и стремительно пролетел еще один день, скатился к вечеру, пока команда прохлаждалась в доме мэра. Когда Сварт вернулся, выгодно уладив все дела, он застал Сумеречного Эльфа в компании той же горничной, а Мани – сидящей в гостиной возле низенького столика с чашками и сладким. Девчонка пропахла кофе, кажется, никогда не пробовав этот напиток, а теперь напробовалась до конца жизни.

– Хочешь еще? – уже совершенно приветливо интересовались горничные.

– Не, лучше пирожных. Тех, с кремом и малиной, – беззаботно болтая ногами, отвечала она.

«Ясно, читать не умеешь. Нашла себе занятие попроще. Жрать в три горла вы все умеете», – подумал Сварт и пошел разыскивать навигатора.

Скерсмола вытащили из каморки дворецкого, с которым он невесть сколько времени резался в кости, не переставая

при этом что-то жевать. Удивляло, как он до сих пор не заложил в качестве ставки любимый салатový шарф.

– Проигрываешь свою долю награды? – навис над запаниковавшим навигатором Сварт: – Я же обещал тебя убить! Склероз напал?

– Я... Я... Я... Это все в честь вас! – отрапортовал игрок. Сварт пренебрежительно ткнул его в спину, чуть не сталкивая с лестницы.

– Подъем! Грузить корабль! – скомандовал капитан облепившейся команде.

– Корабль! Ура! – подскочили все.

***

– Холодные люди смотрят наощупь сквозь чувств помертвелых жемчужную россыпь. Тенью на стене танцевать в огне. Не сожалеть, не думать, не страдать, искать иные дали, просто ждать. Если ты ловил кого-нибудь вечером во ржи... Знай, то были чудные детства миражи.

– Ты о чем там? – отозвалась Мани, которая прошла мимо с огромным мешком на плече.

Скерсмол, кряхтя, с картинными охами и ахами катил по деревянному настилу тяжелые бочки с соленой рыбой.

– Нет, не так, как же там пелось? – продолжил разговор с

самим собой Сумеречный Эльф. – Эх, я бесполезный. Вкушают тревогу перед своим небытием, исчезновением. Те, кто не обретался хоть раз рядом с бытием, попытаются убедить тебя, что нет его вовсе. Их мир так понятен, их мир так объясним. Но ты остаешься с вечной тоской, с вечным желанием вернуться. Куда? Ты и сам не знаешь. Но стремишься, а им не надо, они не видели, они не слышали выше человеческого. Их мир так понятен.

Сумеречный Эльф глядел с причала на темнеющую воду. Мелкие волны омывали борта бригантини. Их новой бригантини! Сварт, как только стал законным ее хозяином, пару минут заворуженно рассматривал это чудо. Даже если не хотел показывать восторга, все выдавало. По меньшей мере, то, как тщательно он выбирал имя для корабля, перебирал варианты и сочетания слов. И нашел самое приятное для себя – «Черная звезда глубин».

– Какой выпендрей, – усмехнулся тогда Сумеречный Эльф.

– От выпендрейника-вредителя и слышу, – ответил на «любезность» Сварт.

Но бригантина явно нравилась обоим. Не чета пузатым торговым кораблям – быстроходная, легкая. Возможно, не самая новая, но в отличном состоянии. Да еще на носу красовалась фигура крылатой русалки-сирены с зелеными волосами и львиными когтями – прекрасное, но страшное создание. Наверняка автор такой скульптуры не вписывался сво-

им воображением в приземленность торгового города.

Сварт, возможно, предпочел бы изображение фигуры с саблями, как на прошлом корабле. Но, во-первых, пират по-прежнему скрывался, а во-вторых, сирена выбрасывала вперед львиные когти, напоминавшие клинки. Она сочетала в себе черты всех царств – и земного, и воздушного, и подводного. Странная фигура, тем более что сирены, как люди рассказывали в легендах, носились между двумя мирами – этим и иным. И нигде не могли найти покоя, кровожадные и беспощадные. Настоящие русалки жили близ Острова Большого Дерева и выглядели не столь устрашающе. Да и вели себя очень тихо, запуганные пиратами.

– Ты можешь быть хоть изредка полезен? – послышался резкий голос Сварта.

Сумеречный Эльф, не отрываясь от своих сосредоточенных мыслей-ощущений, молча взвалил на плечо очередной мешок, затем подкатил несколько бочек. Парни из порта помогали, но Сварт все равно гонял небольшую команду до седьмого пота, сам пока улаживал прочие дела. В безделье его бы не упрекнули. Да никто бы и не посмел: теперь команда, кроме Сумеречного Эльфа, относилась к капитану с еще большим благоговением.

Сварт суетился на палубе, казалось, перебегая от кормы до носа за доли секунды: командовал молодцами из порта и своими «бездельниками», не опасаясь теперь проявить скверный характер. Может, не до конца, потому что убивать

людей среди бела дня в охраняемом порту ему бы не пришло в голову. Но за общую тупость окружавших капитану нередко хотелось кого-нибудь прикончить.

Ближе к вечеру после завершения торопливой погрузки очередь дошла до того, кто кем является в небольшой команде. Со Скерсмолом было понятно с самого начала – навигатор. Умение «дара асуров» не давало ему выбора, и, в целом, он вполне устраивал. Лишь бы не играл на деньги. В первые помощники не вышел характером. О капитане – и говорить не стоило.

Сварт недовольно рассуждал: «У нас нет ни боцмана, ни первого помощника, ни квартирмейстера – это все я. Ладно, квартирмейстера я первым прикончил в прежней команде, он был зачинщиком бунта. Сговора мне еще не хватало. И пусть Сумеречный Эльф не надеется на такой пост в этой команде. Итак, канонира тоже нет. Да и самих пушек нет! Оружия вообще нет, а покупать – выдадим себя... Ужасно. И это была победа?!»

Тогда Сварт еще раз посетовал, как мало народу, а в городе и нанять-то никого не представлялось возможным. Даже парни из порта, которых разная нелегкая судьба привела на погрузку, не пошли бы в команду корабля, который двигался за край света в поисках затерянного островка Ифритова Смерть.

О существовании в городе пиратов говорить не приходилось: неподкупность капитана Даркси вызывала только доса-

ду и недоумение. На иных островах стражи неплохо договаривались с пиратами, деля добычу. Правда, на долю Сварта такого везения не выпало. Да с везением вообще как-то выходило неладно.

Пока что в новой команде без дела оставались еще два бесполезных человека. Сварт строго глянул на Мани, словно теперь рассматривая ее со всех сторон, пренебрежительно говоря:

– И какой от тебя толк?

Девчонка вытянулась по стойке «смирно», отрапортовав с вытращенными глазами:

– Я умею ставить паруса, могу быть рулевым, могу готовить, могу драить палубу... Любое ваше поручение! Все, что прикажете, капитан!

Последнее слово-обращение она произнесла с особенным почтением. Сварт задумался: верить он не умел, зато Мани, как он понял, не имела причин и привычки лгать. Надеюсь раздавить ее уверенность, будто она способна хоть к каким-то поручениям, капитан сначала спросил у нее название всех мачт и снастей. Как ни странно, она отвечала уверенно и выглядела так, будто удивлена, зачем еще лишние вопросы об очевидном.

– Кто тебя этому учил? – наконец спросил Сварт.

– Я была юнгой на корабле, – похоже, гордилась своей прошлой должностью Мани.

– Помнишь того пирата, которого убили в Городе Острых

Камней? Вот это был тот капитан неудачливый, у которого она служила юнгой, – шепнул Сумеречный Эльф, который – опять и снова – болтался без дела.

– Юнгой... Пф, девчонка, – фыркнул Сварт, ведь на его прошлом корабле не встречалось ни одной женщины. – Ладно, ты юнга.

– Консерватор, – в сторону прошипела Мани, но вслух невероятно обрадовалась: – Да, капитан!

И вовсе ее не волновало, куда направляется этот новый корабль. Она просто радовалась, что снова принадлежит к какой-то команде.

А Сумеречный снова изображал дурачка: носился по палубе, перевешивался через борт, забирался на мачту, спускался. Он восторженно подскочил к капитану:

– Корабль есть. Курс на Ифритову Смерть!

– Почему это? – встрепенулся недовольно Сварт и злорадно ухмыльнулся, тесня Сумеречного к борту, словно стремясь выкинуть: – И почему ты думаешь, что я возьму тебя на борт?

Но лицо Сумеречного Эльфа внезапно снова покрылось черными прожилками, глаза хищно загорелись, а тень стала совершенно непроницаемой, поглощающей свет и все вокруг. Казалось, само солнце померкло. Да, Сварт уже видел подобное – «фазу тьмы». Но от этого не становилось легче, могильный холод принимал оцепенением, а неудавшийся Страж Вселенной говорил:

– Тогда я просто убью тебя. Ты не сбежишь

Но снова все исчезло, и вместо монстра глупо улыбался корабельный клоун в потрепанной черной толстовке.

– Да не собираюсь я сбежать от такого ничтожества, как ты! Ладно. Только не будь бесполезным мусором, – отстранился от существа Сварт.

Он понимал только язык силы, и Сумеречный Эльф умел говорить на этом грубом наречии предельно понятно.

Ближе к закату все приготовления к выходу в открытое море подошли к концу, корабль застыл в ночном тумане. Капитан зашел в свою новую каюту, с наслаждением раскладывая карты на обширном столе. Команда неплохо провела ночь в гамаках на нижней палубе.

«Черная звезда глубин» возвращала жизнь Сварта в привычное русло, даже если он мечтал избавиться от морских приключений, на бессознательном уровне его по-прежнему вел и манил свежий соленый ветер.

Утром с первыми лучами рассвета на пристани собралась целая толпа народа. Все опять восхваляли новоявленного героя Свифтфиша. На пристань прибыл сам мэр, объяснявший, что важный господин, избавивший их от козней господина Нилса, продолжает свое путешествие, как и планировал изначально. Глава города долго убедительно врал, а Сварт возвышался над ним, стоя на юте, и только лениво помахивал рукой. Особенно «тепло» он отсалютовал хмурому капитану Даркси, который прибыл вместе со своими людьми.

К счастью, чествование быстро закончилось. И настал долгожданный миг, когда поднялись якоря и канаты отвязали от кнехтов. Но все происходило как-то сумбурно и быстро, точно команда бригантины бежала, как воры. Сварт даже не заметил, не уловил торжественности мига освобождения, по привычке отдавая давно заученные приказы.

– Отдать швартовый!

– Есть!

– Есть!

– Есть! – только слышались голоса команды.

Старались они исправно, даже Сумеречный Эльф. Сварт больше не глядел на толпу и мэра. Но внезапно его взгляд приковал корабль, стоявший на рейде, который тоже снаряжался в неблизкое плавание. Фрегат морских стражей!

Сумеречный Эльф теперь смотрел туда же, и его левый глаз нервно пульсировал. Это не предвещало ничего хорошего. Сумеречный Эльф говорил негромко и серьезно:

– Максимум неделя форы нам. Пока он в главный штаб морских стражей с докладом прибудет. Докажет-не докажет, что ты это ты... Все равно не отстанет.

– Змей бы морской его побрал! – прошипел Сварт. – Надо как можно скорее обзавестись оружием.

Оба понимали, о ком речь, но внезапно на всех парах прискакала Мани, занятая до этого на нижней палубе:

– Капитан... Капитан! В трюме кто-то шевелится! И это не рыба!

Глава 31.

РЕВОЛЬВЕР ВЕРНЕЕ ТОРГА

Липкий зной вилялся неровными линиями очертаний солнца в зените. Ветер разносил пыль неумолимыми жерновами сотен песчинок, осколков травы и камней. Широкие шейные платки степных жителей с трудом спасали от вездесущей пыли, которая неизменно скрипела на зубах безвкусной солью.

Через несколько дней пути Гриф Риппер и Ванесса Филлгрэв достигли лаза в Бездну, портала в мир Беннаам. Сначала они ориентировались по следам копыт, потом характерные отметины от подков лошадей сменились иными отпечатками, не человеческих ног, а звериных и птичьих лап. А сами несчастные лошади встретились немного в стороне от тропы – они лежали обглоданными скелетами.

Цепочка новых следов напоминала отметины от когтей

гигантских воронов. Да, именно их: Вороны Отчаяния – титул и облик элитной гвардии короля асуров. Риппер прекрасно знал, каким существам принадлежат эти следы.

Ванесса же только поморщилась, но не выказала опасений. Она не боялась встречи с чем-то сверхъестественным в отличие от ее покойного брата-главаря, который при жизни не щадил и не опасался гнева людей и джиннов, но зато страшился призраков, духов и прочих сил, в сражении с которыми не помогли бы два верных револьвера. Ванесса же с детства привыкла бояться только людей, быть может, из-за того, что до недавних пор не встречалась с асурами и прочими не поддающимися объяснению созданиями.

– Гриф, долго еще? – спрашивала Ванесса.

– Не торопись, – хмуро отвечал ей Риппер. – Туда, куда мы идем, невозможно попасть вовремя.

– Но мы же торопимся за свитками, – напомнила Ванесса.

«Да, за моим в том числе», – подумал Риппер и ничего не ответил, только поправил шляпу.

Солнце в зените стекало жгучими ручьями, пыльным морем расстилалась выгоревшая степь, с каждым часом пути все больше превращавшаяся в пустыню. На многие мили вокруг не виднелось человеческого жилья, вскоре перестали встречаться даже птицы и ящерицы. Только лошади всхрапывали под седлами, взрезая жесткую степную почву подковами. И два всадника торопились в Бенаам. В проклятый мир-ловушку.

Они почти не разговаривали, пыль мешала. Да и знали все без слов – цель своего путешествия и направление. А исход не ведал даже Сумеречный Эльф.

Всадники молчали словами, а говорили действиями, лишь изредка уславливались, что кому делать во время ночных стоянок, когда среди гигантских кактусов витал заунывный вой койотов. Но вскоре исчезли и они. Мертвая зона напитывалась тишиной, сам воздух сквозил дымным безмолвием.

«Зачем я веду тебя в Бенаам? Словно бросаю снежок в костер, – думал порой Риппер, украдкой рассматривая на привалах Ванессу из-под своей широкополой шляпы. – Но выбора у меня нет. И ты сама желаешь идти. Но ты уже устала. Очень устала от такой жизни, даже если не признаешь этого».

Ванесса не могла знать всей правды о пункте назначения, только предполагала, листая в детстве книжки с картинками – про мир Бенаам в мире Большого Дерева складывали страшные легенды, искаженные и неправдивые.

Она смутно припоминала, что лет до трех жила в каком-то прекрасном доме с белыми стенами, где и листала книжки. Там не было пыли, и мама вычесывала любой песок из вьющихся крупными кольцами детских волос. Лица сохранись смутными образами, зато Ванесса помнила, как чья-то рука с гребнем проводила мягко по волосам. Вот и все. И она называла этот образ мамой, но только Гриф Риппер знал, что

значилось в самом начале свитка с красным ободком. Но он бы не сказал, да Ванесса и не желала спрашивать: даже если все туманные воспоминания были иллюзией, где-то в глубине души они согревали. Такая мягкая рука, такой жесткий гребень. И никакой пыли, и никакого топота лошадей.

А что было потом? Потом пришел горячий степной ветер, и с тех пор пыль сопровождала ее всю жизнь. Казалось, она испробовала все привкусы этой пыли. У обычной пыли их много, много знаков она несет, много домыслов. Порой она безвкусна, как высушенная душа, порой утомлена коротким дождем, но чаще избита солнцем. А порой пропитана кровью, что орошает ее тяжелыми вязкими каплями. Привкус такой пыли Ванесса узнала рано, наверное, слишком рано.

«Почему я не вмешался раньше? Если знал, что мы связаны. Почему не уберег тебя от этого кровавого ветра?» – с сожалением спрашивал себя Риппер. Но думы под полями шляпы роились недолго, являясь нечетким контуром вьющихся от зноя иссушенных деревьев в нестройном воздухе.

– Ну, что тут? – окликнула Ванесса, когда Гриф в очередной раз спешил, чтобы проверить отметины на песке, которые уже давно не напоминали следы известных науке зверей.

Вокруг царила лишь мертвая пустошь. Последние две ночевки не сопровождались ни воем койотов, ни криками орлов. А вкус пыли отдавал вулканическим пеплом.

Любая девушка давно оробела бы, да и не только девуш-

ка – любой отважный ковбой. Но не Ванесса. Она слишком желала отомстить за тот день, когда привкус крови в пыли ознаменовал гибель ее брата. И она знала, что Гриф Риппер помешает ей уничтожить Аманду Вессон. Она понимала, что, преодолев испытания в Бенааме, они станут врагами. Но как же не хотелось терять друг друга!

– Да ничего, – безнадежно вздохнул Гриф.

– Десять револьверов мне в глотку, как же это достало. Твое «ничего», – фыркнула Ванесса.

– Попрошу не выражаться, – отозвался Риппер, пытаясь воспитывать ее.

Ее, его свиток с красным ободком, такой короткий, изящный и нелепый. А она как будто дразнила, делая вид, что ей совершенно не страшно, делая вид, что визит в Бенаам дело-то совсем обычное.

Наставал последний день путешествия. Гриф Риппер уже чувствовал колыхание белых линий: они скрипели, как натянутые канаты. И в колебании сияющих нитей сначала появились кровавые жилки, а потом и вовсе черные пятна. Приближался разрыв, портал.

– Револьверы пригодятся? – мрачно интересовалась Ванесса.

– Не тебе, – твердо, но без пренебрежения говорил Риппер, а в голове пролистывал страницы до конца, до конца ее свитка – нет, не так уж мало пустого места на прозрачном полотне.

Вот только безвременная гибель обрывала строчки. Он знал об этом с самого начала. Но теперь уже не представлял, как останется в одиночестве. Неужели в мире Банаам?

– Что значит – не мне? – возмущалась Ванесса, проверяя свое оружие.

– Поглядим, кто будет у врат, – скрипучим голосом странно отзывался Риппер.

Возможно, там их обоих ждала безвременная гибель. И осталась бы только память о последнем из первых, о пропавшем победителе Змея. А о Ванессе ничего бы не осталось, лишь короткая людская молва. Нет, они не имели права проиграть, даже если шансов на благополучный исход в логове врага почти не оставалось. Их обоих вело непреодолимое упрямство, восстававшее против жестокой воли пустыни.

Лошади всхрапывали, недовольно трясли гривами: чем дальше двигались всадники, тем больше пугались животные. И только два человека непоколебимо шли вперед, и только два человека с разными вкусами пыли на зубах – месть и жертва. Жертва и месть.

«Не успокоиться в мире среди хаоса. Куда тебя несет, старик? Ты ведь изранен, а они сильны. Зачем ты взял с собой этот свиток? Постой, постой, не говори. Я снова молодой, я сильней. Зачем я свиток взял? Не знаю, но здесь все о ней, пока она со мной», – слышал голос в своей голове Риппер. И был ли он лишь тенью мастера Вейячи или самим Вейячей? Не ведал. Кто из них читал немые свитки, а кто шел вдаль

и чувствовал, и жил?

Хранитель зимы помнил, как нежно прикасался пальцами к прозрачным листьям, проводя по строкам. А Риппер все вспоминал ту ночь, когда посмел безумно оголить ее... Ванессу, свиток. И руки стыдились прикосновений к коже, точно к страницам хрупким, где в каждой букве виделась она – где завиток волос, где выступ белого плеча. Как мало листов в свитке, как мало срока в жизни! Неужели и впрямь их поджидала гибель возле врат? Риппер проклинал себя за то, что посмел увлечь с собой Ванессу, но иначе «проекция» рассеялась бы, он бы вернулся в свое заточение на вершине кроны. Обреченный на сумасшествие, раздавленный и пустой. Да и Ванесса выбрала сама: она желала отомстить. И понимала цену.

– Это врата? – встревоженно приподнялась она в стремених.

– Да. Они самые.

Они достигли врат: следы оборвались, а вместо песка вокруг чернели голые обугленные камни. Лошади вскричали, встали на дыбы, всадники едва удержались. Риппер неслышно просвистел древнюю песню, взлетевшую зовом флейты. И в душном вулканическом воздухе на несколько мгновений застыла свежесть мирных вечерних сумерек.

Лошади успокоились, и удалось продолжить путь. Только песня хранителя зимы опала за ними, и вновь все смыкалось лавовой породой и терпкой духотой.

– Отпустим их. Я сделаю так, что они вернуться в город, – кивнул на несчастных животных Риппер.

Ванесса кивнула, и они спешили. Она хотела бы подольше попрощаться со своей лошадыю, но времени не оставалось. Вскоре верные скакуны, повинувшись неслышной песне мастера Вейячи, унеслись прочь, к людям, к жизни. Два упрямых странника продолжили путь пешими.

Вскоре вместо свежести горных трав, принесенных звуками песни хранителя зимы, в воздухе взвился приторный запах. Слишком приторный, чтобы быть настоящим. Прохлада сменялась нафталиновой чопорностью, пыль исчезала, и странники осознали, что едкие частицы – это пепел. Но кто же нес этот приторный запах отравленной сладости?

Пепел носился пред входом в Бенаам. Ванесса вжала голову в плечи, поправила широкополую бежевую шляпу, натягивая ее на глаза, которые слезились от жара, исходившего от портала в Бенаам. Лаз выглядел темной пещерой, ввинтившейся своей пустотой в высокую гору. Над темной громадой и небо вилось черным линиями, и солнце не светило. Только красный рубец полосы заката давал слабое мерцание. И в этой зарнице предстала фигура, остановившаяся у входа в Бездну.

– Кто это? – шепнула Ванесса.

– Страж портала. Высший Ворон, – отозвался Риппер, и слова похолодели во рту. Появления этого существа он опасался больше всего, но полагал, что асуры отправят именно

его. Вероятно, он же искусно украл нужные свитки во время последнего нападения.

Выглядело существо как человек: он не носил ни кривых рогов, ни уродливых лап. Только черный кожаный плащ, подобно крыльям, развевался нечеткими очертаниями, словно страж портала был облачен в самую темноту, плотный дым. А на ногах красовались высокие, точно котурны, сапоги с позолотой. Золотом же отливали и узоры на высоком вороте плаща. Но все золото выглядело испорченным, почерненным, фальшивым.

Риппер вытянул руку, молча повелевая Ванессе не ступать дальше. Спутница остановилась, только пальцы ее невольно тянулись к револьверам.

А страж врат сам подошел ближе, ступая медленно и плавно, точно котурны вовсе ему не мешали. Высший Ворон усмехался, бархатным голосом приветствуя:

– Доброго здравия, господин!

В этом голосе звучала невыразимая перевернутость слов, точно не здравия он вовсе желал, а болезни. И видны стали его клыки, которые не уродовали приторно-красивое лицо с прямым аккуратным носом и тонкими губами. Но вся красота исчезала, стоило только заглянуть в его красные глаза с вертикальными змеиными зрачками, пустые, точно черная дыра. В них сам хаос клокотал алыми бликами.

– Пристрелить его? – шепнула Ванесса. – На вид обычный пижон... Вроде бы.

– Вы ведете себя невежливо, не отвечая, – заметил Высший Ворон. И черный плащ всколыхнулся, разнося пепел.

– Не с тобой проявлять вежливость! – твердо ответил Риппер, держа правую руку возле кобуры, а левой преграждая путь к Ванессе.

– Жаль, очень жаль. А я думал, вы учтиво попросите вернуть свитки, – все усмехался страж портала, неспешно прогуливаясь вокруг пришельцев, точно кот перед собакой на цепи.

От каждого шага его котурн поднимался пепел, словно замирая в воздухе, рассыпаясь в незримый прах. Все замирало, точно отменялось само течение времени. Только черные короткие волосы колыхались в такт каждому движению.

Высший Ворон перебирал пальцами с черными когтями, убирал ими со лба темную прядь, точно делящую пополам бледное лицо. Горделиво вскидывал голову.

– Ты ведь знаешь, что тебе не победить меня. За все эти годы сражений ты должен был это понять, – заявил Риппер, исподлобья наблюдая за врагом.

И в тот момент в нем слились воедино отважный ковбой и древний дракон. Пусть шрамы сотен битв перепахали его тело, он никогда не сдавался. Былая сила не исчезала, хотя мастер Вейяча не задумывался о силе: он знал свой долг хранителя. Долг перед всем миром.

– Не победить? – вскинул острые черные брови Высший Ворон, и тон его перестал быть приторным от фальшивой

вежливости, в голосе зазвучала звенящая клинками сталь. – Здесь моя территория, а ты не можешь в полной мере использовать свою силу.

– Это мы скоро выясним, – вскинул револьвер Риппер, громогласно требуя ответа: – Отвечай: зачем вам свитки?

И снова тон стража стал вежливым, приторным, точно он заливал уши патокой. Кривя губы в усмешке, не скрывавшей острые клыки, он как будто заискивающе и непонимающе интересовался:

– Чьи именно, господин? Занятные свитки. Не правда ли? Свиток Сварта особенно, никто даже не подозревает, насколько.

– Снова какой-то мерзкий в своей бессмысленности план, – скрипучим голосом отозвался Риппер, готовясь начать стрелять в любой миг. Ведь подлость Высшего Ворона не знала границ.

Тот снова вскинул брови:

– Бессмысленности? Господин, вы столь мудры, но, кажется, ничего не понимаете в мировом порядке.

– Понимаю. И побольше тебя! – не позволил себе повышать голос Риппер.

– Разве? – поднес пальцы ко лбу страж, перекрывая лицо пятью тенями, из-под которых заметнее горели его глаза, и продолжил, чеканя слова: – Добро невозможно без зла! Если не будет зла – то есть нас – как люди отличат, где добро, а где его нет? Они будут счастливы в своем неведении, а значит,

утратят и то, что делает их людьми: возможность выбирать. Так что кто-то неизбежно должен нести бремя врага, играть роль зла и наслаждаться этой ролью, поскольку фальшивая игра не является настоящим злом.

– Как вы искажаете все факты! – с горечью непоколебимо ответил Риппер, точно взывая. – Добро без зла подобно сочному спелому плоду смоковницы без гнили и червей. Никому не обязательно знать, что бывает гниль, чтобы, вкушая живительный сок, суметь оценить его. Такой же нектар вкушала бы каждая душа, не будь на свете зла.

– Это лишь ваш взгляд на мир, – продолжал Высший Ворон слишком серьезно для насмешки, слишком устало. – И если мой взгляд на вещи отличается, чем он так плох? Зло необходимо людям.

– Почему только лживые идеи так легко прилипают к незрелым умам?! – покачал тяжело головой Риппер, пристально буравя взглядом вечного врага. – На этот раз вы хотите нарушить сам мировой порядок? Ведь в этом заключался план?

Внезапно раздался высокий, почти визгливый голос:

– Что ты копаешься? Прикончи его.

Из-за спины асура, словно отделяясь от крыла ночи, вышел другой асур, в богатом черном бархатном камзоле. На вид – мальчишка лет шестнадцати, резко вытянувшийся, худощавый и неизмеримо надменный. Злобно горели, как тревожные закатные лучи морозного солнца, его некогда чистые

синие глаза. Риппер помнил эти глаза и ужасался такой перемене. Ныне их пропитало зло, зло горело в узких щелях змеиных зрачков, зло – самонадеянность, гордыня, желание повелевать.

Свиток мальчишки был украден в прошлое нападение асуров. И с тех пор его заполучила тьма. Стражи Дерева ничего не смогли сделать: наследный принц королевства Круна пал жертвой злобного плана. Из-за него возник разрыв в линиях мира, он открыл портал в Бездну своим непротивлением поглощавшей его тьме.

Принц с детства ненавидел людей и джиннов, которые годами жадно отгрызали части его страны. И Бенаам заполучил его. После его исчезновения несчастная страна окончательно потонула в междоусобицах и бунтах, оказавшись почти беззащитной против Гриустена. Асуры заполучили желанную добычу – боль и отчаяние миллионов несчастных людей. И бесконечно длилась мучительная война.

– Слушаюсь, – ответил без прежнего удовольствия страж врат, слегка кланяясь.

Риппер помнил, как Высший Ворон звал сквозь испорченный свиток мальчишку, говорил с ним, считая, что поглотит выбранную асурами жертву, напитается его силой и сделается равным мастеру Вейяче.

Враг думал, что победит, но проиграли оба: и он, и хранитель свитков – мальчишка сам превратился в асура, удивив даже короля Бенаама. Видимо, столь велика была его нена-

висть, его... боль.

Боль его агонизирующей Круны, в дела которой не вмешивались стражи Большого Дерева, служители вечного добра. И мастер Вейяча долгие годы пытался разгадать, где и когда допустил ошибку. Когда ему следовало покинуть круну в образе Грифа Риппера, наплевав на запреты? Об этом еще предстояло подумать. Но не теперь.

– Давай уже! Хватит слов о добре и зле. Добра нет! – крикнул «принц».

Но едва мальчишка-асур высказал свое недовольство, Риппер выстрелил, откинув Ванессу от атаки мальчишки, приказывая ей:

– Стреляй! Ты справишься!

Спутница немедленно открыла огонь. Одновременно ухнули два выстрела. Двое врагов использовали только когти, больше им ничего не требовалось – когти и невероятная скорость. Их тела более не напоминали человеческие, они метались черными тенями, уклоняясь от пуль. Новоявленный мальчишка-асур поймал одну и со злорадным наслаждением рассек в полете пополам.

«Не может быть!» – подумал Риппер, откатываясь в сторону от молниеносной атаки десяти черных когтей. Обычно его пули одним касанием заставляли буквально взрываться асуров. Но, похоже, мальчишка оказался особенным, сохранил что-то от человека и получил неуязвимость темной твари. Делалось страшно от мысли, на что оказался бы способен

Сварт, получи он такую же мощь.

– Что же ты, мастер, не уберег меня? Не сохранил? Как видишь, я стал лучше! Я стал совершенен в своем зле, потому что добро не уберегло меня! – зашипел юный асур, подскочив к Рипперу.

С другой стороны его атаковал Высший Ворон, обрушив удар когтей. Пришлось отскочить, точно горному коту, подпрыгнуть вверх и выстрелить. Пламя вырвалось из стволов револьверов, но напрасно – там, где миг назад стояли асуры, только замирал встревоженный пепел.

– А где же ваш знаменитый меч, мастер? Не для этого места? Я же предупреждал – это наша территория, – насмехался страж врат, когда Риппер стрелял с двух рук. Враг двигался быстрее пуль. Именно он украл книги, именно он организовал чудовищное нападение на библиотеку. И если в тот раз удалось его прогнать, потому что сила асура уменьшалась на чужой территории, то здесь, прямо возле входа в Бенаам, сам мастер Вейяча не мог явиться в своем истинном облики.

– Гриф! Берегись! – крикнула Ванесса, и вместе с ее словами грянул новый выстрел, который едва не задел стража врат, отчего Высший Ворон удивленно зарычал.

Ванесса не позволяла себе уступать Рипперу, этому бесприютному ковбою, пришедшему в степной город. Возможно, в ней постепенно пробуждалась сила и ловкость боевых фей Дерева.

Она считала: раз уж им удалось победить нелюдей-банди-

тов, то чем же отличались и другие враги? Ее вела месть – так она думала, думала, что только месть за брата. Но, может, уже и что-то большее: она искреннее хотела помочь Рипперу.

– А как же торг, господин? Не желаете ли поторговаться за свитки? – насмеялся Высший Ворон, пока над его головой свистели пули.

Но Риппер мгновенно оказался подле противника, резко сбивая того с ног профессиональной подсечкой. Враг только накренился на миг и тут же рванулся куда-то вверх, точно умея летать. Риппер же не мог, не расправлялись крылья здесь, на чужой территории тлетворного воздуха.

– Револьвер вернее торга. Торгуясь со злом, сам станешь злом, – яростно отвечал он, продолжая стрелять, но пули только рассекали воздух, уносясь куда-то в небо вслед за звуком выстрела. Враг же снова оказался на земле, перекувырнулся, пригнулся и, точно черный лев, прыгнул с места, преодолевая пять метров, разделявшие его с Грифом.

Риппер блокировал удар скрещенными стволами револьверов, но противник, очевидно, потерял последние черты человека: он рванулся вперед и впился клыками в плечо, где еще не совсем зажила рана от пули, полученная в степном городе.

На лице Риппера не дрогнул ни один мускул. Он воспользовался случаем, извернулся лесной куницей и ударил ногой так, что асур отлетел метров на десять, оставляя колею в пепле. Высший Ворон тяжело встал и рычал уже как загнанный

зверь. С клыков его капала кровь – теперь не только кровь противника, но и своя. Впрочем, все его повреждения быстро заживали.

Но Риппер на собирался останавливаться, он прошел больше битв, чем враг. Высший Ворон по сравнению с мастером Вейячей, сражавшимся с самим древним Змеем Хаоса, казался просто юнцом. Просто в этот день ему предательски помогал тлетворный воздух, сочащийся из портала. И он же выкачивал силы из Риппера, из-за него проекция все больше теряла связь с мастером Вейячей.

Но это не убавляло меткости. Революеры с черепами прорезали грохотом серии выстрелов тишину. И революеры Ванессы вторили ему.

Ей приходилось несладко: когти мальчишки уже прошли вдоль ее плеча, разорвав ткань блузы и вспоров кожу кровавыми бороздами. Повезло, что скорости высших асу-ров бывшему принцу пока не хватало.

Ванесса не терялась, ей не нравилось назойливое худошавое существо в бархатном камзоле. Выглядел он как те самые аристократишки, которых они временами грабили с бандой брата.

А потом аристократишки однажды взяли да и наняли Аманду Вессон, лучшего охотника за головами на всем восточном побережье. Ее не интересовало, кого истреблять: пиратов ли в море, бандитов ли на суше – она обрушивалась на любого, кто нарушал закон. Ненависть к Аманде те-

перь и привела на край света, к portalу в чужой погибший мир. Возможно, слишком поспешно и неразумно. Но Ванесса только злилась, у нее кончались патроны.

В ход пошли ее знаменитые метательные звездочки. Арсенал под одеждой оказался верным средством для внезапного нападения. Ей почти удалось перехитрить юного асура, но мальчишка уклонился от стремительного полета крошечных лезвий. Тогда Ванесса снова выстрелила, успев перезарядить оружие.

Риппер же все не мог выяснить, кто более сильный в вечном противостоянии: мелькали когти, громыхали револьверы с черепами. Только бежевое пончо и черный плащ вились по ветру, только клубы пепла вздымались от каждого порывного рывка.

Не оставалось времени следить за Ванессой, этого он и опасался, ожидая с самого начала только одного противника, Высшего Ворона.

«Ох, а не этот ли мальчишка придумал весь тот хитрый план с похищением свитков?» – мелькнула мысль у Риппера. Когда принц еще оставался человеком, он отличался невероятным умом. И в кого превратился теперь? На веки вечные во тьме. Принц зла.

– Попалась! – взвизгнул юный асур и резко подался вперед, рассчитывая достать Ванессу когтями, разорвать ее шею.

А она как будто замешкалась, испугалась, но Риппер ве-

рил в нее.

И Ванесса не подвела: за миг до столкновения с врагом на ее лице отразилась кривая ухмылка, бирюзовые глаза блеснули яростью. Она резко выставила руку перед собой, и из рукава выскочил автоматический пистолет на пружине. Крошечный, почти игрушечный, но с близкого расстояния его мощи хватало для меткого выстрела

Принцу-асуру прямого попадания в шею оказалось мало, но Ванесса и это предчувствовала – выхватила из сапога нож, не простой, а с крючковатым лезвием, и всадила прямо в сердце опешившего асура.

– Господин! – донесся тревожный голос Высшего Ворона.

Риппер не понимал, с чего бы твари так волноваться о своем новом подопечном. Похоже, король Бенаама повелел защищать его ценой своей не-жизни. Принц Круны продолжал играть некую важную роль в отлаженной вероломной схеме.

– Готовенький! – хмыкнула Ванесса, когда мальчишка повалился навзничь.

Бархатный камзол залила кровь, но два сокрушительных удара человеческого оружия не убили его.

– А это больно! – только задумчиво сказал он, медленно садясь.

Страж врат одним прыжком подлетел к принцу.

– Господин, я предупреждал вас, что вы не умеете еще обращаться с силой, – облегченно вздохнул Высший Ворон.

Риппер же не позволил противникам опомниться и вы-

стрелил. Страж подскочил на месте и вздрогнул всем телом. Но пуля тоже не смогла убить его. По крайней мере, одна, последняя.

«Похоже, тебя может убить только меч мастера Вейячи, а не револьверы Грифа», – недовольно подумал Риппер. О да, того страшного меча боялись асуры. Те, кто испробовал на себе его разрушительную силу, уже не могли поделиться впечатлениями.

Риппер и не ставил цели убить, хотя давно жаждал этого: в этот день здесь были дела намного важнее и опаснее. Свитки. Свитки судеб. Все за людей, все ради людей. Но за каких людей? Одного они уже потеряли безвозвратно – принца Круны. Потеряли целую страну на карте их мира.

– Господин, – выдохнул Высший Ворон, хватаясь за рану посреди груди и заслоня мальчишку.

Определенно, все, чьи свитки были похищены, оказались включены в одну ужасающую игру короля асуров. Что ж, мастер Вейяча шел разобраться с ним лично, вырвать из когтей законное достояние библиотеки.

Риппер не убил стража врат, но выиграл достаточно времени для стремительного броска.

– Ванесса! Бегом! – скомандовал он, схватил спутницу за руку. И вместе они нырнули в темный лаз. Прямо в Бенаам.

Глава 32.

НА ПОИСКИ ПРОСЛАВЛЕННОГО ВОИНА

– Шпион? – недоуменно повел бровью Сварт, спускаясь вниз.

Он намеревался беспощадно выкинуть за борт или придушить любого нарушителя.

В трюме в снастях и впрямь кто-то шевелился, неумело прячась и чрезмерно много шумя. Сварт тут же оказался возле предполагаемого врага, дернул того за шкуру и шибанул спиной о стену. И тут же в тусклом свете масляной лампы взглядам всех предстал дрожащий... Садиоко Ко, треклятый утопленник-тапер. Сад Ко!

– Что ты делаешь на моем корабле? – прикидывая, когда этот ловкий парень сумел пробраться на бригантину, угрожающе прорычал Сварт.

Сад побледнел, еще больше дрожа, срывавшимся голосом он отчаянно воскликнул:

– Только не бейте! Не бейте! Я э... Я... Не выдавайте меня!

– С чего бы? – Сварт угрожающе сжал длинные пальцы на шее нарушителя.

– Убейте, но только не выдавайте! – задыхаясь от ужаса и бульдожьей хватки капитана, чуть не плакал музыкант: – Я не хочу на каторгу! Со мной там... Со мной... Ой... Я не знаю, что там со мной сделают, но я туда не хочу!

Сварт отпустил его. Вообще-то он ждал этой встречи еще с тех пор, как Сад прыгнул в канал из окна, а возле причала маячила тень под водой. Где же тапер скрывался все это время? Неизвестно. Но проверку на приспособленность к жизни уже прошел.

– Да кто ж хочет! – рассмеялась Мани, пожимая плечами.

– Вы же пират. Вы пират, – взмолился Сад, падая на колени перед Свартом: – Вы идете к Ифритовой Смерти?

– Нет, – отрывисто и сдержанно отозвался капитан, отрицая и то, что он пират, и то, что идет к мифическому островку.

– Все равно. Вы пират, – качал головой Сад, умоляюще протягивая руки: – Возьмите меня в команду! Я лучше в море сгину, чем на каторге. Вы же пират?

– Как ты догадался? – слегка закатил глаза Сварт, понимая, что Сад не отвяжется даже, если его убить. Да и убивать

не стоило.

– Э... Интуиция, – запнулся тапер, продолжая воодушевленно повторять: – Но все равно... возьмите меня в команду! Не выдавайте им!

– И что ты умеешь? На корабле роялей нет, и нам не нужен музыкант, – издевательски усмехнулся Сварт.

– Я... Я на гусях умею играть! – вытащил из-за спины непотопляемые гусли Сад Ко, улыбаясь и любовно протягивая на суд капитана свой инструмент: – Вот! Я успел стащить их из своего дома до прихода патруля, сделаны из деки рояля, трапециевидные.

– И? – поглядел на диковинный инструмент капитан, но разозлился: – Да окажись они хоть из кости змея морского, чем они могут быть полезны?

Команда и так едва управлялась с кораблем. Из всех собравшихся названия снастей и парусов четко знали только Сварт и Мани, остальные два бездельника просто путались под ногами. Третьего такого же болвана кормить задарма не хотелось. Но его появления стоило ждать.

Сад с минуту думал, чем он может быть полезен. В конце концов, он проявлял чудеса скрытности, когда следил за Свартом. Это капитан уже отметил, раздумывая, как использовать эту способность нелепого тапера. Сад, все еще держа покорно вытянутых руках гусли, поднял глаза, проникнутые робкой надеждой, и ответил с придыханием:

– Говорят, искусная игра может зачаровать даже морских

чудовищ! И кровожадных сирен!

– Мало я тебе верю... И еще меньше, что твоя игра может быть достаточно искусной, – безнадежно вздохнул Сварт, твердо продолжая: – Слушай, ничтожество! Договор такой: если попадется морское чудовище или мифическая сирена, а твоя деревяшка не поможет, мы выбрасываем тебя за борт вместе с гуслями. Я лично этим займусь. Так. Ближе к делу. Ты попал в объективы фотоаппаратов?

– Кажется, нет. Не такая я важная птица, – пожал плечами Сад. – Никто меня не фотографировал.

– Тебя пока считают утопленником, но ты в розыске, – сообщил Сварт, на что музыкант понимающе кивнул.

Капитан кисло скривился, глядя на Мани, Сумеречного Эльфа и нового кандидата: «М-да... Команда еще та. Кто тут у нас? Девчонка-мартышка, трусливый фокусник-шулер и неудачливый музыкант. А! И псих-клоун. Да это же не пираты – это зверинец какой-то. Как будто я снова с бродячими артистами. Только плавучим цирком работать, представления давать. Но это уже без меня! Может, если наберется нормальная команда, и я решу (с чего бы?) не уничтожить эту, подать им такую идею. Плавучий цирк идиотов. Как я до такого дошел? Нет, надо вернуть время, я обязан все исправить».

Но размышления прервал спустившийся в трюм Скерсмол, который остерегался лезть, но, когда не услышал шума борьбы, осмелился любопытствовать, что вообще творит-

ся.

– Я слышал знакомый голос, – удивился горе-навигатор, спускаясь по узкому крутому трапу и едва не наступая на размотавшийся шарф.

Насчет голоса он не ошибся: только увидел неожиданного лазутчика, как остолбенел. А Сад Ко побагровел от ярости:

– Скерсмол! Ты! Ты!

– Кх-а-а-а! Ты! Сад! К-х-а-а-а!

Музыкант забыл о своем смирении и страхе. Он вскочил с колен, поспешно вешая через плечо любимые гусли, и, сжимая кулаки, заревел:

– Падла! Где твой карточный долг? Я из-за тебя согласился на скользкое дело! Я теперь вообще в розыске! Где мои деньги? Где?! Урою!

И они чуть не устроили настоящую драку: Сад оказался напорист, Скерсмол задрожал и попятился, хотя был выше музыканта. Разбушевавшийся тапер схватил его за шарф и принялся душить на глазах у оторопевших от изумления Сварта и Мани. Один Сумеречный Эльф заливался смехом, скандируя:

– Драка-драка!

Сад Ко несколько раз хватил должника по голове, отгаскал за сальные черные патлы и стукнул об обшивку трюма так, что опасно задрожали развешанные на крючьях масляные лампы.

– Стоять! – тут же остановил их хладнокровный голос

Сварта.

Оба спорщика вздрогнули и сникли, как по мановению волшебства.

– Я это... Я все отдам. Все... Вот, – нервно улыбаясь, немного погодя пискнул навигатор. И немедленно полез в карманы новых салатных штанов, доставая то, что осталось от награды после игры в кости с дворецким мэра. А награда и так выпала не очень крупная – большая часть вполне законно ушла капитану.

– Доволен? Теперь я банкрот! – фыркнул Скерсмол.

– Чем мне быть довольным? Ты-то всегда был «банкротом» от своей дурости. Зато я честно играл в лучших домах города. И не в карты, а на рояле. А теперь я преступник! – посетовал Сад Ко, не без удовольствия пряча деньги за отворотом безразмерного желтого пиджака.

Похоже, после своего вынужденного «купания» в канале он успел заскочить домой и собрать кое-какие вещи перед побегом. Сварт счел, что с таким умением прятаться, да еще в броской одежде, дурковатый тип мог бы сойти за шпиона в случае необходимости.

– Продолжите болтать, выкину за борт обоих, – огрызнулся капитан, и спорщики тут же замолчали, вытянувшись по струнке.

– Как контроль морских стражей на выходе из бухты проходить будем? – вскоре после завершения конфликта поинтересовался Сумеречный Эльф.

И впрямь: пышное прощание с путешественниками не освобождало от необходимого дополнительного контроля на выходе из залива, который отделял город от моря.

Стражи заставляли все суда бросать якорь, подплывали на лодках и досматривали тех, кто казался им подозрительным. Обмануть городские власти контрабандисты еще могли, дать кому-то взятку или по взаимной выгоде, но служители джиннов чаще всего оказывались беспристрастны и беспощадны.

Укрепления уже маячили на горизонте серой полосой. Скоро обещали появиться лодки тех, кто досматривал корабли, а при оказании сопротивления форт обрушился бы залпом мортир. К тому же, в случае опасности узкий залив перегораживался цепями, не позволяя врагам подойти к бухтам. Сварт вычитал в городском архиве, что остров, на который они попали, многие века считался неприступной крепостью, потому что только одна его северо-западная часть годилась для швартовки крупных парусных кораблей – тот самый залив, по которому они шли.

«Только бы Даркси не успел передать своим, что вычислил меня, – молча заклинал Сварт. – Нет, нет, я не могу попасться, я все еще считаюсь мертвым».

Корабль плавно несся по волнам, безоружный и слабый в сравнении с мощью форта.

– Есть соображения? – неуверенно протянула Мани, рассеивая неловкую паузу. Внезапно Скерсмол ехидно улыбнулся:

– Кажется, у меня есть идея! Так, Ко, я тебе уже ничего не должен...

– Э... Что ты... – попытался возмутиться тапер-гуслиар, но Скерсмол уже сбил его с ног и с наслаждением принялся запихивать в бочку с соленой рыбой, обильно посыпая скользкими тушками. Вскоре музыкант и сам перестал сопротивляться, догадавшись о плане.

– Неплохо, – отметил Сварт. За своими опасениями относительно капитана Даркси он не увидел очевидный выход из щекотливой ситуации: в бочках с рыбой исстари прятали неугодных закону пассажиров.

– Эй, а я тут не задохнусь? – донесся глухой голос Сада Ко.

– С петлей на шее задохнешься быстрее. Сиди и помалкивай, – крикнул ему Сварт.

– Мы тебя вытащим, когда все закончится, – постучала по крышке Мани, и они вышли на палубу. Свежий ветер натягивал паруса, бригантина шла ровным курсом. Сумеречный Эльф утверждал, что его магия заставляет корабль не отклоняться, но все же Сварт, никому не доверяя, взял управление на себя.

– Это у вас новые гидравлические усилители? Удобно придумали в вашем мире, – заметил Сумеречный Эльф. – Раньше штурвал могли сдвинуть только два матроса.

– Отвали, любопытный урод, – фыркнул на него Сварт.

Хотя собеседник был прав: еще двадцать лет назад они бы ни за что не управились вчетвером с такой бригантиной. Те-

перь же ровно шли проложенным курсом. Прогресс джинов не стоял на месте, грозя через каких-нибудь двадцать лет окончательно вытеснить парусники огромными паровыми кораблями.

И мортиры с пулеметами на стенах форта доказывали, что вместе с прогрессом все совершеннее становятся орудия убийства.

Крепость морских стражей неумолимо приближалась, вскоре пришлось бросить якорь. «Только бы не Даркси... Только бы не...», – безотчетно боялся Сварт. Если бы поражение настигло его за шаг до полной свободы, он бы точно не выдержал.

– Вы тот герой Свифтфиша? – только радушно спросили первым делом два стража в зеленой форме, поднимаясь на борт по сброшенной веревочной лестнице. Похоже, слава великого детектива долетела до форта быстрее, чем дурные предположения капитана Даркси.

– Да, – сдержанно ответил Сварт, а эхом подхватила вся его команда.

«Вот сейчас Сумеречный Эльф выйдет вперед и сдаст меня. Это и будет его хитрый план», – снова подумал капитан, но ничего не случилось. Стражи проверили фальшивые документы, выданные мэром, поставили несколько печатей и лениво обошли новый корабль. Возможно, мэр подкупил их с установкой: отправить гостя подальше от островов честных торговцев.

Так или иначе, никто даже не спросил, что везут на «Черной звезде глубин», хотя трюм проверили. Но в бочках с рыбой копать не стали, хотя сообщили, что ищут опасного преступника Сада Ко. Вот так легко стать опасным преступником-то! Попасть в один ряд с прославленным пиратом Две Красные Руки. Сварт даже возмутился, но ничем не посмел себя выдать.

– Счастливого пути, – отсалитовали стражи, спускаясь в лодку и стремительно отчаливая: джинны устанавливали на крошечные катерки паровые двигатели нового образца.

Закрутились якорные цепи, и вскоре корабль тронулся, вновь соленый ветер натянул прямые паруса на фок-мачте.

– Это я стараюсь, – самодовольно заметил Сумеречный Эльф. – Чтобы нам побыстрее отправиться к Ифритовой Смерти.

– Мы еще не прокладывали курс! – осадил его Сварт, хотя следовало бы поблагодарить загадочного спутника за попутный ветер.

– Все закончилось, – выдохнула Мани. – Можно выпустить Сада Ко?

– Пусть еще просолится, пожарим и съедим, когда рыба закончится, – ехидно заметил Скерсмол, но замолчал под строгим взглядом капитана.

– Выпускай.

Вскоре Сад вылез из бочек. Он крепко пропах рыбой, а до того набрался «чудесным ароматом» тины и воды из канала.

– Хорош, только в дом мэра выпускать, – хохотнул Скерсмол.

– От такого же и слышу, – буркнул Сад.

Но они хотя бы больше не дрались. А через каких-то полчаса уже казалось, что недавние непримиримые враги вообще давние приятели.

– Может, перекинемся в картишки? Ну, знаешь, как раньше, – ближе к вечеру заискивающе предложил Скерсмол. – Может, я отыграюсь.

– Повешу на нее, если увижу с картами, – сдержанно пригрозил Сварт.

Он все слышал, медленно вращая штурвал. Два шулера отправились смолить палубу в трюме в наказание за то, чего еще не совершали.

Неторопливо опускался вечер, гасли отблески вечерней зари, наливались яркостью жемчужин-звезд, и все дальше уплывала темная полоска земли. «Черная звезда глубин» вышла из залива, благополучно миновав форт.

Вот и все, все закончилось – город скрылся вдали, становясь только еще одной частью прошлого, которое Сварт желал испепелить. Уничтожить прошлое в туманном будущем с получением Алмаза Времени. А в настоящем осталось только море. Совершенно бескрайнее. Свифтфиш, напоенной смрадом заводов и зловоньем интриг, затерялся вдали, укутанный синей дымкой. Вскоре скрылся и остров, потонул в ночной мгле, будто никогда не существовал.

Море и соленый ветер снова шептали свою неповторимую мелодию. Казалось, стоит выбраться из города – настанет свобода. Но нет, незримые цепи не исчезали. Какая же свобода? Сварт оставался прежним, повсюду все тот же. Не менялся, не стирался, не прорастал корнями в небо иль сквозь ось земли. Был все таким же, все так же нервно протирает очки. И все так же опасался узреть тень с красными глазами, услышать голос которой перекрыл бы шепот живительного соленого ветра. Все так же терзала то дремлющая, то пробуждающаяся жажда убийства.

Вокруг царила свобода – свобода от всего, свобода ни для чего, для единой эгоистической цели. Но не свобода от себя.

И новая свобода представляла пустотой. Сварт замер, сдавив темное дерево штурвала: на несколько минут почудилось, что и впрямь узрел эту пустоту. Эта тьма... Эта пустота – она снова мелькнула красными глазами, снова пронзила голову вопросом: «Хочешь присоединиться к нам? Так иди к своей цели. Принеси нам Алмаз Времени. И станешь высшим асуром. В награду ты получишь весь этот мир. Целый мир! Разве не этого ты желаешь?»

Во рту ощутился привкус металла: то ли кровь стекала из носа, то ли он прокусил губы от напряжения в попытках избавиться от наваждения. Так или иначе, тень сгнула, заронив алчную тоску. Получить весь мир – звучало заманчиво, но слишком невыполнимо, нереально. Отрицание невозможного еще позволяло не сдаться под напором этой тени.

Сварт мотнул головой, сосредоточившись, и вспомнил, что у него теперь новый враг, капитан Даркси. И вновь ожил для суеты: им следовало в кратчайшие сроки добыть оружие и оснастить им бригадину. Лучшие пушки изготавливали... в Гриустене. И Сварт уже раздумывал, как попасть под чужим именем в пределы враждебной акватории и чем это опасно, когда незаметно подошел Сумеречный Эльф и осведомился:

– Ну что, приятель, пора бы нам найти какого-нибудь настоящего прославленного воина?

– Я тебе не приятель. Воина, говоришь? Кого, например? – сощурил глаза Сварт.

Он вспоминал список всех прославленных воинов: ифрит Дарара значился в нем одним из первых, но его уж точно никто не сумел бы нанять. Далее следовал список имен попроще. Но ни одного подходящего, чтобы «нанять» без денег. Сварт тщетно напрягал память в надежде отыскать хоть одного опытного воина, пирата, оставшегося без капитана.

Он хранил в голове множество списков, фактов, карт и дат – огромную базу данных. И ни единой моральной ценности. Только бешенство, когда что-то шло не по плану, выбивалось из намеченного распорядка действий. А морские стражи всегда нарушали его планы, за что нередко становились кораблями-призраками. Его стараниями. Но без пушек и сабель такие фокусы не прошли бы. Да и с командой слабосильных дурачков – тем более.

Сумеречный Эльф ответил, странно улыбаясь:

– Слышал ли ты об Аманде Вессон?

– С ума сошел? – чуть ни подскочил Сварт, но недовольно поправил очки, сдержанно продолжая: – Она мертва. И она не воин.

– О, ошибаешься. Она жива. У тебя устаревшие данные, вернее, неверные. Ты слишком хотел, чтобы она была мертва. Но она жива. И она охотник на пиратов. Как и Маиму-Длинноногий. Вернее, Маиму был, а она осталась.

Сумеречный Эльф знал, как надавить на больное место, как сдернуть струп с кровоточащей раны. Он упомянул сразу два ненавистных имени.

– У меня не устаревшие данные, – язвительно парировал Сварт. – Просто кто-то предлагает охотников на пиратов, а не пиратов. И это чистое безумие.

– Хо... Если бы все было так просто, – картинно развел руками Сумеречный Эльф, объясняя: – Аманда нынче и пират, и охотник. Кто заплатит. Крайне беспринципное создание в этом плане. Но лучшего стрелка тебе не найти на всем восточном побережье.

– Я не буду брать в команду ненадежного человека. Да и где ее искать? – недовольно отозвался Сварт.

Теперь ему становилось понятно, почему Аманда просила достать ей револьверы джиннов, а также возможные причины ее внезапных исчезновений и затяжных «прогулок», после одной из которых она вернулась с раной на ноге. Пытли-

вый рассудок пожелал узнать, какие еще секреты таила утонченная дочь лорда Вессона. Похоже, в своем стремлении заполучить власть Сварт проморгал нечто весьма занятное относительно проклятой семейки. И теперь какая-то часть личности хотела добраться до истины. Не ради выгоды, а из интереса, из ненасытной тяги к бесполезным знаниям.

– Позволь, я еще раз укажу курс. И я тебя уверяю – Аманда станет надежной частью твоей команды.

– Каким образом? Загипнотизируешь ее? – фыркнул Сварт.

– Мы найдем ее не за деньги. Здесь не все так просто, – сумел заинтересовать собеседника Сумеречный Эльф, загадочно полуулыбаясь и хитро мерцая прозрачными глазами.

– Либо ты говоришь всю информацию, либо мы никуда не отправляемся, – прошипел Сварт.

– Она в сумасшедшем доме в Железном Городе в Гриустене, – торопливо отрапортовал Эльф: – Мы могли бы спасти ее.

– Так она тронулась рассудком? И зачем она тогда... – прищипнул разочарованно Сварт: – Из психов и тебя хватает.

– От психа и слышу. Поверь, Железный Город нам все равно по пути: там делают лучшие пушки.

– Посмотрим... Если дело того не стоит, – задумался Сварт, понимая, что смертью Эльфу грозить бесполезно, однако нашел, чем его шантажировать: – Пожалуй, я уничтожу тогда всех этих недоумков. Ты о них, кажется, очень пе-

чешься.

– Дело того стоит. Аманда ждет нас, даже если не осознает этого.

– Мне наплевать, кого она ждет. Нам нужны пушки, – ответил Сварт и возвестил команде: – Курс к побережью Гриустена.

И «Черная звезда глубин» отправилась к далеким враждебным берегам, ее направлял соленый морской ветер. А на носу скалилась прекрасная белокурая сирена с острыми когтями.

Продолжение следует...

Над книгой работали

Обложка: Анна Седикова

Корректурa: Стрoй Ольга, Tho Ra

Карта: Мария Токарева

Для внутреннего оформления использованы иллюстрации со свободной лицензией с сайта Pixabay

<https://pixabay.com/ru/illustrations/>

[мoдeрн-кaдpы-цвeтoчнoй-peтpo-мoдeрн-4794372/](https://pixabay.com/ru/vectors/мoдeрн-кaдpы-цвeтoчнoй-peтpo-мoдeрн-4794372/)

<https://pixabay.com/ru/vectors/opyиe-peвoльвep-двa-пистoлeты-307948/>

<https://pixabay.com/ru/vectors/кpуг-икoнкa-дpaкoн-кoльцo-змeя-1295218/>

<https://pixabay.com/ru/vectors/кoрaбль-пapyca-вoйнa-пушкa-309618/>

<https://pixabay.com/ru/vectors/ключ-стapый-скелeт-блoкиpoвкa-30417/>

<https://pixabay.com/ru/vectors/гaлeoн-пapуснoe-суднo-146994/>

<https://pixabay.com/ru/vectors/лoдкa-пapyc-пapуснoй-cпopт-мope-1296730/>